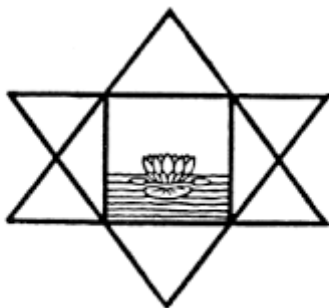

САВИТРИ

Легенда и Символ

Шри Ауробиндо

САВИТРИ

Легенда и Символ

Оглавление

Книга Третья	КНИГА БОЖЕСТВЕННОЙ МАТЕРИ	7
Песня I	ПРЕСЛЕДОВАНИЕ НЕПОЗНАВАЕМОГО	7
Песня II	ПОКЛОНЕНИЕ БОЖЕСТВЕННОЙ МАТЕРИ	17
Песня III	ДОМ ДУХА И НОВОЕ ТВОРЕНИЕ	31
Песня IV	ВИДЕНИЕ И ДАР	63
Книга Четвертая	КНИГА РОЖДЕНИЯ И ПОИСКА	91
Песня I	РОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО ПЛАМЕНИ	91
Песня II	РОСТ ПЛАМЕНИ	111
Песня III	ПРИЗЫВ К ПОИСКУ	131
Песня IV	ПОИСК	147
Книга Пятая	КНИГА ЛЮБВИ	165
Песня I	СУДЬБОЙ НАЗНАЧЕННОЕ МЕСТО ВСТРЕЧИ	165
Песня II	САТЪЯВАН	171
Песня III	САТЪЯВАН И САВИТРИ	187
Книга Шестая	КНИГА СУДЬБЫ	211
Песня I	СЛОВО СУДЬБЫ	211
Песня II	ПУТЬ СУДЬБЫ И ПРОБЛЕМА БОЛИ	251
Книга Седьмая	КНИГА ЙОГИ	301
Песня I	РАДОСТЬ ЕДИНЕНИЯ; ТЯЖЁЛОЕ ИСПЫТАНИЕ ПРЕДВИДЕНИЕМ СМЕРТИ, ГОРЕМ СЕРДЦА И БОЛЬЮ	301
Песня II	ПАРАБОЛА ПОИСКА ДУШИ	319
Песня III	ВХОЖДЕНИЕ ВО ВНУТРЕННИЕ СТРАНЫ	347
Песня IV	ТРИАДА СИЛ ДУШИ	375
Песня V	ОБНАРУЖЕНИЕ ДУШИ	411
Песня VI	НИРВАНА И ОТКРЫТИЕ ВСЕ-ОТРИЦАЮЩЕГО АБСОЛЮТА	431
Песня VII	ОТКРЫТИЕ КОСМИЧЕСКОГО ДУХА И КОСМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ	467

Book Three
THE BOOK
OF THE DIVINE MOTHER

Canto I
THE PURSUIT OF THE
UNKNOWABLE

All is too little that the world can
give:
Its power and knowledge are the
gifts of Time
And cannot fill the spirit's sacred
thirst.
Although of One these forms of
greatness are
And by its breath of grace our
lives abide,

Although more near to us than
nearness' self,
It is some utter truth of what we
are;

Hidden by its own works, it
seemed far-off,
Impenetrable, occult, voiceless,
obscure.
The Presence was lost by which
all things have charm,
The Glory lacked of which they
are dim signs.

The world lived on made empty of
its Cause,
Like love when the beloved's face
is gone.

Книга Третья
КНИГА
БОЖЕСТВЕННОЙ МАТЕРИ

Песня I
ПРЕСЛЕДОВАНИЕ
НЕПОЗНАВАЕМОГО

Что может дать нам мир —
всё будет слишком малым:
Его могущество и знание —
подарки Времени
И не способны утолить
святую жажду духа.
И хоть все формы —
только образы величия Единого,
И наши жизни существуют
лишь благодаря
его дыханью милости,
Хотя он ближе к нам,
чем чувство близости вообще,
Он — это некая предельная
законченная истина
о том — кто мы;
Сокрытый за твореньями,
казался он далёким,
Непроницаемым, оккультным,
безголосым и неясным.
Потеряно Присутствие,
что наделяет всё очарованием,
Не стало Славы,
без которой всё —
расплывчатые символы.
Мир продолжал жить дальше,
опустевший без своей Причины,
Как продолжает жить любовь,
когда уходит лик любимого.

The labour to know seemed a vain
strife of Mind;

All knowledge ended in the
Unknowable:

The effort to rule seemed a vain
pride of Will;

A trivial achievement scorned by
Time,

All power retired into the
Omnipotent.

A cave of darkness guards the
eternal Light.

A silence settled on his striving
heart;

Absolved from the voices of the
world's desire,

He turned to the Ineffable's
timeless call.

A Being intimate and unnameable,

A wide compelling ecstasy and
peace

Felt in himself and all and yet
ungrasped,

Approached and faded from his
soul's pursuit

As if for ever luring him beyond.

Near, it retreated; far, it called him
still.

Nothing could satisfy but its
delight:

Its absence left the greatest actions
dull,

Its presence made the smallest
seem divine.

When it was there, the heart's
abyss was filled;

Труд познавать — казался
бесполезною борьбой Ума;

Всё знание закончилось
в Непознаваемом:

Усилье править виделось
пустой гордыней Воли;

Простое достижение
высмеивалось Временем,

Вся сила возвращалась
снова к Всемогущему.

Пещера мрака охраняет
вечный Свет.

Молчанье опустилось
на его¹ сражавшееся сердце;

Освободив себя
от голосов желанья мира,

Он повернул
на вечный зов Невыразимого.

Неописуемое, сокровенное
Существование,

Широкое, неодолимое
спокойствие, экстаз,

Здесь ощущались в нём и всюду,
и все же оставались недоступными,

То подходя, то ускользая
от преследования его души,

Оно, казалось, постоянно
его заманивало выйти за пределы.

Приблизившись, вдруг отступало,
далёкое — звало опять.

Его ничто не утоляло,
только это восхищение, восторг:

В его отсутствии —
все самые великие дела
тускнели, становясь пустыми,

В его присутствии —
любая мелочь
виделась божественной.

Когда оно здесь появлялось,
бездна сердца наполнялась;

¹ Ашвапати, прим.пер.

But when the uplifting Deity
withdrew,
Existence lost its aim in the Inane.

The order of the immemorial
planes,
The godlike fullness of the
instruments
Were turned to props for an
impermanent scene.
But who that mightiness was he
knew not yet.
Impalpable, yet filling all that is,

It made and blotted out a million
worlds
And took and lost a thousand
shapes and names.
It wore the guise of an
indiscernible Vast,
Or was a subtle kernel in the soul:

A distant greatness left it huge and
dim,
A mystic closeness shut it sweetly
in:
It seemed sometimes a figment or
a robe
And seemed sometimes his own
colossal shade.
A giant doubt overshadowed his
advance.
Across a neutral all-supporting
Void

Whose blankness nursed his lone
immortal spirit,
Allured towards some recondite
Supreme,

Когда же возвышающее Божество
вдруг отступало,
Существование теряло цель свою
в Ничто.

Порядок древних
планов бытия,
Богopodobная законченность
рабочих инструментов
Внезапно становились бутафорией
для мимолётной сцены.
Но кто был тем могуществом —
он до сих пор не знал.

Неощутимое, но наполняющее
всё, что существует,
Оно и создавало, и стирало
миллион миров,
И принимало, и теряло
тысячи имён и форм.

Оно то одевало маску
эле различного Простора,
То проявлялось
тонкой сердцевиною в душе:

Далёкое величье делало его
огромным и неясным,
Мистическая близость
закрывала сладостно внутри:
Порой, оно казалось вымыслом,
порою — одеянием,
А иногда — его¹ же
коллосальной тенью.

Гигантское сомнение оттеняло
продвижение его вперёд.

Через нейтральную,
всему дающую поддержку
Пустоту,

Чья незаполненность питала в нём
бессмертный одинокий дух,
Влекомый к некому
неясному для пониманья
Наивысшему,

¹ Ашвапати, *прим.пер.*

Aided, coerced by enigmatic
Powers,
Aspiring and half-sinking and
upborne,

Invincibly he ascended without
pause.

Always a signless vague
Immensity

Brooded, without approach,
beyond response,

Condemning finite things to
nothingness,

Fronting him with the
incommensurable.

Then to the ascent there came a
mighty term.

A height was reached where
nothing made could live,

A line where every hope and
search must cease

Neared some intolerant bare
Reality,

A zero formed pregnant with
boundless change.

On a dizzy verge where all
disguises fail

And human mind must abdicate in
Light

Or die like a moth in the naked
blaze of Truth,

He stood compelled to a
tremendous choice.

All he had been and all towards
which he grew

Must now be left behind or else
transform

С поддержкой, направляемый
загадочными Силами,

Стремящийся,
наполовину-сникший,
снова поднимаемый,

Неукротимо поднимался он
без передышки.

Всё время не имеющая признаков,
неясная Безмерность

Над ним висела,
размышляя и не приближаясь,
за пределами ответа,

Приговорив конечное
к небытию,

Его встречая
несоизмеримым.

Затем подъём дошёл
до трудно проходимого предела.

Достиг он тех высот,
где ничего из сотворённого
уже жить не могло,

Границы, на которой
всякая надежда, поиски
должны исчезнуть,

Где рядом оголённая
и нетерпимая Реальность,

Ничто, имеющее форму, наполненное
безграничным изменением.

На головокружительном краю,
где сорваны все маски,

Где ум у человека должен
в этом Свете

или отказаться от всего,
Иль вспыхнуть, словно мошка,
в голом, ослепительном
сиянии Истины,

Стоял он перед
грандиозным выбором.

Всё, чем он был,
и всё, к чему стремился,

Он или должен был оставить,
или трансформировать

Into a self of That which has no
name.
Alone and fronting an intangible
Force
Which offered nothing to the
grasp of Thought,
His spirit faced the adventure of
the Inane.
Abandoned by the worlds of Form
he strove.
A fruitful world-wide Ignorance
foundered here;

Thought's long far-circling
journey touched its close
And ineffective paused the actor
Will.
The symbol modes of being
helped no more,
The structures Nescience builds
collapsing failed,
And even the spirit that holds the
universe
Fainted in luminous insufficiency.
In an abysmal lapse of all things
built
Transcending every perishable
support
And joining at last its mighty
origin,
The separate self must melt or be
reborn
Into a Truth beyond the mind's
appeal.
All glory of outline, sweetness of
harmony,
Rejected like a grace of trivial
notes,
Expunged from Being's silence
nude, austere,
Died into a fine and blissful
Nothingness.

Во внутреннее “я” Того,
что не имеет имени.
Один, лицом к лицу
с неосязаемой Силой,
Что ничего не предлагает
пониманью Мысли,
Его дух встретился
с опасным приключением Ничто.
Покинутый мирами Формы,
он продолжал сражаться.
Широкое, как мир,
и плодovitое Невежество
здесь шло ко дну;
Окольный, длительный путь Мысли
подходил к концу,
Став бесполезной, приостановилась
Воля исполнителя.
Не помогали больше
символические формы бытия,
Структуры, возводимые Неведением,
рушились и исчезали,
И даже дух,
вещающий в себя вселенную,
Ослаб в светящейся неполноте.
В бездонном разрушении
всего, что создано,
Превосходя любую
бренную поддержку,
И, наконец, сливаясь
со своей могучею основой,
Его отдельное, самостоятельное “я”
должно расплавиться, переродиться
В ту Истину, что за пределом
притягательного для ума.
Вся слава внешнего
и сладость гармоничности,
Отвергнутые, как изящество
обычных, тривиальных нот,
И вычеркнутые из голой, строгой
тишины Существования,
Погибли в том блаженном,
полном красоты Небытии.

The Demiurges lost their names
and forms,
The great schemed worlds that
they had planned and wrought
Passed, taken and abolished one
by one.

The universe removed its coloured
veil,
And at the unimaginable end
Of the huge riddle of created things
Appeared the far-seen Godhead of
the whole,
His feet firm-based on Life's
stupendous wings,
Omnipotent, a lonely seer of
Time,
Inward, inscrutable, with diamond
gaze.
Attracted by the unfathomable
regard
The unsolved slow cycles to their
fount returned

To rise again from that invisible
sea.
All from his puissance born was
now undone;
Nothing remained the cosmic
Mind conceives.

Eternity prepared to fade and
seemed

A hue and imposition on the Void,
Space was the fluttering of a
dream that sank
Before its ending into Nothing's
deeps.

Теряли имена свои
и формы Демиурги,
Миры великого проекта,
которые они придумали и создали,
Все были пройдены,
использованы и упразднены,
один мир за другим.

Вселенная убрала
разноцветную вуаль,
И рядом с невообразимой целью
Огромной тайны сотворённого,
Явилось Божество всего творения,
заметное издалека,
Чьи ноги прочно укрепились
на громадных крыльях Жизни,
Провидец Времени,
всесильное и одинокое,
Непостижимое, с алмазным взглядом,
обращённым внутрь.

Притянутые тем
бездонным взглядом,
Не завершившись,
медленные циклы возвращались
к своему источнику,

Чтоб вновь подняться
из того невидимого моря.
Всё, порожденное его могуществом,
сейчас распалось в пыль;
И не осталось ничего,
из сотворённого в воображении
космическим Умом.

И даже Вечность
приготовилась исчезнуть,
и казалась
Лишь отблеском
и наважденьем Пустоты,
Пространство стало трепетом мечты,
что потонула
Задолго до своей кончины
в глубине Ничто.

The spirit that dies not and the Godhead's self	И дух, что не способен умереть, и внутренняя сущность Божества всего творения
Seemed myths projected from the Unknowable;	Казались мифами, проекцией Непознаваемого;
From It all sprang, in It is called to cease.	Из Этого прыжком всё возникало, и в Это всё обратно призывалось, чтобы там исчезнуть,
But what That was, no thought nor sight could tell.	Но чем же было То, ни мысль, ни взгляд поведать не могли.
Only a formless Form of self was left,	Осталась лишь бесформенная Форма внутреннего "я",
A tenuous ghost of something that had been,	Едва заметный призрак от чего-то, что существовало,
The last experience of a lapsing wave	Последнее переживание оппадающей волны,
Before it sinks into a boundless sea, —	Перед мгновением, когда она исчезнет в безграничном море, —
As if it kept even on the brink of Nought	Как если бы она хранила даже на краю Ничто
Its bare feeling of the ocean whence it came.	Своё очищенное от наносов чувство океана, из которого пришла.
A Vastness brooded free from sense of Space,	Свободная от ощущения Пространства, размышлявшая Безбрежность,
An Everlastingness cut off from Time;	И Вечнодлющееся Постоянство были здесь отрезаны от Времени;
A strange sublime inalterable Peace	Неведомый, возвышенный, ненарушаемый Покой
Silent rejected from its world and soul.	Безмолвно отвергал и мир, и душу.
A stark companionless Reality	Но, наконец, та необщительная, непреклонная Реальность
Answered at last to his soul's passionate search:	Ответила на страстное искание его ¹ души:
Passionless, wordless, absorbed in its fathomless hush,	Бесстрастное и бессловесное, всё поглощённое в бездонное молчание,

¹ Ашвапати, прим.пер.

Keeping the mystery none would
ever pierce,

It brooded inscrutable and
intangible

Facing him with its dumb
tremendous calm.

It had no kinship with the
universe:

There was no act, no movement in
its Vast:

Life's question met by its silence
died on her lips,

The world's effort ceased
convicted of ignorance

Finding no sanction of supernal
Light:

There was no mind there with its
need to know,

There was no heart there with its
need to love.

All person perished in its
namelessness.

There was no second, it had no
partner or peer;

Only itself was real to itself.

A pure existence safe from
thought and mood,

A consciousness of unshared
immortal bliss,

It dwelt aloof in its bare infinite,

One and unique, unutterably sole.

A Being formless, featureless and
mute

Оно хранило тайну,
внутри которой никогда
никто не мог проникнуть,

И размышляло,
неисповедимое, неосязаемое,

Его встречая ужасающим,
немым спокойствием.

В нём не было
ни капли общего с вселенной:

В его Просторе не было
ни действий, ни движений:

Вопросы жизни умирали на губах,
при встрече с этой тишиной,

Усилия мира, уличённые
в своём невежестве,

Не обнаружив санкции
божественного Света
затихали:

Там не было ума,
с его потребностью узнать,

И сердца не было,
с его потребностью любить.

Любая личность исчезала
в той невыразимости.

Там не было второго,
оно не знало ни партнера,
ни кого-то равного;

И лишь оно само реальным
было для себя.

То чистое существование,
свободное от мысли
или настроения,

Сознание не разделённого ни с кем
бессмертного блаженства,

Здесь пребывало в стороне,
в своей чистейшей,
оголённой бесконечности,

Единственное и неповторимое,
невыразимо одинокое.

Бесформенное Бытиё,
лишённое всех признаков, немое,

That knew itself by its own
timeless self,
Aware for ever in its motionless
depths,
Uncreating, uncreated and unborn,

The One by whom all live, who
lives by none,
An immeasurable luminous secrecy
Guarded by the veils of the
Unmanifest,
Above the changing cosmic
interlude
Abode supreme, immutably the
same,
A silent Cause occult,
impenetrable, —
Infinite, eternal, unthinkable,
alone.

End of Canto One

Что знало самого себя,
благодаря вневременному “я”,
Всегда осознающее
в своих недвижных глубинах,
Несоздающее, несотворённое
и нерождённое,
Единый, кем живёт здесь всё,
который не живёт никем,
Неизмеримая, сверкающая тайна,
Хранимая вуалью
Непроявленного,
Над переменчивым
космическим спектаклем
Он пребывал всё время, неизменно,
всё тот же самый, высочайший,
Безмолвная Причина,
окультная, непостижимая —
Он, бесконечный, вечный,
невообразимый, одинокий.

Конец первой песни

Book Three
THE BOOK OF THE DIVINE
MOTHER

Canto II
THE ADORATION OF THE
DIVINE MOTHER

A stillness absolute,
incommunicable,
Meets the sheer self-discovery of
the soul;
A wall of stillness shuts it from
the world,
A gulf of stillness swallows up the
sense
And makes unreal all that mind
has known,
All that the labouring senses still
would weave
Prolonging an imaged unreality.

Self's vast spiritual silence
occupies Space;
Only the Inconceivable is left,
Only the Nameless without space
and time:
Abolished is the burdening need
of life:
Thought falls from us, we cease
from joy and grief;

The ego is dead; we are freed
from being and care,
We have done with birth and
death and work and fate.

Книга Третья
КНИГА
БОЖЕСТВЕННОЙ МАТЕРИ

Песня II
ПОКЛОНЕНИЕ
БОЖЕСТВЕННОЙ МАТЕРИ

Покой, неопиcуемый
и абсолютный
Встречает полное
самооткрытие души;
Стена покоя
изолирует её от мира,
Покой затягивает,
как в пучину, чувство
И делает ненастоящим
всё, что знает ум,
И всё, что будет соткано
работой чувств,
Что только продлевают
воображаемую нереальность.
Безбрежное духовное молчанье "Я"
заполнило Пространство;
Осталось лишь Непостижимое,
Осталось лишь Невыразимое,
без времени и без пространства:
Ушла обременявшая
необходимость жить:
В нас замолкает мысль,
мы отстраняемся
от радости и горя;
Погибло эго; мы освободились
от бытия и от забот,
И мы покончили
с рождением и смертью,
с работой и судьбой.

O soul, it is too early to rejoice!

Thou hast reached the boundless
silence of the Self,

Thou hast leaped into a glad
divine abyss;

But where hast thou thrown Self's
mission and Self's power?

On what dead bank on the
Eternal's road?

One was within thee who was self
and world,

What hast thou done for his
purpose in the stars?

Escape brings not the victory and
the crown!

Something thou cam'st to do from
the Unknown,

But nothing is finished and the
world goes on

Because only half God's cosmic
work is done.

Only the everlasting No has
neared

And stared into thy eyes and killed
thy heart:

But where is the Lover's
everlasting Yes,

And immortality in the secret
heart,

The voice that chants to the
creator Fire,

The symbolled OM, the great
assenting Word,

The bridge between the rapture
and the calm,

The passion and the beauty of the
Bride,

The chamber where the glorious
enemies kiss,

Однако же, душа,

пока что рано веселиться!

Ты добралась до безграничного
молчанья “Я”,

Ты прыгнула в счастливую
божественную бездну;

Но где ты бросила
предназначение “Я”
и силу “Я”?

Где, на какую мёртвую обочину
дороги Вечного?

Внутри тебя был тот,
кто был собой и миром,
Что сделала ты для его задачи
среди звёзд?

Уход не принесёт
победы и венца!

Из Неизвестного пришла ты
что-то совершить,

Но всё осталось незаконченным,
и мир идёт как прежде,

Ведь сделана лишь половина
космической работы Бога.

Приблизилось лишь
вечно существующее “Нет”,

Оно в твои глаза взглянуло,
и сразило сердце:

Но где же Любящего
вечно существующее “Да”,

И где бессмертье
в тайном сердце,

Где голос, что возносит гимны
созидателю Огню,

Где символический слог OM,
великое, дающее согласие Слово,

Где мост меж
тишиною и восторгом,

Где страсть
и красота Невесты,

Палата, где должны
расцеловать друг друга
славные враги,

The smile that saves, the golden
peak of things?

This too is Truth at the mystic
fount of Life.

A black veil has been lifted; we
have seen

The mighty shadow of the
omniscient Lord;

But who has lifted up the veil of
light

And who has seen the body of the
King?

The mystery of God's birth and
acts remains

Leaving unbroken the last
chapter's seal,

Unsolved the riddle of the
unfinished Play;

The cosmic Player laughs within
his mask,

And still the last inviolate secret
hides

Behind the human glory of a Form,
Behind the gold eidolon of a Name.

A large white line has figured as a
goal,

But far beyond the ineffable
suntracks blaze:

What seemed the source and end
was a wide gate,

A last bare step into eternity.

An eye has opened upon
timelessness,

Infinity takes back the forms it
gave,

And through God's darkness or his
naked light

His million rays return into the
Sun.

Улыбка, что спасает,
прекрасная вершина всех вещей?

Всё это тоже — Истина,
которую даёт мистический
источник Жизни.

С нас сняли чёрную вуаль,
и мы смогли увидеть

Могучий призрак, тень
всезнающего Господина;

Но кто же приподнял
покровы света,

И кто увидел
тело этого Царя?

Мистерия рождения и действий Бога
остаётся прежней,

Не сломаны ещё печати
завершающей главы,

Не решена загадка
незаконченной вселенской Пьесы;

Космический Актер смеётся,
закрываясь маской,

И до сих пор таит последний,
неоткрытый свой секрет

За человеческою славой Формы,
За золотой иконой Имени.

Большая белая граница
представлялась целью,

Но далеко за ней слепят глаза
неописуемые солнечные трассы:

Что виделось источником или концом,
предстало нам широкими вратами,

Простым последним шагом
в вечность.

Открылся взгляд на то,
что за границей времени,

Где Бесконечность забирает формы,
что она дала,

И через Бога темноту,
и через оголённый свет его,

Обратно в Солнце возвращается
весь миллион его лучей.

There is a zero sign of the
Supreme;
Nature left nude and still uncovers
God.
But in her grandiose nothingness
all is there:
When her strong garbs are torn
away from us,
The soul's ignorance is slain but
not the soul:
The zero covers an immortal face.

A high and blank negation is not
all,
A huge extinction is not God's last
word,

Life's ultimate sense, the close of
being's course,
The meaning of this great
mysterious world.
In absolute silence sleeps an
absolute Power.
Awaking, it can wake the
trance-bound soul
And in the ray reveal the parent
sun:
It can make the world a vessel of
Spirit's force,
It can fashion in the clay God's
perfect shape.
To free the self is but one radiant
pace;
Here to fulfil himself was God's
desire.

Even while he stood on being's
naked edge

Есть изначальное ничто,
что признак Наивысшего;
Природа остаётся голой
и при этом обнажает Бога.
Но в грандиозности её
ничто есть всё:
Когда с нас сорваны
её добротные одежды,
Убито лишь невежество души,
но не сама душа:
И это изначальное ничто
скрывает за собой
бессмертный лик.
Высокое, пустое отрицание —
ещё не всё,
Громадное все-угасанье —
не последнее, решающее
слово Бога,
И окончательный смысл жизни,
завершение хода бытия,
Значенье этого великого
загадочного мира.
Средь абсолютной тишины
спит абсолютное Могущество.
Оно, проснувшись, может пробудить
захваченную трансом душу
И через луч раскрыть
рождающее солнце:
Оно способно сделать мир
сосудом силы Духа,
Оно способно вылепить из глины
совершенный облик Бога.
Освободить себя —
лишь первый лучезарный шаг;
Здесь реализовать себя —
вот в этом состоит желанье Бога.

Когда он¹ встал
на оголённом крае бытия,

¹ Ашвапати, прим.пер.

And all the passion and seeking of his soul	Когда вся страсть и поиски его души
Faced their extinction in some featureless Vast,	Столкнулись с угасанием своим среди какого-то аморфного Простора,
The Presence he yearned for suddenly drew close.	Внезапно, то Присутствие, к которому он устремлялся, стало близким.
Across the silence of the ultimate Calm,	Сквозь тишину предельного Покоя,
Out of a marvellous Transcendence' core,	Из сердцевины изумительной, волшебной Трансцендентности,
A body of wonder and translucency	Из основанья чуда и прозрачности,
As if a sweet mystic summary of her self	Как сладостный мистический итог её духовной сути,
Escaping into the original Bliss	Что ускользала в изначальное Блаженство,
Had come enlarged out of eternity,	Из вечности возник и вырос некто,
Someone came infinite and absolute.	Пришедший бесконечным, абсолютным.
A being of wisdom, power and delight,	Явившись существом восторга, мудрости и силы,
Even as a mother draws her child to her arms,	Как тянет в руки мать своё дитя,
Took to her breast Nature and world and soul.	Она к своей груди прижала мир, Природу, душу.
Abolishing the signless emptiness,	Искореняя пустоту, лишённую всех признаков,
Breaking the vacancy and voiceless hush,	И нарушая незаполненность, беззвучность тишины,
Piercing the limitless Unknowable,	Пронзая беспредельное Непознаваемое,
Into the liberty of the motionless depths	В широкую свободу неподвижности глубин
A beautiful and felicitous lustre stole.	Входило медленно прекрасное, счастливое сияние.
The Power, the Light, the Bliss no word can speak	Блаженство, Сила, Свет, которые не описать словами,
Imaged itself in a surprising beam	Себя отобразили в удивительном луче,

And built a golden passage to his
heart
Touching through him all longing
sentient things.

A moment's sweetness of the
All-Beautiful
Cancelled the vanity of the cosmic
whirl.
A Nature throbbing with a Heart
divine

Was felt in the unconscious
universe;

It made the breath a happy
mystery.

A love that bore the cross of pain
with joy

Eudaemonised the sorrow of the
world,

Made happy the weight of long
unending Time,

The secret caught of God's felicity.
Affirming in life a hidden ecstasy

It held the spirit to its miraculous
course;

Carrying immortal values to the
hours

It justified the labour of the suns.

For one was there supreme behind
the God.

A Mother Might brooded upon the
world;

A Consciousness revealed its
marvellous front

Transcending all that is, denying
none:

Imperishable above our fallen
heads

Построив золотой проход,
до сердца Ашвапати,
Через него касаясь всех существ,
что обладают
чувством и желанием.

Очарование момента
Все-Прекрасного
Свело на нет всю суету
вселенского кружения.

Высокая Природа,
у которой бьётся пульс
божественного Сердца,

Отныне, в этой
бессознательной вселенной
стала ощутима,

Дыханье превратив
в счастливую мистерию.

Любовь, что с радостью
несла крест боли,

Страданье мира
одарила процветаньем,

И сделала счастливой
ношу нескончаемого Времени,
Узнав секрет блаженства Бога.

Провозглашая в жизни
скрытый, внутренний экстаз,

Она вела дух по его
чудесному маршруту;

Бессмертным смыслом наполняя
проходящие часы,

Она оправдывала
трудную работу солнц.

Ибо она была там наивысшей,
после Бога.

Над миром возвышалась, размышляя,
Мать Могущества;

Сознание явило
удивительный свой лик,

Превосходящий всё, что есть,
и ничего не отвергавший:

Над нашими
подвластными паденью головами

He felt a rapturous and
unstumbling Force.
The undying Truth appeared, the
enduring Power
Of all that here is made and then
destroyed,
The Mother of all godheads and
all strengths
Who, mediatrix, binds earth to the
Supreme.
The Enigma ceased that rules our
nature's night,
The covering Nescience was
unmasked and slain;
Its mind of error was stripped off
from things
And the dull moods of its
perverting will.
Illumined by her all-seeing
identity
Knowledge and Ignorance could
strive no more;
No longer could the titan
Opposites,
Antagonist poles of the world's
artifice,
Impose the illusion of their
twofold screen
Throwing their figures between us
and her.
The Wisdom was near, disguised
by its own works,

Of which the darkened universe is
the robe.
No more existence seemed an
aimless fall,
Extinction was no more the sole
release.
The hidden Word was found, the
long-sought clue,

Он¹ ощущал несокрушимую,
восторженную, безошибочную Силу.
Пришла неумирающая Истина,
вооружённая терпением Энергия
Всего, что создаётся здесь,
а после разрушается,
Мать всех богов
и всех возможных сил,
Посредница, соединяющая землю
с Наивысшим.
Ушла Загадка, правящая
ночью человеческой природы,
Скрывающее всё Незнание
раскрыто и убито;
С вещей сорвали ум ошибки,
приходящий от Незнания,
И серые его безрадостные настроенья
извращённой воли.
Отныне, озарённые
её всевидящим отождествлением,
Невежество и Знание
не могли бороться меж собой;
И не способны были больше
титанические Противоположности,
Антагонисты-полюса
игры воображенья мира
Навязывать иллюзию
своей двойной завесы,
Бросая образы свои
меж ей и нами.
Пришла и стала ближе Мудрость,
скрытая под маскою
своих творений,
Из-за которых затемнённая вселенная
нам видится как одеяние.
Существование перестало выглядеть
бессмысленным падением,
А угасание перестало быть
единственным освобождением.
Нашлось скрываемое Слово, ключ,
который так давно искали,

¹ Ашвапати, прим.пер.

Revealed was the meaning of our
 spirit's birth,
 Condemned to an imperfect body
 and mind,
 In the inconscience of material things
 And the indignity of mortal life.
 A Heart was felt in the spaces
 wide and bare,
 A burning Love from white
 spiritual founts
 Annulled the sorrow of the
 ignorant depths;
 Suffering was lost in her immortal
 smile.
 A Life from beyond grew
 conqueror here of death;

 To err no more was natural to
 mind;
 Wrong could not come where all
 was light and love.

 The Formless and the Formed
 were joined in her:

 Immensity was exceeded by a
 look,
 A Face revealed the crowded
 Infinite.
 Incarnating inexpressibly in her
 limbs
 The boundless joy the blind
 world-forces seek,

 Her body of beauty mooned the
 seas of bliss.

 At the head she stands of birth and
 toil and fate,

Открылся смысл рожденья
 человеческого духа,
 Приговорённого
 к несовершенному уму и телу,
 И к несознанию материального,
 И к униженью смертной жизнью.
 В широких и пустых пространствах
 ощущалось Сердце,
 Горячая Любовь из чистого
 духовного источника
 Убрала горе и мучение
 незнающих глубин;
 Страданье потерялось за её
 бессмертной, радостной улыбкой.
 Здесь Жизнь из запредельного
 росла и становилась
 победительницей смерти;
 Ошибка перестала быть
 естественною для ума;
 Ложь не могла придти туда,
 где всё повсюду было
 светом и любовью.
 И то, что получило Форму,
 и Бесформенное —
 в ней объединилось:
 В ней взгляд
 перешагнул Безмерное,
 Её лицо явило
 переполненную Бесконечность.
 Невыразимо воплощая
 в каждой части
 Ту безграничность радости,
 к которой устремляются
 слепые силы мира,
 Её пленяющее красотою тело
 затягивало в глубь
 морей блаженства.
 Она стоит в начале
 каждого рожденья,
 тяжкого труда, судьбы,

In their slow round the cycles turn to her call;	Все циклы кружатся по медленным своим орбитам, отвечая на её призыв;
Alone her hands can change Time's dragon base.	Одни её ладони могут изменить драконье основание Времени.
Hers is the mystery the Night conceals;	В ней та мистерия, которую скрывает Ночь;
The spirit's alchemist energy is hers;	В ней — алхимическая сила духа;
She is the golden bridge, the wonderful fire.	Она — и золотистый мост, и удивительный огонь.
The luminous heart of the Unknown is she,	Она — сверкающее сердце Неизвестного,
A power of silence in the depths of God;	Она — энергия безмолвия в глубинах Бога;
She is the Force, the inevitable Word,	Она — та Сила, то особенное Слово, тот магнит,
The magnet of our difficult ascent,	Что тянет нас при трудном восхождении,
The Sun from which we kindle all our suns,	То Солнце, из которого мы зажигаем все другие наши солнца,
The Light that leans from the unrealised Vasts,	Тот Свет, что к нам склоняется из неосуществившихся ещё Просторов,
The joy that beckons from the impossible,	Та радость, что зовёт из невозможного,
The Might of all that never yet came down.	Могущество всего, что никогда ещё к нам не спускалось.
All Nature dumbly calls to her alone	Природа молча вся взывает к ней одной
To heal with her feet the aching throb of life	Её ступнями исцелить болящее биение жизни,
And break the seals on the dim soul of man	Сломать печати на неясной человеческой душе,
And kindle her fire in the closed heart of things.	Зажечь её огонь в закрытом сердце всех вещей.
All here shall be one day her sweetness' home,	Всё здесь однажды станет домом сладости её,
All contraries prepare her harmony;	И все противоречия готовят для неё гармонию;

Towards her our knowledge
climbs, our passion gropes;

In her miraculous rapture we shall
dwell,

Her clasp shall turn to ecstasy our
pain.

Our self shall be one self with all
through her.

In her confirmed because
transformed in her,

Our life shall find in its fulfilled
response

Above, the boundless hushed
beatitudes,

Below, the wonder of the embrace
divine.

This known as in a thunder-flash
of God,

The rapture of things eternal filled
his limbs;

Amazement fell upon his ravished
sense;

His spirit was caught in her
intolerant flame.

Once seen, his heart
acknowledged only her.

Only a hunger of infinite bliss was
left.

All aims in her were lost, then
found in her;

His base was gathered to one
pointing spire.

This was a seed cast into endless
Time.

К ней поднимается
всё наше знание,

Идёт наощупь
наша страсть;

Когда-нибудь, мы будем жить
в её чудесной радости,

Её объятие превратит
всю нашу боль в экстаз.

И наше внутреннее “я”
через неё объединится
с внутренними “я” во всех.

В ней утвердившись,
потому что в ней
найдёт преображение,

Жизнь наша обретёт в своём
осуществившемся ответе

Над нами —
безграничные затихшие блаженства,

Под нами —
чудеса божественных объятий.

Когда он понял это,
словно грозовой вспышкой Бога,

Всё тело у него наполнилось
восторгом вечного;

И изумленье опустилось
на восторженное чувство;

Дух в нём захвачен был
её невыносимым пламенем.

Увидев только раз,
отныне сердце Ашвапати
признавало лишь её.

Осталась только жажда
бесконечного блаженства.

Все цели потерялись в ней,
и снова в ней нашлись;

Его основа собралась
в одно нацеленное остриё.

То было семя, брошенное
в нескончаемое Время.

A Word is spoken or a Light is
shown,
A moment sees, the ages toil to
express.

So flashing out of the Timeless
leaped the worlds;
An eternal instant is the cause of
the years.
All he had done was to prepare a
field;
His small beginnings asked for a
mighty end:
For all that he had been must now
new-shape

In him her joy to embody, to
enshrine
Her beauty and greatness in his
house of life.

But now his being was too wide
for self;

His heart's demand had grown
immeasurable:
His single freedom could not
satisfy,

Her light, her bliss he asked for
earth and men.

But vain are human power and
human love

To break earth's seal of ignorance
and death;

His nature's might seemed now an
infant's grasp;

Из уст выходит Слово,
или возникает Свет,
Мгновенье видит,
а потом века работают,
чтоб это выразить.
Так, вспыхивая, из Вневременья
выпрыгивают целые миры;
И вечное мгновение —
причина этих лет.
Всё, что он¹ сделал,
было подготовкой поля действия,
И маленькие начинания его
просили о могучем завершении:
Ради всего, чем был он прежде,
он должен ныне
заново сформировать
Внутри себя
её божественную радость,
Чтоб воплотить и сохранить
её величие и красоту
в своём жилище жизни.
Его существование, однако,
стало слишком широко
для внутреннего “я”;
Безмерными в нём стали
притязанья сердца:
Своя отдельная свобода
не могла уже
обрадовать и утолить,
Её блаженство, свет просил он
для земли и человека.
Но тщётна человеческая сила
и любовь
В усилиях сломать
земную старую печать
невежества и смерти;
Его могучая природа
казалась ныне
хваткою младенца;

¹ Ашвапати, прим.пер.

Heaven is too high for
outstretched hands to seize.

This Light comes not by struggle
or by thought;

In the mind's silence the
Transcendent acts
And the hushed heart hears the
unuttered Word.

A vast surrender was his only
strength.
A Power that lives upon the
heights must act,
Bring into life's closed room the
Immortal's air
And fill the finite with the Infinite.

All that denies must be torn out
and slain
And crushed the many longings
for whose sake

We lose the One for whom our
lives were made.
Now other claims had hushed in
him their cry:
Only he longed to draw her
presence and power
Into his heart and mind and
breathing frame;
Only he yearned to call for ever
down
Her healing touch of love and
truth and joy

Into the darkness of the suffering
world.
His soul was freed and given to
her alone.

End of Canto Two

Уж слишком Небеса высоки,
чтоб протянутые руки
их обняли.

Тот Свет приходит к нам
не от усилий или мыслей;
В молчании ума
работает здесь Трансцендентное,
А сердце, погрузившись в тишину,
прислушивается
к несказанному Слову.

Его единственным могуществом
была широкая самоотдача.
Та Сила, что живёт на высоте
должна трудиться
И приносить в закрытую палату жизни
дуновения Бессмертного,
И Бесконечным
наполнять конечное.

Всё то, что отрицает это —
нужно вырвать и убить,
И уничтожить множество желаний,
для насыщения которых
мы теряем здесь Единого,
Того Единого, ради которого
возникли наши жизни.

Сейчас внутри него
другие требования замолкли:
Желал он только притянуть
её присутствие и силу
В свой ум и сердце,
в дышащую оболочку;
Стремился он лишь навсегда
призвать с высот
Её касание
любви, и истины, и радости,
что исцеляет,

Сюда, во тьму
страдающего мира.
Его душа была свободной,
и отдана лишь ей одной.

Конец второй песни

Book Three
THE BOOK OF THE DIVINE
MOTHER

Canto III
THE HOUSE OF THE SPIRIT
AND THE NEW CREATION

A mightier task remained than all
he had done.
To That he turned from which all
being comes,
A sign attending from the Secrecy
Which knows the Truth ungrasped
behind our thoughts
And guards the world with its
all-seeing gaze.
In the unapproachable stillness of
his soul,
Intense, one-pointed, monumental,
lone,
Patient he sat like an incarnate
hope
Motionless on a pedestal of
prayer.
A strength he sought that was not
yet on earth,
Help from a Power too great for
mortal will,
The light of a Truth now only seen
afar,
A sanction from his high
omnipotent Source.

Книга Третья
КНИГА
БОЖЕСТВЕННОЙ МАТЕРИ

Песня III
ДОМ ДУХА И
НОВОЕ ТВОРЕНИЕ

Задача оставалась перед ним¹
труднее всех, что были прежде.
Он повернул свой взгляд к Тому,
откуда появляется всё бытие,
Он повернулся к символу,
глядящему из Тайны,
Что знает непередаваемую Истину
за нашей мыслью,
И охраняет мир всевидящим,
широким взглядом.
В суровой, неприступной
тишине души,
Весь собранный,
нацеленный лишь на одно,
монументальный, отделённый,
Сидел он терпеливо,
воплощённую надеждой,
Не двигаясь, на пьедестале
обращённой к Этому молитвы.
Искал он силу, что ещё
ни разу не бывала на земле,
Поддержку от Могушества,
что слишком велико
для смертной воли,
Свет Истины, что виден нам
сейчас лишь издали,
И санкцию от своего высокого
и всемогущего Источника.

¹ Ашвапати, *прим.пер.*

But from the appalling heights
 there stooped no voice;
 The timeless lids were closed; no
 opening came.
 A neutral helpless void oppressed
 the years.
 In the texture of our bound
 humanity
 He felt the stark resistance huge
 and dumb
 Of our unconscious and unseeing
 base,
 The stubborn mute rejection in
 life's depths,
 The ignorant No in the origin of
 things.
 A veiled collaboration with the Night

 Even in himself survived and hid
 from his view:
 Still something in his earthly
 being kept
 Its kinship with the Unconscious
 whence it came.

 A shadowy unity with a vanished
 past
 Treasured in an old-world frame
 was lurking there,

 Secret, unnoted by the illumined
 mind,
 And in subconscious whispers and
 in dream
 Still murmured at the mind's and
 spirit's choice.
 Its treacherous elements spread
 like slippery grains
 Hoping the incoming Truth might
 stumble and fall,
 And old ideal voices wandering
 moaned

Ни звука не спускалось
 с ужасающих высот;
 Вневременные веки были сомкнуты;
 ничто не открывалось.
 Нейтральная беспомощная пустота
 давила, угнетая, годы.
 В самом материале нашей
 ограниченной природы
 Он ощущал застывшее сопротивление,
 огромное и бессловесное,
 Всей нашей неосознающей
 и невидящей основы,
 Упорное, немое отрицание
 в глубинах жизни,
 Незнающее "Нет"
 в источнике всего.
 Какое-то сокрытое
 сотрудничество с Ночью
 Сумело выжить даже в нём,
 скрываясь от внимательного взгляда:
 И что-то до сих пор
 внутри его земного существа
 Держалось за своё родство
 с тем Несознанием,
 откуда некогда пришло.
 И призрачная общность
 с растаявшим когда-то прошлым,
 Что бережно хранилась
 в старой оболочке мира,
 тайно укрываясь там,
 Не замечаемая светом
 озарённого ума,
 И в подсознательных шептаниях,
 и в сновидениях
 По прежнему подсказывала
 выбор духа и ума.
 Её предательские элементы
 расплзались скользкими крупичками
 С надеждою, что Истина, входя,
 на них оступится и упадёт,
 А голоса ушедших идеалов прошлого
 скитались и стонали,

And pleaded for a heavenly leniency
To the gracious imperfections of
our earth

And the sweet weaknesses of our
mortal state.

This now he willed to discover
and exile,

The element in him betraying
God.

All Nature's recondite spaces were
stripped bare,

All her dim crypts and corners
searched with fire

Where refugee instincts and
unshaped revolts

Could shelter find in darkness'
sanctuary

Against the white purity of
heaven's cleansing flame.

All seemed to have perished that
was undivine:

Yet some minutest dissident might
escape

And still a centre lurk of the blind
force.

For the Inconscient too is infinite;

The more its abysses we insist to
sound,

The more it stretches, stretches
endlessly.

Then lest a human cry should
spoil the Truth

He tore desire up from its bleeding
roots

And offered to the gods the vacant
place.

Thus could he bear the touch
immaculate.

A last and mightiest
transformation came.

Молили о божественной терпимости
К привычным милым недостаткам
человеческой земли

И к сладким слабостям людей
в их смертном состоянии.

Всё это он сейчас стремился
обнаружить и изгнать,

Тот элемент,
что предаёт в нём Бога.

Он оголил все
спрятанные области Природы,

Он обыскал с огнём
все тайники и уголки её,

Где беглецы-инстинкты
и бесформенные бунтари

Могли укрыться
среди святилищ тьмы

От белой чистоты
все-очищающего пламени небес.

Казалось, что должно исчезнуть всё,
что было небожественным:

Но всё же, самый малый диссидент
мог ускользнуть,

И всё ещё скрывался центр
слепой энергии и силы.

Ведь Несознание —
тоже бесконечно;

Чем больше мы стараемся
измерить глубину его пучин,

Тем дальше простирается оно,
и простирается до бесконечности.

Затем, чтоб человеческий призыв
не уничтожил Истину,

Он¹ оторвал желание
от кровотокащих его корней,

И предложил богам
освободившееся место.

Так смог он вынести
прикосновение безупречного.

Пришла последняя
и самая большая трансформация.

¹ Ашвапати, прим.пер.

His soul was all in front like a
 great sea
 Flooding the mind and body with
 its waves;
 His being, spread to embrace the
 universe,
 United the within and the without
 To make of life a cosmic
 harmony,
 An empire of the immanent
 Divine.
 In this tremendous universality
 Not only his soul-nature and
 mind-sense
 Included every soul and mind in his,
 But even the life of flesh and
 nerve was changed
 And grew one flesh and nerve
 with all that lives;
 He felt the joy of others as his joy,

 He bore the grief of others as his
 grief;
 His universal sympathy upbore,

 Immense like ocean, the creation's
 load
 As earth upbears all beings'
 sacrifice,
 Thrilled with the hidden
 Transcendent's joy and peace.
 There was no more division's
 endless scroll;
 One grew the Spirit's secret unity,

 All Nature felt again the single
 bliss.
 There was no cleavage between
 soul and soul,
 There was no barrier between
 world and God.

Его душа вся оказалась перед ним,
 и как великий океан,
 Волнами затопляла в нём
 и ум, и тело;
 Всё существо его расширилось,
 стремясь объять вселенную,
 Объединяя внутреннее с внешним,
 Чтоб сделать жизнь
 космической гармонией,
 Империей присущей постоянно ей
 Божественности.
 В той потрясающей всеобщности
 Не только естество его души
 и ощущение ума
 Включали каждый ум и душу
 внутрь его ума, души,
 Но даже изменилась жизнь
 у плоти, и у нерва,
 И стала общей жизнью плоти, нервов
 всех живых существ;
 Он ощущал веселье, радости других
 как собственную радость,
 Терпел мучение других —
 как собственную муку;
 Его вселенская симпатия,
 безмерная, как океан,
 Несла, поддерживая
 ношу сотворённого,
 Как вся земля поддерживает
 жертвоприношение всех существ,
 Вибрируя созвучно радости, покою
 укрытого вуалью Трансцендентного.
 Не стало больше нескончаемого
 списка разделённостей;
 Росло и крепло
 тайное единство Духа,
 И вся Природа снова ощутила
 безраздельное блаженство.
 Исчезла щель, что отделяла
 души друг от друга,
 Ушёл барьер
 меж миром и Всевышним.

Overpowered were form and
memory's limiting line;
The covering mind was seized and
torn apart;
It was dissolved and now no more
could be,
The one Consciousness that made
the world was seen;
All now was luminosity and force.

Abolished in its last thin fainting
trace

The circle of the little self was
gone;
The separate being could no more
be felt;

It disappeared and knew itself no
more,
Lost in the spirit's wide identity.

His nature grew a movement of
the All,
Exploring itself to find that all was
He,
His soul was a delegation of the
All
That turned from itself to join the
one Supreme.

Transcended was the human
formula;
Man's heart that had obscured the
Inviolable
Assumed the mighty beating of a
god's;
His seeking mind ceased in the
Truth that knows;

Он вышел за пределы формы,
за ограничения памяти;
Скрывающий всё ум
был схвачен и отброшен прочь;
Он растворился, и уже не мог
вернуться вновь,
И стало видимым единое Сознание,
что сотворило мир;
Сейчас всё стало
озарением и силой.

В своём последнем,
тонком, слабом следе
найденный и отменённый,

Ушёл круг маленького
внутреннего "я";
Уже нельзя в нём было ощутить
отдельное, самостоятельное
существо;

Оно исчезло
и себя не знало больше,
Затерянное в широте
отождествленья духа.

Его¹ природа выросла
в движение Всецелого,
Который изучает самого себя,
и узнаёт, что всё есть Он,
Его душа была
посланником Всецелого,
Что отвернулось от себя,
стремясь к слиянию
с единым Наивысшим.

Он вышел за пределы
формулы, шаблона человека;
Так человеческое сердце,
что скрывало Нерушимого,
Впустило внутрь
могучее биенье сердца бога;
Его пытливый ум
растаял в Истине, что знает;

¹ Ашвапати, прим.пер.

His life was a flow of the
universal life.

He stood fulfilled on the world's
highest line

Awaiting the ascent beyond the
world,

Awaiting the descent the world to
save.

A Splendour and a Symbol
wrapped the earth,

Serene epiphanies looked and
hallowed vasts

Surrounded, wise infinitudes were
close

And bright remotenesses leaned
near and kin.

Sense failed in that tremendous
lucency;

Ephemeral voices from his
hearing fell

And Thought potent no more sank
large and pale

Like a tired god into mysterious
seas.

The robes of mortal thinking were
cast down

Leaving his knowledge bare to
absolute sight;

Fate's driving ceased and Nature's
sleepless spur:

The athlete heavings of the will
were stilled

In the Omnipotent's unmoving
peace.

Life in his members lay down vast
and mute;

Naked, unwall'd, unterrified it
bore

Жизнь Ашвапати стала
необъятною рекой
вселенской жизни.

Он встал, достигнув
исполнения всего,
на высшей точке мира,

И ждал подъёма
за его пределы,

Ждал нисхождения,
которое спасёт наш мир.

Великолепием и Символом
была окутана земля,

Под взглядом ясных богопроявлений,
и окружённые
священными просторами,

Всё ближе подступали бесконечности,
что знают всё,

Склонялись радужные дали,
становились близкими, родными.

В той потрясающей прозрачности
отказывали чувства;

Ушли из слуха эфемерные,
живущие недолго голоса,

И Мысль, могучая, большая, бледная
отныне не тонула,

Усталым божеством
в таинственных морях.

Одежды смертной мысли
были сброшены,

Оставив знанье оголённым
перед абсолютным видением;

Сошло на нет правление Судьбы
и неусыпные уколы
шпор Природы:

Затихли атлетические
напряженья воли

Средь неподвижности
покоя Всемогущего.

Жизнь в теле улеглась,
широкая и молчаливая;

Неотгороженная, обнажённая,
она без ужаса переносила

The immense regard of Immortality.	Огромный, необъятный взгляд Бессмертия.
The last movement died and all at once grew still.	Последнее движенье умерло и сразу всё затихло.
A weight that was the unseen Transcendent's hand	Та тяжесть, что была незримою рукою Трансцендентного,
Laid on his limbs the Spirit's measureless seal,	Легла на тело Ашвапати безмерною печатью Духа,
Infinity swallowed him into shoreless trance.	И Бесконечность поглотила целиком его в безбрежный транс.

As one who sets his sail towards mystiered shores	Как тот, кто направляет свой корабль к загадочным далёким берегам,
Driven through huge oceans by the breath of God,	Дыханьем Бога увлекаемый по необъятным океанам,
The fathomless below, the unknown around,	Бездонных в глубине, и полных неизвестности вокруг,
His soul abandoned the blind star-field, Space.	Его душа покинула слепое поле звёзд, Пространство.
Afar from all that makes the measured world,	Всё дальше от того, что образует измеримый мир,
Plunging to hidden eternities it withdrew	Ныряя к скрытым вечностям, она втянулась назад,
Back from mind's foaming surface to the Vasts	Из пузырящейся поверхности ума, всё ближе подходя к Просторам,
Voiceless within us in omniscient sleep.	Которые лежат беззвучно в нас внутри, в своём всеведующем сне.
Above the imperfect reach of word and thought,	Поднявшись над несовершенной сферой слов и мысли,
Beyond the sight that seeks support of form,	Проникнув за пределы зрения, что ищет для себя поддержки форм,
Lost in deep tracts of superconscient Light,	Теряя направление в глубоких регионах сверхсознательного Света,
Or voyaging in blank featureless Nothingness,	Иль путешествуя в пустом, лишённом всяких признаков Ничто,
Sole in the trackless Incommensurable,	Один в непроторённом Несоизмеримом,
Or past not-self and self and selflessness,	Пройдя “не-я”, и “я”, пройдя отсутствие любого “я”,

Transgressing the dream-shores of
conscious mind
He reached at last his sempiternal
base.

On sorrowless heights no winging
cry disturbs,

Pure and untouched above this
mortal play

Is spread the spirit's hushed
immobile air.

There no beginning is and there no
end;

There is the stable force of all that
moves;

There the aeonic labourer is at
rest.

There turns no keyed creation in
the void,

No giant mechanism watched by a
soul;

There creaks no fate-turned huge
machinery;

The marriage of evil with good
within one breast,

The clash of strife in the very
clasp of love,

The dangerous pain of life's
experiment

In the values of Inconsequence
and Chance,

The peril of mind's gamble,
throwing our lives

As stake in a wager of indifferent
gods

And the shifting lights and
shadows of the idea

Falling upon the surface
consciousness,

Пересекая берега воображения
осознающего ума,

Он, наконец, дошёл
до вечно существующей
своей основы.

На дальних пиках,
не знакомых с горем,
Которых не тревожит
ни один крылатый зов,
Стоящий над игрою смертных,
чистый, не затронутый,
Там расстился тихий,
неподвижный воздух духа.

Там нет начала,
и там нет конца;

Там лишь устойчивая сила
всего, что движется;

Там отдыхает
труженик веков.

Там заведённое творение
не кружит в пустоте,

И никакой гигантский механизм
не наблюдается душою;

Там не скрипит,
судьбой вращаемая
необъятная машина;

Там брак добра со злом
внутри одной груди,

И грохот схватки
в истинном объятии любви,

Опасная, мучительная боль
эксперимента жизни,

Которую оценивают
Нелогичность со Случайностью,

Рискованные комбинации ума,
швыряющего наши жизни

На кон в азартных играх
безразличных к нам богов,

Там переменчивые блики
света и теней идеи,

Что падают на внешнюю поверхность
нашего сознания,

And in the dream of a mute
witness soul
Creating the error of a half-seen
world
Where knowledge is a seeking
ignorance,
Life's steps a stumbling series
without suit,
Its aspect of fortuitous design,

Its equal measure of the true and false

In that immobile and immutable
realm
Find no access, no cause, no right
to live:
There only reigns the spirit's
motionless power
Poised in itself through still
eternity
And its omniscient and
omnipotent peace.
Thought clashes not with thought
and truth with truth,

There is no war of right with rival
right;

There are no stumbling and
half-seeing lives
Passing from chance to
unexpected chance,

No suffering of hearts compelled
to beat
In bodies of the inert Inconscient's
make.
Armed with the immune occult
unsinking Fire
The guardians of Eternity keep its
law

И что во сне
безмолвного свидетеля-души
Творят ошибку
полувидимого мира,
Где знание — это
познающее невежество,
Ход Жизни — серия
из спотыкающихся невопад шагов,
Одна лишь сторона
её причудливого замысла
И одинаковая мера
истины и лжи,
В том неподвижном,
неизменном царстве
Не находили ни прохода,
ни причин, ни права жить:
Царила только неподвижная,
немая сила духа,
В самой себе уравновешенная
через полную молчанья вечность,
Её всезнающее,
всемогущее спокойствие.
Там мысль не налетает
на другую мысль,
а истина на истину,
Там нет войны
меж справедливостью
и справедливостью-соперником;
Там нет наполовину видящих
и спотыкающихся жизней,
Переходящих от одних
случайных обстоятельств
к неожиданным другим,
И нет страдания сердец,
что вынуждены биться
В телах-штамповках,
созданных инертным Несознанием.
Вооружённые оккультным,
негасимым и неуязвимым Пламенем,
Хранители и стражи Вечности
поддерживают свой закон,

For ever fixed upon Truth's giant
base
In her magnificent and termless
home.
There Nature on her dumb
spiritual couch
Immutably transcendent knows
her source
And to the stir of multitudinous
worlds
Assents unmoved in a perpetual
calm.
All-causing, all-sustaining and
aloof,

The Witness looks from his
unshaken poise,
An Eye immense regarding all
things done.
Apart, at peace above creation's
stir,
Immersed in the eternal altitudes,

He abode defended in his
shoreless self,
Companioned only by the
all-seeing One.
A Mind too mighty to be bound
by Thought,
A Life too boundless for the play
in Space,
A Soul without borders
unconvinced of Time,
He felt the extinction of the
world's long pain,
He became the unborn Self that
never dies,
He joined the sessions of Infinity.
On the cosmic murmur primal
loneliness fell,

Навечно установленный
на необъятном основании Истины
В её величественном
безграничном доме.
Природа на своём
духовном молчаливом ложе,
Всегда и неизменно трансцендентная,
там знает свой источник,
Даёт согласие движенью
многочисленных миров,
Не двигаясь,
среди вечного покоя.
Причина для всего,
поддержка для всего,
стоящий в стороне,
Свидетель смотрит
из ненарушаемого равновесия,
Своим безмерным взглядом
наблюдая всё, что создано.
Особняком, в покое,
выше суеты творения,
Став поглощённым
вечными высотами,
И защищаемый своим
безбрежным “я”,
Он¹ жил, сопровождаемый
одним всевидящим Единым.
Ум, слишком сильный,
чтобы ограничиваться Мыслью,
Жизнь, слишком безграничная
для действия в Пространстве,
Душа, освобождённая
от рамок Времени,
Он чувствовал, как затухает
давнее страданье мира,
Он стал там нерождённым “Я”,
которое не умирает,
Он слился с сессиями Бесконечности.
На шёпот космоса
спустилось одиночество,
что было с самого начала,

¹ Ашвапати, прим.пер.

Annulled was the contact formed
with time-born things,
Empty grew Nature's wide
community.
All things were brought back to
their formless seed,
The world was silent for a cyclic
hour.
Although the afflicted Nature he
had left
Maintained beneath him her broad
numberless fields,
Her enormous act, receding, failed
remote
As if a soulless dream at last had
ceased.
No voice came down from the
high Silences,
None answered from her desolate
solitudes.
A stillness of cessation reigned,
the wide
Immortal hush before the gods are
born;

A universal Force awaited, mute,

The veiled Transcendent's
ultimate decree.

Then suddenly there came a
downward look.
As if a sea exploring its own
depths,
A living Oneness widened at its
core
And joined him to unnumbered
multitudes.
A Bliss, a Light, a Power, a
flame-white Love

Убрали связи с тем,
что родилось во времени,
Широкое сообщество Природы
опустело.
Всё возвратили снова к своему
бесформенному семени,
И мир затих
для повторявшегося часа.
Хотя, оставленная им,
страдавшая Природа,
И сохраняла далеко внизу
свои широкие, неисчислимые поля,
Её огромное действие,
отступив, исчезло вдалеке,
Как будто прекратился, наконец,
сон без души.
Ни звука не спускалось вниз
с лежащих в высоте Безмолвий,
Ничто не отвечало из её
безлюдных, одиноких мест.
Царило лишь молчанье
прекращения всего,
И тишина — широкая, бессмертная,
которая была здесь
до рождения богов;
Космическая Сила
молча ожидала
Последнего решения
скрытого вуалью Трансцендентного.

Внезапно появился взгляд,
смотрящий вниз.
Как море, что исследует
свои глубины,
Ожившее Единство распахнулось
в самой сердцевине
Соединив его¹ со всем своим
бесчисленным многообразием.
Блаженство, Сила, Свет,
и пламенная, чистая Любовь

¹ Ашвапати, прим.пер.

Caught all into a sole immense
embrace;
Existence found its truth on
Oneness' breast

And each became the self and
space of all.
The great world-rhythms were
heart-beats of one Soul,

To feel was a flame-discovery of
God,

All mind was a single harp of
many strings,

All life a song of many meeting
lives;
For worlds were many, but the
Self was one.

This knowledge now was made a
cosmos' seed:

This seed was cased in the safety
of the Light,

It needed not a sheath of
Ignorance.

Then from the trance of that
tremendous clasp

And from the throbbings of that
single Heart

And from the naked Spirit's
victory

A new and marvellous creation
rose.

Incalculable outflowing
infinitudes

Laughing out an unmeasured
happiness

Lived their innumerable unity;

Поймали всё в одно
безмерное объятие;
Существование отыскало
на груди Единства
собственную истину,

И каждый стал самим собою
и пространством для всего.
Великие, ритмичные движенья мира
стали пульсом, бившемся
в одной Душе,

И просто чувствовать —
отныне стало пламенным
открытием Всевышнего,

Весь ум стал как
одна большая арфа,
с множеством различных струн,

Вся жизнь — как песня
множества встречающихся жизнью;

И хоть миров бывает много,
Высшее, Божественное “Я”
всегда одно.

Сейчас то знание стало
семенем для космоса:

То семя было спрятано
в шкатулку Света,

Оно не требовало больше
оболочки из Невежества.

Затем из транса этого
огромного объятия,

Из пульса этого
единственного Сердца,

И из победы
сбросившего одеянья Духа

Поднялось новое,
чудесное творение.

Неисчислимые, текущие потоком
бесконечности,

Смеялись от
немерянного счастья

И жили в их
бесчисленном единстве;

Worlds where the being is unbound and wide	Миры, где бытие просторно и не ограничено,
Bodied unthinkably the egoless Self;	Чудесно, невообразимо воплощали “Я” без эго;
Rapture of beatific energies	Восторг энергий, наполняющих блаженством
Joined Time to the Timeless, poles of a single joy;	Соединял Вневременное с Временем, как полюса единой радости;
White vasts were seen where all is wrapped in all.	Глазам предстали чистые просторы, где всё обёрнуто во всё.
There were no contraries, no sundered parts,	И не было — ни противоположностей, ни отделившихся частей,
All by spiritual links were joined to all	Здесь всё со всем соединялось с помощью духовных звеньев
And bound indissolubly to the One:	И было неразрывно связано с Единым:
Each was unique, but took all lives as his own,	Здесь каждый был неповторим, но принимал все жизни, как свою,
And, following out these tones of the Infinite,	И, следуя до самого конца за этими тонами Бесконечности,
Recognised in himself the universe.	Осознавал в себе самом — вселенную.
A splendid centre of infinity's whirl	Роскошный центр круженья, вихря бесконечности
Pushed to its zenith's height, its last expanse,	Толкающий к своей предельной высоте и к окончательному расширению,
Felt the divinity of its own self-bliss	Он ощущал божественность живущего внутри само-блаженства
Repeated in its numberless other selves:	И повторял себя в других бессчётных “я”:
It took up tirelessly into its scope	Он неустанно принимал в свои пределы
Persons and figures of the Impersonal,	И персональности, и образы Безличного,
As if prolonging in a ceaseless count,	Как будто продолжая в беспрестанном вычислении,
In a rapturous multiplication's sum, The recurring decimals of eternity.	В восторженном итоге умножения, Одни и те же, повторявшиеся знаки бесконечной дроби вечности.

None was apart, none lived for
 himself alone,
 Each lived for God in him and
 God in all,

 Each soleness inexpressibly held
 the whole.
 There Oneness was not tied to
 monotone;
 It showed a thousand aspects of
 itself,
 Its calm immutable stability

 Upbore on a changeless ground
 for ever safe,
 Compelled to a spontaneous
 servitude,
 The ever-changing incalculable
 steps,
 The seeming-reckless dance's
 subtle plan
 Of immense world-forces in their
 perfect play.
 Appearance looked back to its
 hidden truth
 And made of difference oneness'
 smiling play;
 It made all persons fractions of the
 Unique,
 Yet all were being's secret
 integers.
 All struggle was turned to a sweet
 strife of love
 In the harmonised circle of a sure
 embrace.
 Identity's reconciling happiness
 gave
 A rich security to difference.

 On a meeting line of hazardous
 extremes

Никто не отделялся,
 не старался жить лишь для себя,
 Здесь каждый жил
 для Бога, что внутри,
 для Бога, что во всех,
 И в каждом исключительность
 невыразимо содержала целое.
 Единство там не связано
 с однообразием;
 Оно показывало тысячи аспектов
 самого себя,
 Его спокойная,
 неколебимая стабильность
 Поддерживала на незыблемом,
 всегда надёжном основании,
 Подталкивая к самопроизвольному
 служению
 Непредсказуемые,
 вечно изменяющиеся шаги,
 И тонкий план, нам кажущийся
 безрассудным танцем,
 Огромных сил вселенной
 в совершенной их игре.
 Проявленное там оглядывалось
 на свою скрываемую истину
 И из различья делало
 весёлую игру единства;
 Все личности там становились
 частью Уникального,
 При этом, оставаясь
 тайным целым бытия.
 Любая битва превращалась
 в сладкий спор любви,
 Идущий в гармоничном круге
 крепкого, надёжного объятия.
 Так примиряющее
 счастье тождества
 Давало пышную, богатую основу
 для различия.
 На грани, где встречаются
 рискованные крайности

The game of games was played to its breaking-point, Where through self-finding by divine self-loss	Игра всех игр была доведена до крайнего предела, Где через поиски себя, путём потери самого себя в божественном
There leaps out unity's supreme delight Whose blissful undivided sweetness feels A communality of the Absolute. There was no sob of suffering anywhere; Experience ran from point to point of joy:	Выпрыгивает наивысший пик восторга, наслаждения единства, Чья неделимая на части, полная блаженства сладость Воспринимает общность Абсолюта. Там не было нигде рыдания страданий; Переживание бежало от одних мгновений радости к другим:
Bliss was the pure undying truth of things.	Блаженство было здесь бессмертной, чистой истиной вещей.
All Nature was a conscious front of God: A wisdom worked in all, self-moved, self-sure,	Вся высшая Природа была сознательным фасадом Бога: Во всём работала в себе уверенная, самодвижимая мудрость,
A plenitude of illimitable Light, An authenticity of intuitive Truth,	И изобилие неограниченного Света, И подлинность интуитивной Истины,
A glory and passion of creative Force. Infallible, leaping from eternity,	И страсть, и слава Силы, созидающей все вещи. Непогрешимая, внезапно выходящая из вечности,
The moment's thought inspired the passing act.	Рождённая мгновеньем мысль дарила вдохновенье преходящим действиям.
A word, a laughter, sprang from Silence' breast, A rhythm of Beauty in the calm of Space, A knowledge in the fathomless heart of Time. All turned to all without reserve's recoil:	Слова и смех выпрыгивали из груди Безмолвия, Из ритма Красоты в спокойствии Пространства, Из знания в бездонном сердце Времени. Всё обращалось ко всему, и не отшатывалось ради осторожности:

A single ecstasy without a break,
 Love was a close and thrilled
 identity
 In the throbbing heart of all that
 luminous life.
 A universal vision that unites,
 A sympathy of nerve replying to
 nerve,
 Hearing that listens to thought's
 inner sound
 And follows the rhythmic
 meanings of the heart,
 A touch that needs not hands to
 feel, to clasp,
 Were there the native means of
 consciousness
 And heightened the intimacy of
 soul with soul.
 A grand orchestra of spiritual
 powers,
 A diapason of soul-interchange
 Harmonised a Oneness deep,
 immeasurable.
 In these new worlds projected he
 became
 A portion of the universal gaze,
 A station of the all-inhabiting
 light,
 A ripple on a single sea of peace.
 His mind answered to countless
 communing minds,
 His words were syllables of the
 cosmos' speech,

Сплошным экстазом,
 без единой паузы,
 Отождествленьем,
 трепетным и близким,
 была Любовь
 В пульсирующем сердце
 всей той озарённой жизни.
 Универсальное, космическое виденье,
 которое объединяет,
 Симпатия, с которой
 нерв готов ответить нерву,
 Тот слух, что принимает
 внутренние звуки мыслей
 И следует за пониманьем,
 в ритме сердца,
 Касание, которому не нужно рук,
 чтоб ощутить, чтоб сжать,
 Служили для сознания
 естественными средствами
 И возвышали близость отношения
 одной души с другой.
 Большой оркестр
 духовных сил,
 Диапазон взаимного
 душевного обмена
 Гармонизировал глубокое,
 неизмеримое Единство.
 Так, спроецированный
 в эти новые миры,
 Он¹ стал какой-то частью
 для космического взгляда,
 Площадкой для
 всё населяющего света,
 И рябью на едином море
 мира и покоя.
 Ум Ашвапати отвечал бесчисленным,
 общающимся меж собой умам,
 Его слова отныне стали
 слогами вселенской речи,

¹ Ашвапати, прим.пер.

His life a field of the vast cosmic stir.	А жизнь служила полем для широкого, космического действия.
He felt the footsteps of a million wills	Он чувствовал, как миллионы волей,
Moving in unison to a single goal.	Шагают в унисон к единой цели.
A stream ever new-born that never dies,	Он чувствовал Поток, всегда рождающийся вновь и никогда не умирающий,
Caught in its thousandfold current's ravishing flow,	Ухваченный в прекрасном беге своего тысячекратного течения,
With eddies of immortal sweetness thrilled,	С водоворотами трепещущей бессмертной сладости,
He bore coiling through his members as they passed	И ощущал, как вились, проходя по телу,
Calm movements of interminable delight,	Спокойные движенья нескончаемого наслаждения,
The bliss of a myriad myriads who are one.	Блаженство мириада мириад, которые — одно.
In this vast outbreak of perfection's law	В широком этом всполохе закона совершенства,
Imposing its fixity on the flux of things	Что придаёт свою устойчивость течению всего,
He saw a hierarchy of lucent planes	Он видел иерархию светящихся вселенских планов,
Enfeoffed to this highest kingdom of God-state.	Поместьями входящих в это царство Бога, в этот высший мир.
Attuning to one Truth their own right rule	Настраивая в тон с единой Истиной своё особенное право,
Each housed the gladness of a bright degree,	Там каждый приносил сияющую радость,
Alone in beauty, perfect in self-kind,	Единственную, уникальную по красоте,
	И совершенную среди себе подобных,
An image cast by one deep truth's absolute,	И образ, что наброшен был единой и глубокой истиной из абсолюта,

Married to all in happy difference.	И обручён со всем на свете в радостном различии.
Each gave its powers to help its neighbours' parts,	Там каждый отдавал свои энергии и силы, Помочь своим частям, живущим по соседству,
But suffered no diminution by the gift;	Не чувствуя потери от своих даров;
Profiteers of a mystic interchange, They grew by what they took and what they gave,	Барышники мистических обменов, Они росли на том, что брали, и на том, что отдавали,
All others they felt as their own complements,	Воспринимали всех других как дополнение к себе,
One in the might and joy of multitude.	Единые в могуществе и радости многообразия.
Even in the poise where Oneness draws apart	И даже в этом равновесии, когда Единство хочет разделить себя,
To feel the rapture of its separate selves,	Чтоб ощутить восторг отдельных "я",
The Sole in its solitude yearned towards the All	В своём уединении, Одно стремилось ко Всему,
And the Many turned to look back at the One.	А Много оборачивалось оглянуться на Единого.
An all-revealing all-creating Bliss,	Все-проявляющее, все-творящее Блаженство,
Seeking for forms to manifest truths divine,	Искало формы, чтобы проявить божественные истины,
Aligned in their significant mystery	Стоящие рядами в их многозначительной мистерии,
The gleams of the symbols of the Ineffable	Лучи и блики символов Невыразимого,
Blazoned like hues upon a colourless air	Что были разукрашены геральдикой, как нежные цвета в бесцветном воздухе,
On the white purity of the Witness Soul.	На фоне белой чистоты Души-Свидетеля.
These hues were the very prism of the Supreme,	Оттенки эти были настоящей призмой Всевышнего,
His beauty, power, delight creation's cause.	Его могуществом и красотой, причиной наслаждения творением.

A vast Truth-Consciousness took
up these signs
To pass them on to some divine
child Heart
That looked on them with laughter
and delight
And joyed in these transcendent
images
Living and real as the truths they
house.

The Spirit's white neutrality became
A playground of miracles, a
rendezvous
For the secret powers of a mystic
Timelessness:
It made of Space a marvel house
of God,
It poured through Time its works
of ageless might,

Unveiled seen as a luring
rapturous face

The wonder and beauty of its
Love and Force.
The eternal Goddess moved in her
cosmic house
Sporting with God as a Mother
with her child:
To him the universe was her
bosom of love,
His toys were the immortal
verities.
All here self-lost had there its
divine place.

The Powers that here betray our
hearts and err,

Широкое Сознание-Истина
воспринимало эти знаки,
Чтоб передать их детскому,
божественному Сердцу,
Глядящему на них
со смехом и восторгом,
И наслаждалось в этих
транскendentных образах,
Живых и настоящих,
как те истины,
что поселились в них.
Так чистая нейтральность Духа стала
Площадкой для игры чудес
и местом встречи тайных сил
Мистического,
скрытого Вневременья:
Оно Пространство сделало
чудесным домом Бога,
Оно сквозь Время изливало вниз
творенья нестареющей
энергии и мощи,
Лишённое покровов, виделось
как восхитительный,
притягивавший лик,
Как красота и чудо
Силы и Любви его.
И вечная Богиня двигалась
в своём космическом жилище,
Играя с Богом,
словно Мать с дитя:
Вселенная лежала перед ним
как грудь её любви,
Собрания бессмертных истин
были для него игрушками.
И всё, что потеряло
здесь самих себя,
Там обрело своё
божественное место.
Те Силы, что обманывают
наше сердце здесь,
и ошибаются,

Were there sovereign in truth,
perfect in joy,
Masters in a creation without flaw,
Possessors of their own infinitude.

There Mind, a splendid sun of
vision's rays,
Shaped substance by the glory of
its thoughts
And moved amidst the grandeur
of its dreams.

Imagination's great ensorcelling
rod
Summoned the unknown and gave
to it a home,
Outspread luxuriantly in golden
air

Truth's iris-coloured wings of
fantasy,
Or sang to the intuitive heart of
joy
Wonder's dream-notes that bring
the Real close.

Its power that makes the
unknowable near and true,
In the temple of the ideal shrined
the One:

It peopled thought and mind and
happy sense

Filled with bright aspects of the
might of God

And living persons of the one
Supreme,

The speech that voices the
ineffable,

The ray revealing unseen
Presences,

The virgin forms through which
the Formless shines,

Там были полновластны в истине,
и совершенны в радости,
Хозяева и Мастера
в твореньи без изъянов,
Владельцы собственной
огромной бесконечности.

Там Ум, роскошное светило
лучей прямого виденья,
Формировал субстанцию
великолепьем мыслей
И двигался средь грандиозности
своих мечтаний.

Магический великий
жезл воображения
Взывал к неведомому,
предлагал ему жилище,
И пышно простирает
в том золотистом воздухе
Раскрашенные в яркие цвета
крыла фантазий Истины,
А может, пел интуитивному,
внимающему сердцу радости

Мечтанья-ноты Чуда,
несущего всё ближе Настоящее.

Его энергия, что делает непознаваемое
истинным и близким,

Хранила бережно Единого
в том храме идеального

И населяла мысли, ум,
и ощущение счастья,

Наполненные яркими аспектами
могущества и силы Бога,

Живыми персональностями
одного Всевышнего,

И речью, что способна
выразить неопишное,

Лучом, что открывает нам
незримые Присутствия,

И девственными формами,
через которые сияет,
светится Бесформенное,

The Word that ushers divine
experience
And the Ideas that crowd the
Infinite.
There was no gulf between the
thought and fact,
Ever they replied like bird to
calling bird;
The will obeyed the thought, the
act the will.
There was a harmony woven twixt
soul and soul.
A marriage with eternity divinised
Time.
There Life pursued, unwearied of
her sport,
Joy in her heart and laughter on
her lips,

The bright adventure of God's
game of chance.
In her ingenious ardour of caprice,

In her transfiguring mirth she
mapped on Time
A fascinating puzzle of events,

Lured at each turn by new
vicissitudes
To self-discovery that could never
cease.
Ever she framed stark bonds for
the will to break,

Brought new creations for the
thought's surprise
And passionate ventures for the
heart to dare,
Where Truth recurred with an
unexpected face
Or else repeated old familiar joy

И Словом — что несёт
переживание божественного,
Идеями, которые
переполняют Бесконечное.
Там не бывало пропасти
меж мыслями и фактами,
Они друг другу отвечали,
словно птица отзывалась птице;
И воля подчинялась мысли,
а поступки — воле.
Была гармония, что ткётся
от одной души к другой.
И Время делалось божественным
от брака с вечностью.
Там Жизнь гналась,
не уставая от соревнования,
За радостью в глубинах
собственного сердца,
за смехом на своих губах,
За ярким авантурным приключением
Божественной игры случайности.
В своём изобретательном
пылу каприза,
В своём преобразующем веселье,
она на карте Времени чертила
Пленяющую, сложную
головоломку из событий,
На каждом повороте
увлекала к новым изменениям,
К самооткрытию,
что никогда не прекращается.
Она всё время расставляла
крепкие оковы
для желанья вырваться,
И приносила новые творенья,
удивляя мысль,
И страстные рискованные начинанья
для отваги сердца,
Где с новым, неожиданным лицом
вновь возникала Истина,
А может — повторяла старые,
знакомые всем удовольствия,

Like the return of a delightful
rhyme.

At hide-and-seek on a
Mother-Wisdom's breast,

An artist teeming with her
world-idea,

She never could exhaust its
numberless thoughts

And vast adventure into thinking
shapes

And trial and lure of a new living's
dreams.

Untired of sameness and untired
of change,

Endlessly she unrolled her moving
act,

A mystery drama of divine
delight,

A living poem of world-ecstasy,

A kakemono of significant forms,

A coiled perspective of
developing scenes,

A brilliant chase of self-revealing
shapes,

An ardent hunt of soul looking for
soul,

A seeking and a finding as of
gods.

There Matter is the Spirit's firm
density,

An artistry of glad outwardness of
self,

A treasure-house of lasting images

Where sense can build a world of
pure delight:

The home of a perpetual happiness,

Как возвращение
прекрасной рифмы.

Играя в прятки на груди
у Мудрости-Праматери,
Художница, что переполнена
своей идеей мира,

Она не может никогда
ни исчерпать, ни истощить
свои бесчисленные мысли,

Просторы приключенья
в мыслящих телах и формах,

И испытанье, и соблазн
мечтаний новой жизни.

Не уставая от однообразия,
не уставая от изменчивости,

Она всё время, бесконечно,
разворачивала

динамическое действие,

Таинственный
и драматический сюжет
божественного наслажденья,

Ожившую поэму
экстаза мира,

Какемоно важнейших форм,

И свёрнутую перспективу
сцен развития,

Сверкающую гонку
самопроявляющихся обликов,

И пламенную страсть души,
в погоне ищущей

другую душу,

Что в поиске, в обнаружении
становится под стать богам.

Материя там — крепкая,
устойчивая плотность Духа,

И артистичность радостной, счастливой
внешней оболочки “я”,

Сокровищница
прочных образов,

Где чувство может строить мир
из чистого восторга:

Дом нескончаемого счастья,

It lodged the hours as in a pleasant inn.	Он расселял часы по номерам, как в дорогой гостинице.
The senses there were outlets of the soul;	Там ощущения — отдушины души;
Even the youngest child-thought of the mind	И даже детская, незрелая идея, мысль ума
Incarnated some touch of highest things.	Там воплощала некое прикосновенье высочайшего.
There substance was a resonant harp of self,	Субстанция была там резонирующей арфой внутреннего “я”,
A net for the constant lightnings of the spirit,	Тенетами для беспрестанных озарений духа,
A magnet power of love's intensity	И силой притяженья интенсивности любви,
Whose yearning throb and adoration's cry	Чей пульс стремления и возглас обожания
Drew God's approaches close, sweet, wonderful.	Притягивали появленья Бога — сладостные, близкие, чудесные.
Its solidity was a mass of heavenly make;	Так прочная субстанция Материи оказывалась массой, сделанной на небесах;
Its fixity and sweet permanence of charm	Её устойчивые, неизменно сладостные чары
Made a bright pedestal for felicity.	Выстраивали яркий пьедестал для счастья.
Its bodies woven by a divine sense	Её тела, что сотканы божественными чувствами,
Prolonged the nearness of soul's clasp with soul;	Стремились удержать подольше близкое объятие души с душой;
Its warm play of external sight and touch	И тёплая игра её поверхностного зрения и осязания
Reflected the glow and thrill of the heart's joy,	Там отражала пыл и трепетание сердечной радости,
Mind's climbing brilliant thoughts, the spirit's bliss;	Блаженство духа, восходящую, сверкающую мысль ума;
Life's rapture kept for ever its flame and cry.	Восторг и наслаждение жизни вечно сохраняли свой огонь и свой призыв.

All that now passes lived
immortal there
In the proud beauty and fine
harmony
Of Matter plastic to spiritual light.

Its ordered hours proclaimed the
eternal Law;

Vision reposed on a safety of
deathless forms;
Time was Eternity's transparent
robe.

An architect hewing out self's
living rock,

Phenomenon built Reality's
summer-house
On the beaches of the sea of
Infinity.

Against this glory of spiritual
states,
Their parallels and yet their
opposites,
Floated and swayed, eclipsed and
shadowlike
As if a doubt made substance,
flickering, pale,

This other scheme two vast
negations found.
A world that knows not its
inhabiting Self
Labours to find its cause and need
to be;

A spirit ignorant of the world it
made,
Obscured by Matter, travestied by
Life,

Всё то, что ныне преходяще,
там живёт, не умирая,
В утонченной гармонии
и гордой красоте Материи,
Которая была пластичной
под духовным светом.
Её часы, идущие назначенным путём,
провозглашали силу
вечного Закона;
Взгляд отдыхал в надёжности
бессмертных форм;
Прозрачным одеяньем Вечности
служило Время.
Как архитектор,
высекая из живого камня
внутреннего “я”,
Феноменальное выстраивало
летний дом Реальности
На пляжах моря Бесконечности.

Напротив этого великолепия
духовных состояний,
Соседним, параллельным курсом,
но всё же, противостоя,
Плыла, качаясь, затемнённая,
похожая на призрак,
Как если бы сомнение
могло создать субстанцию,
дрожащая и бледная,
Совсем иная схема бытия,
с опорой на два широких отрицания.
Мир, что не знает в нём живущего
Божественного “Я”,
Тяжёлыми трудами силится
найти свою причину
и необходимость быть;
И дух, не замечающий
им сотворённую вселенную,
Скрываемый Материей
и пародируемый Жизнью,

Struggles to emerge, to be free, to
know and reign;

These were close-tied in one
disharmony,
Yet the divergent lines met not at
all.

Three Powers governed its
irrational course,
In the beginning an unknowing
Force,
In the middle an embodied
striving soul,
In its end a silent spirit denying
life.

A dull and infelicitous interlude

Unrolls its dubious truth to a
questioning Mind

Compelled by the ignorant Power
to play its part

And to record her inconclusive
tale,

The mystery of her inconscient
plan

And the riddle of a being born
from Night

By a marriage of Necessity with
Chance.

This darkness hides our nobler
destiny.

A chrysalis of a great and glorious
truth,

It stifles the winged marvel in its
sheath

Lest from the prison of Matter it
escape

Сражается, чтобы выйти,
стать свободным,
знать и править;

Два отрицанья были тесно связаны
единой дисгармонией,

И в то же время,
эти расходящиеся линии
между собою не встречались.

Три Властных Силы правили
их иррациональным курсом,

В начале — правила
незнающая Сила,

Посередине — воплощённая
сражающаяся душа,

В конце — безмолвный дух,
что отрицает жизнь.

Неясная, безрадостная
интерлюдия

Развёртывает ненадёжные,
сомнительные истины
для познающего Ума,

Что под давлением
невежественной Силы

Обязан здесь играть
навязанную роль,

И оставлять в истории
неубедительную повесть,

И таинство её неведомого,
бессознательного плана,

Загадки бытия,
рождённого из Ночи

От брака Случая
с Необходимостью.

Та тьма скрывает нашу
более высокую судьбу.

Лишь куколка
великой, славной истины,

Она сжимает, душит в коконе своём
крылатое, невиданное чудо,

Чтобы оно не убежало
из тюрьмы Материи,

And, wasting its beauty on the
formless Vast,

Merged into the Unknowable's
mystery,

Leave unfulfilled the world's
miraculous fate.

As yet thought only some high
spirit's dream

Or a vexed illusion in man's
toiling mind,

A new creation from the old shall
rise,

A Knowledge inarticulate find
speech,

Beauty suppressed burst into
paradise bloom,

Pleasure and pain dive into
absolute bliss.

A tongueless oracle shall speak at
last,

The Superconscient conscious
grow on earth,

The Eternal's wonders join the
dance of Time.

But now all seemed a vainly
teeming vast

Upheld by a deluded Energy

To a spectator self-absorbed and
mute,

Careless of the unmeaning show
he watched,

Regarding the bizarre procession
pass

Like one who waits for an
expected end.

И чтоб потом,
растрачивая красоту свою
в бесформенном Просторе,

И слившись полностью
с мистерией Непознаваемого,

Оно бы не оставило
чудесную судьбу вселенной
без реализации.

И всё же, как задумали
возвышенные грёзы духа,

Иль подстрекающая,
беспокойная иллюзия
в трудящихся умах людей,

Неведомое, новое творение
поднимется из старого,

И Знание без слов найдёт,
как выразить себя,

Подавленная Красота ворвётся,
превратившись в райское цветение,

И наслаждение, и боль
нырнут в блаженство абсолюта.

Лишённый языка оракул,
наконец, заговорит,

И Сверхсознательное
станет на земле осознающим,

А множество чудес,
принадлежащих Вечному,
соединятся с танцем Времени.

Сейчас, однако, всё казалось
пустым бурлением широты,

Поддерживаемым
обманчивой Энергией

Для поглощённого в себя,
немного зрителя,

Что не заботится о наблюдаемом
бессмысленном спектакле,

Что смотрит на причудливую,
странную процессию,

Как будто, ждёт
заранее известного конца.

He saw a world that is from a
world to be.

There he divined rather than saw
or felt,
Far off upon the rim of
consciousness,
Transient and frail this little
whirling globe

And on it left like a lost dream's
vain mould,

A fragile copy of the spirit's shell,

His body gathered into mystic
sleep.
A foreign shape it seemed, a
mythic shade.

Alien now seemed that dim far
universe,
Self and eternity alone were true.

Then memory climbed to him
from the striving planes
Bringing a cry from once-loved
cherished things,

And to the cry as to its own lost
call
A ray replied from the occult
Supreme.
For even there the boundless
Oneness dwells.
To its own sight unrecognisable,

It lived still sunk in its own
tenebrous seas,

Он¹ вглядывался в мир,
который существует, из того,
каким он должен стать.
И он скорее предугадывал,
чем видел или ощущал,
Там, где-то далеко,
на самом краешке сознания,
Непрочный, мимолётный,
маленький вращающийся
шар земли,
И там оставленное,
как пустую формочку
утраченной мечты,
Как хрупкий дубликат
для оболочки духа,
Своё земное тело, погружённое
в мистическое сновидение.
Оно предстало незнакомым обликом,
мифической тенью.

Чужой сейчас казалась
эта смутная, далёкая вселенная,
И только Внутреннее “Я”
и вечность были истиной.
Затем, к нему из планов,
что сражаются, поднялась память,
И принесла призыв того,
что прежде он любил,
о чём заботился,
На тот призыв,
как на потерянный свой зов
Ответил луч из
сокровенной Высоты внутри.
Ведь безграничное Единство
обитает даже здесь.
Незамечаемое
для своих же глаз,
Оно жило спокойно, погрузившись
в собственные тёмные моря,

¹ Ашвапати, прим.пер.

Upholding the world's inconscient unity	Поддерживая неосознающее единство мира,
Hidden in Matter's insentient multitude.	Укрытое в бесчувственном многообразии Материи.
This seed-self sown in the Indeterminate	То семя внутреннего "я", посеянное в Неопределённость,
Forfeits its glory of divinity,	Теряет славу собственной божественности,
Concealing the omnipotence of its Force,	Скрывая всемогущество ему принадлежащей Силы,
Concealing the omniscience of its Soul;	Скрывая абсолютное всезнание своей Души;
An agent of its own transcendent Will,	Агент своей, превосходящей все на свете, трансцендентной Воли,
It merges knowledge in the inconscient deep;	Оно захватывает, поглощает знание в несознающей глубине;
Accepting error, sorrow, death and pain,	Так, принимая горе, смерть, ошибку, боль,
It pays the ransom of the ignorant Night,	Оно всё время платит дань невежественной Ночи,
Redeeming by its substance Nature's fall.	Оплачивая собственной субстанцией падение Природы.
Himself he knew and why his soul had gone	Он ¹ смог познать себя, и почему его душа
Into earth's passionate obscurity	Пошла в наполненную страстью темноту земли
To share the labour of an errant Power	Взять на себя работу ошибающейся Силы,
Which by division hopes to find the One.	Которая надеется делением найти Единого.
Two beings he was, one wide and free above,	Два существа одновременно были в нём, Одно — широкое, свободное — над ним,
One struggling, bound, intense, its portion here.	Другое — связанное, напряжённое И полное борьбы — его часть здесь.

¹ Ашвапати, прим.пер.

A tie between them still could
bridge two worlds;

There was a dim response, a
distant breath;

All had not ceased in the
unbounded hush.

His heart lay somewhere
conscious and alone

Far down below him like a lamp
in night;

Abandoned it lay, alone,
imperishable,

Immobile with excess of
passionate will,

His living, sacrificed and offered
heart

Absorbed in adoration mystical,

Turned to its far-off fount of light
and love.

In the luminous stillness of its
mute appeal

It looked up to the heights it could
not see;

It yearned from the longing depths
it could not leave.

In the centre of his vast and fateful
trance

Half-way between his free and
fallen selves,

Interceding twixt God's day and
the mortal's night,

Accepting worship as its single
law,

Однако связь меж
теми существами
Могла соединить мостом
два мира;

Неясный отклик оставался
и далёкое дыхание;

Не всё остановилось
в безграничной тишине.

Там, где-то далеко,
внизу под ним,

Как лампа посреди ночи;
лежало одинокое, сознательное
сердце Ашвапати,

Оно лежало
неподвижно там,
Покинутое, одинокое и стойкое,
наполненное страстной волей,

Его живое, жертвенное сердце,
умевшее служить,

Всё поглощённое
в мистическое восхищение,

Повёрнутое к своему
далёкому источнику
любви и света.

И в светлой тишине
немного своего призыва

Оно смотрело на высоты,
не способное их видеть;

Оно стремилось выйти
из наполненных желанием глубин,
но не могло.

И в самой сердцевине
широкого, пророческого
транса Ашвапати,

На пол-пути между
его свободным "я" и падшим,

Посредником меж
ночью смертного
и днём Божественного,

И принимая поклонение
как свой единственный закон,

Accepting bliss as the sole cause
of things,
Refusing the austere joy which
none can share,

Refusing the calm that lives for
calm alone,

To her it turned for whom it
willed to be.

In the passion of its solitary dream
It lay like a closed soundless
oratory

Where sleeps a consecrated argent
floor

Lit by a single and untrembling
ray

And an invisible Presence kneels
in prayer.

On some deep breast of liberating
peace

All else was satisfied with
quietude;

This only knew there was a truth
beyond.

All other parts were dumb in
centred sleep

Consenting to the slow deliberate
Power

Which tolerates the world's error
and its grief,

Consenting to the cosmic long
delay,

Timelessly waiting through the
patient years

Her coming they had asked for
earth and men;

Блаженство —
как одну причину для всего,
Отказываясь от высокой радости,
которую никто

не может разделить,
Отказываясь от спокойствия,
которое живёт
лишь для спокойствия,

Оно всё повернулось к ней,
к ней, для кого
оно хотело быть.

И в страсти одинокой грёзы
Оно лежало, как закрытая,
беззвучная часовня,

Где спит священный
серебристый пол,

Что озаряется единственным
бестрепетным лучом,

Где, преклонив колени,
молится незримое Присутствие.

Там, на глубокой
и таинственной груди
освобождающего мира и покоя

Всё остальное
наслаждалось тишиной;

И знало лишь, что истина
есть где-то за пределом.

Все остальные части были немы
в сконцентрированном сне,

И соглашаясь с медленною,
осторожной Силой,

Что терпит до сих пор
и горе, и ошибку мира,

И соглашаясь с долгою
космической отсрочкой,

Они вне времени,
пронзая годы, полные терпенья,
всё время ожидали

Её прихода, что они когда-то
испросили для земли
и для людей;

This was the fiery point that called her now.	То было огненною точкой, что звала её сейчас.
Extinction could not quench that lonely fire;	И угасанье не могло задуть горящий в одиночестве огонь;
Its seeing filled the blank of mind and will;	То видение сердца заполняло пустоту ума и воли;
Thought dead, its changeless force abode and grew.	Мысль умерла, но сила сердца, неизменная, жила, росла.
Armed with the intuition of a bliss	Вооружившись интуицией блаженства,
To which some moved tranquillity was the key,	Которому какое-то подвижное спокойствие служило открывающим ключом,
It persevered through life's huge emptiness	Оно упорствовало сквозь пустое, необъятное пространство жизни,
Amid the blank denials of the world.	Среди бесплодных отрицаний мира.
It sent its voiceless prayer to the Unknown;	Оно свою беззвучную молитву посылало в Неизвестность;
It listened for the footsteps of its hopes	Оно прислушивалось к отзвукам шагов своих надежд,
Returning through the void immensities,	Что возвращаются назад, сквозь пустоту безмерностей,
It waited for the fiat of the Word That comes through the still self from the Supreme.	И ожидало указания Слова, Которое идёт сквозь неподвижность внутреннего "я" от Высочайшего.

End of Canto Three

Конец третьей песни

Book Three
THE BOOK
OF THE DIVINE MOTHER

Книга Третья
КНИГА
БОЖЕСТВЕННОЙ МАТЕРИ

Canto IV
THE VISION AND THE BOON

Песня IV
ВИДЕНИЕ И ДАР

Then suddenly there rose a sacred
stir.

Amid the lifeless silence of the
Void

In a solitude and an immensity
A sound came quivering like a
loved footfall

Heard in the listening spaces of
the soul;

A touch perturbed his fibres with
delight.

An Influence had approached the
mortal range,

A boundless Heart was near his
longing heart,

A mystic Form enveloped his
earthly shape.

All at her contact broke from
silence' seal;

Spirit and body thrilled identified,

Linked in the grasp of an
unspoken joy;

Mind, members, life were merged
in ecstasy.

Внезапно на духовном плане
что-то сдвинулось и изменилось.

Среди безжизненных
безмолвий Пустоты,

В её безмерность, одиночество
Пришёл какой-то звук,
по трепету похожий
на шаги любимого,

Звук, слышимый внимавшими
пространствами души;

От этого касания
все фибры Ашвапати
были взбудоражены восторгом.

Какое-то Влиянье подошло
к пределам смертных,

И Сердце без границ
приблизилось к его
желающему сердцу,

Мистическая Форма
окутала его земную оболочку.

И от контакта с ней
в нём всё вдруг вырвалось
из под печати тишины;

Дух вместе с телом
с ней отождествились
и затрепетали,

Соединённые в объятии
невыразимой радости;

И ум, и жизнь, и члены тела —
все слились в экстазе.

Intoxicated as with nectarous rain	Как будто опьянённые нектарным, восхитительным дождём,
His nature's passioning stretches flowed to her,	К ней потекли потоком страстные черты его природы
Flashing with lightnings, mad with luminous wine.	Сверкая, словно молнии, безумные от озарённого вина.
All was a limitless sea that heaved to the moon.	Всё стало беспредельным морем, поднимающимся до луны.
A divinising stream possessed his veins,	Обожествлённые потоки овладели венами,
His body's cells awoke to spirit sense,	И клетки тела пробудились к ощущению духа,
Each nerve became a burning thread of joy:	В нём каждый нерв стал огненную нитью радости,
Tissue and flesh partook beatitude.	А плоть и ткани — частью этого блаженства.
Alight, the dun unplumbed subconscient caves	Всем этим озарённые, коричневые, нераскрытые пещеры подсознания
Thrilled with the prescience of her longed-for tread	Дрожали от предчувствия её давно желанной поступи
And filled with flickering crests and praying tongues.	И наполнялись колыханием плюмажей и молитвенною речью.
Even lost in slumber, mute, inanimate	И даже ставшее немым, безжизненным, затерянное в снах,
His very body answered to her power.	Само его земное тело отвечало этой силе.
The One he worshipped was within him now:	Сейчас Единый, тот, кого он обожал, был у него внутри:
Flame-pure, ethereal-tressed, a mighty Face	Явился чистый, пламенный, в эфирных локонах, могучий Лик,
Appeared and lips moved by immortal words;	Уста, что направляются бессмертными словами;
Lids, Wisdom's leaves, drooped over rapture's orbs.	В нём веки, листья Мудрости, спускались на глаза поверх орбит восторга.
A marble monument of ponderings, shone	Подобный мраморному монументу размышлений,

A forehead, sight's crypt, and
large like ocean's gaze
Towards Heaven, two tranquil
eyes of boundless thought

Looked into man's and saw the
god to come.

A Shape was seen on threshold
Mind, a Voice

Absolute and wise in the heart's
chambers spoke:

"O Son of Strength who climbst
creation's peaks,

No soul is thy companion in the
light;

Alone thou standest at the eternal
doors.

What thou hast won is thine, but
ask no more.

O Spirit aspiring in an ignorant
frame,

O Voice arisen from the
Inconscient's world,

How shalt thou speak for men
whose hearts are dumb,

Make purblind earth the soul's
seer-vision's home

Or lighten the burden of the
senseless globe?

I am the Mystery beyond reach of
mind,

I am the goal of the travail of the
suns;

My fire and sweetness are the
cause of life.

But too immense my danger and
my joy.

Awake not the immeasurable
descent,

Светился лоб его, часовня виденья,
и необъятные, как взгляд морей,
Направленные в Небеса,
два тихих глаза

безграничной мысли

Смотрели в человеческое,
видя приближавшего бога.

Явился Облик

на пороге восприятия Ума,
И Голос, абсолютный, мудрый,
зазвучал в палате сердца:

“О Сын Могущества,
поднявшийся на пик творения,
Нет ни души товарищем тебе
под этим светом;

Стоишь ты в одиночестве
у вечных врат.

Что ты завоевал — твоё,
но не проси же больше.

О устремлённый Дух
в невежественной оболочке,

О Голос, что взошёл
из мира Несознания,

Как будешь ты просить
чего-то для людей,

сердца которых немы,

Как сделаешь

подслеповатую ты землю
Жилищем для провидческого
зрения души

И ношу облегчишь
бесчувственной планеты?

Я — это Тайна
за пределом понимания ума,

Я — это цель
всех родовых мучений солнц;

И мой огонь, и сладость —
основание, причина жизни.

Но слишком необъятны
и мои опасности, и радость.

Не пробуждай
неизмеримого схождения вниз,

Speak not my secret name to
hostile Time;

Man is too weak to bear the
Infinite's weight.

Truth born too soon might break
the imperfect earth.

Leave the all-seeing Power to hew
its way:

In thy single vast achievement
reign apart

Helping the world with thy great
lonely days.

I ask thee not to merge thy heart
of flame

In the Immobile's wide uncaring
bliss,

Turned from the fruitless motion
of the years,

Deserting the fierce labour of the
worlds,

Aloof from beings, lost in the
Alone.

How shall thy mighty spirit brook
repose

While Death is still unconquered
on the earth

And Time a field of suffering and
pain?

Thy soul was born to share the
laden Force;

Obey thy nature and fulfil thy fate:

Не открывай моё секретное,
скрываемое имя

Времени-врагу;

Пока что люди слишком слабы,
чтобы вынести
вес Бесконечности.

Ведь Истина,
родившись слишком рано,
Способна разнести
несовершенную планету.

Оставь всевидящей небесной Силе
прорубать свой путь:

В своём отдельном и
обширном достижении —
царствуй в стороне,

Великой одинокой жизнью
помогая миру.

Я не прошу чтоб сердце,
полное огня

Слилось бы
с необъятной беззаботностью
блаженства Неподвижного

И чтоб ты отвернулся
от бесплодного движенья лет,

Оставив в стороне
неистовый, тяжёлый
труд миров,

Держась подальше
от других существ,
затерянный в Едином.

Как твой могучий дух
сумеет вынести покой,

Покуда Смерть
ещё не победили на земле,

А Время остаётся
полем боли и страдания?

Твоя душа здесь родилась
чтоб разделить удел
обременённой Силы;

Свою природу подчини, исполни то,
что предначертано судьбою:

Accept the difficulty and godlike
toil,

For the slow-paced omniscient
purpose live.

The Enigma's knot is tied in
humankind.

A lightning from the heights that
think and plan,

Ploughing the air of life with
vanishing trails,

Man, sole awake in an
unconscious world,

Aspires in vain to change the
cosmic dream.

Arrived from some half-luminous
Beyond

He is a stranger in the mindless
vast;

A traveller in his oft-shifting
home

Amid the tread of many infinities,

He has pitched a tent of life in
desert Space.

Heaven's fixed regard beholds him
from above,

In the house of Nature a
perturbing guest,

A voyager twixt Thought's
inconstant shores,

A hunter of unknown and
beautiful Powers,

A nomad of the far mysterious
Light,

In the wide ways a little spark of
God.

Against his spirit all is in dire
league,

Прими и эту тяжесть,
и богоподобный труд,

Живи для медленно идущего
всеведающего намеренья.

Завязана узлом

Загадка в человечестве.

Подобно озарению с высот,
что думает, и строит планы,

И рассекает воздух жизни,
оставляя растворяющийся след,

Он, человек, один проснувшийся
в несознающем мире,

Напрасно хочет изменить
вселенский сон.

Явившись из какой-то
полуосвещённой сферы

Запредельного,

Он — чужестранец посреди
бессмысленных просторов;

Как путешественник, в своём
сменяемом всё время доме

Среди движенья
многих бесконечностей,

В пустынном Космосе
поставил он палатку жизни.

Внимательный и неотрывный
взгляд Небес

всё время смотрит на него,

Что беспокойным гостем
заселился в дом Природы,

И ходит мореплавателем
меж изменчивыми берегами Мысли,

Охотник за прекрасными,
неведомыми Силами,

Искатель отдалённого,
загадочного Света,

Средь широты путей идёт
как маленькая искра Бога.

Всё против духа человека восстаёт,
объединившись

в страшную компанию,

A Titan influence stops his
 Godward gaze.
 Around him hungers the un pitying
 Void,
 The eternal Darkness seeks him
 with her hands,
 Inscrutable Energies drive him
 and deceive,
 Immense implacable deities
 oppose.
 An inert Soul and a somnambulist
 Force
 Have made a world estranged
 from life and thought;
 The Dragon of the dark
 foundations keeps
 Unalterable the law of Chance and
 Death;
 On his long way through Time
 and Circumstance
 The grey-hued riddling nether
 shadow-Sphinx,
 Her dreadful paws upon the
 swallowing sands,
 Awaits him armed with the
 soul-slaying word:

Across his path sits the dim camp
 of Night.
 His day is a moment in perpetual
 Time;
 He is the prey of the minutes and
 the hours.
 Assailed on earth and unassured
 of heaven,
 Descended here unhappy and
 sublime,
 A link between the demigod and
 the beast,
 He knows not his own greatness
 nor his aim;

Влияние Титана останавливает
 обращённый к Богу взгляд.
 Вокруг него гуляет, рыскает
 безжалостная Пустота,
 И вечно существующая Тьма
 пытается схватить его руками,
 Непостижимые Энергии
 ведут его и предают,
 Огромные, безжалостные божества
 препятствуют его делам.
 Инертная Душа,
 сомнамбулическая Сила
 Создали мир, что отчуждён
 от жизни и от мысли;
 Драконом тёмных оснований
 хранится в неизменности
 Закон Случайности
 и Смерти;
 Средь долгого пути
 сквозь Обстоятельства и Время
 Окрашенная в серые тона
 и говорящая загадками,
 С ужасными своими лапами,
 на поглощающих песках,
 Его ждёт низкой тенью Сфинкс,
 вооружившись словом,
 смертоносным для души:
 Ему дорогу преграждает
 смутный лагерь Ночи.
 Его день жизни — лишь мгновенье
 в вечном Времени;
 Он жертва дней,
 часов, минут.
 Так, терпящий атаки на земле
 и без уверенности в небесах,
 Спустился он сюда,
 несчастный и возвышенный,
 Звено меж полубогом
 и животным,
 Не знает он ни своего величия,
 ни цели;

He has forgotten why he has come and whence.	Он позабыл откуда он пришёл и почему.
His spirit and his members are at war;	В нём дух и внутренние части меж собой воюют;
His heights break off too low to reach the skies,	Его высоты рушатся и слишком низки, чтоб достичь небес,
His mass is buried in the animal mire.	И масса человеческого в нём погребена в грязи животного.
A strange antinomy is his nature's rule.	Правление его природы — странный парадокс.
A riddle of opposites is made his field:	Загадка противоположностей дана ему как поле действия:
Freedom he asks but needs to live in bonds,	Свободы просит он, но вынужден всё время жить в оковах,
He has need of darkness to perceive some light	Ему необходима тьма, чтоб воспринять какой-то свет,
And need of grief to feel a little bliss;	И горе, чтобы ощутить хотя бы малое блаженство;
He has need of death to find a greater life.	Ему необходима смерть, для поиска другой, великой жизни.
All sides he sees and turns to every call;	Он смотрит на все стороны и обращается на каждый зов;
He has no certain light by which to walk;	Нет у него надежного, проверенного света, чтоб за ним идти;
His life is a blind-man's-buff, a hide-and-seek;	Жизнь человека — это или жмурки, или прятки;
He seeks himself and from himself he runs;	Он ищет самого себя и от себя бежит;
Meeting himself, he thinks it other than he.	Встречает самого себя, но думает, что встретился другой, не он.
Always he builds, but finds no constant ground,	Всё время строит он, но не находит постоянной почвы,
Always he journeys, but nowhere arrives;	Всё время путешествует, но никуда не прибывает;
He would guide the world, himself he cannot guide;	Он мог бы управлять всем миром, но не способен управлять собой;

He would save his soul, his life he
cannot save.

The light his soul had brought his
mind has lost;

All he has learned is soon again in
doubt;

A sun to him seems the shadow of
his thoughts,

Then all is shadow again and
nothing true:

Unknowing what he does or
whither he tends

He fabricates signs of the Real in
Ignorance.

He has hitched his mortal error to
Truth's star.

Wisdom attracts him with her
luminous masks,

But never has he seen the face
behind:

A giant Ignorance surrounds his
lore.

Assigned to meet the cosmic
mystery

In the dumb figure of a material
world,

His passport of entry false and his
personage,

He is compelled to be what he is
not;

He obeys the Inconscience he had
come to rule

And sinks in Matter to fulfil his
soul.

Awakened from her lower driven
forms

The Earth-Mother gave her forces
to his hands

Он мог бы душу сохранить,
но не способен сохранить
и собственную жизнь.

Тот свет, что принесла его душа,
теряется его умом;

И всё, чему он научился,
вскоре снова под сомнением;

Так солнце кажется ему
лишь тенью собственных идей,

Затем всё снова станет тенью,
и не будет истины нигде:

Не зная, что он делает,
куда стремится,

Он фабрикует символы Реальности
в Невежестве.

Свою ошибку смертного
цепляет он на звёзды Истины.

Его притягивает Мудрость
яркими, сверкающими масками,

Но никогда не видел он
за маскою её лица:

Гигантское Невежество
берёт в кольцо его умения и знания.

Его предназначенье — встретиться
с космической мистерией

В немой фигуре
мира из материи,

Но пропуск у него фальшив,
фальшив и персонаж,

Он вынужден быть тем,
чем не является;

Он подчинён тем Несознанием,
которым он явился управлять,

И погружается в Материю,
чтоб выполнить предназначение
своей души.

Страхнув оцепененье
низших, подчинённых форм,

Свои могущества
ему вложила в руки
Мать-Земля

And painfully he guards the heavy
trust;
His mind is a lost torch-bearer on
her roads.

Illumining breath to think and
plasm to feel,
He labours with his slow and
sceptic brain
Helped by the reason's vacillating
fires,
To make his thought and will a
magic door
For knowledge to enter the
darkness of the world
And love to rule a realm of strife
and hate.

A mind impotent to reconcile
heaven and earth
And tied to Matter with a
thousand bonds,
He lifts himself to be a conscious
god.
Even when a glory of wisdom
crowns his brow,
When mind and spirit shed a
grandiose ray
To exalt this product of the sperm
and gene,
This alchemist's miracle from
plasm and gas,
And he who shared the animal's
run and crawl
Lifts his thought-stature to the
Immortal's heights,
His life still keeps the human
middle way;
His body he resigns to death and
pain,
Abandoning Matter, his too heavy
charge.

И он мучительно оберегает
эту тяжкую обязанность;
Ум человека —
потерявшийся среди её дорог
носитель факела.
Дыханье озаряя, чтобы думать,
плазму — чтобы чувствовать,
Он трудится своим медлительным
скептическим мозгом,
И получает помощь
от мерцающих огней рассудка,
Стремится мысль и волю
превратить в магическую дверь,
Чтоб знание входило
в темноту вселенной,
И чтоб любовь владела
этим царством
ненависти и борьбы.
Ум, неспособный примирить
небесное с земным,
Привязанный к Материи
бесчисленными узами,
Он поднимает самого себя,
чтобы стать осознающим богом.
И даже если слава мудрости
венцом сверкает на его челе,
А ум и дух бросают
грандиозный луч,
В стремлении дать силы
этому продукту спермы и генома,
Загадке, алхимическому чуду
из плазмы и из газа,
И даже, если он, хотя и разделяет
бег и ползание животного,
Возносит мысль свою
до высоты Бессмертного,
То всё же, жизнь в нём продолжает
человеческий срединный путь;
Он уступает боли, смерти
собственное тело,
Отказываясь от Материи,
как чересчур тяжёлой ноши.

A thaumaturge sceptic of
 miracles,
 A spirit left sterile of its occult
 power
 By an unbelieving brain and
 credulous heart,
 He leaves the world to end where
 it began:
 His work unfinished he claims a
 heavenly prize.
 Thus has he missed creation's
 absolute.
 Half-way he stops his star of
 destiny:
 A vast and vain long-tried
 experiment,
 An ill-served high conception
 doubtfully done,

 The world's life falters on not
 seeing its goal,-
 A zigzag towards unknown
 dangerous ground
 Ever repeating its habitual walk,

 Ever retreating after marches long

 And hardest victories without
 sure result,
 Drawn endlessly an inconclusive
 game.
 In an ill-fitting and voluminous
 robe
 A radiant purpose still conceals its
 face,
 A mighty blindness stumbles
 hoping on,

 Feeding its strength on gifts of
 luminous Chance.

Скептический чудотворец,
 маг чудес,
 Лишённый собственной
 окультной силы дух,
 Неверующим мозгом,
 легковерным сердцем,
 Он оставляет мир на том же месте,
 где он начинал:
 Не завершив свой труд,
 он требует небесный приз.
 Вот так он упускает
 абсолют творения.
 На пол-пути он останавливает
 путеводную звезду судьбы:
 Широкий и напрасный,
 с долгими попытками эксперимент,
 И плохо исполняемый
 высокий замысел,
 сомнительно осуществлённый,
 Жизнь мира спотыкается,
 не видя цели, —
 И делая зигзаг
 к неведомым опасным землям,
 Вновь повторяя
 свой привычный ход,
 Вновь возвращаясь
 после долгих маршей,
 С трудом доставшихся побед,
 но без уверенного результата,
 Всё время бесконечно тянется
 неубедительной игрой.
 В объёмистом, не по фигуре
 сшитом одеянии,
 Сияющая цель
 пока ещё скрывает лик,
 Наполненная силой слепота
 сбивается с пути,
 храня свою надежду
 И вскармливая мощь свою
 дарами озаряющей Случайности.

Because the human instrument has failed,	Из-за того, что человек, как инструмент, пока что терпит неудачу,
The Godhead frustrate sleeps within its seed,	Расстроенное Божество всё продолжает спать в своём закрытом семени,
A spirit entangled in the forms it made.	А дух запутан формами, которые он сам и сотворил.
His failure is not failure whom God leads;	Его несостоятельность — не то, куда его ведёт Всевышний;
Through all the slow mysterious march goes on:	Сквозь это всё таинственный неторопливый марш шагает дальше:
An immutable Power has made this mutable world;	Наш изменяющийся мир был создан неменяющейся Силой;
A self-fulfilling transcendence treads man's road;	Себя реализующая трансцендентность прокладывает путь для человека;
The driver of the soul upon its path,	Руководя и направляя душу на её дороге,
It knows its steps, its way is inevitable,	Она предвидит все свои шаги, её путь неизбежен,
And how shall the end be vain when God is guide?	И как же может быть конец напрасным, если Бог — твой проводник?
However man's mind may tire or fail his flesh,	Пусть ум у человека устаёт, пусть не хватает сил у тела,
A will prevails cancelling his conscious choice:	Есть воля, что сильнее, что отменяет выбор нашего сознания:
The goal recedes, a bourneless vastness calls	Цель забывается, и нас зовут бескрайние просторы,
Retreating into an immense Unknown;	И отступают в необъятность Неизвестного;
There is no end to the world's stupendous march,	И нет конца для изумительного марша мира,
There is no rest for the embodied soul.	И не бывает отдыха для воплотившейся души.
It must live on, describe all Time's huge curve.	Она должна жить дальше, описав во Времени гигантскую кривую.

An Influx presses from the closed
 Beyond
 Forbidding to him rest and earthly
 ease,
 Till he has found himself he
 cannot pause.
 A Light there is that leads, a
 Power that aids;
 Unmarked, unfelt it sees in him
 and acts:
 Ignorant, he forms the
 All-Conscient in his depths,

 Human, looks up to superhuman
 peaks:

 A borrower of Supernature's gold,

 He paves his road to Immortality.

 The high gods look on man and
 watch and choose

 Today's impossibles for the
 future's base.
 His transience trembles with the
 Eternal's touch,
 His barriers cede beneath the
 Infinite's tread;
 The Immortals have their entries
 in his life:
 The Ambassadors of the Unseen
 draw near.
 A splendour sullied by the mortal
 air,

 Love passes through his heart, a
 wandering guest.
 Beauty surrounds him for a magic
 hour,

Из скрытой сферы Запредельного
 приходит давящий Поток,
 И запрещает человеку
 отдых и земной покой,
 Пока он не найдёт себя,
 не сможет он остановиться.
 Есть Свет, который направляет,
 есть Сила, что даёт поддержку;
 Неощутимая и незаметная,
 та Сила видит в нём и действует:
 В невежестве, он формирует
 Все-Осознающего
 в своих глубинах,
 Рождённый человеком —
 поднимает взор
 На горную грядку
 сверхчеловечества:
 Он занимает золото
 у Сверхприроды,
 Мостит свою дорогу,
 что ведёт к Бессмертию.
 А боги с высоты
 глядят на человека,
 наблюдают, выбирают
 То, что сегодня невозможно —
 как основу для грядущего.
 Всё временное в нём трепещет
 от прикосновенья Вечного,
 Его барьеры рушатся
 под шагом Бесконечного;
 В жизнь человека у Бессмертных
 есть свои, известные им входы:
 Всё ближе тянутся к нему
 Посланники Незримого.
 Великолепие, запятнанное
 смертным воздухом —
 Любовь
 Проходит через сердце человека,
 как блуждающая гостя.
 Приходит Красота
 и окружает человека
 на магический, недолгий час,

He has visits of a large revealing
joy,
Brief widenesses release him from
himself,

Enticing towards a glory ever in
front
Hopes of a deathless sweetness
lure and leave.

His mind is crossed by strange
discovering fires,

Rare intimations lift his stumbling
speech

To a moment's kinship with the
eternal Word;

A masque of Wisdom circles
through his brain

Perturbing him with glimpses half
divine.

He lays his hands sometimes on
the Unknown;

He communes sometimes with
Eternity.

A strange and grandiose symbol
was his birth

And immortality and spirit-room

And pure perfection and a
shadowless bliss

Are this afflicted creature's mighty
fate.

In him the Earth-Mother sees
draw near the change

Foreshadowed in her dumb and
fiery depths,

A godhead drawn from her
transmuted limbs,

Он может встретиться
обширной радостью открытия,
И ненадолго широта
даёт ему освобождение
от самого себя,

Его притягивает слава,
что всё время где-то впереди,
Надежды неземной
бессмертной сладости
влекут и оставляют.

Сквозь ум проходят
раскрывающие тайны,
странные огни,

А редко возникающие озаренья
поднимают неуверенную речь
До яркого мгновенья сходства
с вечным Словом;

Так маска Мудрости
кружит в его мозгу
И беспокоит отблеском
полубожественного.

Он иногда касается руками
Неизвестного;

Он иногда ведёт беседы
с Вечностью.

Его рожденье было странным,
грандиозным символом,
Бессмертие, возможность быть
жилищем духа,

Блаженство без единой тени,
исключительное совершенство —

Могучая судьба
страдающего ныне существа.

И Мать-Земля в нём видит,
как всё ближе

подступает изменение,

Что предвещалось ей
в её пылающих немых глубинах,

Как из её преобразуемых
отдельных элементов

An alchemy of Heaven on
Nature's base.

Adept of the self-born unfailing
line,
Leave not the light to die the ages
bore,
Help still humanity's blind and
suffering life:
Obey thy spirit's wide omnipotent
urge.
A witness to God's parley with the
Night,
It leaned compassionate from
immortal calm
And housed desire, the troubled
seed of things.

Assent to thy high self, create,
endure.
Cease not from knowledge, let thy
toil be vast.
No more can earthly limits pen thy
force;

Equal thy work with long
unending Time's.

Traveller upon the bare eternal
heights,
Tread still the difficult and
dateless path
Joining the cycles with its austere
curve
Measured for man by the initiate
Gods.
My light shall be in thee, my
strength thy force.

Выходит божество,
алхимия Небес
На прочном основании —
Природе.
Адепт саморождённой,
безупречной линии,
Не оставляй на гибель свет,
что пронесли века,
И помоги ещё слепой и полной горя
жизни человечества:
Широкому и всемогущему
намерению духа подчинись.
Свидетель договора
Бога с Ночью
Склонился, сострадая,
из бессмертной тишины
И поселил желанье,
это беспокоящее
семя всех вещей.
Прими свой внутренний высокий дух,
терпи и создавай.
Не уходи от знания,
пусть будут широки твои труды.
Земные узкие ограничения
не смогут больше запереть
твоё могущество;
Свою работу уравниай
с работой длительного,
нескончаемого Времени.
Пройди ещё паломником
по оголённым вечным пикам,
По трудному
и давнему пути,
Соединив его периоды
с возвышенною линией,
Отмеренной для человека
посвящёнными Богами.
И будет свет мой
литься из тебя,
Моё могущество —
твоею силой будет.

Let not the impatient Titan drive
thy heart,
Ask not the imperfect fruit, the
partial prize.
Only one boon, to greaten thy
spirit, demand;
Only one joy, to raise thy kind,
desire.
Above blind fate and the
antagonist powers
Moveless there stands a high
unchanging Will;
To its omnipotence leave thy
work's result.
All things shall change in God's
transfiguring hour."

August and sweet sank hushed
that mighty Voice.
Nothing now moved in the vast
brooding space:
A stillness came upon the
listening world,
A mute immensity of the Eternal's
peace.
But Aswapati's heart replied to
her,
A cry amid the silence of the
Vasts:
"How shall I rest content with
mortal days
And the dull measure of terrestrial
things,
I who have seen behind the
cosmic mask
The glory and the beauty of thy
face?
Hard is the doom to which thou
bindst thy sons!
How long shall our spirits battle
with the Night

Не позволяй нетерпеливому Титану
править сердцем,
И не проси незрелый плод,
частичный приз.
Одно лишь благо требуй —
возвеличить дух;
Одну лишь радость пожелай —
возвысить род.
Над слепотой судьбы
и противостояньем сил
Стоит, не двигаясь,
высокая, неизменяемая Воля;
Оставь же результат твоей работы
всемогушеству той Воли.
Всё переменится
в преобразующий час Бога."

Величественный, ласковый,
затих могучий этот Голос.
Ничто не двигалось в широком,
размышляющем пространстве:
Спустилась тишина
на слушающий мир,
И необъятная немая широта
покоя Вечного.
Но сердце Ашвапати
отвечало ей,
Вскричав среди безмолвий
тех Просторов:
"И как я буду отдыхать,
довольный днями смертного,
И узкими тупыми мерками
земных вещей,
Я, увидавший
за космическою маской
Всю красоту и славу
твоего лица?
Тяжёл удел, который ты несёшь
своим сынам!
Как долго дух наш
должен биться с Ночью,

And bear defeat and the brute
yoke of Death,
We who are vessels of a deathless
Force
And builders of the godhead of the
race?

Or if it is thy work I do below

Amid the error and waste of
human life

In the vague light of man's
half-conscious mind,

Why breaks not in some distant
gleam of thee?

Ever the centuries and
millenniums pass.

Where in the greyness is thy
coming's ray?

Where is the thunder of thy
victory's wings?

Only we hear the feet of passing
gods.

A plan in the occult eternal Mind

Mapped out to backward and
prophetic sight,

The aeons ever repeat their
changeless round,

The cycles all rebuild and ever
aspire.

All we have done is ever still to
do.

All breaks and all renews and is
the same.

Huge revolutions of life's fruitless
gyre,

Терпеть и грубое ярмо,
и поражение от Смерти;

Ведь мы — сосуды
для бессмертной Силы,

И мы — строители
божественного существа
для этой расы?

И если, что я делаю внизу —
твоя работа

Среди ошибки и пустой растраты
жизни человека

В неясном свете
полусознающего его ума,

То почему бы не прорваться
некому далёкому
сиянию твоему?

Идут безостановочно
века, тысячелетия.

Где в этой серости
луч твоего прихода?

Где гром твоих
победоносных крыльев?

Мы слышим только шаг
идущих мимо нас богов.

В оккультной сфере
вечного Ума

Составлен план
для видящего прошлое
пророческого зрения,

Эпохи вечно повторяют
неизменный круг,

Их циклы всё выстраивают заново,
и вечно устремляются куда-то.

Всё, что мы сделали,
всё время нужно
повторять ещё.

Всё разрушается и обновляется,
и остаётся тем же самым.

Гигантского масштаба революции
бесплодного круговорота жизни,

The new-born ages perish like the old,	И только что рождённые века — уходят, исчезают,
As if the sad Enigma kept its right	как и прежние,
Till all is done for which this scene was made.	Как будто мрачная Загадка продолжает сохранять свои права,
Too little the strength that now with us is born,	Пока не будет сделано всё то, зачем создали эту сцену.
Too faint the light that steals through Nature's lids,	Но слишком мало силы, что родилась с нами,
Too scant the joy with which she buys our pain.	И слишком слаб тот свет, что проскользнул под веками Природы,
In a brute world that knows not its own sense,	И слишком скудны радости, которыми она оплачивает нашу боль.
Thought-racked upon the wheel of birth we live,	В жестоком, грубом мире, что не знает собственного смысла,
The instruments of an impulse not our own	Пытаемые мыслями на колесе рождения,
Moved to achieve with our heart's blood for price	Живём мы инструментами чужого импульса,
Half-knowledge, half-creations that soon tire.	И движемся, стремясь достичь, ценою крови сердца,
A foiled immortal soul in perishing limbs,	Полутворений, полужизни, что вскорости наскучат.
Baffled and beaten back we labour still;	Мы — с толку сбита бессмертная душа в недолговечном теле,
Annulled, frustrated, spent, we still survive.	Избиты, опрокинуты, мы всё же продолжаем труд; Разочарованные, уничтоженные, уставшие и изнурённые — мы всё же выживаем.
In anguish we labour that from us may rise	Мы в муках трудимся, чтоб мог из нас подняться
A larger-seeing man with nobler heart,	Смотрящий шире человек с прекрасным, благородным сердцем,
A golden vessel of the incarnate Truth,	Сосуд из золота для воплощённой Истины
The executor of the divine attempt	И исполнитель для божественной попытки,

Equipped to wear the earthly body
of God,

Communicant and prophet and
lover and king.

I know that thy creation cannot
fail:

For even through the mists of
mortal thought

Infallible are thy mysterious steps,

And, though Necessity dons the
garb of Chance,

Hidden in the blind shifts of Fate
she keeps

The slow calm logic of Infinity's
pace

And the inviolate sequence of its
will.

All life is fixed in an ascending
scale

And adamant is the evolving Law;
In the beginning is prepared the
close.

This strange irrational product of
the mire,

This compromise between the
beast and god,

Is not the crown of thy miraculous
world.

I know there shall inform the
inconscient cells,

At one with Nature and at height
with heaven,

A spirit vast as the containing sky

And swept with ecstasy from
invisible founts,

A god come down and greater by
the fall.

Снаряженный нести
земное тело Бога,

Пророк и провозвестник,
любящий и царь.

Я знаю, что твоё творение
не может потерпеть провал:

Ведь даже проходящий
сквозь туманы смертной мысли

Надёжен, безошибочен
таинственный твой шаг,

И хоть Необходимость
наряжается в одежды Случая,

Сокрытая в слепых,
изменчивых шагах Судьбы,
она хранит

Спокойную, медлительную логику
движенья Бесконечности

И нерушимые последствия
её намеренья.

Вся жизнь разложена по уровням
идущей вверх шкалы,

Несокрушим Закон развития;
Во всяком начинании
уже готовится его конец.

И это иррациональное
и странное творение из грязи,

И этот компромисс
меж богом и животным,

Не самая высокая вершина твоего,
наполненного чудесами мира.

Я знаю, бессознательные клетки
станут в будущем осознающими,

В согласии с Природой,
вровень с небесами,

И дух, широкий, как вмещающее
всё на свете небо,

Охваченный экстазом
из незримых родников,

Подобно богу,
спустится к нам вниз,

И станет только более великим
от падения.

A Power arose out of my
slumber's cell.
Abandoning the tardy limp of the
hours
And the inconstant blink of mortal
sight,
There where the Thinker sleeps in
too much light
And intolerant flames the lone
all-witnessing Eye
Hearing the word of Fate from
Silence' heart
In the endless moment of Eternity,

It saw from timelessness the
works of Time.
Overpassed were the leaden
formulas of the Mind,
Overpowered the obstacle of
mortal Space:
The unfolding Image showed the
things to come.

A giant dance of Shiva tore the
past;
There was a thunder as of worlds
that fall;
Earth was o'errun with fire and the
roar of Death
Clamouring to slay a world his
hunger had made;

There was a clangour of
Destruction's wings:
The Titan's battle-cry was in my
ears,
Alarm and rumour shook the
armoured Night.
I saw the Omnipotent's flaming
pioneers

Из клетки дремоты моей
поднялась Сила.
Покинув медленную
хромоту часов,
Неровное мерцанье зрения
у смертных,
Там, где Мыслитель спит
под слишком ярком светом,
Где нестерпимо полыхает
одинокое, всё наблюдающее Око,
И слушает слова Судьбы
из сердца Тишины,
В каком-то нескончаемом
мгновении Вечности,
Она смотрела из вневременья
на ход работы Времени.
Поднявшись над
свинцовой формулой Ума,
Она разрушила преграды
смертного Пространства:
И раскрывающийся Образ
показал всё то.
что собирается прийти.
Гигантский танец Шивы
рвал на части прошлое;
Был грохот, словно
от падения миров;
Земля была объята пламенем;
ревел бог Смерти,
И требовал уничтоженья мира,
сотворённого его
голодной жаждой;
Повсюду раздавались лязги
крыльев Разрушения:
Мой слух обкладывали
боевые выкрики Титана,
Тревога, ропот сотрясали
покрытую бронёю Ночь.
Я видел там,
как пламенеющие
пионеры Всемогущего

Over the heavenly verge which
turns towards life

Come crowding down the amber
stairs of birth;

Forerunners of a divine multitude,

Out of the paths of the morning
star they came

Into the little room of mortal life.

I saw them cross the twilight of an
age,

The sun-eyed children of a
marvellous dawn,

The great creators with wide
brows of calm,

The massive barrier-breakers of
the world

And wrestlers with destiny in her
lists of will,

The labourers in the quarries of
the gods,

The messengers of the
Incommunicable,

The architects of immortality.

Into the fallen human sphere they
came,

Faces that wore the Immortal's
glory still,

Voices that communed still with
the thoughts of God,

Bodies made beautiful by the
spirit's light,

Carrying the magic word, the
mystic fire,

Carrying the Dionysian cup of joy,

Approaching eyes of a diviner
man,

Lips chanting an unknown anthem
of the soul,

Идущие небесной кромкой,
что сворачивала к жизни
над небесной гранью,

Толпой спускались
по янтарной лестнице рождения;

Предвестники божественной
обширности, разнообразия,

Они сошли с тропинок
утренней звезды

В земную маленькую залу
смертной жизни.

Я видел их, пересекающими
сумерки эпохи,

Солнечноглазых дочерей и сыновей
чудесного рассвета,

Великих созидателей
с широким лбом покоя,

И разрушителей массивного
барьера мира,

Борцов с судьбою
на её аренах воли,

Чернорабочих
шахт богов,

Посланцев самого
Невыразимого,

И архитекторов бессмертия.

Они пришли в познавшие паденье
человеческие сферы,

Их лица всё ещё окутаны
великолепием Бессмертного,

Их голоса ещё общались
с мыслями Всевышнего,

А их тела свет духа
наполнял своею красотой,

Они несли мистический огонь,
магическое слово,

И кубок радости,
веселья Дионисия,

И приближали взгляд
божественного человека,

Уста, что воспевали
гимн души неведомому,

Feet echoing in the corridors of
Time.

High priests of wisdom,
sweetness, might and bliss,

Discoverers of beauty's sunlit
ways

And swimmers of Love's laughing
fiery floods

And dancers within rapture's
golden doors,

Their tread one day shall change
the suffering earth

And justify the light on Nature's
face.

Although Fate lingers in the high
Beyond

And the work seems vain on
which our heart's force was
spent,

All shall be done for which our
pain was borne.

Even as of old man came behind
the beast

This high divine successor surely
shall come

Behind man's inefficient mortal
pace,

Behind his vain labour, sweat and
blood and tears:

He shall know what mortal mind
barely durst think,

He shall do what the heart of the
mortal could not dare.

Inheritor of the toil of human
time,

He shall take on him the burden of
the gods;

Шаги, что отдавались эхом
в коридорах Времени.

Высокие жрецы
могущества, блаженства,
сладости и мудрости,

Первопроходцы солнцем залитых
путей прекрасного,

Пловцы в смеющихся,
пылающих морях Любви,

Танцоры в золотых
дверях восторга,

Когда-нибудь, их поступь принесёт
в страдающую землю — перемены,

И станет оправданием света
на лице Природы.

Хотя Судьба и медлит,
там, в высоком Запредельном,

И кажется напрасною работа,
на которую мы тратим
силу сердца,

Всё будет сделано,
всё для чего мы здесь
терпели нашу боль.

И точно так, как древний человек
пришёл на смену зверю,

Превосходящий нас
божественный преемник
уверено придёт

На смену человеческой
неэффективной поступи,

Вслед за напрасными трудами,
потом, кровью и слезами:

Он будет знать о том,
о чём ум смертного
едва лишь смел подумать,

Он будет делать то,
что сердце смертного бы
не отважилось.

Наследник тяжкого труда,
работы человеческого времени,

Он примет на себя
груз бремени богов;

All heavenly light shall visit the
 earth's thoughts,
 The might of heaven shall fortify
 earthly hearts;
 Earth's deeds shall touch the
 superhuman's height,
 Earth's seeing widen into the
 infinite.
 Heavy unchanged weighs still the
 imperfect world;
 The splendid youth of Time has
 passed and failed;
 Heavy and long are the years our
 labour counts
 And still the seals are firm upon
 man's soul
 And weary is the ancient Mother's
 heart.
 O Truth defended in thy secret
 sun,
 Voice of her mighty musings in
 shut heavens
 On things withdrawn within her
 luminous depths,
 O Wisdom-Splendour, Mother of
 the universe,
 Creatrix, the Eternal's artist Bride,

 Linger not long with thy
 transmuting hand
 Pressed vainly on one golden bar
 of Time,
 As if Time dare not open its heart
 to God.
 O radiant fountain of the world's
 delight
 World-free and unattainable
 above,
 O Bliss who ever dwellest deep-hid
 within

Весь свет небес начнёт идти
 в земные мысли,
 Могущество небес —
 крепить земное сердце;
 Дела земли коснутся
 высоты сверхчеловечества,
 А зрение земли
 расширится до бесконечности.
 Но тяжесть постоянно давит
 на несовершенный мир,
 А роскошь молодого Времени
 потухла и прошла;
 Наш труд отсчитывает
 трудные и долгие года,
 И всё ещё крепка печать
 на человеческой душе,
 И утомилось сердце
 древней Матери.
 О Истина, что спрятана
 в твоём сокрытом солнце,
 О Голоса её могучих дум
 в закрытых небесах
 О том, что втянуто
 в её сияющие бездны,
 О Мать вселенной,
 о Великолепье-Мудрость,
 О Созидательница
 и искусная Невеста Вечного,
 Надолго не задерживай
 своей преобразующей руки,
 Напрасно нажимая на один
 из золотых засовов Времени,
 Как будто Время не отважится
 открыть для Бога сердце.
 О ослепительно сияющий
 источник наслажденья мира,
 Свободный от него, живущий
 на недостижимых высотах,
 О ты, Блаженство,
 что всё время здесь,
 запрятанное глубоко внутри,

While men seek thee outside and
never find,

Mystery and Muse with hieratic
tongue,

Incarnate the white passion of thy
force,

Mission to earth some living form
of thee.

One moment fill with thy eternity,

Let thy infinity in one body live,

All-Knowledge wrap one mind in
seas of light,

All-Love throb single in one
human heart.

Immortal, treading the earth with
mortal feet

All heaven's beauty crowd in
earthly limbs!

Omnipotence, girdle with the
power of God

Movements and moments of a
mortal will,

Pack with the eternal might one
human hour

And with one gesture change all
future time.

Let a great word be spoken from
the heights

And one great act unlock the
doors of Fate."

His prayer sank down in the
resisting Night

Oppressed by the thousand forces
that deny,

As if too weak to climb to the
Supreme.

But there arose a wide consenting
Voice;

Пока тебя пытаются
найти во внешнем,

никогда не находя,

О Размышление и Тайна,
с их сакральным языком,

О воплощение чистой страсти
твоего могущества,

Пошли земле
живое воплощение тебя.

Одно мгновение
наполни вечностью своей,

Позволь же бесконечности твоей
войти в одно из тел,

Все-Знание, один ум окружи
морями света,

И Все-Любовь — начни пульсировать
в отдельном сердце человека.

Бессмертная, шагая по земле
стопами смертного,

Всю красоту небес —
вместить в земные члены!

О Всемогушество,
окутай силой Бога

Мгновенья и движенья
смертной воли,

Наполни мощью вечности
один час человека,

Одним лишь жестом
измени всё будущее время.

Пусть будут сказаны с высот
великие слова,

И пусть одним великим действием
откроются врата Судьбы."

Его молитва погрузилась вниз,
в сопротивляющуюся Ночь,

Подавленная тысячью тех сил,
что отрицают,

Как если бы она была слаба
подняться до Всевышнего.

Но тут возник широкий,
соглашающийся Голос;

The spirit of beauty was revealed in sound:	Дух красоты явился в этом звуке:
Light floated round the marvellous Vision's brow	Свет обтекал лицо чудесного Видения,
And on her lips the Immortal's joy took shape.	Восторг Бессмертной улыбался на её губах.
"O strong forerunner, I have heard thy cry.	“О сильный и решительный предвестник, я услышала твой зов.
One shall descend and break the iron Law,	Я знаю, кто-то должен вниз спуститься и сломать стальной Закон,
Change Nature's doom by the lone spirit's power.	И изменить судьбу Природы одиноким силой духа.
A limitless Mind that can contain the world,	Должны придти и беспредельный Ум, вмещающий в себя весь мир,
A sweet and violent heart of ardent calms	Наполненное сладостью неистовое сердце пылкой тишины,
Moved by the passions of the gods shall come.	Ведомые всем жаром чувств богов.
All mights and greatnesses shall join in her;	Все силы, всё величие соединятся в ней;
Beauty shall walk celestial on the earth,	Сама божественная Красота пройдёт по земле,
Delight shall sleep in the cloud-net of her hair,	И сам восторг заснёт среди облака её волос,
And in her body as on his homing tree	И в теле у неё, как на родимом дереве,
Immortal Love shall beat his glorious wings.	Бессмертная Любовь забьёт своими славными крылами.
A music of griefless things shall weave her charm;	И музыка того, чему неизвестно страдание, соткнёт её очарование,
The harps of the Perfect shall attune her voice,	И арфы Совершенства принесут своё звучание в её прекрасный голос,
The streams of Heaven shall murmur in her laugh,	И зазвонят ручьи Небес в её весёлом смехе,

Her lips shall be the honeycombs
of God,

Her limbs his golden jars of
ecstasy,

Her breasts the rapture-flowers of
Paradise.

She shall bear Wisdom in her
voiceless bosom,

Strength shall be with her like a
conqueror's sword

And from her eyes the Eternal's
bliss shall gaze.

A seed shall be sown in Death's
tremendous hour,

A branch of heaven transplant to
human soil;

Nature shall overleap her mortal
step;

Fate shall be changed by an
unchanging will."

As a flame disappears in endless
Light

Immortally extinguished in its
source,

Vanished the splendour and was
stilled the word.

An echo of delight that once was
close,

The harmony journeyed towards
some distant hush,

A music failing in the ear of
trance,

A cadence called by distant cadences,

A voice that trembled into strains
withdrawn.

Her form retreated from the
longing earth

И губы будут —
как наполненные мёдом
соты Бога,

А тело —
золотою амфорой экстаза,

А груди —
полными восторга, радости
цветами Рая,

И Мудрость понесёт она
в своём беззвучном сердце,

И Сила будет с ней —
меч победителя,

А из очей её начнёт смотреть
блаженство Вечного.

Посеют семя
в страшном часе Смерти,

И ветвь небес привьют
на человеческую почву;

Природа превзойдёт
свой смертный шаг;

Судьба изменится
от неизменной воли."

Как пламя растворяется
в бескрайнем Свете,

Бессмертно угасая
в собственном источнике,

Ушло великолепие
и стихло слово.

Гармония и эхо от восторга,
бывшего недавно рядом

Неторопливо удалялись,
становясь далёкой тишиной,

Каденция, что вызвана
другой каденцией вдали,

И музыка, что затихала
среди транса, на слуху,

И голос, трепетавший в напряженьи —
отступили прочь.

Её обличье отдалялось
от наполненной желаньями земли,

Forsaking nearness to the
 abandoned sense,
 Ascending to her unattainable
 home.
 Lone, brilliant, vacant lay the
 inner fields;
 All was unfilled inordinate spirit
 space,

 Indifferent, waste, a desert of
 bright peace.
 Then a line moved on the far edge
 of calm:
 The warm-lipped sentient soft
 terrestrial wave,
 A quick and many-murmured
 moan and laugh,
 Came gliding in upon white feet
 of sound.
 Unlocked was the deep glory of
 Silence' heart;
 The absolute unmoving stillnesses

 Surrendered to the breath of
 mortal air,
 Dissolving boundlessly the
 heavens of trance
 Collapsed to waking mind. Eternity
 Cast down its incommunicable
 lids
 Over its solitudes remote from ken

 Behind the voiceless mystery of
 sleep.
 The grandiose respite failed, the
 wide release.

 Across the light of fast-receding
 planes
 That fled from him as from a
 falling star,

И покидало ощущение,
 обманутое близостью,
 Всё выше поднимаясь
 к своему недостижимому жилищу.
 Пустыми, яркими и одинокими
 лежали внутренние сферы;
 Всё стало незаполненным
 и беспорядочным
 пространством духа,
 Ненужной, полной безразличия
 пустыней светлого покоя.
 Но вот, на дальнем крае тишины
 подвинулась какая-то граница:
 Пришла волна, чувствительная,
 мягкая, земная, с тёплыми губами;
 Живой, многоголосый
 стон и смех,
 Скользил на чистом
 основании звука.
 Открылась глубина великолепия
 сердца Тишины;
 И абсолютные
 недвижные безмолвия
 Сдались дыханию
 смертной атмосферы,
 Небесные чертоги транса
 в безграничном растворении,
 Обрушились в проснувшемся уме.
 И Вечность смежила свои
 неописуемые веки,
 Закрыла ими одиночество,
 что за пределом
 нашего ума,
 Что позади беззвучной
 тайны сновидения.
 Пришёл конец той
 грандиозной передышке
 и широкому освобождению.
 И через свет высоких,
 быстро отступавших планов,
 Слетающий с Ашвапати,
 словно с падавшей звезды,

Compelled to fill its human house
in Time

His soul drew back into the speed
and noise

Of the vast business of created
things.

A chariot of the marvels of the
heavens

Broad-based to bear the gods on
fiery wheels,

Flaming he swept through the
spiritual gates.

The mortal stir received him in its
midst.

Once more he moved amid
material scenes,

Lifted by intimations from the
heights

And in the pauses of the building
brain

Touched by the thoughts that skim
the fathomless surge

Of Nature and wing back to
hidden shores.

The eternal seeker in the aeonic
field

Besieged by the intolerant press of
hours

Again was strong for great
swift-footed deeds.

Awake beneath the ignorant vault
of Night,

He saw the unnumbered people of
the stars

And heard the questioning of the
unsatisfied flood

Вновь вынужденная наполнить
человеческий свой дом
во Времени,

Его душа утягивалась снова,
в быстроту и шум

Обширных дел существ,
что населяют, в множестве,
творение.

И колесницу
божественных чудес,

Достаточно широкой,
чтоб нести богов

на огненных колёсах,

Пылая, он пронёсся
сквозь духовные врата.

Земная суета взяла его
в свою среду.

Он снова двигался среди
материальных сцен,

Приподнятый и воодушевлённый
озарением с высот,

И среди пауз
своего строителя-ума

Волнуемый идеями и мыслями,
которые едва касаются

неизмеримых волн Природы

И улетают прочь, на крыльях,
к скрытым берегам.

Он, вечный путешественник,
искатель в эпохальных сферах,

Вновь осаждён был
нестерпимым прессом дней, часов,

И снова полон сил
для быстроногих и великих дел.

Проснувшись под невежественным
сводом Ночи,

Смотрел он на бесчисленное
населенье звёзд,

И вслушивался в поиск
недовольного потока,

And toiled with the form-maker,
measuring Mind.

A wanderer from the occult
invisible suns

Accomplishing the fate of
transient things,

A god in the figure of the arisen
beast,

He raised his brow of conquest to
the heavens

Establishing the empire of the soul

On Matter and its bounded universe
As on a solid rock in infinite seas.

The Lord of Life resumed his
mighty rounds

In the scant field of the ambiguous
globe.

End of Canto Four

End of Book Three

И тяжело трудился
вместе с измеряющим Умом,
строителем различных форм.

Паломник, что сошёл
с невидимых оккультных солнц,

Верша судьбу
недолговечного творения,

Бог в образе
поднявшегося зверя,

Он возносил лоб победителя
к высоким небесам,

И на Материи,
и ограниченной её пределами
вселенной

Основывал империю души
Как на незыблемой скале,
среди океанов бесконечности.

Хозяин Жизни
снова стал описывать
свои могучие круги

По скудным сферам
этой двойственной планеты.

Конец четвертой песни

Конец третьей книги

Book Four
THE BOOK
OF BIRTH AND QUEST

Canto I
THE BIRTH AND CHILDHOOD
OF THE FLAME

A Maenad of the cycles of desire
Around a Light she must not dare
to touch,
Hastening towards a far-off
unknown goal
Earth followed the endless journey
of the Sun.

A mind but half-awake in the
swing of the void
On the bosom of Inconscience
dreamed out life
And bore this finite world of
thought and deed
Across the immobile trance of the
Infinite.
A vast immutable silence with her
ran:
Prisoner of speed upon a jewelled
wheel,
She communed with the mystic
heart in Space.

Amid the ambiguous stillness of
the stars
She moved towards some
undisclosed event
And her rhythm measured the
long whirl of Time.

Книга Четвертая
КНИГА
РОЖДЕНИЯ И ПОИСКА

Песня I
РОЖДЕНИЕ И
ДЕТСТВО ПЛАМЕНИ

Менадой циклов
своего желания,
Круги описывая возле Света,
но не смея прикоснуться,
Спеша к далёкой
неизвестной цели,
Земля летела
вслед за нескончаемым
скитаньем Солнца.
И ум, едва проснувшись
в качке пустоты,
У Несознания на груди
придумывал в воображении жизнь,
И нёс конечный этот мир
работ и мысли
Сквозь неподвижность
транса Бесконечности.
Широкое и неизменное безмолвие
бежало вместе с ней:
Пленённая своей же скоростью,
на колесе в сиявших самоцветах,
Она вела свой разговор
с мистическим, сокрытым
сердцем в Космосе.
Среди неясного
молчания звёзд
Она неслась к какому-то
неведомому ей событию
И ритм её отсчитывал
гигантское вращенье Времени.

In ceaseless motion round the
 purple rim
 Day after day sped by like
 coloured spokes,
 And through a glamour of shifting
 hues of air
 The seasons drew in linked
 significant dance
 The symbol pageant of the
 changing year.
 Across the burning languor of the
 soil
 Paced Summer with his pomp of
 violent noons
 And stamped his tyranny of torrid
 light
 And the blue seal of a great
 burnished sky.
 Next through its fiery swoon or
 clotted knot
 Rain-tide burst in upon torn wings
 of heat,
 Startled with lightnings air's
 unquiet drowse,
 Lashed with life-giving streams
 the torpid soil,

 Overcast with flare and sound and
 storm-winged dark
 The star-defended doors of
 heaven's dim sleep,
 Or from the gold eye of her
 paramour

 Covered with packed cloud-veils
 the earth's brown face.
 Armies of revolution crossed the
 time-field,
 The clouds' unending march
 besieged the world,
 Tempests' pronunciamientos
 claimed the sky

В безостановочном движении
 по пурпурному ободу
 Летели дни за днями,
 словно разукрашенные спицы,
 И сквозь очарование
 изменчивых оттенков атмосферы
 Тянулись разные сезоны
 в сложном важном танце,
 Подобно символическому карнавалу
 изменений года.
 По раскалённому жарой
 томленью почвы
 Шагало Лето, с пышностью его
 неистового полдня,
 Всё подавляя тиранией
 обжигающего света,
 И оставляло синюю печать
 огромного блистающего неба.
 Затем, сквозь этот обморок огня
 и спёкшийся горячий узел,
 Ворвался на изорванных крылах жары
 поток дождя,
 Вспугнул ударом молний
 беспокойную дремоту воздуха,
 И исхлестал оцепеневшую
 сухую землю
 животворными потоками,
 Скрывая штормовую мглой
 со вспышками и громом
 Врата неясной дремоты небес
 под стражей звёзд,
 И плотной пеленою туч
 укрыл коричневый неяркий
 лик земли
 От золотого глаза,
 от её любимого.
 Дивизионы армий революции
 пересекали поле времени,
 Мир осаждали тучи
 бесконечным маршем,
 Гроза гремела,
 требуя переворота в небесах,

And thunder drums announced the embattled gods.	И барабаны грома возвещали о богах, стоящих в боевом порядке.
A traveller from unquiet neighbouring seas, The dense-maned monsoon rode neighing through earth's hours:	Пришелец из лежащих рядом, беспокойных океанов, муссон, Махая гривую, со ржанием пронёсся по земным часам:
Thick now the emissary javelins:	Тупыми стали копыя этого лазутчика:
Enormous lightnings split the horizon's rim And, hurled from the quarters as from contending camps,	Чудовищные молнии раскалывали обод горизонта, И брошенные, словно из враждебных лагерей, из каждой части света
Married heaven's edges steep and bare and blind:	Они края небес, крутые, нагие, слепые связывали воедино:
A surge and hiss and onset of huge rain, The long straight sleet-drift, clamours of winged storm-charge, Throngs of wind-faces, rushing of wind-feet Hurrying swept through the prone afflicted plains:	Шипенье, волны, натиск, свист гигантского дождя, Прямые ливни с градом, рёв летящего заряда шторма, Многообразье ликов ветра и его стремительная поступь, Спешили пронестись по сокрушённым, распростёршимся долинам:
Heaven's waters trailed and dribbled through the drowned land. Then all was a swift stride, a sibilant race, Or all was tempest's shout and water's fall.	Вода с небес повисла, морося по залитой дождём стране. Затем всё стало быстрым шагом и свистящей скачкой, Всё стало криком бури и потоками воды.
A dimness sagged on the grey floor of day, Its dingy sprawling length joined morn to eve, Wallowing in sludge and shower it reached black dark.	Неясность серой пеленой закрыла ложе дня, И, распolzаясь, темнотой соединяла утро с вечером, Всё глубже погружаясь в слякоть, ливень, доходя до чёрной мглы.
Day a half darkness wore as its dull dress.	День одевался в сумерки, как в скучную одежду.

Light looked into dawn's tarnished
glass and met
Its own face there, twin to a
half-lit night's:

Downpour and drip and seeping
mist swayed all
And turned dry soil to bog and
reeking mud:
Earth was a quagmire, heaven a
dismal block.
None saw through dank drenched
weeks the dungeon sun.

Even when no turmoil vexed air's
sombre rest,

Or a faint ray glimmered through
weeping clouds
As a sad smile gleams veiled by
returning tears,
All promised brightness failed at
once denied
Or, soon condemned, died like a
brief-lived hope.

Then a last massive deluge
thrashed dead mire

And a subsiding mutter left all
still,
Or only the muddy creep of
sinking floods
Or only a whisper and green toss
of trees.
Earth's mood now changed; she
lay in lulled repose,

The hours went by with slow
contented tread:

И свет его смотрел
в тускнеющее зеркало рассвета,
Встречая там своё лицо,
двойник для еле видимого
лика ночи:

Всем заправляли сильный ливень,
морозящий дождь, туман,
Сухую почву превратив
в болото и дымящуюся жижу:
Земля была трясинной,
небеса — давящей глыбой.

Неделями, насквозь
промозглыми, сырыми
Никто не видел
арестанта-солнца.

И даже, если утихал на время шум,
что досаждал унылому
покою воздуха,

И если слабый луч проглядывал
сквозь плачущие облака,
Как грустная улыбка проступает,
скрытая пришедшими слезами,
Все-обещающая яркость гасла,
тотчас отступая прочь,

Иль умирала,
словно мимолётная надежда,
наскоро приговорённая.

Но вот последний ливень
исхлестал ещё раз
мёртвую, бесформенную грязь,

И уходящий гром
оставил всё затихшим,
Лишь растекались мутные,
неторопливые ручьи,

Да продолжались шум и суматоха
взбаламученных деревьев.

Сменилось настроение Земли;
она лежала, отдыхая,
словно в колыбели,

Часы шагали медленной
согласной поступью:

A wide and tranquil air
remembered peace,
Earth was the comrade of a happy
sun.

A calmness neared as of the
approach of God,

A light of musing trance lit soil
and sky

And an identity and ecstasy
Filled meditation's solitary heart.

A dream loitered in the dumb
mind of Space,
Time opened its chambers of
felicity,
An exaltation entered and a hope:

An inmost self looked up to a
heavenlier height,
An inmost thought kindled a
hidden flame
And the inner sight adored an
unseen sun.

Three thoughtful seasons passed
with shining tread
And scanning one by one the
pregnant hours

Watched for a flame that lurked in
luminous depths,

The vigil of some mighty birth to
come.

Autumn led in the glory of her
moons

And dreamed in the splendour of
her lotus pools

Широкий, тихий воздух
снова вспоминал покой,
Земля опять была товарищем
счастливого и радостного солнца.

Спустилась тишина,
как будто предваряя
приближение Бога,
Лучи задумчивого транса
вновь озарили
небеса и землю,

Отождествление и экстаз
Заполнили уединившееся
сердце медитации.

В немом уме Пространства
медлила мечта,
Свои палаты счастья
открывало Время,
Вошёл восторг,

а вместе с ним — надежда:
И внутреннее “я” взглянуло
на небесные высоты,
И внутренняя мысль зажгла
скрываемое пламя,
И внутреннее око
с обожаньем посмотрело
на невидимое солнце.

Задумчивые три сезона
проходили лучезарной поступью,
И каждый всматривался
в мимолётные часы,
наполненные чем-то большим,

Следил за пламенем,
которое таилось
в светлой глубине,

И ждал могучего рождения чего-то,
что должно прийти.

Сначала осень
уводила в славу лун,
Мечтала в роскоши, великолепии
лотосовых заводей,

And Winter and Dew-time laid
their calm cool hands

On Nature's bosom still in a half
sleep

And deepened with hues of lax
and mellow ease

The tranquil beauty of the waning
year.

Then Spring, an ardent lover,
leaped through leaves

And caught the earth-bride in his
eager clasp;

His advent was a fire of irised
hues,

His arms were a circle of the
arrival of joy.

His voice was a call to the
Transcendent's sphere

Whose secret touch upon our
mortal lives

Keeps ever new the thrill that
made the world,

Remoulds an ancient sweetness to
new shapes

And guards intact unchanged by
death and Time

The answer of our hearts to
Nature's charm

And keeps for ever new, yet still
the same,

The throb that ever wakes to the
old delight

And beauty and rapture and the
joy to live.

His coming brought the magic and
the spell;

Затем Зима,

а после и сезон Дождей

Свои холодные ладони

тихо клали

На грудь Природы, всё ещё

лежащей в полусне,

И углубляли красками

неясной мягкой лёгкости

Спокойствие и безмятежность красоты

идущего на убыль года.

Но вот сезон Весны,

любовник пылкий,

прыгнул сквозь листву,

Поймал невесту-землю

в жаркие свои объятия;

Его приход был разноцветным

радужным огнём,

Его протянутые руки обвили

кольцом пришедшей радости.

Его весёлый голос был призывом

к сфере Трансцендентного,

Чьё тайное прикосновенье

к нашим смертным жизням

Хранит всё время новой

ту вибрацию,

что сотворила мир,

И древней сладости

находит новый облик,

И сберегает в целости,

не изменяемый ни Временем,

ни смертью,

Ответ сердец

очарованию Природы,

Хранит и вечно новое,

и вечно то же самое биение,

Которое всё время просыпается

для прежнего стремления,

Для красоты, для радости

и для восторга жить.

Его приход нёс

магию и чары;

At his touch life's tired heart grew glad and young;	Его прикосновение усталость сердца превращало в молодость и радость;
He made joy a willing prisoner in her breast.	Он делал наслаждение вольной пленницей в её груди.
His grasp was a young god's upon earth's limbs:	Как юный бог, он обнимал земные тела:
Changed by the passion of his divine outbreak	Своими поцелуями, божественными вспышками страстей,
He made her body beautiful with his kiss.	Он делал восхитительным её земное тело.
Impatient for felicity he came,	Нетерпеливый, он пришёл для радости и для блаженства,
High-fluting with the coil's happy voice,	И высоко на флейте пел счастливым голосом, как птица койл,
His peacock turban trailing on the trees;	И задевал высокие деревья своим павлиньим хохолком;
His breath was a warm summons to delight,	Его дыхание было жаркими призывами к восторгу,
The dense voluptuous azure was his gaze.	Насыщенная, возбуждающая синева была его внимательно смотрящим взглядом.
A soft celestial urge surprised the blood	Небесный мягкий импульс будоражил кровь,
Rich with the instinct of God's sensuous joys;	Наполненную чувственными радостями скрытых ощущений Бога;
Revealed in beauty, a cadence was abroad	Проявленная в красоте, звучала широко каденция,
Insistent on the rapture-thrill in life:	Настаивая на вибрации восторга в жизни:
Immortal movements touched the fleeting hours.	Бессмертные движения касались пролетающих часов.
A godlike packed intensity of sense	Богopodobная, переполняющая сила чувств
Made it a passionate pleasure even to breathe;	Всё превращала в страстное блаженство, даже самое обычное дыхание;
All sights and voices wove a single charm.	Все зрелища и голоса сплетались в цельное, единое очарование.

The life of the enchanted globe
became
A storm of sweetness and of light
and song,
A revel of colour and of ecstasy,

A hymn of rays, a litany of cries:

A strain of choral priestly music
sang

And, swung on the swaying censer
of the trees,
A sacrifice of perfume filled the
hours.
Asocas burned in crimson spots of
flame,
Pure like the breath of an
unstained desire

White jasmines haunted the
enamoured air,
Pale mango-blossoms fed the
liquid voice

Of the love-maddened coil, and
the brown bee
Muttered in fragrance mid the
honey-buds.
The sunlight was a great god's
golden smile.

All Nature was at beauty's festival.

In this high signal moment of
the gods
Answering earth's yearning and
her cry for bliss,
A greatness from our other
countries came.

Жизнь заворуженной планеты
обернулась
Штормами света, сладости
и песней,
Весёлым буйством
цвета и экстаза,

Литанией призывов,
гимном световых лучей:
Час был наполнен
напряжением хора
со священным песнопением,

И жертвоприношением
тонких ароматов,
Повисших над качавшимся
кадилом из деревьев.
Ашока полыхала средь
багровых всполохов огня,
И чистые, подобные дыханию
незамутненного желанья,
белые жасмины
Всю атмосферу наполняли
чарами влюблённости,
И манго бледные цветы
питали плавный голос
Птицы койл,
безумной от любви,
И золотистая пчела
жужжала в аромате
Среди бутонов
полных мёда.
Свет солнца разливался
золотой, широкою
улыбкою бога.
И вся Природа стала
фестивалем красоты.

В то важное, высокое
мгновение богов,
В ответ на устремление земли,
и на её призыв к блаженству,
Из наших, но других, далёких стран,
пришло величие.

A silence in the noise of earthly
things
Immutably revealed the secret
Word,
A mightier influx filled the
oblivious clay:
A lamp was lit, a sacred image
made.
A mediating ray had touched the
earth
Bridging the gulf between man's
mind and God's;

Its brightness linked our
transience to the Unknown.

A spirit of its celestial source
aware
Translating heaven into a human
shape
Descended into earth's imperfect
mould
And wept not fallen to mortality,

But looked on all with large and
tranquil eyes.
One had returned from the
transcendent planes
And bore anew the load of mortal
breath,
Who had striven of old with our
darkness and our pain;

She took again her divine
unfinished task:

Survivor of death and the aeonic
years,
Once more with her fathomless
heart she fronted Time.

Безмолвие среди
земного шума
Всё время, неизменно
проявляло потайное Слово;
Могучее влияние
наполнило забывчивую глину:
Светильник был зажжён,
небесный образ — создан.
Луч, служащий посредником,
достиг земли,
Мостом соединяя пропасть
меж божественным умом
и человеческим;
Его сияние связало
нашу мимолётность
с Неизвестным.
Дух, сознающий свой
божественный источник,
Что переводит небеса
в обличье человека,
Спустился вниз,
в несовершенную земную плоть,
Но не оплакивал своё паденье
в смертный мир,
А лишь смотрел на всё спокойным,
широко открытым взглядом.
Из трансцендентных планов
снова возвратилась,
И разделила ношу
смертного дыхания,
Кто издавна сражалась
с нашей темнотой,
и с нашей болью;
И вновь она взялась
за свой божественный,
незавершённый труд:
Так, пережив и смерть,
и многовековые долгие эпохи,
Она ещё раз встретила
своим бездонным сердцем
Время.

Again there was renewed, again
revealed

The ancient closeness by
earth-vision veiled,

The secret contact broken off in
Time,

A consanguinity of earth and
heaven,

Between the human portion toiling
here

And an as yet unborn and limitless
Force.

Again the mystic deep attempt
began,

The daring wager of the cosmic
game.

For since upon this blind and
whirling globe

Earth-plasm first quivered with
the illumining mind

And life invaded the material
sheath

Afflicting Inconscience with the
need to feel,

Since in Infinity's silence woke a
word,

A Mother-wisdom works in
Nature's breast

To pour delight on the heart of toil
and want

And press perfection on life's
stumbling powers,

Impose heaven-sentience on the
obscure abyss

И снова обновилась,
заново открывалась

Издревле существующая близость,
скрытая земным,
обычным виденьем,

Таинственный контакт,
когда-то прерванный во Времени,

Духовное родство
земного и небесного,

Меж человеческою частью,
тяжело работающей здесь,

И неродившейся, пока что,
беспредельной Силой.

Ещё раз началось
глубокое мистическое действие,
попытка,

Отчаянная ставка,
ход в космической игре.

С тех пор, как на слепой,
кружащейся планете

Впервые стала трепетать
земная плазма

с озаряющим умом,

И в оболочку из материи
ворвалась жизнь,

И стала беспокоить Несознание
своей потребностью

воспринимать и ощущать,

С тех пор, как посреди
безмолвий Бесконечности

проснулось слово,

Мать-мудрость трудится
в груди Природы,

Чтоб лить восторг
на сердце бедности

и тяжкого труда,

И добиваться совершенства
спотыкающихся сил,

Накладывать чувствительность небес
на тусклую пучину,

And make dumb Matter conscious
of its God.

Although our fallen minds forget
to climb,

Although our human stuff resists
or breaks,

She keeps her will that hopes to
divinise clay;

Failure cannot repress, defeat
o'erthrow;

Time cannot weary her nor the
Void subdue,

The ages have not made her
passion less;

No victory she admits of Death or
Fate.

Always she drives the soul to new
attempt;

Always her magical infinitude
Forces to aspire the inert brute
elements;

As one who has all infinity to
waste,

She scatters the seed of the
Eternal's strength

On a half-animate and crumbling
mould,

Plants heaven's delight in the
heart's passionate mire,

Pours godhead's seekings into a
bare beast frame,

Hides immortality in a mask of
death.

Once more that Will put on an
earthly shape.

A Mind empowered from Truth's
immutable seat

И заставлять
немую, бессловесную Материю
Чтоб, наконец, та осознала
собственного Бога.

Хоть наши падшие умы
и забывают подниматься,
Хоть наша человеческая плоть
сопротивляется и разрушается,
Она верна той воле,
что надеется обожествить
земную глину;

И неудача не способна удержать её,
а поражение — пересилить;

И Время не способно утомить,
а Пустота — взять верх,

Века не уменьшают
страсть её;

Она не допускает торжества
Судьбы и Смерти.

Она всё время направляет душу
сделать новую попытку;

Её магическая бесконечность
Всё время заставляет устремляться
грубый и инертный элемент;

Как тот, кто обладает
всею бесконечностью,
чтоб тратить,

Она бросает семена
сил Вечного

В полуживую
и крошашуюся плоть,

Растит восторг небес
среди страстного болота сердца,

Вливая поиск бога
в голые, животные тела,

За маской смерти укрывая,
до поры, бессмертие.

Ещё раз эта Воля
одевает на себя
земную форму.

Ум, получивший силу
от незыблемого трона Истины,

Was framed for vision and
interpreting act
And instruments were sovereignly
designed
To express divinity in terrestrial
signs.
Outlined by the pressure of this
new descent

A lovelier body formed than earth
had known.

As yet a prophecy only and a hint,

The glowing arc of a charmed
unseen whole,
It came into the sky of mortal life

Bright like the crescent horn of a
gold moon
Returning in a faint illumined eve.

At first glimmering like an
unshaped idea
Passive she lay sheltered in
wordless sleep,
Involved and drowned in Matter's
giant trance,
An infant heart of the deep-caved
world-plan

In cradle of divine inconscience
rocked
By the universal ecstasy of the suns.
Some missioned Power in the
half-wakened frame
Nursed a transcendent birth's
dumb glorious seed
For which this vivid tenement was
made.
But soon the link of soul with
form grew sure;

Был сотворён для виденья,
для понимающего действия,
А инструменты были
превосходно созданы
Чтоб выражать божественное
в символах земного мира.
Намеченное в общих контурах
давленьем нового
схожденья вниз,
Сформировалось тело,
ставшее прекраснее всего,
что знали на земле.
Пока ещё лишь
как намёк и предсказание,
Пылающей дугой
незримого чарующего целого,
Оно спустилось
в небо смертной жизни,
Сияя, как растущий месяц
золотой луны,
Вернувшийся в неясный
озарённый вечер.
Мерцая, поначалу,
как бесформенная мысль, идея,
Она, покорная, лежала,
спрятавшись в беззвучном сне,
Окутанная, погружённая
в гигантский транс Материи,
Младенческое сердце
скрытого в глубинах
плана мира,
Которое укачивалось в колыбели
божественного несознания
Космическим экстазом солнц.
В той полупробуждённой оболочке
посланная Сила
Питала славное немое семя
трансцендентного рождения,
Ради которого создали
это яркое жилище.
Но вскоре, связь души и формы
стала крепче;

Flooded was the dim cave with
slow conscient light,

The seed grew into a delicate
marvellous bud,

The bud disclosed a great and
heavenly bloom.

At once she seemed to found a
mightier race.

Arrived upon the strange and
dubious globe

The child remembering inly a far
home

Lived guarded in her spirit's
luminous cell,

Alone mid men in her diviner
kind.

Even in her childish movements
could be felt

The nearness of a light still kept
from earth,

Feelings that only eternity could
share,

Thoughts natural and native to the
gods.

As needing nothing but its own
rapt flight

Her nature dwelt in a strong
separate air

Like a strange bird with large
rich-coloured breast

That sojourns on a secret fruited
bough,

Lost in the emerald glory of the
woods

Or flies above divine unreachable
tops.

Harmoniously she impressed the
earth with heaven.

Во внутреннюю,
еле освещаемую область
Стал проникать
неторопливый свет сознания,
И семя превратилось
в нежный, замечательный бутон,
Бутон раскрылся, став большим,
божественным цветком.
Казалось, что её судьба —
стать основателем могучей расы.

Попав на эту двойственную,
странную планету,
Дитя, что помнило внутри
далёкий дом,
Жила здесь под защитой
светлой кельи
собственного духа,
Одна, из более божественного рода,
среди людей.

В её движениях, даже в детстве,
можно было ощутить
Особенную близость света,
что пока скрывался от земли,
И чувств, что только вечность
может разделить,
И мыслей, что родные и естественные
для богов.

Ни в чём особо не нуждаясь,
кроме своего полёта
радости и восхищения,
Её природа вся жила
в могучей, отстранённой атмосфере,
Подобно странной птице,
с разукрашенной широкой грудью,
Которая сидит
на скрытой ветке дерева с плодами,
Затерянной среди
изумрудной славы леса,
Или летает над недостижимыми
божественными пиками.
В ней гармонично выражались
и земля, и небеса.

Aligned to a swift rhythm of sheer
delight

And singing to themselves her
days went by;

Each minute was a throb of
beauty's heart;

The hours were tuned to a
sweet-toned content

Which asked for nothing, but took
all life gave

Sovereignly as her nature's inborn
right.

Near was her spirit to its parent
Sun,

The Breath within to the eternal
joy.

The first fair life that breaks from
Nature's swoon,

Mounts in a line of rapture to the
skies;

Absorbed in its own happy urge it
lives,

Sufficient to itself, yet turned to
all:

It has no seen communion with its
world,

No open converse with
surrounding things.

There is a oneness native and
occult

That needs no instruments and
erects no form;

In unison it grows with all that is.

Наполненные быстрым ритмом
чистого восторга,

И что-то напевая для себя,
летели дни её,

В которых каждая минута
становилась пульсом
сердца красоты;

Её часы созвучны были
нежному согласию,

Что не просило ничего,
а принимало всё,
что ей давала жизнь,

По царски, властно,
как пришедшее с рождением право.

Её дух близок был к родителю —
сияющему Солнцу,

Её Дыханье погружалось
в радость вечности.

Та замечательная жизнь,
что первой вырывается
из забвения Природы,

Идёт всё выше к небесам,
маршрутом радости;

Она живёт,
пропитанная собственным,
счастливым импульсом;

Самодостаточная, но при этом,
обращённая ко всем:

Без явного общения
с этим миром,

Без видимой беседы
с окружающим.

В ней возникает единение
окультурного с природным,

Что не нуждается
ни в построении форм,
ни в инструментах;

Она растёт со всем,
что есть на свете,
в унисон.

All contacts it assumes into its
trance,

Laugh-tossed consents to the
wind's kiss and takes

Transmutingly the shocks of sun
and breeze:

A blissful yearning riots in its
leaves,

A magic passion trembles in its
blooms,

Its boughs aspire in hushed
felicity.

An occult godhead of this beauty
is cause,

The spirit and intimate guest of all
this charm,

This sweetness's priestess and this
reverie's muse.

Invisibly protected from our sense

The Dryad lives drenched in a
deeper ray

And feels another air of storms
and calms

And quivers inwardly with mystic
rain.

This at a heavenlier height was
shown in her.

Even when she bent to meet
earth's intimacies

Her spirit kept the stature of the
gods;

It stooped but was not lost in
Matter's reign.

A world translated was her
gleaming mind,

And marvel-mooned bright
crowding fantasies

В свой транс
она вбирает всё,
чего касается,

И всплеском смеха
соглашаясь с поцелуем ветра,

Берёт, преобразуя,
импульсы от солнца
и толчки от бриза:

Блаженное томленье
буйствует в её листве,

Магическая страсть
трепещет в разноцветье,

Её густые ветви устремляются
в наполненное тишиною счастье.

Оккультная богиня —
вот причина этой красоты,

А дух и сокровенный гость внутри —
источник этого очарования,

И жрица этой сладости,
и муза всей фантазии.

Незримо защищённая
от наших чувств,

Живёт Дриада эта,
погружённая в глубокий свет,

И чувствует другую атмосферу —
штилей и штормов,

И внутренне вибрирует
с мистическим дождём.

На том божественном,
высоком уровне
всё это проявлялось в ней.

Когда она склонялась
ради близости с землёй,

Её дух сохранял
осанку, стан богов;

Спустившись в мир Материи,
он там не затерялся.

Её сверкающим умом
стал мир, переведённый
на другой язык,

Чудесно-лунные, теснящиеся,
яркие фантазии

Fed with spiritual sustenance of
 dreams
 The ideal goddess in her house of
 gold.
 Aware of forms to which our eyes
 are closed,
 Conscious of nearnesses we
 cannot feel,
 The Power within her shaped her
 moulding sense
 In deeper figures than our surface
 types.

 An invisible sunlight ran within
 her veins
 And flooded her brain with
 heavenly brilliances
 That woke a wider sight than earth
 could know.
 Outlined in the sincerity of that
 ray
 Her springing childlike thoughts
 were richly turned

 Into luminous patterns of her
 soul's deep truth,
 And from her eyes she cast
 another look
 On all around her than man's
 ignorant view.
 All objects were to her shapes of
 living selves
 And she perceived a message
 from her kin
 In each awakening touch of
 outward things.
 Each was a symbol power, a vivid
 flash
 In the circuit of infinities
 half-known;
 Nothing was alien or inanimate,

Духовными мечтами
 и надеждами питали
 Богиню идеального
 в её высоком золотом жилище.
 Осознавая формы,
 на которые глаза людей закрыты,
 И сознавая близость многого,
 что мы не можем ощутить,
 Могущество внутри неё
 материал шаблонных ощущений
 Переплавляло в образы,
 что глубже человеческих,
 поверхностных стереотипов.
 Поток невидимого солнечного света
 пробегал по венам,
 Небесные сиянья
 заливали мозг,
 И пробуждали виденье, что шире,
 чем способна знать земля.
 Очерченные в искренности
 этого луча,
 В ней мысли, бьющие ключом,
 похожие на детские,
 внезапно превращались
 В сияющие образы
 глубокой истины её души,
 А из очей своих она
 на всё вокруг бросала взгляд
 Совсем иной, чем взгляд
 незнающего человека.
 Она всё видела
 как облики живых существ,
 И в каждом пробуждающем
 касании внешнего
 К ней шли посланья
 от её родных.
 Всё было символическими силами,
 живыми вспышками,
 Среди окруженья бесконечностей,
 известных лишь наполовину;
 И не было вокруг ни чуждого,
 ни неодушевлённого,

Nothing without its meaning or its call.	Во всём был и свой смысл, и свой призыв.
For with a greater Nature she was one.	Она была единым целым с более великою Природой.
As from the soil sprang glory of branch and flower,	Как из земли растёт и поднимается великолепие ветвей, цветов,
As from the animal's life rose thinking man,	Как из животной жизни вырос думающий человек,
A new epiphany appeared in her.	Так новое богоявление вызревало в ней.
A mind of light, a life of rhythmic force,	Ум света, жизнь ритмичной силы,
A body instinct with hidden divinity	Инстинкты тела, с укрываемой, пока, божественностью,
Prepared an image of the coming god;	Готовили прообраз будущего бога;
And when the slow rhyme of the expanding years	Когда неторопливый ритм развёртывающихся лет
And the rich murmurous swarm-work of the days	И низкий гул толпящихся творений в преходящих днях
Had honey-packed her sense and filled her limbs,	Залили мёдом чувства и наполнили все члены тела,
Accomplishing the moon-orb of her grace,	Замкнули в лунную орбиту её изящество и грацию,
Self-guarded in the silence of her strength	То, самосохраняемое в тишине её могущества,
Her solitary greatness was not less.	Её уединённое величие не стало меньше.
Nearer the godhead to the surface pressed,	Всё ближе и сильнее на поверхностные вещи давило божество,
A sun replacing childhood's nebula	То солнце, что сменило для неё туманность детства,
Sovereign in a blue and lonely sky.	Властитель в синем одиноком небе.
Upward it rose to grasp the human scene:	Оно всё выше поднималось, чтобы наблюдать за человеческою сценой:
The strong Inhabitant turned to watch her field.	Могучий Обитатель повернулся осмотреть её владения.
A lovelier light assumed her spirit brow	Чудесным светом озарялось оухотворённое её лицо,

And sweet and solemn grew her
 musing gaze;
 Celestial-human deep warm
 slumbrous fires
 Woke in the long fringed glory of
 her eyes
 Like altar-burnings in a mystieried
 shrine.

Out of those crystal windows
 gleamed a will
 That brought a large significance
 to life.
 Holding her forehead's candid
 stainless space

Behind the student arch a noble
 power
 Of wisdom looked from light on
 transient things.

A scout of victory in a vigil tower,
 Her aspiration called high destiny
 down;

A silent warrior paced in her city
 of strength

Inviolatе, guarding Truth's
 diamond throne.

A nectarous haloed moon her
 passionate heart
 Loved all and spoke no word and
 made no sign,

But kept her bosom's rapturous
 secrecy
 A blissful ardent moved and
 voiceless world.

Нежнее и серьезней
 становился думающий взгляд;
 Глубокие, небесно-человеческие,
 дремлющие искорки тепла
 Проснулись у неё в глазах,
 под длинной чёлкой,
 Похожие на языки огня у алтаря
 в наполненном загадками
 и тайной храме.
 Светилась воля в тех
 кристально-чистых окнах,
 Что приносила жизни
 свой великий смысл.
 Овладевая безупречным,
 искренним пространством
 лба её,
 За этим сводом,
 изучавшим мир,
 Стояла сила мудрости,
 наполненная благородством,
 И в этом свете
 наблюдала преходящее.
 Разведчиком побед
 в дежурной башне,
 Её стремление
 звало спуститься вниз
 высокую судьбу;
 Оно, как молчаливый воин,
 шло по городу
 её неосквернённой силы,
 Храня алмазный трон
 Высокой Истины.
 Нектарная, в гало, луна —
 её наполненное страстью сердце,
 Любило всех,
 и хоть не говорило слов,
 не подавала знака,
 В груди хранило
 радостную тайну,
 Счастливый, пламенный,
 подвижный и беззвучный мир.

Proud, swift and joyful ran the wave of life	И горделиво, быстро, радостно бежали волны жизни внутри неё,
Within her like a stream in Paradise.	Как если б жизнь была рекою Рая.
Many high gods dwelt in one beautiful home;	В её прекрасном доме обитало множество богов высоких планов;
Yet was her nature's orb a perfect whole,	Но, несмотря на это, мир её природы
Harmonious like a chant with many tones,	Был совершенным, гармоничным, как многоголосый гимн,
Immense and various like a universe.	Безмерным и разнообразным, как сама вселенная.
The body that held this greatness seemed almost	И тело, что вмещало это всё великолепие,
An image made of heaven's transparent light.	Казалось образом, что соткан из прозрачного, божественного света.
Its charm recalled things seen in vision's hours,	Его очарование напоминало то, что наблюдается в часы видений,
A golden bridge spanning a faery flood,	Оно казалось золотым мостом, что перекинут над эфирным половодьем,
A moon-touched palm-tree single by a lake	И одинокой пальмою у озера, касавшейся луны,
Companion of the wide and glimmering peace,	Товарищем широкого, мерцавшего покоя,
A murmur as of leaves in Paradise	И тихим шелестом листвы в Раю,
Moving when feet of the Immortals pass,	Шуршащей от шагов Бессмертных,
A fiery halo over sleeping hills,	Оно казалось огненным гало над спящими холмами,
A strange and starry head alone in Night.	И странной звёздной головою, одинокую в Ночи.

*End of Canto One**Конец первой песни*

ë

Book Four
THE BOOK
OF BIRTH AND QUEST

Canto II
THE GROWTH OF THE FLAME

A land of mountains and wide
sun-beat plains
And giant rivers pacing to vast
seas,
A field of creation and spiritual
hush,
Silence swallowing life's acts into
the deeps,
Of thought's transcendent climb
and heavenward leap,
A brooding world of reverie and
trance,
Filled with the mightiest works of
God and man,
Where Nature seemed a dream of
the Divine
And beauty and grace and
grandeur had their home,
Harboured the childhood of the
incarnate Flame.
Over her watched millennial
influences
And the deep godheads of a
grandiose past
Looked on her and saw the
future's godheads come
As if this magnet drew their
powers unseen.
Earth's brooding wisdom spoke to
her still breast;

Книга Четвертая
КНИГА
РОЖДЕНИЯ И ПОИСКА

Песня II
РОСТ ПЛАМЕНИ

Страна высоких гор, широких,
солнцем выжженных, равнин,
Гигантских рек, текущих медленно
к простору океана,
Земля творенья
и духовной тишины,
Безмолвия, в свои глубины тянущего
жизнь с её делами,
И трансцендентного подъёма мысли,
прыжком, летящей в небеса,
Мир размышляющей
фантазии и транса,
Наполненный могучими работами
людей и Бога,
Там, где Природа кажется
видением Божественного,
Где у изящества, величия и красоты —
свой дом,
Стал гаванью для детства
воплощенья Пламени.
Над ней смотрели в мир
тысячелетние влияния,
А божества из глубины
прошедших грандиозных лет,
Смотрели на неё и видели
приход богов грядущего;
Она притягивала их невидимые силы,
как магнит.
Земли задумчивая мудрость
говорила с тихой её душой;

Mounting from mind's last peaks
 to mate with gods,

 Making earth's brilliant thoughts a
 springing-board
 To dive into the cosmic
 vastnesses,
 The knowledge of the thinker and
 the seer
 Saw the unseen and thought the
 unthinkable,
 Opened the enormous doors of the
 unknown,
 Rent man's horizons into infinity.

 A shoreless sweep was lent to the
 mortal's acts,

 And art and beauty sprang from
 the human depths;
 Nature and soul vied in nobility.

 Ethics the human keyed to imitate
 heaven;

 The harmony of a rich culture's
 tones
 Refined the sense and magnified
 its reach
 To hear the unheard and glimpse
 the invisible
 And taught the soul to soar
 beyond things known,
 Inspiring life to greatness and break
 its bounds,

 Aspiring to the Immortals' unseen
 world.
 Leaving earth's safety daring
 wings of Mind
 Bore her above the trodden fields
 of thought

Поднявшись над последними
 вершинами ума,
 чтоб вместе быть с богами,
 И делая трамплин
 из ослепительных идей земли,
 Чтобы нырнуть
 в космическую широту,
 В ней знание
 провидца и мыслителя
 Смотрело на незримое
 и размышляло о немыслимом,
 Открыв огромные
 ворота неизвестного,
 И раздвигало горизонты человека
 в бесконечность.
 Размах безбрежности
 накладывался на её
 поступки смертной,
 Искусство, красота
 выпрыгивали из её глубин;
 Душа с природой
 состязались в благородстве.
 Системы этики
 настраивали человеческое
 подражать небесному;
 Гармония тонов
 разнообразия культуры
 Стремилась сделать тоньше ощущение,
 расширить сферу чувств,
 Улавливать на слух неслышимое,
 воспринимать мельком незримое,
 И душу приучать парить
 за рамками известного,
 Жизнь вдохновляя
 превзойти свои границы
 и разрушить их,
 Стремясь к невидимым
 мирам Бессмертных.
 Забыв земную безопасность,
 дерзкие крыла Ума
 Несли её над проторёнными
 полями мысли,

Crossing the mystic seas of the
Beyond

To live on eagle heights near to
the Sun.

There Wisdom sits on her eternal
throne.

All her life's turns led her to
symbol doors

Admitting to secret Powers that
were her kin;

Adept of truth, initiate of bliss,

A mystic acolyte trained in
Nature's school,

Aware of the marvel of created
things

She laid the secrecies of her
heart's deep muse

Upon the altar of the Wonderful;

Her hours were a ritual in a
timeless fane;

Her acts became gestures of
sacrifice.

Invested with a rhythm of higher
spheres

The word was used as a hieratic
means

For the release of the imprisoned
spirit

Into communion with its comrade
gods.

Or it helped to beat out new
expressive forms

Of that which labours in the heart
of life,

Some immemorial Soul in men
and things,

Пересекая с ней
мистические океаны

Запредельного,

Чтоб на орлиной высоте
жить рядом с Солнцем.

Там на небесном вечном троне
восседает Мудрость.

Все повороты жизни
вели её

к тем символическим дверям,

И пропускали к тайным Силам,
для неё родным;

Адепт высокой истины,
и посвящённая в блаженство,

Мистический служка,
она училась в школе у Природы,

Знакомясь с чудесами
сотворённого,

И возлагала на алтарь Чудесного
секреты,

Своих глубоких
размышлений сердца;

Её часы, моменты жизни
были ритуалом в вечном храме;

Её поступки становились
жестом жертвоприношения.

И слово, наполняясь
ритмом высших сфер,

Служило как
священный способ

Освобождения духа
из темницы,

Открыв ему возможность
говорить с богами,
как с друзьями.

Бывало, слово
помогало высечь
новый способ выражения

Того, что трудится в глубинах,
в сердце жизни,

Какой-то древней, незапамятной Души
в вещах и в людях,

Seeker of the unknown and the
unborn
Carrying a light from the Ineffable

To rend the veil of the last
mysteries.

Intense philosophies pointed earth
to heaven

Or on foundations broad as
cosmic Space

Upraised the earth-mind to
superhuman heights.

Overpassing lines that please the
outward eyes

But hide the sight of that which
lives within

Sculpture and painting
concentrated sense

Upon an inner vision's motionless
verge,

Revealed a figure of the invisible,

Unveiled all Nature's meaning in a
form,

Or caught into a body the Divine.

The architecture of the Infinite
Discovered here its
inward-musing shapes

Captured into wide breadths of
soaring stone:

Music brought down celestial
yearnings, song

Held the merged heart absorbed in
rapturous depths,

Linking the human with the
cosmic cry;

Что ищет неизвестное
и нерождённое,

И нам приносит свет
Невыразимого

Чтоб разорвать вуаль
последних тайн.

Глубокие теории и философии
земле указывали
на небесные миры,

Иль на другом, широком,
как вселенское Пространство
основании,

Старались ум земли поднять
к сверхчеловеческим высотам.

Прекрасные черты, что радуют
поверхностное зрение,

Но укрывают
от земных очей

Живущий в глубине
скульптуры и рисунка
сконцентрированный смысл,

На неподвижной грани
внутреннего виденья

Являли глазу
образы незримого,

И в форме раскрывали смыслы
всей Природы,

Стараясь в теле
уловить Божественное.

Архитектура Бесконечного
Приоткрывала формы
внутренних раздумий,

Пленённые в размахах
воспаряющего камня:

И музыка спускала вниз
небесные стремления,

И песня заставляла
с ней сливаться сердце,

Ныряя в глубину восторга,
соединяя человека
с зовом космоса;

The world-interpreting
movements of the dance
Moulded idea and mood to a
rhythmic sway

And posture; crafts minute in
subtle lines
Eternised a swift moment's
memory
Or showed in a carving's sweep, a
cup's design
The underlying patterns of the
unseen:
Poems in largeness cast like
moving worlds
And metres surging with the
ocean's voice
Translated by grandeurs locked in
Nature's heart

But thrown now into a crowded
glory of speech
The beauty and sublimity of her
forms,
The passion of her moments and
her moods
Lifting the human word nearer to
the god's.

Man's eyes could look into the
inner realms;
His scrutiny discovered number's
law
And organised the motions of the
stars,
Mapped out the visible fashioning
of the world,
Questioned the process of his
thoughts or made
A theorised diagram of mind and
life.

Движенья танца,
объясняющие мир,
Идею, настроение
переводили в ритм движений,
в положение тела;
Ремёсла, аккуратные в деталях,
тонкими чертами
Увековечивали память
быстрого мгновения,
Запечатлев в резном изгибе,
или же в рисунке чаши —
Лежащий в основании
узор незримого:
Поэмы, что бросались в широту,
как целые подвижные миры,
Размеры ритма, что вздымались
рёвом океана,
Переводились грандиозностью,
обычно спящей
в сердце у Природы,
Но в этот миг кидающей
в великолепье слов
Возвышенность и красоту
своих фигур и форм,
И страсть своих мгновений,
и различных настроений,
Которые возносят
человеческое слово
ближе к богу.

Глаз человека смог увидеть
внутренние царства,
Его испытующий взгляд
открыл законы чисел,
Нашёл порядок
среди движенья звёзд,
Нанёс на карту
видимое оформление мира,
Исследовал движение
собственных идей и мыслей,
И вывел диаграммы
жизни и ума.

These things she took in as her
 nature's food,
 But these alone could fill not her
 wide Self:

 A human seeking limited by its
 gains,

 To her they seemed the great and
 early steps

 Hazardous of a young discovering
 spirit

 Which saw not yet by its own
 native light;

 It tapped the universe with testing
 knocks
 Or stretched to find truth mind's
 divining rod;
 There was a growing out to
 numberless sides,
 But not the widest seeing of the
 soul,
 Not yet the vast direct immediate
 touch,
 Nor yet the art and wisdom of the
 Gods.
 A boundless knowledge greater
 than man's thought,
 A happiness too high for heart and
 sense
 Locked in the world and yearning
 for release

 She felt in her; waiting as yet for
 form,
 It asked for objects around which
 to grow

Она¹ всё это принимала
 как питание своей природы,
 Которое, увы,
 не заполняло полностью
 просторы внутреннего “Я”:
 Исканья человека
 ограничены той пользой,
 что он может получить,
 А для неё они казались
 лишь большими,
 но начальными шагами,
 Опасными для юного,
 неопытного духа,
 который изучает мир,
 И не способен, поначалу,
 видеть всё
 своим врождённым светом;
 Он пробными ударами
 простукивал вселенную,
 Тянулся обнаружить истину
 волшебною лозой ума;
 Был рост во все
 бесчисленные стороны,
 Но не обширность
 виденья души,
 И не прямое и широкое касанье,
 без посредников,
 И не искусство, мудрость
 понимания Богов.
 Неограниченное знание,
 что больше мысли человека,
 И счастье, чересчур высокое
 для сердца и для чувств,
 Что в этом мире заперты,
 стремление освободиться —
 она нашла в себе;
 И словно ожидая
 некой формы,
 В ней дух просил о целях,
 для которых стоило расти,

¹ Савитри, *прим.пер.*

And natures strong to bear without
recoil

The splendour of her native
royalty,

Her greatness and her sweetness
and her bliss,

Her might to possess and her vast
power to love:

Earth made a stepping-stone to
conquer heaven,

The soul saw beyond heaven's
limiting boundaries,

Met a great light from the
Unknowable

And dreamed of a transcendent
action's sphere.

Aware of the universal Self in all

She turned to living hearts and
human forms,

Her soul's reflections,
complements, counterparts,

The close outlying portions of her
being

Divided from her by walls of body
and mind

Yet to her spirit bound by ties
divine.

Overcoming invisible hedge and
masked defence

And the loneliness that separates
soul from soul,

She wished to make all one
immense embrace

That she might house in it all
living things

Raised into a splendid point of
seeing light

Натур, достаточно могучих,
чтобы вынести и не отвергнуть
Великолепье царского достоинства,
ей данное с рождения,

Её величие, и сладость,
и блаженство,

Могучее умение обладать,
широкую способность,
силу полюбить:

Земля в ней заложила
первый камень
покорения небес,

Душа заглядывала дальше,
за небесные ограничения,
Она встречалась с высшим светом
из Непознаваемого

И грезила о сфере
трансцендентных действий.

И зная об универсальном Высшем "Я"
во всём,

Она была обращена
к живым сердцам и людям,
Что были отраженьем, дополненьем,
противоположностью её души,

К тем близким, но замкнувшимся
фрагментам существа,

Что отделились стенами
ума и тела,

Хоть и остались
связанными с духом в ней
божественными узами.

Пройдя незримую преграду
и замаскированную оборону,

И одиночество, что отделяет
душу от души,

Она хотела всё на свете превратить
в одно огромное объятие,

Чтоб можно было поселить
в нём всё живое,

Поднявшееся до роскошных пиков
видящего света

Out of division's dense unconscious
cleft,
And make them one with God and
world and her.

Only a few responded to her call:

Still fewer felt the screened
divinity

And strove to mate its godhead
with their own,

Approaching with some kinship to
her heights.

Uplifted towards luminous
secrecies

Or conscious of some splendour
hidden above

They leaped to find her in a
moment's flash,

Glimpsing a light in a celestial
vast,

But could not keep the vision and
the power

And fell back to life's dull
ordinary tone.

A mind daring heavenly
experiment,

Growing towards some largeness
they felt near,

Testing the unknown's bound with
eager touch

They still were prisoned by their
human grain:

They could not keep up with her
tireless step;

Too small and eager for her
large-paced will,

Too narrow to look with the
unborn Infinite's gaze

Из неосознающей глубины
ущелья разделённости,

И сделать их единым целым
с Богом, с миром, с ней.

Немногие откликнулись
на этот зов:

Из них лишь единицы ощутили
скрытую её божественность

И попытались сочетать с ней
собственное божество внутри,

Пойти к её высотам
с этим внутренним родством.

Взбираясь выше,
к озарённым тайнам,

Иль осознав какое-то великолепьё,
скрытое над ними,

Они прыжком
хотели отыскать её

в моменты озарений,
Успев мельком увидеть свет
в небесной широте,

Но не способны были сохранить
ни это виденье, ни силу,

И падали назад, к обычным,
скучным настроениям жизни.

Они с собою ощущали рядом
растущий вирирь,

Дерзнувший на небесные эксперименты
ум,

Они нетерпеливыми касаньями
стремились отыскать

границы неизвестного,

И всё же оставались пленниками
человеческого типа,

И не могли угнаться
за её неутомимой поступью;

Их слишком маленькая, жаждущая
для ступающей

широким шагом воли,

И слишком узкая,
чтоб видеть взглядом

нерождённой Бесконечности,

Their nature weary grew of things
too great.

For even the close partners of her
thoughts

Who could have walked the
nearest to her ray,

Worshipped the power and light
they felt in her

But could not match the measure
of her soul.

A friend and yet too great wholly
to know,

She walked in their front towards
a greater light,

Their leader and queen over their
hearts and souls,

One close to their bosoms, yet
divine and far.

Admiring and amazed they saw
her stride

Attempting with a godlike rush
and leap

Heights for their human stature
too remote

Or with a slow great many-sided
toil

Pushing towards aims they hardly
could conceive;

Yet forced to be the satellites of
her sun

They moved unable to forego her
light,

Desiring they clutched at her with
outstretched hands

Or followed stumbling in the
paths she made.

Or longing with their self of life
and flesh

Природа в них
довольно быстро уставала
от этих чересчур больших вещей.

И даже близкие её товарищи,
что разделяли с нею мысли,

Кто ближе всех
смог подходить к её лучу,

Любили силу, свет,
что чувствовали в ней,

Но не могли объять
размах её души.

Как друг, но чересчур великая,
чтобы всю её понять,

Она шла перед ними,
устремляясь в более великий свет,

Их предводитель,
королева их сердец и душ,

Хоть очень близкая для них,
но всё-таки —

божественная и далёкая.

Так, обожая, восхищаясь ей,
они смотрели

на её широкий шаг,

Стремящийся скачком,
с богоподобным натиском,

К высотам, слишком отдалённым
для уровня людей,

Иль медленно, с большим трудом,
и множеством этапов,

С усилием пробивались к целям,
что едва могли понять;

И всё же, вынужденные быть рядом,
словно спутники у солнца,

Они за нею шли,
не в силах отказаться

от её сияющего света,

Желая ухватиться за неё,
протягивали руки,

И спотыкаясь, двигались по тропам,
которые она им проложила.

А иногда, своими “я”,
желая страстно жизни, плоти,

They clung to her for heart's
nourishment and support:

The rest they could not see in
visible light;

Vaguely they bore her inner
mightiness.

Or bound by the senses and the
longing heart,

Adoring with a turbid human love,

They could not grasp the mighty
spirit she was

Or change by closeness to be even
as she.

Some felt her with their souls and
thrilled with her,

A greatness felt near yet beyond
mind's grasp;

To see her was a summons to
adore,

To be near her drew a high
communion's force.

So men worship a god too great to
know,

Too high, too vast to wear a
limiting shape;

They feel a Presence and obey a
might,

Adore a love whose rapture
invades their breasts;

To a divine ardour quickening the
heart-beats,

A law they follow greatening
heart and life.

Они к ней льнули для подпитки
и поддержки сердца:

Всё остальное в зримом свете
они увидеть не могли;

Они её терпели,
смутно представляя
могущество у ней внутри.

И связанные чувствами,
желаньем сердца,

И обожая путанной
любовью человека,

Они, как ни старались,
не могли

Ни уловить могучий дух,
каким она была,

Ни изменить себя от близости,
и стать такой же, как она.

Кому-то удавалось
ощутить её душой
и трепетать с ней вместе,

Почувствовать величие —
хоть близкое, но за пределом
восприятия ума;

Её увидеть — становилось импульсом,
призывом восхищаться,

Быть рядом с ней — давало силу
для общения с высоким.

Так люди обожают бога,
чересчур великого
для понимания,

И чересчур высокого, широкого,
чтоб он мог облачиться
в ограниченную форму;

Так люди чувствуют Присутствие
и подчиняются могуществу,

И восхищаются любовью,
которая восторгом
захватывает грудь;

Они идут к божественному жару,
убыстряющему пульс,

И за законом, возвышающим
сердца и жизни.

Opened to the breath is a new
diviner air,
Opened to man is a freer, happier
world:

He sees high steps climbing to
Self and Light.

Her divine parts the soul's
allegiance called:

It saw, it felt, it knew the deity.

Her will was puissant on their
nature's acts,
Her heart's inexhaustible
sweetness lured their hearts,
A being they loved whose bounds
exceeded theirs;

Her measure they could not reach
but bore her touch,

Answering with the flower's
answer to the sun

They gave themselves to her and
asked no more.

One greater than themselves, too
wide for their ken,

Their minds could not understand
nor wholly know,

Their lives replied to hers, moved
at her words:

They felt a godhead and obeyed a
call,

Answered to her lead and did her
work in the world;

Their lives, their natures moved
compelled by hers

As if the truth of their own larger
selves

Открылась для дыхания новая,
божественная атмосфера,

Открылся человеку
более свободный,
более счастливый мир:

Он видит новые высокие ступени,
что поднимаются

к Божественному “Я” и Свету.

Её божественные элементы
обращались к ним,

И призывали к верности душе:

Чтоб их душа увидела, и ощутила,
и познала божество.

Её желанье стало мощной силой
в делах их человеческой природы,

Её неисчерпаемая сладость сердца
манила их сердца,

Они любили это существо,
превосходившее

любые их границы;

Они не понимали весь её размах,
но на себе несли

её касание,

И отвечая, как цветок на стебле
отвечает солнцу,

Они давали ей себя
и не просили больше.

Но ту, что больше их самих,
что слишком широка

для их земного кругозора,

Их ум не мог понять,

не мог увидеть в целом,

Их жизни откликались на неё,
на сказанное ею слово:

Они в ней ощущали божество
и подчинялись зову,

И отвечали первенству её,
и делали её работу в мире;

Их жизни, их природа двигались,
благодаря её давлению,

Как если б истина их собственных,
но более широких “я”,

Put on an aspect of divinity
To exalt them to a pitch beyond
their earth's.

They felt a larger future meet their
walk;

She held their hands, she chose for
them their paths:

They were moved by her towards
great unknown things,

Faith drew them and the joy to
feel themselves hers;

They lived in her, they saw the
world with her eyes.

Some turned to her against their
nature's bent;

Divided between wonder and
revolt,

Drawn by her charm and mastered
by her will,

Possessed by her, her striving to
possess,

Impatient subjects, their tied
longing hearts

Hugging the bonds close of which
they most complained,

Murmured at a yoke they would
have wept to lose,

The splendid yoke of her beauty
and her love:

Others pursued her with life's
blind desires

And claiming all of her as their
lonely own,

Hastened to engross her sweetness
meant for all.

Одела бы аспект божественного,
Чтоб их поднять на высоту
за рамками земного.

Они могли почувствовать,
как более широкое грядущее
встречает их шаги;

Она брала их за руки
и выбирала им пути:

Они с ней шли
к великой неизвестности,

И вера, радость ощутить себя
принадлежащим ей
вела их за собой;

Они и жили в ней,
и видели весь мир
её глазами.

Бывало, кто-то поворачивал за ней,
противореча склонностям
своей природы;

И разрываясь между
изумлением и бунтом,

Притянутые обаянием
и подчиняясь воле,

Захваченные ею
и её стремленьем обладать,

Нетерпеливые вассалы,
с сердцем, что привязано к желанию,

Держались крепко за оковы,
на которые сильнее всего пеняли,

Ворчали на ярмо и подчиненье,
о котором бы рыдали, потеряв,

Роскошное ярмо
её любви и красоты:

Другим она нужна была
для их слепых желаний жизни,

И требуя у ней всего,
как если бы она жила

Лишь исключительно для них,

Спешили завладеть
в ней сладостью,
предназначавшейся для всех.

As earth claims light for its lone
separate need

Demanding her for their sole
jealous clasp,

They asked from her movements
bounded like their own

And to their smallness craved a
like response.

Or they repined that she surpassed
their grip,

And hoped to bind her close with
longing's cords.

Or finding her touch desired too
strong to bear

They blamed her for a tyranny
they loved,

Shrank into themselves as from
too bright a sun,

Yet hankered for the splendour
they refused.

Angrily enamoured of her sweet
passionate ray

The weakness of their earth could
hardly bear,

They longed but cried out at the
touch desired

Inapt to meet divinity so close,

Intolerant of a Force they could
not house.

Some drawn unwillingly by her
divine sway

Как света требует земля
лишь для своих
отдельных нужд,

Они её хотели
только для ревнивых,
собственных объятий,

Просили от неё движений,
ограниченных, как их дела,
И жаждали для малости своей
похожего ответа.

Бывало, их бесило,
что она гораздо выше
их способности понять,

Бывало, что они надеялись
её теснее привязать
верёвочными узами желаний.

Порой, найдя её желанное касанье
слишком сильным,
чтоб переносить,

То обвиняли в тирании,
которую они любили,

А то сжимались,
или закрывались,

Как прячутся от слишком
ослепляющего солнца,

И всё же жаждали
того великолепия,
что отвергали.

И в гневе, очарованные
страстным, сладостным
её лучом,

Который слабость их земли
едва терпела,

Они его хотели, но кричали
от желанного касания,

И не могли так близко
встретиться с божественным,

И не выдерживали Силу,
которую не удавалось
поселить внутри.

Иные, против воли привлечённые
её божественным размахом,

Endured it like a sweet but alien
spell;
Unable to mount to levels too
sublime,
They yearned to draw her down to
their own earth.
Or forced to centre round her their
passionate lives,

They hoped to bind to their heart's
human needs

Her glory and grace that had
enslaved their souls.

But mid this world, these hearts
that answered her call,

None could stand up her equal and
her mate.
In vain she stooped to equal them
with her heights,

Too pure that air was for small
souls to breathe.

These comrade selves to raise to
her own wide breadths
Her heart desired and fill with her
own power
That a diviner Force might enter
life,

A breath of Godhead greaten
human time.
Although she leaned down to their
littleness
Covering their lives with her
strong passionate hands
And knew by sympathy their
needs and wants

Терпели это словно сладкие,
но чуждые им чары;
И не сумев подняться к уровням,
что слишком грандиозны,
Они старались силою стащить её
к своей привычной почве, вниз.
А временами, вынужденные жить
своею страстной жизнью
рядом с ней,
Надеялись использовать
для нужд обычных
человеческих сердец
Её изящество и славу,
покорившую их души.

Однако, в этом мире,
среди сердец,
ответивших её призыву,
Никто не мог стать равным ей,
стать парой.
Она напрасно наклонялась,
чтобы уравнивать их
до своих высот,
Уж слишком чистым
был тот воздух для дыхания
маленьких их душ.
Поднять их дружеские "я"
до широты своих просторов
Хотело сердце в ней,
наполнить их своей энергией,
Чтобы в жизни к ним
могла войти
божественная Сила,
Чтобы дыхание Божества
возвысило их человеческое время.
Хотя она склонялась
до их малости,
Их жизни прикрывая сильными
и страстными руками,
С симпатией внимала
их желаниям и нуждам,

And dived in the shallow
wave-depths of their lives
And met and shared their
heart-beats of grief and joy
And bent to heal their sorrow and
their pride,
Lavishing the might that was hers
on her lone peak

To lift to it their aspiration's cry,

And though she drew their souls
into her vast

And surrounded with the silence
of her deeps

And held as the great Mother
holds her own,

Only her earthly surface bore their
charge

And mixed its fire with their
mortality:

Her greater self lived sole,
unclaimed, within.

Often in dumb Nature's stir and
peace

A nearness she could feel serenely
one;

The Force in her drew earth's
subhuman broods;

And to her spirit's large and free
delight

She joined the ardent-hued
magnificent lives

Of animal and bird and flower and
tree.

They answered to her with the
simple heart.

Ныряла в мелкую волну
их жизней,
Встречала, разделяя
их сердцебиенья радости и горя,
Склонялась исцелить
их гордость и страдание,
И щедро расточала силу,
которая была у ней
на этом одиноком пике,

Чтоб поднимать к себе
призыв их устремления,

Хотя она тянула эти души
в свой простор,

И окружала тишиной
своих глубин,

Вела их, как великая,
божественная Мать
ведёт её саму,

Лишь малая её,
земная и поверхностная, часть
входила в их заботы,

Соединяла свой огонь
с их смертной жизнью:

Её большое "я" внутри
в ней жило одиноко,
невостребованное никем.

Открытая покою и движению
немой Природы,

Она могла в ней ощутить
спокойное родство;

Её Могущество притягивало
менее разумных сыновей земли;

Она к свободному,
широкому восторгу духа
присоединяла

Великолепные и ярко
разукрашенные жизни

Животного и птицы,
деревьев и цветов.

Те отвечали ей
простым наивным сердцем.

In man a dim disturbing somewhat
lives;

It knows but turns away from
divine Light

Preferring the dark ignorance of
the fall.

Among the many who came
drawn to her

Nowhere she found her partner of
high tasks,

The comrade of her soul, her other
self

Who was made with her, like God
and Nature, one.

Some near approached, were
touched, caught fire, then
failed,

Too great was her demand, too
pure her force.

Thus lighting earth around her like
a sun,

Yet in her inmost sky an orb aloof,

A distance severed her from those
most close.

Puissant, apart her soul as the
gods live.

As yet unlinked with the broad
human scene,

In a small circle of young eager
hearts,

Но что-то разрушающее, мутное
живёт внутри у человека;

Он, зная Свет божественного,
внезапно поворачивает прочь,

Предпочитая тёмное
невежество падения.

Средь множества людей,
которые пришли,

притянутые ею,

Она не встретила себе
партнера для высоких дел,

Товарища её души,
своё второе “я”,

Кто был бы создан
вместе с ней,

Как Бог с Природою,
единым целым.

Бывало, кто-то
становился близок,

Его касалось и захватывало пламя,
но затем спадало.

Уж слишком были высоки
её запросы,

И чересчур чиста
была в ней сила.

Так, освещая землю
около себя, как солнце,

Во внутреннем её пространстве
всё же оставался круг

какой-то отстранённости,

Была дистанция,

что отделяла даже тех,

кто был ей ближе остальных.

Её могучая душа

жила особняком, как боги.

И, словно, до сих пор

не связанная с человеческой
широкой сценой,

В том узком круге

юных и стремящихся сердец,

Her being's early school and
closed domain,
Apprentice in the business of
earth-life,
She schooled her heavenly strain
to bear its touch,

Content in her little garden of the
gods

As blooms a flower in an
unvisited place.

Earth nursed, unconscious still,
the inhabiting flame,

Yet something deeply stirred and
dimly knew;

There was a movement and a
passionate call,

A rainbow dream, a hope of
golden change;

Some secret wing of expectation
beat,

A growing sense of something
new and rare

And beautiful stole across the
heart of Time.

Then a faint whisper of her
touched the soil,

Breathed like a hidden need the
soul divines;

The eye of the great world
discovered her

And wonder lifted up its bardic
voice.

A key to a Light still kept in
being's cave,

The sun-word of an ancient
mystery's sense,

В её начальной школе,
и закрытых областях,
Учеником в делах
земной обычной жизни,
Она своё небесное строенье
приучала выносить

все их касания,
И быть довольной
в маленьком своём
саду богов,

Как распускается цветок
в нехоженном краю.

Землёю вскормленное пламя,
жившее внутри,

Пока что оставалось
неосознающим,

Но что-то в глубине
уже менялось

и неясно понимало;
Движение было,
страстный зов,
и радужные яркие мечты,

Надежда на приход
счастливых перемен;

Биение каких-то
тайных крыльев ожидания,

И возрастающее чувство
редкостного, нового, прекрасного

Незримо проникало
через сердце Времени.

Затем, её едва заметный шёпот
прикоснулся к почве,

Вздохнув, как скрытая необходимость,
что заметила душа;

Её увидел глаз
большого мира

И удивление подняло
голос барда.

Ключ к Свету всё ещё лежал
в пещере бытия,

И солнечное слово
смысла древней тайны,

Her name ran murmuring on the
lips of men

Exalted and sweet like an inspired
verse

Struck from the epic lyre of
rumour's winds

Or sung like a chanted thought by
the poet Fame.

But like a sacred symbol's was
that cult.

Admired, unsought, intangible to
the grasp

Her beauty and flaming strength
were seen afar

Like lightning playing with the
fallen day,

A glory unapproachably divine.

No equal heart came close to join
her heart,

No transient earthly love assailed
her calm,

No hero passion had the strength
to seize;

No eyes demanded her replying
eyes.

A Power within her awed the
imperfect flesh;

The self-protecting genius in our
clay

Divined the goddess in the
woman's shape

And drew back from a touch
beyond its kind

Став именем её,
вдруг побежало, словно шелест,
по устам людей,

Возвышенное, свежее,
похожее на вдохновенную строфу,

Рождённую эпическою лирой
от ветров молвы,

Иль воспеваемую, словно
очарованная мысль
поэта-Славы.

Но это поклонение, увы,
похоже было больше
на священный символ.

Её пришедшая сама собою,
восхитительная,
недоступная для пониманья,

И красота, и пламенеющая сила —
виделись издалика,

Как молнии,
играющие на закате дня,

Как слава,
что недостижима и божественна.

Но ни какое сердце равное,
не подошло к ней ближе,
слиться с сердцем,

И ни одна земная преходящая любовь
не штурмовала в ней покой,

Ни у одной геройской страсти
не хватило силы ею завладеть;

И не было очей, что требовали б её
ответных взглядов.

Могущество внутри неё
внушало страх
несовершенной плоти;

Дух в нашем теле,
защищающий себя,

За женским обликом
угадывал богиню

И отступал назад,
чтоб не коснуться той,
что превосходит род его,

The earth-nature bound in
sense-life's narrow make.

The hearts of men are amorous of
clay-kin

And bear not spirits lone and high
who bring

Fire-intimations from the
deathless planes

Too vast for souls not born to
mate with heaven.

Whoever is too great must lonely
live.

Adored he walks in mighty
solitude;

Vain is his labour to create his
kind,

His only comrade is the Strength
within.

Thus was it for a while with Savitri.
All worshipped marvellingly,
none dared to claim.

Her mind sat high pouring its
golden beams,

Her heart was a crowded temple
of delight.

A single lamp lit in perfection's
house,

A bright pure image in a priestless
shrine,

Midst those encircling lives her
spirit dwelt,

Apart in herself until her hour of
fate.

Что вне земной природы,
связанной цепями
узкой жизни чувств.

Сердца людей
любить готовы тех,
кто сотворён из глины

И не выносят одинокие,
возвышенные души,
Несущие им огненные озарения
бессмертных планов,

И чересчур широкие для тех,
кто не рождён
для брака с небесами.

Так каждый, чересчур великий,
должен жить уединённо.

И всеми обожаемый,
идти в могучем одиночестве;

Напрасен труд его
создать себе подобных, близких,
Его единственный товарищ —
внутренняя Сила.

Так было поначалу и с Савитри.
Все восхищённо поклонялись,
но никто не смел
потребовать её.

Её ум восседал на высоте
и изливал

свои прекрасные лучи,
В ней сердце было храмом,
переполненным восторгом.

Как одинокий факел
в доме совершенства,

Как яркий, чистый образ
в святыне без жреца,

Среди живущих рядом жизней
обитал её могучий дух,

Внутри себя и отстранённо,
пока не пробил
час её судьбы.

Book Four
THE BOOK OF BIRTH AND
QUEST

Canto III
THE CALL TO THE QUEST

A morn that seemed a new
creation's front,
Bringing a greater sunlight,
happier skies,
Came burdened with a beauty
moved and strange
Out of the changeless origin of
things.
An ancient longing struck again
new roots:
The air drank deep of unfulfilled
desire;
The high trees trembled with a
wandering wind
Like souls that quiver at the
approach of joy,
And in a bosom of green secrecy

For ever of its one love-note
untired

A lyric coil cried among the
leaves.
Away from the terrestrial murmur
turned
Where transient calls and answers
mix their flood,
King Aswapati listened through
the ray

Книга Четвертая
КНИГА
РОЖДЕНИЯ И ПОИСКА

Песня III
ПРИЗЫВ К ПОИСКУ

Фасадом нового творения
казалось утро,
Несущим больше солнечного света,
больше счастья в небесах,
Оно пришло, нагруженное
странною, подвижной красотой
Из неизменного источника
всего, что существует.
Вновь выпустило корни
древнее стремление,
И воздух упивался глубиною
неисполненных желаний;
Высокие деревья колыхались
от бродяги ветра,
Как души, что трепещут
в ожидании радости,
И в сердце этого
зелёного уединения,
Всё время, неустанно,
на одной своей любовной ноте,
среди листвы,
Вела лирическую песню
птица койл.
Прочь отвернувшись
от земного гула,
Где мимолётные призывы и ответы
смешаны в одном потоке,
Царь Ашвапати слушал
через этот луч

To other sounds than meet the
sense-formed ear.

On a subtle interspace which rings
our life,

Unlocked were the inner spirit's
trance-closed doors:

The inaudible strain in Nature
could be caught;

Across this cyclic tramp of eager
lives,

Across the deep urgency of
present cares,

Earth's wordless hymn to the
Ineffable

Arose from the silent heart of the
cosmic Void;

He heard the voice repressed of
unborn Powers

Murmuring behind the luminous
bars of Time.

Again the mighty yearning raised
its flame

That asks a perfect life on earth
for men

And prays for certainty in the
uncertain mind

And shadowless bliss for suffering
human hearts

And Truth embodied in an
ignorant world

And godhead divinising mortal
forms.

A word that leaped from some far
sky of thought,

Admitted by the cowed receiving
scribe

Traversed the echoing passages of
his brain

Совсем иные звуки,
чем встречаемые ухом,
придающим форму чувствам.

Там, в тонком,
промежуточном пространстве,
что окружает нашу жизнь,

Открылись внутренние двери духа,
закрывааемые трансом:

За ними можно было уловить
неслышимое напряжение в Природе;

И через этот повторяющийся топот
страстных жизней,

Глубокую настойчивость
сиюминутных дел,

Рос бессловесный гимн Земли
Невыразимому

Из сердца, из безмолвия
вселенской Пустоты;

И Ашвапати слышал
приглушённый голос
нерождённых Сил,

Шептавший позади
светящихся барьеров Времени.

И вновь зажглось огнём
могучее стремление,

Что просит совершенной жизни
на земле для человека,

И молит об уверенности
в неуверенном уме,

О незапятнанном блаженстве
для страдающих людских сердец,

О воплощении Истины
в невежественном мире,

О божестве, что наполняет духом
формы смертных.

И слово, что слетело
из далёких сфер небесной мысли,

Пропущенное принимающим
писцом под капюшоном,

Пересекло пустые,
отзывавшиеся эхом,
переходы мозга Ашвапати,

And left its stamp on the recording
cells.

"O Force-compelled, Fate-driven
earth-born race,

O petty adventurers in an infinite
world

And prisoners of a dwarf
humanity,

How long will you tread the
circling tracks of mind

Around your little self and petty
things?

But not for a changeless littleness
were you meant,

Not for vain repetition were you
built;

Out of the Immortal's substance
you were made;

Your actions can be swift
revealing steps,

Your life a changeful mould for
growing gods.

A Seer, a strong Creator, is within,

The immaculate Grandeur broods
upon your days,

Almighty powers are shut in
Nature's cells.

A greater destiny waits you in
your front:

This transient earthly being if he
wills

Can fit his acts to a transcendent
scheme.

He who now stares at the world
with ignorant eyes

Hardly from the Inconscient's
night aroused,

Оставило свою печать
на клетках памяти.

“О принуждаемая Силой,
ведомая Судьбой,
рождённая землёю раса,

О маленькие путешественники
в бесконечном мире,

Пленённые своею карликовой
человеческой природой,

Как долго будете ходить вы
по одним и тем же

колеям ума,

Кругами, возле ваших мелких “я”
и разных пустяков?

Не этой неизменной малости
вы предназначены,

Не для пустого повторенья
сотворили вас;

Вы созданы из ткани
и субстанции Бессмертного;

Поступки ваши могут обернуться
быстрыми шагами откровения,

А ваша жизнь способна стать
изменчивым каркасом

для растущих вверх богов.

Могучий Созидатель, Видящий —
у вас внутри,

Над днями вашей жизни

размышляет безупречное Величие,

А в клеточках Природы

заперты всеильные энергии.

Великая судьба

вас ожидает впереди,

И это бренное земное существо
способно, если пожелает,

Связать свои дела

со схемой трансцендентного.

Кто смотрит в мир сейчас

невежественным взором,

Едва проснувшимся

от ночи Несознания,

That look at images and not at
Truth,
Can fill those orbs with an
immortal's sight.

Yet shall the godhead grow within
your hearts,

You shall awake into the spirit's air

And feel the breaking walls of
mortal mind

And hear the message which left
life's heart dumb

And look through Nature with
sun-gazing lids

And blow your conch-shells at the
Eternal's gate.

Authors of earth's high change, to
you it is given

To cross the dangerous spaces of
the soul

And touch the mighty Mother
stark awake

And meet the Omnipotent in this
house of flesh

And make of life the
million-bodied One.

The earth you tread is a border
screened from heaven;

The life you lead conceals the
light you are.

Immortal Powers sweep flaming
past your doors;

Far-off upon your tops the
god-chant sounds

While to exceed yourselves
thought's trumpets call,

И видит вместо Истины
лишь образы,
Способен виденьем бессмертного
наполнить взгляд.

Наступит день,
когда у вас, в сердцах,
возникнет божество,

И вы проснётесь
в атмосфере духа,
И ощутите разрушение
стен, барьеров смертного ума,

Услышите послание,
что оставляло молчаливым
сердце жизни

Начнёте видеть сквозь Природу
взглядом солнечных очей,
Расколете свои скорлупки-раковины
у ворот, ведущих в Вечность.

О авторы высоких изменений
на земле,

Дано вам пересечь
опасные пространства,
области души,

И полностью проснувшись,
ощутить касание
могучей Матери,

И встретить Всемогущего
в своём жилище плоти,
И сотворить из жизни
миллионно-телого Единого.

Земля под вашими стопами —
лишь граница,
укрывающая от небес;

Жизнь ваша прячет свет,
которым вы являетесь.

Бессмертные Могущества
несутся, пламенея,
мимо ваших врат;

И вдалеке, над вашими вершинами
звучит божественная песня,

И трубы мысли призывают
превзойти самих себя;

Heard by a few, but fewer dare
aspire,

The nympholepts of the ecstasy
and the blaze.

An epic of hope and failure breaks
earth's heart;

Her force and will exceed her
form and fate.

A goddess in a net of transience
caught,

Self-bound in the pastures of
death she dreams of life,

Self-racked with the pains of hell
aspires to joy,

And builds to hope her altars of
despair,

Knows that one high step might
enfranchise all

And, suffering, looks for greatness
in her sons.

But dim in human hearts the
ascending fire,

The invisible Grandeur sits
unworshipped there;

Man sees the Highest in a limiting
form

Or looks upon a Person, hears a
Name.

He turns for little gains to ignorant
Powers

Or kindles his altar lights to a
demon face.

He loves the Ignorance fathering
his pain.

A spell is laid upon his glorious
strengths;

He has lost the inner Voice that
led his thoughts,

Немногие услышали тот зов,
и ещё меньше тех,

кто смело устремился,

Кто очарован
тем сияньем и экстазом.

Эпическая, долгая история
надежд и поражений
разрывает грудь земли;

Её могущество и воля превосходят
и её обличье, и её судьбу.

Богиня, пойманная
в сети мимолётного,

Сама себя загнавшая на поле смерти,
погружается в мечты о жизни,

Сама себя терзающая мукой ада,
устремляется за радостью,

И для надежды воздвигает
алтари отчаянья,

И знает, что один высокий шаг
способен всех освободить,

И полная страдания,
она всё ищет силу и величие
в своих сынах.

Но слаб огонь в людских сердцах,
стремящийся к высотам,

Незримое Величие
сидит в них без почёта;

И человек — то видит Высочайшее
в каком-то ограниченном обличьи,

То направляет взгляд на Личность,
слышит Имя.

Он ради мелкой пользы
обращает взгляд

к невежественным Силам,

Иль зажигает свечи алтаря
пред ликом демона.

Он полюбил Невежество,
отца своих мучений.

Наложены магические чары
на его чудесные могущества;

Он потерял свой Голос изнутри,
что направлял в нём мысли,

And masking the oracular tripod
seat
A specious Idol fills the marvel
shrine.
The great Illusion wraps him in its
veils,

The soul's deep intimations come
in vain,
In vain is the unending line of
seers,
The sages ponder in unsubstantial
light,
The poets lend their voice to
outward dreams,
A homeless fire inspires the
prophet tongues.
Heaven's flaming lights descend
and back return,
The luminous Eye approaches and
retires;
Eternity speaks, none understands
its word;
Fate is unwilling and the Abyss
denies;
The Inconscient's mindless waters
block all done.
Only a little lifted is Mind's
screen;
The Wise who know see but one
half of Truth,
The strong climb hardly to a
low-peaked height,

The hearts that yearn are given
one hour to love.
His tale half told, falters the secret
Bard;
The gods are still too few in
mortal forms."

И пряча от него
треножник прорицателя,
Правдоподобный Идол ныне
заполняет этот храм чудес.
Великая Иллюзия
накидывает на него
свои покровы,
И откровенья из глубин души
уходят в пустоту,
Напрасна нескончаемая
череда провидцев,
Напрасно размышляют мудрецы
в незримом, нематериальном свете,
Поэты отдают свой голос
внешним грёзам,
Блуждающее пламя
вдохновляет речь пророков.
Огни небес, пылая, то спускаются,
то возвращаются обратно,
А озаряющее Око
то приходит, то уходит;
Нам что-то сообщает Вечность,
но никто не понимает слов;
Судьба упряма,
а Пучина ставит нам преграды;
Бездумные разливы Несознания
сдерживают всё, что сделано.
Лишь ненамного поднимается
экран Ума;
И Мудрый, тот кто знает,
видит только половину Истины,
И сильный, с превеликими трудами,
восходит только
к самым низким пикам,
Стремящимся сердцам
даётся только час любви.
Его история рассказана до половины,
запнулся тайный Бард;
И боги в смертных формах
слишком малочисленны."

The Voice withdrew into its
hidden skies.

But like a shining answer from the
gods

Approached through sun-bright
spaces Savitri.

Advancing amid tall
heaven-pillaring trees,

Apparelled in her
flickering-coloured robe

She seemed, burning towards the
eternal realms,

A bright moved torch of incense
and of flame

That from the sky-roofed
temple-soil of earth

A pilgrim hand lifts in an invisible
shrine.

There came the gift of a revealing
hour:

He saw through depths that
reinterpret all,

Limited not now by the dull
body's eyes,

New-found through an arch of
clear discovery,

This intimation of the world's
delight,

This wonder of the divine Artist's
make

Carved like a nectar-cup for
thirsty gods,

This breathing Scripture of the
Eternal's joy,

This net of sweetness woven of
aureate fire.

Transformed the delicate
image-face became

Ушёл в свои сокрытые
небесные чертоги
этот Голос.

Но как сияющий
ответ богов

Сквозь солнечные, яркие пространства
в мир вошла Савитри.

И продвигаясь средь высоких,
упирающихся в небеса, деревьев,

Одетая в трепещущие,
разноцветные одежды,

Она, казалось, подступала
пламенем своим

до вечных царств,

Подвижным ярким факелом
огня и фимиама,

Что от земного храма-почвы
с небом-крышей,

В невидимой часовне
поднимается рукою пилигрима.

Пришёл, как дар,
час откровения:

Он видел сквозь глубины,
что дают всему на свете
новый смысл,

Не ограниченную больше
взглядом тела,

полного инерции,

И найденную заново
за аркой ясного открытия,

То сокровенность
наслажденья миром,

То чудо, сотворённое
божественным Художником,

Резное, как нектарный кубок,
подносимый жаждущим богам,

Ожившее Священное Писание
блаженства Вечного,

Сеть сладости, что соткана
из золотистого огня.

Преображённый нежный образ
этого лица

A deeper Nature's self-revealing
sign,

A gold-leaf palimpsest of sacred
births,

A grave world-symbol chiselled
out of life.

Her brow, a copy of clear
unstained heavens,

Was meditation's pedestal and
defence,

The very room and smile of
musing Space,

Its brooding line infinity's symbol
curve.

Amid her tresses' cloudy multitude

Her long eyes shadowed as by
wings of Night

Under that moon-gold forehead's
dreaming breadth

Were seas of love and thought that
held the world;

Marvelling at life and earth they
saw truths far.

A deathless meaning filled her
mortal limbs;

As in a golden vase's poignant line

They seemed to carry the rhythmic
sob of bliss

Of earth's mute adoration towards
heaven

Released in beauty's cry of living
form

Towards the perfection of eternal
things.

Transparent grown the ephemeral
living dress

Стал знаком самопроявления
более глубокой,
чем у нас, Природы,

И золотистым слоем палимпсеста
для божественных рождений,

И веским символом вселенной,
высеченным в жизни.

В ней лоб, подобный отпечатку
чистых, незапятнанных небес,

Был пьедесталом
и защитой медитации,

Улыбкой, истинным жилищем
размышлявшего Пространства,

Его задумавшейся линией,
прочерченной изгибом
бесконечности.

Средь облака
её чарующих волос

Два удлинённых глаза, оттенённые
ресницами-крылами Ночи,

Под широтой мечтающего
лунно-золотого лба

Светились океанами любви и мысли,
обнимая мир;

И удивляясь жизни и земле,
они смотрели,
видя истину вдали.

Бессмертным содержанием
наполнялись члены
смертного её земного тела;

И как отточенная линия
прекрасной вазы

Казалось, что они несут
ритмичное рыдание блаженства

Немого поклоненья
небесам земли,

Проявленное в зове красоты
живущих форм,

Направленное
к совершенству вечного.

И постепенно, став прозрачными,
недолговечные одежды жизни

Bared the expressive deity to his
view.

Escaped from surface sight and
mortal sense

The seizing harmony of its shapes
became

The strange significant icon of a
Power

Renewing its inscrutable descent

Into a human figure of its works

That stood out in life's bold abrupt
relief

On the soil of the evolving
universe,

A godhead sculptured on a wall of
thought,

Mirrored in the flowing hours and
dimly shrined

In Matter as in a cathedral cave.

Annulled were the transient values
of the mind,

The body's sense renounced its
earthly look;

Immortal met immortal in their
gaze.

Awaked from the close spell of
daily use

That hides soul-truth with the
outward form's disguise,

He saw through the familiar
cherished limbs

The great and unknown spirit born
his child.

An impromptu from the deeper
sight within,

Явили взору Ашвапати
экспрессивную богиню.

Освободившись от
поверхностного взгляда,
смертных чувств,

Овладевающая всем
гармония её обличия

Предстала выразительным
и странным знаком Силы,

Вновь повторяющей своё
загадочное нисхождение

В своё творенье в виде
человеческой фигуры,

Что выделяется среди уверенного,
четкого рельефа жизни,

Среди пейзажа
эволюции вселенной,

Как изваянье бога,
украшающее стену мысли,

И отражается в потоке времени,
неясно погружённое

В Материю, как в нишу
кафедрального собора.

Сошли на нет все временные
ценности ума,

Своё земное виденье
отвергли чувства тела,

Бессмертное с бессмертным
повстречалось,

глядя друг на друга.

Очнувшись от влиянья скрытой магии
обычной, повседневной пользы,

Которая скрывает истину души
за маской внешней формы,

И Ашвапати вдруг увидел
в родных, взлелеянных чертах

Великий незнакомый дух,
родившийся в его дитя.

Экспромптом, приходя
от более глубокого

и внутреннего взгляда,

Thoughts rose in him that knew
not their own scope.
Then to those large and brooding
depths whence Love
Regarded him across the straits of
mind,

He spoke in sentences from the
unseen Heights.
For the hidden prompters of our
speech sometimes
Can use the formulas of a
moment's mood
To weigh unconscious lips with
words from Fate:

A casual passing phrase can
change our life.

"O spirit, traveller of eternity,

Who cam'st from the immortal
spaces here
Armed for the splendid hazard of
thy life
To set thy conquering foot on
Chance and Time,

The moon shut in her halo dreams
like thee.

A mighty Presence still defends
thy frame.

Perhaps the heavens guard thee for
some great soul,

Thy fate, thy work are kept
somewhere afar.

Thy spirit came not down a star
alone.

O living inscription of the beauty
of love

В нём поднимались мысли,
что не ведали своих пределов.

Затем для тех широких
и задумчивых глубин,
Откуда Бог Любви
взирал на Ашвапати,
через тесные врата ума,

Заговорил он изречениями
невидимых Высот.

Бывает, скрытые
суфлёры нашей речи
Способны пользоваться формулой
сиюминутных настроений,
Чтобы нагрузить несознающие уста
словами, отражающими
ход Судьбы:

Случайно сказанная фраза
может изменить
всю нашу жизнь.

“О дух, о путешественник
по вечности,

Сюда пришедший
из бессмертных сфер,
Вооружённый для
роскошной авантюры жизни,

Чтоб водрузить свою
победоносную стопу
на Случай и на Время,

Ты как луна, закрытая
в своём гало мечты.

Могучее Присутствие —
спокойная защита
для твоей телесной оболочки.

Возможно, небеса хранят тебя
для некой замечательной
большой души,

Твоя судьба, твоё предназначение
тебя ждут где-то вдалеке.

Твой дух спустился вниз
не одинокою звездой.

О ты, живое посвященье
красоте любви,

Missalled in aureate virginity,
What message of heavenly
strength and bliss in thee
Is written with the Eternal's
sun-white script,

One shall discover and greden
with it his life

To whom thou loosenest thy
heart's jewelled strings.

O rubies of silence, lips from
which there stole

Low laughter, music of
tranquillity,

Star-lustrous eyes awake in sweet
large night

And limbs like fine-linked poems
made of gold

Stanzaed to glimmering curves by
artist gods,

Depart where love and destiny call
your charm.

Venture through the deep world to
find thy mate.

For somewhere on the longing
breast of earth,

Thy unknown lover waits for thee
the unknown.

Thy soul has strength and needs
no other guide

Than One who burns within thy
bosom's powers.

There shall draw near to meet thy
approaching steps

The second self for whom thy
nature asks,

Начертанное в золотой невинности,
Что за послание
небесной силы и блаженства,
В тебе записанное
солнечным и чистым почерком,
принадлежащим Вечному,

Откроет кто-то
и возвысит этим жизнь,
Тот, для кого освободишь ты
драгоценные покровы сердца.

О благородные
рубины тишины,
Уста, через которые
струится тихий смех,
как музыка покоя,

Сверкающие, словно звёзды, очи,
что просыпаются средь
сладкой широты ночи,

И тело, что подобно
изощрённо сложенным поэмам,
сотворённое из золота,

Срифмованное яркими изгибами
поэтами-богами,

Иди в места, куда любовь с судьбой
зовут твоё очарование.

Решись на путешествие по этому
глубокому загадочному миру,
в поисках супруга.

Возможно, где-то вдалеке,
на жаждающей груди земли,

Неведомый любимый
ждёт тебя, не зная.

Есть сила у твоей души
и ей не нужно никаких
других проводников,

Кроме Единого,
пылающего в силе сердца.

Пусть станет ближе,
чтобы встретить приближение
твоих шагов

Твоё второе "я",
кого твоя природа просит,

He who shall walk until thy body's
end

A close-bound traveller pacing
with thy pace,

The lyrist of thy soul's most
intimate chords

Who shall give voice to what in
thee is mute.

Then shall you grow like vibrant
kindred harps,

One in the beats of difference and
delight,

Responsive in divine and equal
strains,

Discovering new notes of the
eternal theme.

One force shall be your mover and
your guide,

One light shall be around you and
within;

Hand in strong hand confront
Heaven's question, life:

Challenge the ordeal of the
immense disguise.

Ascend from Nature to divinity's
heights;

Face the high gods, crowned with
felicity,

Then meet a greater god, thy self
beyond Time."

This word was seed of all the
thing to be:

A hand from some Greatness
opened her heart's locked
doors

And showed the work for which
her strength was born.

Кто будет до конца

идти с тобою вместе,

Шагающий с тобою в ногу,

близкий путник,

Певец интимных, сокровенных

струн твоей души,

Кто голос даст тому,

что до сих пор в тебе молчит.

Тогда вы станете как две

настроенные в унисон,

трепещущие арфы,

Единые в биениях

восторга и различия,

Что откликаются в божественном

и равном напряжении,

И открывают новое звучанье

вечной темы.

Одно влияние и сила будет вашим

двигателем и проводником,

Один свет будет

и вокруг вас, и внутри;

Рука в руке, могучей, крепкой —

встречайте дело Неба — жизнь:

Бросайте вызов испытанию

безмерной маски.

Идите из Природы вверх,

к божественным высотам;

Взглянуть в лицо

высоким божествам,

с короною из счастья,

И встретить бога ещё выше —

самих себя

но за пределом Времени."

То слово стало семенем всего,

чему должно случиться:

Рука из некого Величия

в ней отворила

запертые двери сердца,

И показала дело,

для которого и было рождено

её могущество.

As when the mantra sinks in
Yoga's ear,
Its message enters stirring the
blind brain
And keeps in the dim ignorant
cells its sound;
The hearer understands a form of
words
And, musing on the index thought
it holds,
He strives to read it with the
labouring mind,
But finds bright hints, not the
embodied truth:
Then, falling silent in himself to
know

He meets the deeper listening of
his soul:
The Word repeats itself in
rhythmic strains:
Thought, vision, feeling, sense,
the body's self

Are seized unutterably and he
endures
An ecstasy and an immortal change;
He feels a Wideness and becomes
a Power,
All knowledge rushes on him like
a sea:
Transmuted by the white spiritual
ray
He walks in naked heavens of joy
and calm,
Sees the God-face and hears
transcendent speech:
An equal greatness in her life was
sown.
Accustomed scenes were now an
ended play:

Когда в ушах у Йогина
стихает мантра,
Её посланье входит, беспокоя,
внутрь слепого мозга,
И оставляет отзвук в тёмных
и невежественных клетках;
Услышавший, хотя и понимает
форму слов,
И думая над указанием,
которое есть в мысли,
Старается прочесть его
трудящимся умом,
Находит только яркие намёки,
но не воплощение истины:
Затем, безмолвно опустившись
внутрь себя
чтобы знать,
Он встретит более глубокий слух
своей души:
Почувствует, как это Слово
повторяется в ритмическом напеве:
И мысль, и виденье,
и ощущение, и чувство,
и телесное “я” человека
Охватывает нечто трудновыразимое,
и он переживает
Экстаз и изменение бессмертных;
Он ощущает Широту,
становится Энергией,
Всё знание обрушивается,
подобно морю, на него:
Преобразованный духовным,
чистым светом,
Гуляет он по оголённым небесам
спокойствия и радости,
Он видит образ Бога
и слышит трансцендентные слова:
Такое же величье
заложили в жизнь Савитри.
Привычные места
отныне стали пьесой,
подошедшей к своему концу:

Moving in muse amid familiar
 powers,
 Touched by new magnitudes and
 fiery signs,
 She turned to vastnesses not yet
 her own;
 Allured her heart throbbed to
 unknown sweetnesses;
 The secrets of an unseen world
 were close.
 The morn went up into a smiling
 sky;
 Cast from its sapphire pinnacle of
 trance
 Day sank into the burning gold of
 eve;
 The moon floated, a luminous
 waif through heaven
 And sank below the oblivious
 edge of dream;
 Night lit the watch-fires of
 eternity.
 Then all went back into mind's
 secret caves;
 A darkness stooping on the
 heaven-bird's wings
 Sealed in her senses from external
 sight
 And opened the stupendous depths
 of sleep.
 When the pale dawn slipped
 through Night's shadowy
 guard,
 Vainly the new-born light desired
 her face;
 The palace woke to its own
 emptiness;
 The sovereign of its daily joys was
 far;
 Her moonbeam feet tinged not the
 lucent floors:

В раздумье двигаясь
 среди знакомых сил,
 Касаемая пламенными знаками
 и чём-то новым и значительном,
 Она всё больше обращалась к широте,
 которую пока что не владела;
 Неведомые сладости влекли
 её трепещущее сердце,
 Незримый мир, с его секретами,
 встал рядом с ней.
 Поднялось утро
 в улыбавшееся небо,
 И, сброшенный из своего
 сапфирного зенита транса,
 День утонул
 в горящем золоте заката;
 Плыл месяц светлым странником
 по небесам,
 Ныряя под края
 забывчивого сна;
 Ночь зажигала
 вечности сигнальные огни.
 Затем вернулось всё обратно,
 в тайники ума;
 Тьма, устремляясь вниз
 на крыльях поднебесной птицы,
 Отгородила чувства в ней
 от восприятия внешнего
 И распахнула необъятные
 глубины сна.
 Когда же бледная заря
 скользнула мимо
 призрачного часового Ночи,
 Напрасно заново рождённый свет
 желал её лица;
 Дворец проснулся
 ради пустоты;
 Царица повседневных радостей его
 была отсюда далеко;
 И лунный свет её ступней
 не озарял узорчатого пола:

The beauty and divinity were
gone.

Delight had fled to search the
spacious world.

End of Canto Three

Божественное, красота —
ушли.

Восторг унёсся
изучать широкий мир.

Конец третьей песни

Book Four
THE BOOK
OF BIRTH AND QUEST

Canto IV
THE QUEST

The world-ways opened before
Savitri.
At first a strangeness of new
brilliant scenes
Peopled her mind and kept her
body's gaze.
But as she moved across the
changing earth
A deeper consciousness welled up
in her:
A citizen of many scenes and
climes,
Each soil and country it had made
its home;
It took all clans and peoples for her
own,
Till the whole destiny of mankind
was hers.
These unfamiliar spaces on her
way
Were known and neighbours to a
sense within,
Landscapes recurred like lost
forgotten fields,
Cities and rivers and plains her
vision claimed
Like slow-recurring memories in
front,
The stars at night were her past's
brilliant friends,

Книга Четвертая
КНИГА
РОЖДЕНИЯ И ПОИСКА

Песня IV
ПОИСК

Мир множества дорог
открылся пред Савитри.
В начале, странность
новых ярких сцен
Захватывала ум и заставляла
вглядываться тело.
Но постепенно, от движенья
по менявшейся земле,
Всё более глубокое сознание
пробивалось в ней:
Как житель
разных климатов и мест,
Оно во всяких землях, странах
видело свой дом,
И принимало как свои,
все племена, и все народы,
Пока судьба большого человечества
не стала и её судьбой.
Все эти незнакомые пространства
на её пути
Оказывались близкими, знакомыми
для внутреннего чувства,
Пейзажи возвращались, как
утерянные, позабытые поля,
Равнины, реки, города —
всё требовало взгляда,
Как старые воспоминания,
что медленно вставали перед ней,
Ночные звёзды становились
яркими друзьями прошлого,

The winds murmured to her of
ancient things
And she met nameless comrades
loved by her once.

All was a part of old forgotten
selves:
Vaguely or with a flash of sudden
hints
Her acts recalled a line of bygone
power,
Even her motion's purpose was not
new:
Traveller to a prefigured high
event,

She seemed to her remembering
witness soul

To trace again a journey often
made.

A guidance turned the dumb
revolving wheels

And in the eager body of their
speed

The dim-masked hooded godheads
rode who move

Assigned to man immutably from
his birth,

Receivers of the inner and outer
law,

At once the agents of his spirit's
will

And witnesses and executors of his
fate.

Inexorably faithful to their task,

Ветра шептали ей
сюжеты древних лет,
И безымянные товарищи,
любимые когда-то
встречались ей опять.

Все было частью
прежних, позабытых "я":

Неясно, или вспышкой
внезапного намёка,

Её дела вновь воскрешали направление
ушедших прочь энергий,

И даже цель движения
была ей не нова:

Так, путешественнице
к predetermined
высокому событию,

Её, всё больше вспоминающей
душе-свидетелю,

казалось, что она

Лишь повторяет путь,
который часто совершала.

Неведомое руководство
направляло молчаливое
вращение колёс,

И в энергичном воплощении
их скорости

Неслись неясные, под маской,
боги, управляющие тем,

Что человеку непреложно
предназначено с его рождения,

Судебные распорядители
для внешних и

для внутренних законов,

И вместе с тем,
агенты воли духа человека,

Свидетели и исполнители
его судьбы.

Своей задаче
преданные непреклонно,

They hold his nature's sequence in
their guard

Carrying the unbroken thread old
lives have spun.

Attendants on his destiny's
measured walk
Leading to joys he has won and
pains he has called,

Even in his casual steps they
intervene.
Nothing we think or do is void or
vain;

Each is an energy loosed and holds
its course.

The shadowy keepers of our
deathless past

Have made our fate the child of
our own acts,
And from the furrows laboured by
our will
We reap the fruit of our forgotten
deeds.

But since unseen the tree that bore
this fruit
And we live in a present born from
an unknown past,

They seem but parts of a mechanic
Force

To a mechanic mind tied by earth's
laws;
Yet are they instruments of a Will
supreme,

Они всё время
держат под контролем
Все следствия пути
его природы,
И сохраняют неразрывной нить,
сплетённую в его
прошедших жизнях.

Невидимые спутники его прогулки,
что отмерена судьбой,

Они ведут и к радостям,
что он завоевал,
и к боли, что он вызвал,

И вмешиваются во все его
случайные шаги.

Нет ничего из наших мыслей,
наших дел,

Что было бы впустую
иль напрасно;

Всё это некая энергия,
которая освобождается
и следует своим путём.

Так эти призрачные надзиратели,
хранители бессмертных
прошлых лет

Выстраивают нашу жизнь, судьбу
как порождение наших дел;

Из тех борозд,
что проложила наша воля

Мы пожинаем плод
своих забытых дел.

Но так как мы не видим древа,
на котором вырос этот плод,

И мы живём лишь в настоящем,
порождённом из
неведомого прошлого,

Те надзиратели
нам кажутся частями
некой механичной Силы

Для механических умов,
что связаны земным законом;

И всё таки они —
лишь инструменты высшей Воли,

Watched by a still all-seeing Eye
 above.
 A prescient architect of Fate and
 Chance
 Who builds our lives on a foreseen
 design
 The meaning knows and
 consequence of each step
 And watches the inferior stumbling
 powers.
 Upon her silent heights she was
 aware
 Of a calm Presence throned above
 her brows
 Who saw the goal and chose each
 fateful curve;

 It used the body for its pedestal;

 The eyes that wandered were its
 searchlight fires,
 The hands that held the reins its
 living tools;
 All was the working of an ancient
 plan,
 A way proposed by an unerring
 Guide.
 Across wide noons and glowing
 afternoons,
 She met with Nature and with
 human forms
 And listened to the voices of the
 world;
 Driven from within she followed
 her long road,
 Mute in the luminous cavern of her
 heart,
 Like a bright cloud through the
 resplendent day.
 At first her path ran far through
 peopled tracts:

За ними наблюдает тихое,
 всё-видящее Око наверху.
 Предвидящий творец и архитектор
 Случая, Судьбы,
 Который строит наши жизни
 по заранее намеченному плану,
 Он знает смысл и следствие
 любого шага,
 И видит все ошибки
 низших спотыкающихся сил.
 На той своей безмолвной высоте
 она¹ осознавала
 Спокойное Присутствие,
 установившееся над её бровями,
 Что знало цель
 и выбирало каждый
 судьбоносный поворот,
 Использовало тело в ней
 как пьедестал;
 Её глаза, смотревшие повсюду,
 были как прожекторы,
 А руки, тянущие повод —
 живыми инструментами;
 Всё становилось исполнением
 древнего, давно задуманного плана,
 Дорогой, предлагаемой ей
 безошибочным Проводником.
 Пройдя широкие рассветы
 и пылающие полдни,
 Она встречалась и с Природой,
 и с разнообразием людей,
 И вслушивалась
 в звуки мира;
 Ведомая внутри, она шла
 долгою своей дорогой,
 Безмолвная в сияющей
 сердечной нише,
 Летела светлым облаком
 по ослепительному дню.
 Вначале путь её бежал всё дальше,
 через населённые места:

¹ Савитри, *прим. пер.*

Admitted to the lion eye of States	Допущенная к львиным взорам
And theatres of the loud act of man,	Государственных мужей, На представленье
Her carven chariot with its fretted wheels	шумной пьесы человека, Её резная колесница
Threaded through clamorous marts and sentinel towers	с разукрашенными спицами То ехала крикливыми базарами, то проезжала сквозь
Past figured gates and high dream-sculptured fronts	сторожевые башни, Минуя высоченные фасады с сонными скульптурами, фигурные врата,
And gardens hung in the sapphire of the skies,	Сады, повисшие среди сапфира неба,
Pillared assembly halls with armoured guards,	Колонные большие залы для собраний, охраняемые часовыми,
Small fanes where one calm Image watched man's life	И маленькие церкви, где один спокойный Лик смотрел на жизнь людей,
And temples hewn as if by exiled gods	И храмы, высеченные так, как будто изгнанные боги,
To imitate their lost eternity.	Хотели воссоздать утраченную ими вечность.
Often from gilded dusk to argent dawn,	И часто, начиная с золотистых сумерек и до серебряной зари,
Where jewel-lamps flickered on frescoed walls	Когда светильники мерцали на стене во фресках как алмазы,
And the stone lattice stared at moonlit boughs,	И каменная прочная решётка смотрела в ветви, освещённые луною,
Half-conscious of the tardy listening night	Наполовину сознавая слушавшую звуки медлительную ночь,
Dimly she glided between banks of sleep	Она скользила призрачными отмеями сна,
At rest in the slumbering palaces of kings.	Раскинувшись в дремотных комнатах дворцов царей.
Hamlet and village saw the fate-wain pass,	Деревни, сёла видели, как судьбоносная повозка едет мимо

Homes of a life bent to the soil it
ploughs
For sustenance of its short and
passing days
That, transient, keep their old
repeated course,
Unchanging in the circle of a sky

Which alters not above our mortal
toil.
Away from this thinking creature's
burdened hours
To free and griefless spaces now
she turned

Not yet perturbed by human joys
and fears.
Here was the childhood of
primaeval earth,
Here timeless musings large and
glad and still,

Men had forborne as yet to fill
with cares,
Imperial acres of the eternal sower

And wind-stirred grass-lands
winking in the sun:
Or mid green musing of woods and
rough-browed hills,
In the grove's murmurous bee-air
humming wild
Or past the long lapsing voice of
silver floods

Like a swift hope journeying
among its dreams
Hastened the chariot of the golden
bride.
Out of the world's immense
unhuman past

Жилищ людей, кто дни проводит,
наклонившись до земли,
И пашет ради пропитания
коротких, уходящих дней,
Что пролетают, сохраняя прежний,
повторяющийся курс,
Такой же неизменный
в колесе небес,
Небес, что тоже не меняются
над смертными трудами человека.
От напряжённой жизни
мыслящих созданий,
Она свернула в сторону,
в свободные, не знающие горестей
пространства,
Ещё не потревоженные
радостью и страхами людей.
Здесь было детство
первозданной жизни на земле,
Здесь размышленья
шли вне времени —
спокойно, радостно и широко,
И человек, пока что не успел
наполнить разными заботами,
Величественные уголья
вечного, божественного сеятеля
И колыаемые ветром царства трав,
сверкавшие на солнце:
Среди зелёного раздумья леса
и нахмуренных холмов,
В гудящих от роенья пчёл
густых и диких рощах,
Иль следуя за долгими
и переливчатыми голосами
серебристых речек,
Как быстрая надежда,
путешествуя среди грёз,
Спешила колесница,
увозя прекрасную невесту.
Из необъятного, ещё до человека,
мирового прошлого,

Tract-memories and ageless
remnants came,
Domains of light enfeoffed to
antique calm
Listened to the unaccustomed
sound of hooves
And large immune entangled
silences
Absorbed her into emerald secrecy
And slow hushed wizard nets of
fiery bloom
Environed with their coloured
snare her wheels.
The strong importunate feet of
Time fell soft
Along these lonely ways, his titan
pace
Forgotten and his stark and ruinous
rounds.
The inner ear that listens to
solitude,
Leaning self-rapt unboundedly
could hear
The rhythm of the intenser
wordless Thought
That gathers in the silence behind
life,
And the low sweet inarticulate
voice of earth
In the great passion of her
sun-kissed trance
Ascended with its yearning
undertone.
Afar from the brute noise of
clamorous needs
The quieted all-seeking mind could
feel,

К ней приходили
полосы воспоминаний,
нестареющих переживаний;
Владенья света,
некогда пожалованные
далёкой древней тишине,
Прислушивались к топоту копыт
и непривычным звукам;
Широкая и неприкосновенная,
всеокружающая тишина
Её затягивала в изумрудную,
чарующую тайну,
А медленные, тихие,
волшебные тенета яркого цветения
Опутывали разноцветными ловушками
её колёса.
Здесь сильные, настойчивые
ноги Времени
неслышимо ступали
По этим одиноким колеям,
забыв свой шаг Титана,
Забыв про жёсткие свои
и разрушительные циклы.
И внутреннее ухо, то что
вслушивается в уединение,
С опорой на восторг
от собственного "я",
Могло свободно слышать
ритмы бессловесной
напряжённой Мысли,
Что собирается в молчаньи,
за пределом жизни,
И ласковое низкое невнятное
гудение земли,
Что поднималось в выси
со своей вибрацией стремления
В великой страсти
транса поцелуев солнца.
Вдали от шума
грубых и крикливых нужд
Все-наблюдающий, спокойный ум
мог ощутить,

At rest from its blind outwardness
of will,
The unwearied clasp of her mute
patient love
And know for a soul the mother of
our forms.
This spirit stumbling in the fields
of sense,
This creature bruised in the mortar
of the days
Could find in her broad spaces of
release.

Not yet was a world all occupied
by care.
The bosom of our mother kept for
us still
Her austere regions and her musing
depths,

Her impersonal reaches lonely and
inspired
And the mightinesses of her
rapture haunts.
Muse-lipped she nursed her
symbol mysteries
And guarded for her pure-eyed
sacraments
The valley clefts between her
breasts of joy,
Her mountain altars for the fires of
dawn
And nuptial beaches where the
ocean couched
And the huge chanting of her
prophet woods.
Fields had she of her solitary
mirth,
Plains hushed and happy in the
embrace of light,
Alone with the cry of birds and hue
of flowers,

Оставив временно свою слепую волю
видеть только внешнее,
Неутомимые объятия её безмолвной,
всепрощающей любви,
Увидеть, что душа —
мать наших форм.
И этот дух, что спотыкается
на поле чувств,
Созданье, истолчённое
в огромной ступе дней,
Способен обнаружить в ней
широкие пространства
для освобождения.
Не весь наш мир, пока что,
окружён её заботой.
Грудь нашей матери
по прежнему, хранит для нас
Её суровые, возвышенные регионы,
и размышляющие о своём
глубины,
Её безличные богатства,
одинокие и вдохновенные,
Могущество её
любимых мест восторга.
Задумчивую речь она питала
символические свои мистерии
И охраняла ради таинств
с чистым взглядом
Долину меж высокими грудями
наслаждения,
И алтари из горных пиков
для огней зари,
И свадебные пляжи,
где разлёгся океан,
И необъятный хор
её пророческих лесов.
Поля уединённой радости
лежали перед ней,
Равнины, тихие, счастливые,
в объятиях света,
Где было только пенье птиц,
и радуга цветов,

And wildernesses of wonder lit by her moons	И дебри, полные чего-то удивительного, залитые лунным светом,
And grey seer-evenings kindling with the stars	И серые провидческие вечера, подсвеченные разгоравшимися звёздами,
And dim movement in the night's infinite.	И тихое неясное движенье в бесконечности ночи.
August, exulting in her Maker's eye,	Величественная, и с ликованием Творца в своих глазах,
She felt her nearness to him in earth's breast,	Она, то ощущала как она близка к нему в груди земли,
Conversed still with a Light behind the veil,	То начинала тихий разговор со Светом за вуалью,
Still communed with Eternity beyond.	То в тишине беседовала с запредельной Вечностью.
A few and fit inhabitants she called	Лишь нескольких достойных жителей тех мест она позвала разделить С ней радостную общность своего покоя;
To share the glad communion of her peace;	Её высоты, необъятность стали им родимым домом.
The breadth, the summit were their natural home.	Могучие и мудрые цари, закончив свой нелёгкий труд,
The strong king-sages from their labour done,	И скинув боевое напряжение дел,
Freed from the warrior tension of their task,	Шли в эти чащи к ней на безмятежные собрания;
Came to her serene sessions in these wilds;	Борьба закончилась и впереди ждала их передышка.
The strife was over, the respite lay in front.	Они счастливо жили вместе с птицами, зверями и цветами,
Happy they lived with birds and beasts and flowers	Со светом солнца, с шелестом листвы,
And sunlight and the rustle of the leaves,	И слушали, как дикие ветра блуждают по ночи,
And heard the wild winds wandering in the night,	

Mused with the stars in their mute
constant ranks,

And lodged in the mornings as in
azure tents,

And with the glory of the noons
were one.

Some deeper plunged; from life's
external clasp

Beckoned into a fiery privacy

In the soul's unprofaned star-white
recess

They sojourned with an everliving
Bliss;

A Voice profound in the ecstasy
and the hush

They heard, beheld an all-revealing
Light.

All time-made difference they
overcame;

The world was fibred with their
own heart-strings;

Close drawn to the heart that beats
in every breast,

They reached the one self in all
through boundless love.

Attuned to Silence and to the
world-rhyme,

They loosened the knot of the
imprisoning mind;

Achieved was the wide untroubled
witness gaze,

Unsealed was Nature's great
spiritual eye;

To the height of heights rose now
their daily climb:

И размышляли заодно со звёздами,
в их молчаливом

неизменном строе,

Располагаясь в утренних рассветах,
словно в голубых шатрах,

Единым целым становясь
со славой полдней.

Но кто-то погружался глубже;
отойдя от внешней хватки жизни,

Затянутые внутрь
сверкавшей тайны

В неосквернённый,
полный звёздной белизны

тайник души,

Они могли жить
с вечно существующим

Блаженством;

Глубокий Голос слышали они,
в экстазе, в тишине,

И постигали открывающий
им всё на свете Свет.

Они преодолели все различья,
созданные временем;

Мир соткан был из струн
их собственных сердец;

Притянутые близко к сердцу,
что, одно, пульсирует

у каждого в груди,

Они через безбрежную любовь
дошли до внутреннего "я",

единого во всех.

Настроенные на Безмолвие,
на поэтический размер вселенной,

Они освободили узел
заточённого ума;

Достигнут был широкий и
незамутнённый беспокойством

взгляд свидетеля,

И сломана печать с духовного,
большого виденья Природы;

К вершинам из вершин
шёл ежедневный их подъём:

Truth leaned to them from her
supernal realm;
Above them blazed eternity's
mystic suns.
Nameless the austere ascetics
without home
Abandoning speech and motion
and desire
Aloof from creatures sat absorbed,
alone,
Immaculate in tranquil heights of
self
On concentration's luminous
voiceless peaks,
World-naked hermits with their
matted hair
Immobile as the passionless great
hills
Around them grouped like
thoughts of some vast mood
Awaiting the Infinite's behest to
end.
The seers attuned to the universal
Will,
Content in Him who smiles behind
earth's forms,

Abode ungrieved by the insistent
days.
About them like green trees
girdling a hill

Young grave disciples fashioned
by their touch,

Trained to the simple act and
conscious word,
Greatened within and grew to meet
their heights.
Far-wandering seekers on the
Eternal's path

И Истина склонялась к ним
из своего небесного чертога;
Мистические солнца вечности
сияли наверху.
И безымянные суровые аскеты,
не привязанные к дому,
Отвергнув речь,
движение, желание,
Сидели в стороне от всех созданий,
одиноко погружённые в себя,
И безупречные в спокойных высях
внутреннего "я"
На светлых и беззвучных
пиках концентрации,
Отшельники, свободные от мира,
голые, со спутанными волосами,
Сидели неподвижно, как огромные,
бесстрастные холмы вокруг
Подобно мыслям из какого-то
широкого настроения,
И ожидали повеленья Бесконечного,
чтобы добраться до конца.
Провидцы, сонастроенные
со всеобщей Волей,
Нашедшие себя в Едином,
улыбающимся позади
земных обличий,
Здесь жили без навязчивых
печалей повседневности.
А рядом с ними,
как зелёные деревья,
окружающие холм,
Их юные серьёзные ученики,
под их присмотром
обретали опыт,
Учились простоте поступков
и осознанному слову,
И внутренне росли,
готовясь повстречать свои высоты.
Искатели, ушедшие гораздо дальше
по дороге Вечного,

Brought to these quiet founts their
spirit's thirst
And spent the treasure of a silent
hour
Bathed in the purity of the mild
gaze
That, unisistent, ruled them from
its peace,
And by its influence found the
ways of calm.

The Infants of the monarchy of the
worlds,
The heroic leaders of a coming
time,
King-children nurtured in that
spacious air
Like lions gambolling in sky and
sun
Received half-consciously their
godlike stamp:
Formed in the type of the high
thoughts they sang

They learned the wide
magnificence of mood
That makes us comrades of the
cosmic urge,
No longer chained to their small
separate selves,
Plastic and firm beneath the eternal
hand,
Met Nature with a bold and
friendly clasp
And served in her the Power that
shapes her works.
One-souled to all and free from
narrowing bonds,
Large like a continent of warm
sunshine
In wide equality's impartial joy,

Шли к этим тихим родникам
и приносили жажду духа,
И тратили сокровище
прошедшего в молчаньи часа,
Купаясь в чистоте
под мягким взглядом,
Что правил ими, ненастойчиво,
из своего покоя,
И под его влияньем
находили для себя пути
спокойствия и тишины.
Инфанты монархической
династии миров,
И героические лидеры
грядущих дней,
Сыны царей, вскормлённые
в просторе этой атмосферы,
Что в небо, к солнцу,
прыгали как львы,
Полуосознанно здесь получали
свой богоподобный отпечаток:
Сформировавшись под влиянием
высоких мыслей,
ими воспеваемых,
Они учились здесь
широкому великолепию настроения,
Что превращает нас в друзей
космического импульса;
Отныне, не прикованные
к маленьким своим отдельным "я",
Пластичные и прочные
под вечной дланью,
Они встречали всю Природу
крепким, дружеским объятием
И в ней служили Силе,
формирующей её творения.
Единые душой со всем,
свободные от связывавших пут,
Большие, словно континенты
греющего солнечного света,
В бесстрастной радости,
широкой ровности,

These sages breathed for God's
delight in things.
Assisting the slow entries of the
gods,
Sowing in young minds immortal
thoughts they lived,

Taught the great Truth to which
man's race must rise

Or opened the gates of freedom to
a few.
Imparting to our struggling world
the Light
They breathed like spirits from
Time's dull yoke released,

Comrades and vessels of the
cosmic Force,
Using a natural mastery like the
sun's:
Their speech, their silence was a
help to earth.
A magic happiness flowed from
their touch;
Oneness was sovereign in that
sylvan peace,
The wild beast joined in friendship
with its prey;
Persuading the hatred and the strife
to cease
The love that flows from the one
Mother's breast
Healed with their hearts the hard
and wounded world.

Others escaped from the confines
of thought
To where Mind motionless sleeps
waiting Light's birth,

Те мудрецы дышали ради
наслаждения Всевышнего во всём.
И помогая медленным
вхождениям богов,
Они здесь жили,
сея в молодых умах
бессмертные идеи,
Учили их великой Истине,
до уровня которой
нашей расе надо дорасти,
Иль открывали избранным
врата свободы.
Они делились Светом
с нашим борящимся миром,
Дышали здесь, как дух,
освободившийся от серого,
тупого ига Времени,
Сосуды и друзья
вселенской Силы,
Используя естественную власть,
подобно солнцу:
Их речь, и их безмолвие
поддержкой были для земли.
От их прикосновения
текло магическое счастье;
Единство было властелином
в том лесном покое,
Где дикий зверь сливался в дружбе
со своей добычей;
И убеждая прекратить
борьбу и ненависть,
Любовь, что растекалась
из груди единой Матери,
Их светлыми сердцами
исцеляла наш израненный,
тяжёлый мир.
Другие уходили
от ограничений мысли
Туда, где в ожидании
рождения Света
дремлет неподвижный Ум,

And came back quivering with a
nameless Force,

Drunk with a wine of lightning in
their cells;

Intuitive knowledge leaping into
speech,

Seized, vibrant, kindling with the
inspired word,

Hearing the subtle voice that
clothes the heavens,

Carrying the splendour that has lit
the suns,

They sang Infinity's names and
deathless powers

In metres that reflect the moving
worlds,

Sight's sound-waves breaking from
the soul's great deeps.

Some lost to the person and his
strip of thought

In a motionless ocean of
impersonal Power,

Sat mighty, visioned with the
Infinite's light,

Or, comrades of the everlasting
Will,

Surveyed the plan of past and
future Time.

Some winged like birds out of the
cosmic sea

And vanished into a bright and
featureless Vast:

Some silent watched the universal
dance,

Обратно возвращались
с трепетанием
невыразимой Силы

И опьянённые вином
молниеносных озарений в клетках,

С интуитивным знанием,
прыжком входящим в речь,

Охваченные той вибрацией
и загоревшись
вдохновенным словом.

Прислушиваясь
к еле слышным голосам,
что облекают небеса,

И принося великолепие,
что зажигает солнца,

Они, ликуя, воспевали
имя Бесконечного,
бессмертные могущества,

В размерах, отражающих
движение миров,

И в зримых волнах звука,
вырывающихся из огромной
глубины души.

Но были и такие, что, потерянные для
обычной личности
и для её обрывков мысли,

В недвижимом океане
непередаваемой безличной Силы,

Сидели, сильные, могучие,
всё видящие светом Бесконечности,

Или, быть может, став товарищами
вечно продолжающейся Воли,

Исследовали план прошедшего
и будущего Времени.

Бывало, кто-то улетал,
как птица, из космического моря

И исчезал в слепящем
и лишённом всяких признаков
Просторе:

Другие молча наблюдали
за вселенским танцем,

Or helped the world by
world-indifference.
Some watched no more merged in
a lonely Self,
Absorbed in the trance from which
no soul returns,

All the occult world-lines for ever
closed,
The chains of birth and person cast
away:
Some uncompanied reached the
Ineffable.

As floats a sunbeam through a
shady place,
The golden virgin in her carven car

Came gliding among meditation's
seats.
Often in twilight mid returning
troops
Of cattle thickening with their dust
the shades
When the loud day had slipped
below the verge,
Arriving in a peaceful hermit grove

She rested drawing round her like a
cloak
Its spirit of patient muse and potent
prayer.
Or near to a lion river's tawny
mane
And trees that worshipped on a
praying shore,
A domed and templed air's serene
repose
Beckoned to her hurrying wheels
to stay their speed.
In the solemnity of a space that
seemed

Иль помогали миру
отрешённостью от мира.
А кто-то больше ничего не видел,
слившись с одиноким Высшим "Я",
Войдя в тот транс,
откуда ни одна душа
не возвращается,
Закрыв навечно все
окультурные границы мира,
Отбросив прочь всю
вереницу личностей, рождений:
Так, в одиночку, кто-то
достигал Невыразимого.

Как солнца луч плывёт
тенистыми местами,
Прекрасная и юная,
в своей резной повозке
Савитри ехала, скользя,
среди этих мест для медитаций.
И часто в сумерках,
среди возвращающихся стад
Коров, быков,
сгущающих своею пылью тени,
Когда крикливый день
тонул за горизонт,
Приехав в мирную лесную рощу,
где живут отшельники,
Она там отдыхала,
окружая, как плащом, себя
Их духом терпеливого раздумья
и могущества молитвы.
Бывало, рядом с рыжей гривой
большой реки,
Вблизи деревьев, что склонились
пред молящимися берегами,
Спокойный ясный воздух храма
с куполообразной крышей
Манил спешащие колеса экипажа
приостановить свой бег.
В торжественном пространстве,
что казалось

A mind remembering ancient
 silences,
 Where to the heart great bygone
 voices called
 And the large liberty of brooding
 seers
 Had left the long impress of their
 soul's scene,
 Awake in candid dawn or darkness
 mooned,
 To the still touch inclined the
 daughter of Flame
 Drank in hushed splendour
 between tranquil lids

 And felt the kinship of eternal
 calm.
 But morn broke in reminding her
 of her quest
 And from low rustic couch or mat
 she rose
 And went impelled on her
 unfinished way
 And followed the fateful orbit of
 her life
 Like a desire that questions silent
 gods
 Then passes starlike to some bright
 Beyond.

 Thence to great solitary tracts she
 came,
 Where man was a passer-by
 towards human scenes
 Or sole in Nature's vastness strove
 to live

 And called for help to ensouled
 invisible Powers,
 Overwhelmed by the immensity of
 his world

Умом, наполненным воспоминаньями
 о древней тишине,
 Где голоса ушедших ранее, великих,
 обращались к сердцу,
 Где широта свободы
 размышляющих провидцев
 Оставила глубокий отпечаток
 сцены их души,
 Проснувшись в искреннем рассвете
 или в лунной темноте,
 Дочь Пламени склонялась
 к этому спокойному прикосновению,
 И напивалась тем
 стихающим великолепием
 меж неподвижных век
 И ощущала родственную близость
 вечной тишины.
 Но вновь врывалось утро
 и напоминало ей о поиске,
 И с низкого простого ложа,
 или коврика, она вставала
 И шла, ведомая,
 по незаконченной своей дороге,
 И следовала по предписанной судьбой
 орбите жизни,
 Как некое желание, что вопрошает
 погружённых в тишину богов,
 Затем уходит, как звезда,
 в какое-то сверкающее
 Запредельное.
 И вот, она пришла
 в великие уединённые места,
 Где человек был лишь прохожим
 на пути к своим обычным сценам,
 Или боролся в одиночку,
 чтобы выжить
 в необъятности Природы,
 И звал за помощью
 одушевлённые невидимые Силы,
 Подавленный безмерной
 широтою мира,

And unaware of his own infinity.

The earth multiplied to her a
changing brow

And called her with a far and
nameless voice.

The mountains in their anchorite
solitude,

The forests with their
multitudinous chant

Disclosed to her the masked
divinity's doors.

On dreaming plains, an indolent
expanse,

The death-bed of a pale enchanted
eve

Under the glamour of a sunken sky,

Impassive she lay as at an age's
end,

Or crossed an eager pack of
huddled hills

Lifting their heads to hunt a lairlike
sky,

Or travelled in a strange and empty
land

Where desolate summits camped in
a weird heaven,

Mute sentinels beneath a drifting
moon,

Or wandered in some lone
tremendous wood

Ringin' for ever with the crickets'
cry

Or followed a long glistening
serpent road

Through fields and pastures lapped
in moveless light

Не ведая о бесконечности
своей внутри.

Земля всё множила
изменчивый свой лик,

Звала её далёким,
незнакомым голосом.

И горы с их глубоким
одинокчеством отшельника,

Леса с их многочисленными
звуками и пением

Ей открывали скрытые
врата божественного.

На дремлющих равнинах
и медлительных просторах,

На смертном ложе бледного,
чарующего вечера,

Под обаяньем неба
утопающего в высях,

Она лежала, безмятежно,
словно на краю веков,

Иль проносила
через сбившуюся в кучу
свору жаждущих холмов,

Поднявших головы
в охоте на разлэгшееся небо,

Иль путешествовала
в странной и пустой земле,

Где одинокие вершины
встали лагерем

В таинственном,
потустороннем небе,

Немыми часовыми
под плывущей луной,

А то — бродила
по безлюдному, огромному,
неведомому лесу,

Наполненному непрерывным
стрекотанием цикад,

То проезжала длинный,
пёстрый серпантин дороги

Через поля и пастбища,
закутанные в неподвижный свет,

Or reached the wild beauty of a
 desert space
 Where never plough was driven
 nor herd had grazed
 And slumbered upon stripped and
 thirsty sands
 Amid the savage wild-beast night's
 appeal.
 Still unaccomplished was the
 fateful quest;
 Still she found not the one
 predestined face
 For which she sought amid the
 sons of men.
 A grandiose silence wrapped the
 regal day:
 The months had fed the passion of
 the sun
 And now his burning breath
 assailed the soil.
 The tiger heats prowled through
 the fainting earth;
 All was licked up as by a lolling
 tongue.
 The spring winds failed; the sky
 was set like bronze.

End of Canto Four

End of Book Four

То достигала дикой красоты
 пространств пустыни,
 Где никогда не проводили плугом,
 не паслись стада,
 И там дремала на сухих барханах
 чистого песка
 Среди свирепого и дикого зверья,
 притянутого ночью.
 Ещё не завершён был
 судьбоносный поиск;
 Она ещё не встретила единственное,
 преназначенное ей лицо,
 Которое искала среди многих
 человеческих сынов.
 И грандиозное безмолвие
 окутывало царственные дни:
 Страсть солнца,
 что накапливалась месяцами,
 Пылающим дыханием
 сейчас атаковало землю.
 Тигриный жар бродил
 по обморочной почве;
 Всё было вылизано,
 словно высунутым языком.
 Весенние ветра утихли;
 небо замерло как бронза.

Конец четвёртой песни

Конец четвёртой книги

Book Five
THE BOOK OF LOVE

Canto I
THE DESTINED MEETING-
PLACE

But now the destined spot and
hour were close;
Unknowing she had neared her
nameless goal.
For though a dress of blind and
devious chance
Is laid upon the work of all-wise
Fate,
Our acts interpret an omniscient
Force
That dwells in the compelling
stuff of things,
And nothing happens in the
cosmic play
But at its time and in its foreseen
place.
To a space she came of soft and
delicate air
That seemed a sanctuary of youth
and joy,
A highland world of free and
green delight
Where spring and summer lay
together and strove
In indolent and amicable debate,
Inarmed, disputing with laughter
who should rule.

Книга Пятая
КНИГА ЛЮБВИ

Песня I
СУДЬБОЙ НАЗНАЧЕННОЕ
МЕСТО ВСТРЕЧИ

И вот — судьбой назначенные
час и место были рядом;
Не ведая о том, она¹ была близка
к своей безвестной цели.
Хоть одеяние слепого случая,
идущего окольными путями
Накинута на труд
всезнающей Судьбы,
Дела людей — лишь преломленье
действия всеведающей Силы,
Что обитает в подчиняющей
материи вещей,
И всё, что может здесь,
в космической игре, случиться,
Возможно лишь в свой час, и на своём,
заранее известном месте.
Она пришла в пространство
с мягкой, нежной атмосферой,
Которое казалось заповедным местом
юности и радости,
Высокогорьем изумрудного,
свободного восторга,
Где лето и весна
лежали вместе и боролись
В ленивом дружелюбном споре,
Обнявшись, обсуждая с хохотом,
кто должен править.

¹ Савитри, *прим.пер.*

There expectation beat wide
sudden wings

As if a soul had looked out from
earth's face,

And all that was in her felt a
coming change

And forgetting obvious joys and
common dreams,

Obedient to Time's call, to the
spirit's fate,

Was lifted to a beauty calm and
pure

That lived under the eyes of
Eternity.

A crowd of mountainous heads
assailed the sky

Pushing towards rival shoulders
nearer heaven,

The armoured leaders of an iron
line;

Earth prostrate lay beneath their
feet of stone.

Below them crouched a dream of
emerald woods

And gleaming borders solitary as
sleep:

Pale waters ran like glimmering
threads of pearl.

A sigh was straying among happy
leaves;

Cool-perfumed with slow
pleasure-burdened feet

Faint stumbling breezes faltered
among flowers.

The white crane stood, a vivid
motionless streak,

Peacock and parrot jewelled soil
and tree,

Здесь предвкушение
внезапно стало бить

широкими крылами,
Как если бы душа вдруг глянула
из-за земного лица,

И всё, что было в ней
почувствовало
приближенье перемены,

И позабыв обычные
мечты и радости,

Поддавшись зову Времени,
судьбе, ведущей дух,

Она поднялась
к тихой, чистой красоте,
Которая живёт
под взглядом Вечности.

Толпою горные вершины
штурмовали небо,

Тесня соперника уступами,
стремились к небесам

Покрытые бронёю лидеры
железного, уверенного строя;

Земля лежала распростёртая
у каменных их стоп.

Внизу таилась
грёза зелени лесов,

И тусклые, похожие на сон,
границы одинокого безлюдья:

Бежали светлые ручьи
мерцающей жемчужной нитью.

Блуждали вздохи
среди счастливых листьев;

И пахнущие свежестью, неторопливые,
с наполненными негою стопами,

Слабеющие бризы, спотыкаясь,
путались в цветах.

Стоял журавль там белой, яркой,
неподвижною полоской,

Павлины, попугаи
украшали самоцветами
деревья и траву,

The dove's soft moan enriched the
enamoured air
And fire-winged wild-drakes
swam in silvery pools.

Earth couched alone with her
great lover Heaven,

Uncovered to her consort's azure
eye.

In a luxurious ecstasy of joy
She squandered the love-music of
her notes,

Wasting the passionate pattern of
her blooms

And festival riot of her scents and
hues.

A cry and leap and hurry was
around,

The stealthy footfalls of her
chasing things,

The shaggy emerald of her centaur
mane,

The gold and sapphire of her
warmth and blaze.

Magician of her rapt felicities,

Blithe, sensuous-hearted, careless
and divine,

Life ran or hid in her delightful
rooms;

Behind all brooded Nature's
grandiose calm.

Primaeval peace was there and in
its bosom

Held undisturbed the strife of bird
and beast.

Man the deep-browed artificer had
not come

И нежный голубиный гомон
наполнял очарованием воздух,
И дикий селезень,
с крылами огненного цвета
плыл по серебристой заводи.

Земля лежала вместе
со своим возлюбленным —
огромным Небом,

Раскрывшись под лазурным взглядом
своего супруга.

В изысканном экстазе радости,
И расточая многочисленные звуки
музыки любви,

Она разбрасывала страстные
орнаменты своих цветов

И фестивальное восторженное
буйство запаха и цвета.

Кругом царили крики,
суета, прыжки,

Бесшумные шаги
её охотящихся тварей,

Запутанная зелень косм,
как грива у кентавра,

Сапфир и золото
её тепла и блеска.

Волшебная в своём
восторге наслаждения,

Весёлая, с открытым сердцем,
беззаботная, божественная жизнь

Бежала или пряталась
в её чарующих угодьях;

А позади всего был
грандиозный размышляющий
покой Природы.

Первоначальный мир
царил в её груди

И оставался незатронутым
борьбой зверей и птиц.

И человек, задумчивый ремесленник,
пока что не пришёл,

To lay his hand on happy
inconscient things,

Thought was not there nor the
measurer, strong-eyed toil,
Life had not learned its discord
with its aim.

The Mighty Mother lay
outstretched at ease.

All was in line with her first
satisfied plan;

Moved by a universal will of joy

The trees bloomed in their green
felicity

And the wild children brooded not
on pain.

At the end reclined a stern and
giant tract

Of tangled depths and solemn
questioning hills,

Peaks like a bare austerity of the
soul,

Armoured, remote and desolately
grand

Like the thought-screened
infinities that lie

Behind the rapt smile of the
Almighty's dance.

A matted forest-head invaded
heaven

As if a blue-throated ascetic
peered

From the stone fastness of his
mountain cell

Regarding the brief gladness of
the days;

Чтоб руку наложить свою
на эти все счастливые
несознающие создания,

Там не было ни мысли,
ни оценщика, ни хмурого труда,

И Жизнь ещё не научилась
быть в разногласьи
со своею целью.

Могучая Божественная Мать
лежала распростёршись
и свободно.

Всё шло в согласии
с её проверенным,
первоначальным планом;

И вдохновлённые всеобщей
волей к наслаждению,

Деревья расцветали посреди
зелёной радости,

А дикие её сыны
не думали о боли.

Здесь, на краю земли,
раскинулось суровое,
гигантское пространство

Заросших зеленью глубин,
серьёзных, вопрошающих холмов,

Вершин, похожих
оголённой строгостью на душу,
Закрытых прочною бронёй, далёких,
безысходно грандиозных,

Как скрытые за мыслью
бесконечности, которые лежат

За радостной, восторженной улыбкой
танца Всемогущего.

Косматая лесная голова
вторгалась в небо,

Как если бы отшельник
с голубой гортанью
устремлял свой взгляд

Из каменной твердыни
горной кельи

И наблюдал за быстротечной
радостью коротких дней;

His vast extended spirit couched
behind.

A mighty murmur of immense
retreat

Besieged the ear, a sad and
limitless call

As of a soul retiring from the
world.

This was the scene which the
ambiguous Mother

Had chosen for her brief felicitous
hour;

Here in this solitude far from the
world

Her part she began in the world's
joy and strife.

Here were disclosed to her the
mystic courts,

The lurking doors of beauty and
surprise,

The wings that murmur in the
golden house,

The temple of sweetness and the
fiery aisle.

A stranger on the sorrowful roads
of Time,

Immortal under the yoke of death
and fate,

A sacrificant of the bliss and pain
of the spheres,

Love in the wilderness met
Savitri.

За этим всем раскинулся
его широкий, необъятный дух.

Могучий гул
безмерного уединения

Обкладывал здесь слух
печальным, безграничным зовом,

Как крик души,
что покидает мир.

Такой предстала сцена,
что неоднозначная

Божественная Мать

Подобрала ей для счастливого,
непродолжительного часа;

Здесь, в этом одиночестве,
вдали от мира

Савитри начала свою
особенную роль
в борьбе и радости вселенной.

Здесь для неё открылись
мистические скрытые дворы,

И потайные двери
красоты и удивления,

И крылья, шелестящие
среди золотого дома,

Храм сладости
и огненный его придел.

Бредущая как чужестранец по этим
горестным дорогам Времени,

Бессмертная —
под игом смерти и судьбы,

Которая приносит в жертву
и блаженство, и страданье
этих сфер,

Так эта странница — Любовь
в тех дебрях встретила Савитри.

End of Canto One

Конец первой песни

Book Five
THE BOOK OF LOVE

Canto II
SATYAVAN

All she remembered on this day of
Fate,
The road that hazarded not the
solemn depths
But turned away to flee to human
homes,
The wilderness with its mighty
monotone,
The morning like a lustrous seer
above,
The passion of the summits lost in
heaven,
The titan murmur of the endless
woods.
As if a wicket gate to joy were
there
Ringed in with voiceless hint and
magic sign,
Upon the margin of an unknown
world
Reclined the curve of a sun-held
recess;
Groves with strange flowers like
eyes of gazing nymphs
Peered from their secrecy into
open space,
Boughs whispering to a constancy
of light
Sheltered a dim and screened
felicity,

Книга Пятая
КНИГА ЛЮБВИ

Песня II
САТЬЯВАН

Все вещи, всё она запомнила
в тот день Судьбы,
Дорогу, что не рисковала
одинокими глубинами,
А поворачивала, чтоб бежать
к домам людей,
Те дебри, с их
могучей монотонностью,
То утро, что напоминало
просветлённого провидца свыше,
Ту страсть вершин,
теряющихся в небесах,
То титаническое бормотанье
нескончаемых лесов.
И словно там стояли
некие воротца в радость,
Что скрипнули с неслышимым намёком,
и магическим, незримым знаком,
На самом краешке
неведомого мира,
Откинув выступы укрытия,
скрывающего солнце;
Там рощи, полные неведомых цветов,
подобно взглядам
любопытных нимф,
Из тайников смотрели
на открытое пространство,
И ветви, шепчущие
постоянству света,
Давали отдохнуть неясному,
укрытому блаженству,

And slowly a supine inconstant
breeze
Ran like a fleeting sigh of
happiness
Over slumbrous grasses pranked
with green and gold.
Hidden in the forest's bosom of
loneliness
Amid the leaves the inmate voices
called,
Sweet like desires enamoured and
unseen,
Cry answering to low insistent cry.

Behind slept emerald dumb
remotenesses,
Haunt of a Nature passionate,
veiled, denied

To all but her own vision lost and
wild.

Earth in this beautiful refuge free
from cares
Murmured to the soul a song of
strength and peace.
Only one sign was there of a
human tread:
A single path, shot thin and
arrowlike
Into this bosom of vast and secret
life,
Pierced its enormous dream of
solitude.
Here first she met on the uncertain
earth
The one for whom her heart had
come so far.
As might a soul on Nature's
background limned

А медленный, ленивый
и непостоянный бриз
Бежал, как скоротечное
дыханье счастья,
По дремлющей траве, раскрашенной
в зелёное и золотое.
Укрывшийся в груди
лесного одиночества
Сонм обитателей листвы
звал сладостными голосами,
Похожих на желания,
чарующие и незримые,
И зов там отвечал другому,
низкому, настойчивому зову.
За изумрудной зеленью
немых дремотных далей
Укромный угол
необузданной Природы
был закрыт для всех
За исключением тех,
кто был в её глазах
затеряным и диким.
Земля в прекрасном том убежище,
свободном от забот,
Душе неслышно напевала
песню силы и покоя.
Один лишь знак оставила здесь
поступь человека:
Одна тропа, похожая
на тонкий след стрелы
В груди обширной,
тайной жизни,
Пронзала необъятный сон
её уединенья.
И здесь, на этой переменчивой земле,
она¹ впервые повстречала
Того, за кем так далеко
забралось сердце.
Как может иногда душа,
на фоне красочных картин
Природы

¹ Савитри

Stand out for a moment in a house
of dream
Created by the ardent breath of
life,
So he appeared against the forest
verge
Inset twixt green relief and golden
ray.
As if a weapon of the living Light,

Erect and lofty like a spear of God

His figure led the splendour of the
morn.
Noble and clear as the broad
peaceful heavens
A tablet of young wisdom was his
brow;
Freedom's imperious beauty
curved his limbs,
The joy of life was on his open
face.
His look was a wide daybreak of
the gods,
His head was a youthful Rishi's
touched with light,
His body was a lover's and a
king's.
In the magnificent dawning of his
force
Built like a moving statue of
delight
He illumined the border of the
forest page.
Out of the ignorant eager toil of the
years
Abandoning man's loud drama he
had come

Led by the wisdom of an adverse
Fate

Подняться на мгновенье
в доме грёз,
Что создан жаждущим
дыханьем жизни,
Так он возник
напротив края леса,
Встав меж его зелёным контуром
и золотым лучом.
Подобная оружию
живого Света,
Высокая, прямая,
как копьё Всевышнего,
Его фигура за собой вела
великолепье утра.
Возвышенным и чистым,
как широкое спокойствие небес,
Скрижалю юной мудрости
был лоб его;
Наполненная силой красота свободы
отпечаталась в изгибах тела,
И радость жизни —
в искреннем лице.
Взгляд был широким,
как заря богов,
А голова — главою молодого Риши,
окружённой светом,
А тело — телом
любящего и царя.
В блистательном
расцвете сил,
Сложеньем схожий с динамичным
изваянием восторга,
Он озарил опушку
этого лесного края.
Оставив страстное невежество
большого много летнего труда,
И громкое многоголосье
драмы человека,
он пришёл,
Ведомый мудростью
превратностей Судьбы,

To meet the ancient Mother in her
 groves.
 In her divine communion he had
 grown
 A foster-child of beauty and
 solitude,
 Heir to the centuries of the lonely
 wise,
 A brother of the sunshine and the
 sky,
 A wanderer communing with depth
 and marge.
 A Veda-knower of the unwritten
 book
 Perusing the mystic scripture of
 her forms,
 He had caught her hierophant
 significances,
 Her sphered immense imaginations
 learned,
 Taught by sublimities of stream
 and wood
 And voices of the sun and star and
 flame
 And chant of the magic singers on
 the boughs
 And the dumb teaching of
 four-footed things.
 Helping with confident steps her
 slow great hands
 He leaned to her influence like a
 flower to rain
 And, like the flower and tree a
 natural growth,
 Widened with the touches of her
 shaping hours.
 The mastery free natures have was
 his
 And their assent to joy and
 spacious calm;

Чтоб повстречаться
 с древней Матерью в её чащобах.
 Он вырос под её
 божественным присмотром,
 Приёмный сын
 уединения и красоты,
 Наследник одинокой
 умудрённости веков,
 Брат небесам
 и солнечному свету,
 Бродяга, что беседует
 с пределами и глубиной.
 Знаток неписанных
 скрижалей Вед,
 Он перечитывал священное
 писание её обличий,
 Улавливал её
 мистические смыслы,
 Исследовал её огромные
 и окружающие всё воображения,
 Перенимал величие
 реки и леса;
 Он обучался голосами
 солнца, пламени, звезды,
 И трелями магических певцов
 на ветках,
 И в бессловесной школе
 у четвероногих.
 Поддержанный уверенным движением
 её больших неторопливых рук,
 Тянулся он к её влиянию
 как цветок к дождю,
 И, как цветок и дерево
 в естественном развитии,
 Он расширялся от касания её часов,
 что придавали форму.
 Была в нём власть
 свободных, независимых натур,
 Согласие на радость,
 на широкое спокойствие,

One with the single Spirit
inhabiting all,

He laid experience at the
Godhead's feet;
His mind was open to her infinite
mind,
His acts were rhythmic with her
primal force;
He had subdued his mortal thought
to hers.
That day he had turned from his
accustomed paths;
For One who, knowing every
moment's load,
Can move in all our studied or
careless steps,

Had laid the spell of destiny on his
feet
And drawn him to the forest's
flowering verge.

At first her glance that took life's
million shapes

Impartially to people its
treasure-house
Along with sky and flower and hill
and star,
Dwelt rather on the bright
harmonious scene.
It saw the green-gold of the
slumbrous sward,
The grasses quivering with the
slow wind's tread,
The branches haunted by the wild
bird's call.
Awake to Nature, vague as yet to
life,
The eager prisoner from the
Infinite,

И он, сливаясь
с тем единым Духом,
что живёт во всём,
Преподносил свой опыт
в ноги Божеству;
Его ум открывался
бесконечностям её ума,
Его дела созвучны были
с ритмами её первоначальной силы;
Он подчинял ей ход своих
обычных смертных мыслей.
В тот день свернул он
со своих привычных троп;
Ибо Единый, зная ношу
каждого мгновения,
Способный двигать всеми нашими
обдуманскими иль
беспечными шагами,
Опутал чарами судьбы
его стопы
И вывел на цветущую
опушку леса.

Вначале взгляд её,
вбиравший беспристрастно
миллионы видов жизни,
Чтоб ими заселить
своё хранилище сокровищ,
Смотрел на небо и цветы,
на горы и на звезды,
И больше всматривался
в полную гармонию и света сцену.
Он видел зелень, золото
дремотного подлеска,
И травы, колыхаемые
медленным движением ветерка,
И ветви, осаждаемые
щебетаньем диких птиц.
Проснувшись для Природы,
но для жизни остающийся неясным,
Горячий пленник,
что пришёл из Бесконечности,

The immortal wrestler in its mortal
house,
Its pride, power, passion of a
striving God,
It saw this image of veiled deity,

This thinking master creature of
the earth,
This last result of the beauty of the
stars,
But only saw like fair and common
forms
The artist spirit needs not for its
work
And puts aside in memory's
shadowy rooms.
A look, a turn decides our
ill-poised fate.

Thus in the hour that most
concerned her all,
Wandering unwarned by the slow
surface mind,
The heedless scout beneath her
tenting lids
Admired indifferent beauty and
cared not
To wake her body's spirit to its
king.
So might she have passed by on
chance ignorant roads

Missing the call of Heaven, losing
life's aim,
But the god touched in time her
conscious soul.
Her vision settled, caught and all
was changed.
Her mind at first dwelt in ideal
dreams,
Those intimate transmuters of
earth's signs

Бессмертный воин
в смертном доме,
Страсть, сила, гордость
устремленья Бога,
Смотрел на этот образ божества,
сокрытого вуалью,
На это мыслящее властное
творение земли,
Последний результат
всей красоты под звёздами,
Но в нём увидел лишь
красивую и заурядную фигуру,
Ненужную в работе
духа-живописца,
И отложил её куда-то
в призрачных палатах памяти.
Какой-то взгляд и поворот
решает ход всей нашей
неустойчивой судьбы.
И в этот час, что значил
для Савитри всё,
В блуждании, не предупреждённый
медленным поверхностным умом,
Неосторожный наблюдатель
под её внимательными веками
Бесстрастно восхищался красотой
и не заботился
Предупредить дух тела
для его правителя.
Вот так она могла пройти
случайными дорогами
неведения мимо,
И упустить призыв Небес,
и потерять цель жизни,
Но бог коснулся вовремя
её сознательной души.
Её взгляд прояснился, уловил,
и всё переменилось.
Вначале ум её, что жил
в мечтах об идеале,
В тех сокровенных преобразователях
обычных символов земли,

That make known things a hint of
unseen spheres,
And saw in him the genius of the
spot,
A symbol figure standing mid
earth's scenes,
A king of life outlined in delicate
air.
Yet this was but a moment's
reverie;
For suddenly her heart looked out
at him,
The passionate seeing used thought
cannot match,
And knew one nearer than its own
close strings.
All in a moment was surprised and
seized,
All in inconscient ecstasy lain
wrapped
Or under imagination's coloured
lids
Held up in a large mirror-air of
dream,
Broke forth in flame to recreate the
world,

And in that flame to new things
she was born.
A mystic tumult from her depths
arose;
Haled, smitten erect like one who
dreamed at ease,
Life ran to gaze from every gate of
sense:
Thoughts indistinct and glad in
moon-mist heavens,
Feelings as when a universe takes
birth,
Swept through the turmoil of her
bosom's space

Что делают знакомое
намёками незримых сфер,
В нём видел
гения тех мест,
Фигуру-символ, вставшую
среди сцен земли,
Владыку жизни, обрисованного
в нежном воздухе.
Но это было только
мимолётным впечатлением;
Внезапно сердце в ней
взглянуло на него
Тем страстным зрением,
с которым мысли не сравниться,
И вмиг его узнало лучше,
чем свои ближайшие черты.
В мгновенье ока было всё
охвачено, поражено,
Всё, что лежало в ней, укутанное
в бессознательном экстазе,
Иль пребывало под
цветными веками воображения
В широком, отражающем все вещи
воздухе мечты,
Внезапно вырвалось, охваченное
пламенным стремленьем
переделать мир,
И в этом пламени
она родилась к новому.
Мистическое странное волнение
поднялось из её глубин;
Разбуженная, словно среди сна,
приподнятая, поражённая,
Жизнь кинулась смотреть
из всех врат чувств:
Неясные и радостные мысли,
как на туманно-лунных небесах,
И ощущения, как при
рождении вселенной,
Промчались сквозь
смятение в её груди,

Invaded by a swarm of golden
 gods:
 Arising to a hymn of wonder's
 priests
 Her soul flung wide its doors to
 this new sun.
 An alchemy worked, the
 transmutation came;
 The missioned face had wrought
 the Master's spell.
 In the nameless light of two
 approaching eyes
 A swift and fated turning of her
 days

 Appeared and stretched to a gleam
 of unknown worlds.
 Then trembling with the mystic
 shock her heart
 Moved in her breast and cried out
 like a bird
 Who hears his mate upon a
 neighbouring bough.
 Hooves trampling fast, wheels
 largely stumbling ceased;
 The chariot stood like an arrested
 wind.
 And Satyavan looked out from his
 soul's doors
 And felt the enchantment of her
 liquid voice
 Fill his youth's purple ambience
 and endured
 The haunting miracle of a perfect
 face.
 Mastered by the honey of a strange
 flower-mouth,
 Drawn to soul-spaces opening
 round a brow,

 He turned to the vision like a sea to
 the moon

Наполненную множеством
 прекрасных, удивительных богов:
 Поднявшись к гимну,
 что поют жрецы чудесного,
 Её душа раскрыла настежь двери
 новому сияющему солнцу.
 Сработала алхимия,
 случилось превращение,
 И посланный ей лик
 привёл в движение чары Мастера.
 В невыразимом свете
 двух сближающихся глаз,
 Открылся быстрый,
 предопределённый поворот
 её текущих дней,
 И протянулся проблеском
 неведомых миров.
 Затем, затрепетав
 мистическим биением,
 В ней сердце сдвинулось в груди
 и вскрикнуло как птица,
 Что услышала пару
 на соседней ветке.
 Стучащие копыта, быстрые колёса
 резко встали;
 И колесница замерла,
 как пойманный в тенета ветер.
 А Сатьяван взглянул
 из врат своей души
 И ощутил, как обаяние её
 певучего, чарующего голоса
 Заполнило его сиреневую
 атмосферу юности
 И переходит в западающее в память
 чудо совершенного лица.
 Внезапно покорённый мёдом
 странных уст, похожих на цветок,
 И втянутый во внутренние
 области души,
 открывшиеся возле лба,
 Он повернулся к этому видению,
 как море обращается к луне,

And suffered a dream of beauty
and of change,
Discovered the aureole round a
mortal's head,
Adored a new divinity in things.

His self-bound nature foundered as
in fire;

His life was taken into another's
life.

The splendid lonely idols of his
brain

Fell prostrate from their bright
sufficiencies,

As at the touch of a new infinite,

To worship a godhead greater than
their own.

An unknown imperious force drew
him to her.

Marvelling he came across the
golden sward:

Gaze met close gaze and clung in
sight's embrace.

A visage was there, noble and
great and calm,

As if encircled by a halo of thought,
A span, an arch of meditating light,

As though some secret nimbus half
was seen;

Her inner vision still remembering
knew

A forehead that wore the crown of
all her past,

И погрузился в грёзу
красоты и изменений,
Увидел ореол вокруг её
прекрасной смертной головы,
И восхитился новою
божественностью в мире.

Его природа, что привыкла
управлять собой,
осела как в огне;

А жизнь его забрали
и вложили в жизнь другого.

В его мозгу роскошные
и одинокие кумиры

Упали, распростёршись ниц
из состояния самодостаточности,

Как будто от прикосновенья
новой бесконечности,

Чтоб поклоняться богу,
более великому,
чем был у них.

Неведомая настоящая сила
потянула к ней его.

Он, изумляясь,
шёл по золотому лугу:

И взгляд встречался
с близким взглядом,
льнул в его объятия.

Пред ней возник спокойный,
полный благородства
и величья лик,

Окутанный гало из мыслей,
И в нём была едва видна,
как тайный нимб

Полоска, арка
света медитации;

И внутреннее виденье её,
спокойно вспоминая,
узнавало вновь

И лоб его, носивший на себе
корону всех её
событий прошлого,

Two eyes her constant and eternal
stars,

Comrade and sovereign eyes that
claimed her soul,

Lids known through many lives,
large frames of love.

He met in her regard his future's
gaze,

A promise and a presence and a fire,
Saw an embodiment of aeonic
dreams,

A mystery of the rapture for which
all

Yearns in this world of brief
mortality

Made in material shape his very
own.

This golden figure given to his
grasp

Hid in its breast the key of all his
aims,

A spell to bring the Immortal's
bliss on earth,

To mate with heaven's truth our
mortal thought,

To lift earth-hearts nearer the
Eternal's sun.

In these great spirits now incarnate
here

Love brought down power out of
eternity

To make of life his new undying
base.

His passion surged a wave from
fathomless deeps;

It leaped to earth from far forgotten
heights,

But kept its nature of infinity.

Два глаза, словно
две её звезды,

что вечно рядом,

Глаза её властителя и друга,
требовавшие её души,

И веки, что знакомы были
много жизней,

широкая оправа для любви.

Он встретил в этом взоре взгляд
из собственного будущего,

И обещанье, и присутствие, и пламя,
Увидел воплощение

мечты эпох,

Мистерию восторга,
для которой

Все устремленья в этом мире
краткой смертной жизни

В её материальном облике образовали
то, что было истинно его.

Прекрасная фигура, созданная
для его объятий,

В своей груди скрывала ключ
ко всем его стремлениям,

И чары, призванные
принести блаженство

из миров Бессмертного на землю,

Соединяя истину небес

и наши мысли смертных,

Чтоб поднимать сердца земли
до солнца Вечного.

Так в эти два великих духа,
воплотившиеся ныне здесь,

Любовь вложила силу,
взятую из вечности,

Чтобы из жизни сделать
новую свою бессмертную основу.

Волною страсть его поднялась
из бездонной глубины;

Она вдруг спрыгнула на землю
из далёкой позабытой высоты,

Но сохраняла всю свою
природу бесконечности.

On the dumb bosom of this
oblivious globe
Although as unknown beings we
seem to meet,
Our lives are not aliens nor as
strangers join,

Moved to each other by a causeless
force.

The soul can recognise its
answering soul
Across dividing Time and, on life's
roads
Absorbed wrapped traveller,
turning it recovers

Familiar splendours in an unknown
face

And touched by the warning finger
of swift love

It thrills again to an immortal joy

Wearing a mortal body for delight.

There is a Power within that knows
beyond

Our knowings; we are greater than
our thoughts,

And sometimes earth unveils that
vision here.

To live, to love are signs of infinite
things,

Love is a glory from eternity's
spheres.

Abased, disfigured, mocked by
baser mights

Здесь, на немой груди
забывчивой планеты,
Хотя мы кажемся друг другу
незнакомцами при встрече,
Жизнь наша не чужая,
жизни у других,
И мы встречаемся
не как неведомые путники,
Что движутся друг к другу
беспричинной силой.
Душа способна распознать
ей отвечающую душу
Сквозь разделяющее Время,
и потом, на жизненных дорогах,
Блуждающая,
поглощённая собою странница,
внезапно обернувшись,
Находит вдруг
знакомое величие
на незнакомом для неё лице,
И от прикосновения
предупреждающего пальца
быстрых чар любви,
Трепещет снова
для бессмертной радости,
И одевает тело смертных
для восторга.
Есть Сила, что внутри,
и знает за пределом
наших знаний;
Мы — нечто более великое,
чем наши мысли,
И иногда земля приоткрывает
это видение здесь.
Жить и любить —
лишь символы
явлений бесконечности,
Любовь — великолепие
из вечных сфер.
Униженный, обезображенный
и терпящий глумление
низших сил,

That steal his name and shape and
ecstasy,
He is still the godhead by which all
can change.

A mystery wakes in our
inconscient stuff,
A bliss is born that can remake our
life.

Love dwells in us like an unopened
flower

Awaiting a rapid moment of the
soul,

Or he roams in his charmed sleep mid
thoughts and things;

The child-god is at play, he seeks
himself

In many hearts and minds and
living forms:

He lingers for a sign that he can
know

And, when it comes, wakes blindly
to a voice,

A look, a touch, the meaning of a
face.

His instrument the dim corporeal
mind,

Of celestial insight now forgetful
grown,

He seizes on some sign of outward
charm

To guide him mid the throng of
Nature's hints,

Reads heavenly truths into earth's
semblances,

Desires the image for the
godhead's sake,

Divines the immortalities of form

Которые украли у него
обличье, имя и экстаз,
Он, бог Любви, здесь всё же
остаётся божеством
и может всё переменить.

В несознающей нашей ткани
просыпается мистерия,
Рождается блаженство,
что может перестроить
нашу жизнь.

Любовь живёт в нас словно
нераскрывшийся цветок,

И ожидает переломного
мгновения души,

Иль бродит в чарах сновидения
среди вещей и мыслей;

Ребёнок-бог, в своей игре
он ищет самого себя

Во множестве сердец,
умов, живых обличий:

Он медлит, ожидая знак,
который сможет он узнать,

И если знак приходит,
слепо просыпается на голос,

На взгляд, касание,
на выражение лица.

Своим подручным инструментом —
телесным затуманенным умом,

Что вырос из небесной интуиции,
сейчас забытой,

Он ловит некий символ
внешнего очарования,

Который им руководит
среди толчеи намёков,
посылаемых Природой,

Читает истину небес
в земных обличьях,

Желает этот образ

ради наслажденья божества,

Распознаёт бессмертное
за формой,

And takes the body for the
 sculptured soul.
 Love's adoration like a mystic seer
 Through vision looks at the
 invisible,
 In earth's alphabet finds a godlike
 sense;
 But the mind only thinks, "Behold
 the one
 For whom my life has waited long
 unfilled,
 Behold the sudden sovereign of my
 days."
 Heart feels for heart, limb cries for
 answering limb;
 All strives to enforce the unity all
 is.
 Too far from the Divine, Love
 seeks his truth
 And Life is blind and the
 instruments deceive
 And Powers are there that labour to
 debate.
 Still can the vision come, the joy
 arrive.
 Rare is the cup fit for love's nectar
 wine,
 As rare the vessel that can hold
 God's birth;
 A soul made ready through a
 thousand years
 Is the living mould of a supreme
 Descent.
 These knew each other though in
 forms thus strange.
 Although to sight unknown,
 though life and mind

И принимает тело как скульптуру,
 изваяние души.
 Так обожание Любви,
 мистический провидец,
 Сквозь зримое
 бросает взгляд в незримое,
 Находит в символах земного алфавита
 богоподобный смысл;
 А ум лишь думает:
 "Взгляни — вон тот, кого
 Моя жизнь долго-долго ожидала,
 ощущая пустоту,
 Взгляни на неожиданного повелителя
 моих грядущих дней."
 И сердце ощущает сердце,
 тело призывает
 отвечающее тело;
 Всё борется вернуть единство,
 которое во всём.
 Любовь, что слишком
 отделилась от Божественного,
 ищет собственную истину,
 А Жизнь — слепа,
 и инструменты у неё обманчивы,
 И существуют Силы, что стараются
 её унижить, исказить.
 И всё же, может виденье придти
 и радость появиться.
 Но редок кубок, что подходит
 для нектарного вина любви,
 И редок тот сосуд,
 что может вынести
 рождение Бога;
 Душа, которая готовилась
 на протяжении тысяч лет —
 Живая форма для
 божественного Нисхождения.
 Они нашли друг друга и узнали,
 несмотря на странные обличия.
 Хотя и незнакомые для глаз,
 хотя и жизнь, и ум

Had altered to hold a new
significance,

These bodies summed the drift of
numberless births,

And the spirit to the spirit was the
same.

Amazed by a joy for which they
had waited long,

The lovers met upon their different
paths,

Travellers across the limitless
plains of Time

Together drawn from fate-led
journeyings

In the self-closed solitude of their
human past,

To a swift rapturous dream of
future joy

And the unexpected present of
these eyes.

By the revealing greatness of a
look,

Form-smitten the spirit's memory
woke in sense.

The mist was torn that lay between
two lives;

Her heart unveiled and his to find
her turned;

Attracted as in heaven star by star,

They wondered at each other and
rejoiced

And wove affinity in a silent gaze.

A moment passed that was
eternity's ray,

В них сильно изменились,
чтоб вместить иное
содержание и смысл,

Тела их подвели
итог движения
бесчисленных рождений

А дух для духа
оставался тем же самым.

И в изумлении от радости,
которую они так долго ожидали,

Те любящие встретились на их,
идущих в разном направлении
дорогах,

Как путники, бредущие
сквозь безграничные
равнины Времени,

Которых их
ведомые судьбою путешествия
соединили вместе,

Из на себя замкнувшегося одиночества
их человеческого прошлого,

Для быстрой и восторженной мечты
грядущей радости,

Для неожиданного дара
этих глаз.

И раскрывающим величием
во взгляде,

Ударом формы память духа
пробудилась в чувстве.

Развеялся туман,
лежавший между жизнями;

И сердце у неё отбросило вуаль,
а у него — метнулось,
чтоб её увидеть сердце;

Притянутые как
звезда к звезде на небе,

Они стояли, наслаждаясь,
удивляясь друг на друга,

Сплетая близость
в молчаливом взгляде.

Прошло мгновение,
что было светом вечности,

An hour began, the matrix of new
Time.

И час настал, основа нового,
неведомого Времени.

End of Canto Two

Конец второй песни

Book Five
THE BOOK OF LOVE

Canto III
SATYAVAN AND SAVITRI

Out of the voiceless mystery of the
past
In a present ignorant of forgotten
bonds
These spirits met upon the roads of
Time.
Yet in the heart their secret
conscious selves
At once aware grew of each other
warned
By the first call of a delightful
voice
And a first vision of the destined
face.
As when being cries to being from
its depths
Behind the screen of the external sense
And strives to find the
heart-disclosing word,
The passionate speech revealing
the soul's need,
But the mind's ignorance veils the
inner sight,
Only a little breaks through our
earth-made bounds,
So now they met in that
momentous hour,

Книга Пятая
КНИГА ЛЮБВИ

Песня III
САТЪЯВАН И САВИТРИ

Возникнув из безмолвной тайны
прошлых лет,
Не зная о забытых узах
в настоящем,
Два духа повстречались
на дорогах Времени.
И всё же, в сердце, в глубине,
их тайные сознательные "я"
Узнали сразу же друг друга,
предупреждённые
При первом звуке
сладостного голоса,
При первом взгляде на лицо,
направленное к ним судьбой.
И было — словно существо
зовёт другого из своих глубин,
Из-за завесы внешних чувств,
Старается найти пароль,
что раскрывает сердце,
И пылкие слова, в которых
открывается запрос души,
Но ум своим невежеством
накидывает пелену
на внутреннее виденье,
И лишь немного
проходит за границы,
сотворённые землёй,
Так ныне встретились они
в тот исключительный
и важный час,

So utter the recognition in the
deeps,

The remembrance lost, the oneness
felt and missed.

Thus Satyavan spoke first to Savitri:
"O thou who com'st to me out of
Time's silences,

Yet thy voice has wakened my
heart to an unknown bliss,

Immortal or mortal only in thy
frame,

For more than earth speaks to me
from thy soul

And more than earth surrounds me
in thy gaze,

How art thou named among the
sons of men?

Whence hast thou dawned filling
my spirit's days,

Brighter than summer, brighter
than my flowers,

Into the lonely borders of my life,

O sunlight moulded like a golden
maid?

I know that mighty gods are
friends of earth.

Amid the pageantries of day and
dusk,

Long have I travelled with my
pilgrim soul

Moved by the marvel of familiar
things.

Earth could not hide from me the
powers she veils:

Всмотрелись пристально
в свои глубины,
и в утерянную память,

В единство, что когда-то
ощущалось, но потом ушло.

И Сатьяван заговорил с Савитри:
"О ты, что появилась
из безмолвий Времени,

Твой голос пробуждает
сердце у меня

К неведомому ранее блаженству,
стоящему за обликом твоим,

За обликом бессмертной
или только смертной,

И что-то большее земного
говорит со мною
из твоей души,

И что-то большее земного
меня в твоих глазах
вдруг окружает,

Скажи же, как тебя зовут
среди рождённых человеком?

Откуда ты пришла,
зарёю наполняя
дни моей души,

Прекрасней лета,
ярче чем мои цветы,

В далёкие края
моей уединённой жизни,

О солнца свет, отлитый в образе
прекрасной девы?

Я знаю — боги, сильные, могучие —
друзья земли.

Среди великолепий
сумерек и дня

Давно я путешествую
с моей душой-паломницей,

Влекомый чудесами
обыденных вещей.

Земле не удалось упрятать от меня
те силы, что она
скрывает за вуалью:

Even though moving mid an
earthly scene
And the common surfaces of
terrestrial things,
My vision saw unblinded by her
forms;
The Godhead looked at me from
familiar scenes.
I witnessed the virgin bridals of the
dawn
Behind the glowing curtains of the
sky
Or vying in joy with the bright
morning's steps
I paced along the slumbrous coasts
of noon,
Or the gold desert of the sunlight
crossed
Traversing great wastes of
splendour and of fire,
Or met the moon gliding amazed
through heaven
In the uncertain wideness of the
night,
Or the stars marched on their long
sentinel routes
Pointing their spears through the
infinitudes:
The day and dusk revealed to me
hidden shapes;
Figures have come to me from
secret shores
And happy faces looked from ray
and flame.

I have heard strange voices cross
the ether's waves,
The Centaur's wizard song has
thrilled my ear;
I have glimpsed the Apsaras
bathing in the pools,

И даже двигаясь
среди сцен земли,
И по обычной внешней стороне
земных вещей,
Мой взгляд мог видеть всё,
не ослеплённый формами земли;
И Божество, смотрело на меня
из тех знакомых сцен.
Я наблюдал за девственными
свадьбами рассветов,
Сокрытых за сверкающей
завесою небес,
Иль, соревнуясь в радости
со светлым наступленьем утра,
Шагал вдоль сонных
побережий полдня,
Ходил по золотой пустыне
солнечного света,
Пересекал огромные пространства
великолепия и огня,
Встречал луну, скользившую
по небу в восхищеньи,
В изменчивой и зыбкой
широте ночи,
И звёзды, марширующие
долгим курсом часовых,
Нацеливали копья на меня
сквозь бесконечности:
И день, и сумерки являли
спрятанные формы;
И приходили странные фигуры
с тайных берегов,
И радостные лица
смотрели на меня
из пламени и света.
Я слышать мог неведомые голоса,
гуляющие по волнам эфира,
Магическая песнь Кентавра
заставляла трепетать мой слух;
Бросал украдкой взгляд я на Апсар,
купающихся в заводях,

I have seen the wood-nymphs
peering through the leaves;
The winds have shown to me their
trampling lords,

I have beheld the princes of the Sun
Burning in thousand-pillared
homes of light.

So now my mind could dream and
my heart fear

That from some wonder-couch
beyond our air

Risen in a wide morning of the
gods

Thou drov'st thy horses from the
Thunderer's worlds.

Although to heaven thy beauty
seems allied,

Much rather would my thoughts
rejoice to know

That mortal sweetness smiles
between thy lids

And thy heart can beat beneath a
human gaze

And thy aureate bosom quiver with
a look

And its tumult answer to an
earth-born voice.

If our time-vexed affections thou
canst feel,

Earth's ease of simple things can
satisfy,

If thy glance can dwell content on
earthly soil,

And this celestial summary of
delight,

Thy golden body, dally with
fatigue

И мог заметить, как лесные нимфы
выглядывали среди листвы;

Ветры показывали мне
своих властителей,
с тяжёлым шагом,

Я видел принцев Солнца,
Пылающих в домах из света
с тысячью колоннами.

И потому мой ум сейчас
способен для себя вообразить,
хоть сердце и страшится,

Что где-то, с удивительного ложа,
за гранью нашей атмосферы,
Ты поднялась в широкую
зарю богов,

И пригнала своих коней
из мира Громовержца.

И хоть небесной кажется
твоя мне красота,

Гораздо больше был бы рад
я в мыслях, зная,

Что сладость смертной
улыбается в твоих глазах,

Что сердце у тебя способно
застучать под взором человека,

И золотая грудь твоя —
затрепетать от взгляда,

Своим смятеньем отвечая
голосу, рождённому землёй.

И если наши чувства,
подгоняемые временем,
ты можешь испытать,

И лёгкостью земных
простых вещей
ты можешь насладиться,

И если взор твой
может быть доволен
в наших землях,

А этот неземной
итог восторга,

Прекрасный стан твой, тело
согласится отдохнуть без дела,

Oppressing with its grace our
terrain, while

The frail sweet passing taste of
earthly food

Delays thee and the torrent's
leaping wine,

Descend. Let thy journey cease,
come down to us.

Close is my father's creeped
hermitage

Screened by the tall ranks of these
silent kings,

Sung to by voices of the hue-robed
choirs

Whose chants repeat transcribed in
music's notes

The passionate coloured lettering
of the boughs

And fill the hours with their
melodious cry.

Amid the welcome-hum of many
bees

Invade our honied kingdom of the
woods;

There let me lead thee into an
opulent life.

Bare, simple is the sylvan
hermit-life;

Yet is it clad with the jewelry of
earth.

Wild winds run - visitors midst the
swaying tops,

Through the calm days heaven's
sentinels of peace

Couched on a purple robe of sky
above

Look down on a rich secrecy and
hush

Своею грацией томя
и покоряя нашу почву,

Пока земная пища
мимолётной хрупкой сладостью

И винная струя своей игрой
тебя задержат ненадолго,
Спустишь.

Пусть будет перерыв в твоём пути,
сойди же к нам.

Неподалёку здесь — увитое плющём,
уединённое жилище моего отца,

Сокрытое высокими рядами
этих молчаливых властелинов,

Кому возносят гимны голоса хоров,
одетых в красочные перья,

И в песнях повторяют
переложенные в ноты,

Наполненные цветом, страстью
письмена ветвей,

И заполняют час за часом
своим певучим щебетаньем.

Среди приветливого гула
мирадов пчёл

Войди в медовые
чертоги леса;

Позволь мне привести тебя
в богатство, пышность
нашей жизни.

Проста, неприхотлива
жизнь лесных отшельников,

Но облекается она
в сокровища земли.

То ветры дикие несутся —
гостями средь волнения
вершин деревьев,

То тихим днём
небесный страж покоя,

Лежит на мантии небес
из пурпура над нами,

И смотрит на богатство
тайн и тишины,

And the chambered nuptial waters
chant within.

Enormous, whispering,
many-formed around

High forest gods have taken in
their arms

The human hour, a guest of their
centuried pomps.

Apparelled are the morns in gold
and green,

Sunlight and shadow tapestry the
walls

To make a resting chamber fit for
thee."

Awhile she paused as if hearing
still his voice,

Unwilling to break the charm, then
slowly spoke.

Musing she answered, "I am
Savitri,

Princess of Madra. Who art thou?
What name

Musical on earth expresses thee to
men?

What trunk of kings watered by
fortunate streams

Has flowered at last upon one
happy branch?

Why is thy dwelling in the pathless
wood

Far from the deeds thy glorious
youth demands,

Haunt of the anchorites and earth's
wilder broods,

Where only with thy witness self
thou roamst

In Nature's green unhuman
loneliness

Surrounded by enormous silences

На свадебное пение ручьёв,
текущих в глубине.

Вокруг большие, шепчущие,
в множестве обличий,

Высокие лесные боги
взяли в руки

Час человека, гостя в этом
многовековом великолепии.

Украшенные зеленью
и золотом рассветы,

И стены в гобеленах
солнечных теней и бликов

Способны сделать
комнату для отдыха
достойною тебя."

Немного помолчав, как будто
продолжая слушать этот голос,

И не желая нарушать очарованье,
медленно она заговорила.

Она ответила, в раздумьи:

"Я — Савитри,
Принцесса Мадры.
А кто ты?

Какое имя объявляет людям
о тебе своею музыкой?

И что за ствол царей,
напитанный потоками удачи,

Расцвёл, в конце концов,
на одинокой, но счастливой ветви?

И почему живёшь ты
в этой непролазной чаще,

Вдали от дел, что
жаждет слава юности,

В убежище затворников
и диких сыновей земли,

Где бродишь ты один,
лишь со свидетелем внутри

В безлюдном изумрудном
одиночестве Природы,

Среди гигантского
безмолвия вокруг,

And the blind murmur of
 primaeval calms?"
And Satyavan replied to Savitri:
"In days when yet his sight looked
 clear on life,
King Dyumatsena once, the
 Shalwa, reigned
Through all the tract which from
 behind these tops
Passing its days of emerald delight

In trusting converse with the
 traveller winds
Turns, looking back towards the
 southern heavens,
And leans its flank upon the
 musing hills.
But equal Fate removed her
 covering hand.
A living night enclosed the strong
 man's paths,
Heaven's brilliant gods recalled
 their careless gifts,

Took from blank eyes their glad
 and helping ray
And led the uncertain goddess
 from his side.
Outcast from empire of the outer
 light,
Lost to the comradeship of seeing
 men,
He sojourns in two solitudes,
 within
And in the solemn rustle of the
 woods.

Son of that king, I, Satyavan, have
 lived
Contented, for not yet of thee
 aware,

Сплошного гула
 первозданного покоя?"
И Сатьяван ответил так Савитри:
"В те дни, когда ещё глаза его
 на жизнь смотрели ясно,
Царь Шалвы, Дьюматсена,
 правил всеми землями,
Которые лежат
 за теми пиками,
Что дни свои проводят
 в изумрудном наслаждении,
И доверительной беседе
 со скитальцами-ветрами,
И дальше, повернув, с оглядкой
 на южные просторы неба,
Спускают склоны
 к размышляющим холмам.
Но беспристрастная Судьба
 убрала ограждающую длань.
Живая ночь окутала пути
 могучего правителя,
Сияющие боги в небесах
 обратно взяли
 беззаботные свои дары,
Из вдруг ослепших глаз забрали
 помогавший луч и радость,
И увели к себе изменчивую,
 ненадёжную богиню.
Изгнанник царства внешнего,
 привычного нам света,
Утеряный для дружбы
 тех, кто не ослеп,
Отныне он живёт
 в двойном уединении,
Одно — внутри,
 другое — посреди
 торжественного шелеста лесов.
И сын того царя, я, Сатьяван,
 до этого момента жил
Довольный всем,
 пока не ведал о тебе,

In my high-peopled loneliness of
spirit
And this huge vital murmur kin to
me,
Nursed by the vastness, pupil of
solitude.
Great Nature came to her
recovered child;
I reigned in a kingdom of a nobler
kind
Than men can build upon dull
Matter's soil;

I met the frankness of the primal
earth,
I enjoyed the intimacy of infant
God.
In the great tapestried chambers of
her state,
Free in her boundless palace I have
dwelt
Indulged by the warm mother of us
all,
Reared with my natural brothers in
her house.
I lay in the wide bare embrace of
heaven,
The sunlight's radiant blessing
clasped my brow,
The moonbeams' silver ecstasy at
night
Kissed my dim lids to sleep.
Earth's morns were mine;

Lured by faint murmurings with
the green-robed hours
I wandered lost in woods, prone to
the voice

В своём богато населённом
одиночестве души
И в этом необъятном гуле жизни,
ставшим для меня родным,
Вскормленный широтой
и ученик уединения.
Великая Природа пришла
к вновь обретённому дитя;
Я правил в царстве
более возвышенном,
Чем то, что может человек
построить на земле
неповоротливой Материи;
Я встретил искренность
простой земли,
Я наслаждался близостью
ребёнка-Бога.
В её стране, в огромных,
с гобеленами, палатах,
Свободный в безграничности
её дворца,
Я жил, балуемый расположеньем
доброй нашей матери,
Воспитывался в доме у неё
с моими дикими братьями.
И часто я лежал средь широты
раскрытого объятия небес,
Сиянье солнечного света,
благословляя, обнимало лоб,
Серебряный экстаз
лучей ночной луны
Касался поцелуем век моих,
чтоб спали.
Земные утра
были все моими;
Влекомый слабым шелестом часов,
в зелёных одеяниях,
Я то бродил,
затерянный в лесах,
То падал ниц
пред голосами

Of winds and waters, partner of the
sun's joy,

A listener to the universal speech:

My spirit satisfied within me knew

Godlike our birthright, luxuriated
our life

Whose close belongings are the
earth and skies.

Before Fate led me into this
emerald world,

Aroused by some foreshadowing
touch within,

An early prescience in my mind
approached

The great dumb animal
consciousness of earth

Now grown so close to me who
have left old pomps

To live in this grandiose murmur
dim and vast.

Already I met her in my spirit's
dream.

As if to a deeper country of the
soul

Transposing the vivid imagery of earth,
Through an inner seeing and sense
a wakening came.

A visioned spell pursued my
boyhood's hours,

All things the eye had caught in
coloured lines

Were seen anew through the
interpreting mind

And in the shape it sought to seize
the soul.

An early child-god took my hand
that held,

Ветров и тихих вод,
то вместе радовался солнцу,

То вслушивался
в разговор вселенной:

Мой дух, довольный,
знал внутри меня —

Богopodobны мы по праву
нашего рождения,

роскошна наша жизнь,
И тесно связана она
с землёй и небесами.

И до того ещё,
как в этот изумрудный мир
меня закинула Судьба,

Разбуженное вдруг внутри,
предзнаменующим касанием,

Предвиденье в моём уме
заранее меня приблизило

К великому, немому,
животному сознанию земли,

Что ныне стало так знакомо мне,
оставившим былую роскошь,

Для жизни в этом грандиозном гуле,
безбрежном и неясном.

Когда-то я уже встречал её
в каких-то грёзах духа.

И словно в более глубокую
страну души,

Переноса живые образы земли,
Сквозь внутреннее зрение и чувство
являлось пробуждение.

Магическое виденье
меня преследовало в детстве,

И всё, что глаз улавливал
в цветных штрихах и линиях,

Я видел новым взглядом
через объяснявший ум,

Пытающийся в формах
уловить, увидеть душу.

Так юный бог-ребёнок брал меня,
поддерживая, за руку,

Moved, guided by the seeking of
his touch,
Bright forms and hues which fled
across his sight;

Limned upon page and stone they
spoke to men.

High beauty's visitants my
intimates were.

The neighing pride of rapid life
that roams

Wind-maned through our pastures,
on my seeing mood

Cast shapes of swiftness; trooping
spotted deer

Against the vesper sky became a
song

Of evening to the silence of my soul.
I caught for some eternal eye the
sudden

King-fisher flashing to a darkling
pool;

A slow swan silvering the azure
lake,

A shape of magic whiteness, sailed
through dream;

Leaves trembling with the passion
of the wind,

Pranked butterflies, the conscious
flowers of air,

And wandering wings in blue
infinity

Lived on the tablets of my inner
sight;

Mountains and trees stood there
like thoughts from God.

The brilliant long-bills in their
vivid dress,

The peacock scattering on the
breeze his moons

Я двигался, ведомый поиском
его прикосновения,
Красивых форм
и красочных оттенков,
Что пролетали
через виденье его;
В рисунке, на бумаге, в камне
те формы говорили с человеком.
Моими близкими друзьями стали
гости царств высокой красоты.
И упоенье быстрой жизни,
что с ржанием,
И с развевающейся гривой
скачет по полям,
Бросало ощущение скорости;
олени, что неслись стадами
На фоне надвигающейся ночи,
становились песней вечера
Входя в молчание моей души.
Я мог, каким-то взглядом вечности,
внезапно видеть зимородка,
Что молнией нырял
в темнеющую заводь;
Неторопливый лебедь,
серебривший голубое озеро
Волшебной белизной фигуры,
проплывал сквозь грёзы;
Листва, трепещущая
страстью ветра,
Узорчатые бабочки,
осознающие цветы
лесного воздуха,
Крыла, блуждающие
в синей бесконечности —
Живут в моих картинах
внутренних видений;
Деревья, горы там стоят,
подобно мыслям Бога.
Фламинго, что сверкают
яркими одеждами,
Павлины, рассыпающие луны
в дивном оперении на ветру,

Painted my memory like a frescoed wall.	Разрисовали память у меня, как фрески на стене.
I carved my vision out of wood and stone;	Я вырезал свои видения из леса и из камня;
I caught the echoes of a word supreme	Ловил я эхо высочайших слов,
And metred the rhythm-beats of infinity	И отмерял ритмичные биенья бесконечности,
And listened through music for the eternal Voice.	И через музыку я вслушивался в вечный Голос.
I felt a covert touch, I heard a call,	Я ощущал сокрытое прикосновение, я слышал зов,
But could not clasp the body of my God	Но всё никак не мог — ни заключить в объятия тело Бога моего,
Or hold between my hands the World-Mother's feet.	Ни удержать в своих ладонях ноги Матери Вселенной.
In men I met strange portions of a Self	Встречал я в людях странные частицы Внутреннего "Я",
That sought for fragments and in fragments lived:	Они искали лишь фрагменты, жили этими фрагментами:
Each lived in himself and for himself alone	И каждый жил в себе самом, для одного себя,
And with the rest joined only fleeting ties;	И с остальными был соединён лишь мимолётной связью;
Each passioned over his surface joy and grief,	И каждый ощущал страсть своего поверхностного горя или радости,
Nor saw the Eternal in his secret house.	Но никогда не видел Вечного в его таинственном жилище.
I conversed with Nature, mused with the changeless stars,	Я разговаривал с Природой, думал вместе с неподвижными рядами звёзд,
God's watch-fires burning in the ignorant Night,	Сигнальными огнями Бога, что горят в незнающей Ночи,
And saw upon her mighty visage fall	И наблюдал, как на её могучий лик ложился
A ray prophetic of the Eternal's sun.	Пророческий луч солнца Вечного.
I sat with the forest sages in their trance:	Бывало, я сидел с лесными мудрецами в трансе:

There poured awakening streams
of diamond light,

I glimpsed the presence of the One
in all.

But still there lacked the last
transcendent power
And Matter still slept empty of its
Lord.

The Spirit was saved, the body lost
and mute
Lived still with Death and ancient
Ignorance;

The Inconscient was its base, the
Void its fate.

But thou hast come and all will
surely change:
I shall feel the World-Mother in
thy golden limbs

And hear her wisdom in thy sacred
voice.

The child of the Void shall be
reborn in God,
My Matter shall evade the
Inconscient's trance.
My body like my spirit shall be
free.

It shall escape from Death and
Ignorance."
And Savitri, musing still, replied to
him:

"Speak more to me, speak more, O
Satyavan,

Speak of thyself and all thou art
within;

Там проливались
пробуждавшие потоки
яркого алмазного сияния,

И можно было увидеть
присутствие во всём
Единого.

Но всё же, в этом не было
последней трансцендентной силы,
И всё ещё спала Материя,
без своего Хозяина.

Они спасали Дух,
а тело их, потерянное и немое,
Всё так же продолжало
жить со Смертью,
с вековым Невежеством;

И Несознание оставалось
для него основой,
а Ничто — судьбой.

Но ты пришла, и всё теперь,
конечно же, изменится:
В твоём прекрасном теле
я смогу почувствовать
Мать Мира,

И в звуке твоего
божественного голоса
услышу мудрость Матери.

Дитя Ничто
переродится в Бога,
Моя Материя избегнет
транса Несознания.

И тело станет
у меня свободным,
как мой дух.

Оно сумеет убежать
от Смерти и Невежества."

Савитри, тихо размышляя,
отвечала:

"Рассказывай ещё,
рассказывай ещё,
о Сатьяван,

Рассказывай мне о себе,
и обо всём, что у тебя внутри;

<p>I would know thee as if we had ever lived Together in the chamber of our souls. Speak till a light shall come into my heart And my moved mortal mind shall understand What all the deathless being in me feels.</p> <p>It knows that thou art he my spirit has sought</p> <p>Amidst earth's thronging visages and forms Across the golden spaces of my life." And Satyavan like a replying harp</p> <p>To the insistent calling of a flute Answered her questioning and let stream to her</p> <p>His heart in many-coloured waves of speech: "O golden princess, perfect Savitri,</p> <p>More I would tell than failing words can speak,</p> <p>Of all that thou hast meant to me, unknown, All that the lightning-flash of love reveals In one great hour of the unveiling gods. Even a brief nearness has reshaped my life.</p> <p>For now I know that all I lived and was</p>	<p>Я узнаю тебя, как если бы мы вечно жили Всегда вдвоём в палате наших душ. Рассказывай, пока свет не проникнет в сердце, И беспокойный смертный ум мой не поймёт Всё то, что ощущается бессмертным существом во мне.</p> <p>Оно увидело, что именно тебя искал мой дух Средь многочисленной толпы фигур и лиц земли, На золотых пространствах жизни."</p> <p>И Сатьяван, как арфа, отзываясь, Настойчивому зову флейты, Ответил на её вопрос, направил к ней потоки собственного сердца</p> <p>В красивых и цветистых волнах речи: "Прекрасная принцесса, совершенная Савитри, Я мог бы рассказать тебе гораздо больше, чем способны передать слова,</p> <p>О всём, что ты, не ведая, отныне значишь для меня, О всём, что открывает вспышка-молния любви В великий час богов, снимающих покровы.</p> <p>Ведь даже эта кратковременная близость изменила ход всей жизни.</p> <p>Теперь я знаю — всё, чем жил я, и чем был,</p>
---	--

Moved towards this moment of my
heart's rebirth;

I look back on the meaning of
myself,

A soul made ready on earth's soil
for thee.

Once were my days like days of
other men:

To think and act was all, to enjoy
and breathe;

This was the width and height of
mortal hope:

Yet there came glimpses of a
deeper self

That lives behind Life and makes
her act its scene.

A truth was felt that screened its
shape from mind,

A Greatness working towards a
hidden end,

And vaguely through the forms of
earth there looked

Something that life is not and yet
must be.

I groped for the Mystery with the
lantern, Thought.

Its glimmerings lighted with the
abstract word

A half-visible ground and
travelling yard by yard

It mapped a system of the Self and
God.

I could not live the truth it spoke
and thought.

I turned to seize its form in visible
things,

Hoping to fix its rule by mortal
mind,

Шло к этому мгновению
рождения сердца;

Я оглянулся на своё
предназначение,

Здесь, на земле, душа моя
готовилась к тебе.

Когда-то дни мои
подобны были

дням других людей:

В них думать, делать —
было всем,

дыханием и наслаждением;

И это было —

широта и высота

надежды смертного:

Но появились проблески
из более глубокого

и внутреннего “я”,

Которое живёт за Жизнью,
делает её своею сценой,

Открылась истина,

скрывавшая свой облик от ума,

Величие, что трудится
для скрытой цели,

И сквозь земные формы

смутно проглянуло что-то,

Чем жизнь пока что не является,
но стать должна.

Я ощупью искал ту Тайну,

с факелом, моею Мыслью,

Её мерцания

абстрактным словом освещали

Наполовину видимую почву;

и проходя за ярдом ярд,

Она вычерчивала план, систему
Внутреннего “Я” и Бога.

Но я не смог жить истиной,

что думалась и говорилась.

Я попытался уловить её обличье
в видимых вещах,

Надеялся понять её закон,

используя свой смертный ум,

Imposed a narrow structure of world-law	Навязывая узкую структуру этого мирка законов
Upon the freedom of the Infinite,	Свободе и простору
A hard firm skeleton of outward Truth,	Бесконечности, Навязывая ей
A mental scheme of a mechanic Power.	негнущийся, тяжёлой остов внешней Истины, Умом построенную схему механической Энергии.
This light showed more the darknesses unsearched;	Но этот свет показывал, скорее, неизведанную темноту:
It made the original Secrecy more occult;	Он делал подлинный Секрет лишь более таинственным;
It could not analyse its cosmic Veil	Не мог он проанализировать его вселенскую Вуаль,
Or glimpse the Wonder-worker's hidden hand	Не мог заметить скрытую ладонь творца Чудес
And trace the pattern of his magic plans.	И проследить узор его магического плана.
I plunged into an inner seeing Mind	Я погружал себя во внутреннее виденье Ума,
And knew the secret laws and sorceries	И узнавал сокрытые от всех законы, чары,
That make of Matter mind's bewildered slave:	Что делают Материю растерянной рабынею ума:
The mystery was not solved but deepened more.	Мистерия не становилась познанной, но только ещё больше углублялась.
I strove to find its hints through Beauty and Art,	Я бился, чтоб найти её намёки через Красоту, Искусство,
But Form cannot unveil the indwelling Power;	Но Форма не способна показать живущую внутри неё Энергию;
Only it throws its symbols at our hearts.	И лишь бросает символы свои в сердца людей.
It evoked a mood of self, invoked a sign	Она — то пробуждала настроенье внутреннего "я", то призывала знак
Of all the brooding glory hidden in sense:	Всей зреющей в нём славы, скрытой в ощущении:
I lived in the ray but faced not to the sun.	Я жил под тем лучом, но не встречался с солнцем.

I looked upon the world and missed the Self,	Я вглядывался в мир, но упустил при этом Внутреннее “Я”,
And when I found the Self, I lost the world,	А обретая Внутреннее “Я”, лишался мира,
My other selves I lost and the body of God,	Терял мои другие “я”, и это тело Бога,
The link of the finite with the Infinite,	Звено меж Бесконечным и конечным,
The bridge between the appearance and the Truth,	И мост между проявленным и Истиной,
The mystic aim for which the world was made,	Мистическую цель, ради которой создан мир,
The human sense of Immortality.	И человеческую суть Бессмертия.
But now the gold link comes to me with thy feet	Но ныне это драгоценное звено идёт ко мне твоею поступью,
And His gold sun has shone on me from thy face.	И золотое солнце Бога засияло для меня в твоём лице.
For now another realm draws near with thee	Сейчас другое царство приближается с тобою вместе,
And now diviner voices fill my ear,	И более божественные голоса сейчас полнят мой слух,
A strange new world swims to me in thy gaze	И странный, новый мир плывёт ко мне в твоих глазах,
Approaching like a star from unknown heavens;	Он приближается как некая звезда из неизвестных мне небес;
A cry of spheres comes with thee and a song	Призыв высоких сфер идёт с тобой и песня пылких, как огонь, богов.
Of flaming gods. I draw a wealthier breath	Ко мне приходит более богатое дыхание
And in a fierier march of moments move.	И я шагаю вместе с маршем пламенных мгновений.
My mind transfigures to a rapturous seer.	Мой ум становится восторженным провидцем.
A foam-leap travelling from the waves of bliss	И пенистое путешествие из волн блаженства

Has changed my heart and changed
the earth around:

All with thy coming fills. Air, soil
and stream

Wear bridal raiment to be fit for
thee

And sunlight grows a shadow of
thy hue

Because of change within me by
thy look.

Come nearer to me from thy car of
light

On this green sward disdaining not
our soil.

For here are secret spaces made for
thee

Whose caves of emerald long to
screen thy form.

Wilt thou not make this mortal
bliss thy sphere?

Descend, O happiness, with thy
moon-gold feet

Enrich earth's floors upon whose
sleep we lie.

O my bright beauty's princess
Savitri,

By my delight and thy own joy
compelled

Enter my life, thy chamber and thy
shrine.

In the great quietness where spirits
meet,

Led by my hushed desire into my
woods

Let the dim rustling arches over
thee lean;

One with the breath of things
eternal live,

Уже во мне меняет сердце,
уже меняет землю возле нас:

Всё наполняется
твоим приходом.

Земля, ручьи и воздух
одели свадебный наряд,
чтоб быть тебя достойными,

А солнца свет
стал тенью твоего цветения

От перемен, рождающихся
под твоим чудесным взглядом.

Сойди же с колесницы света,
подойди поближе,

Ступи на зелень луга,
не пренебрегая нашей почвой.

У нас есть тайные пространства
созданные для тебя,

Чьи изумрудные пещеры
хотят укрыть твою фигуру.

Не сделаешь ли ты
блаженство смертных
и твою сферой?

Спустишь, о счастье,
с лунно-золотистыми стопами

И озари земную почву,
на которой мы лежим во сне.

Савитри, о моя принцесса
светлой красоты,

Отдайся радости своей
и моему восторгу,

Войди же в жизнь мою,
твою палату и твой храм.

В великой тишине,
где дух встречает дух,

Позволь же
тихому желанью моему
вести тебя в мои леса,

Позволь неясным шелестящим сводам
над тобой склониться;

Единые с дыханием того,
что существует вечно,

Thy heart-beats near to mine, till
there shall leap

Enchanted from the fragrance of
the flowers

A moment which all murmurs shall
recall

And every bird remember in its
cry."

Allured to her lashes by his
passionate words

Her fathomless soul looked out at
him from her eyes;

Passing her lips in liquid sounds it
spoke.

This word alone she uttered and
said all:

"O Satyavan, I have heard thee and
I know;

I know that thou and only thou art
he."

Then down she came from her high
carven car

Descending with a soft and
faltering haste;

Her many-hued raiment glistening
in the light

Hovered a moment over the
wind-stirred grass,

Mixed with a glimmer of her
body's ray

Like lovely plumage of a settling
bird.

Her gleaming feet upon the
green-gold sward

Scattered a memory of wandering
beams

Биенья сердца твоего
приблизь к моим,
пока не прыгнет

Из запаха цветов
волшебное мгновение,

Что воскрешает вновь и вновь
все голоса и звуки,

И каждая из птиц
запомнит этот миг
в своём призыве."

И привлечённая к её ресницам
страстными его словами,

Её бездонная душа
взглянула на него
её глазами;

И двигая её губами,
медленным, тягучим голосом,
её душа заговорила.

Одну лишь фразу та произнесла,
и ей сказала всё:

"О, Сатьяван, я слушала тебя
и ныне знаю;

Я знаю — ты и только ты
есть для меня."

Затем она сошла
с высокого резного экипажа,
Спускаясь мягко,
нерешительно и торопясь;

Искрящиеся,
разноцветные одежды
Зависли, на мгновение,
над лёгким колыханием трав,

Смешавшись с еле видимым
свеченьем тела,

Похожим на чарующее оперение
сидящей птицы.

Её мелькающие ноги
на изумрудно-золотой траве

Будили память
о блуждающем сиянии,

And lightly pressed the unspoken
desire of earth

Cherished in her too brief passing
by the soil.

Then flitting like pale-brilliant
moths her hands

Took from the sylvan verge's sunlit
arms

A load of their jewel-faces'
clustering swarms,

Companions of the spring-time and
the breeze.

A candid garland set with simple
forms

Her rapid fingers taught a flower
song,

The stanzaed movement of a
marriage hymn.

Profound in perfume and immersed
in hue

They mixed their yearning's
coloured signs and made

The bloom of their purity and
passion one.

A sacrament of joy in treasuring
palms

She brought, flower-symbol of her
offered life,

Then with raised hands that
trembled a little now

At the very closeness that her soul
desired,

This bond of sweetness, their
bright union's sign,

She laid on the bosom coveted by
her love.

As if inclined before some
gracious god

Who has out of his mist of
greatness shone

Слегка толкнув

невысказанное желание земли,

Лелеемое в ней такими

краткими касаниями почвы.

Затем, вспорхнув,

как бледные сверкающие мотыльки,

её ладони

Из солнцем освещённых рук

лесного края взяли

Их лица-самоцветы,

собранные в гроздь,

Товарищей весенних дней

и бриза.

Чистосердечный,

незатейливый венок

Её мелькающие пальцы

научили песенке цветов,

Движенью стансов

свадебного гимна.

Цветы, утопленные в ароматы,

погружённые в оттенки,

Смешали меж собою

красочные символы стремления,

Соединив цветенье чистоты

и страсти воедино.

Венок, причастье радости,

она несла

В держащих бережно ладонях,

как символ подносимой жизни,

Затем, подняв ладони,

что немного вздрагивали ныне

От полной близости,

желанной для её души,

Переплетенье сладости

и знак их яркого союза,

Она повесила на грудь,

которую так жаждала её любовь.

И словно преклоняясь

перед милосердным богом,

Что вышел из тумана

своего сиявшего величия,

To fill with beauty his adorer's
hours,
She bowed and touched his feet
with worshipping hands;

She made her life his world for
him to tread
And made her body the room of
his delight,

Her beating heart a remembrancer
of bliss.

He bent to her and took into his
own

Their married yearning joined like
folded hopes;

As if a whole rich world suddenly
possessed,

Wedded to all he had been, became
himself,

An inexhaustible joy made his
alone,

He gathered all Savitri into his
clasp.

Around her his embrace became
the sign

Of a locked closeness through slow
intimate years,

A first sweet summary of delight to
come,

One brevity intense of all long life.

In a wide moment of two souls that
meet

She felt her being flow into him as
in waves

A river pours into a mighty sea.

Наполнить красотой
час преданного смертного,
Она нагнулась
и коснулась ног его
своими обожавшими руками

И превратила жизнь свою
в ему принадлежащий мир,

Чтоб он вошёл
и сделал тело у неё
палатой своего восторга,

А бьющееся сердце —
памятью блаженства.

Он наклонился к ней
и взял её в свои владения,

Повенчанное их стремление
сомкнулось как объятие надежды;

И словно целая богатая вселенная,
внезапно покорённая,

И обручённая со всем, что существует,
стала им самим,

Неисчерпаемая радость
сделала его единым,

И он схватил Савитри
всю в свои объятья.

И руки, что вокруг неё обвились,
стали знаком близости,

Что наконец нашла себя
за эти медленные годы,
говорящие намёком,

И первым сладостным
итогом наслаждения,
которое должно придти,

Одним мгновением,
насыщенным,
как целая их жизнь.

В широкий миг
двух встретившихся душ,

Она почувствовала —
существо её

в него перетекает волнами
Реки, впадающей
в могучий океан.

As when a soul is merging into
God
To live in Him for ever and know
His joy,

Her consciousness grew aware of
him alone
And all her separate self was lost
in his.
As a starry heaven encircles happy
earth,

He shut her into himself in a circle
of bliss
And shut the world into himself
and her.

A boundless isolation made them
one;
He was aware of her enveloping
him
And let her penetrate his very soul

As is a world by the world's spirit
filled,
As the mortal wakes into Eternity,
As the finite opens to the Infinite.

Thus were they in each other lost
awhile,
Then drawing back from their long
ecstasy's trance
Came into a new self and a new
world.

Each now was a part of the other's
unity,

The world was but their twin
self-finding's scene

Как если бы душа
вливалась в Бога,
Чтоб поселиться в Нём навечно
и познать

Его неопишущую радость,
Её сознание знало
только одного его,
И всё её отдельное, когда-то, "я"
отныне потерялось в нём.

Как небеса,
усыпанные звёздами,
Берут в кольцо
счастливую планету,

Он заключил её в себя,
как в круг блаженства
И целый мир замкнул
в себе и в ней.

Безбрежное уединение
их сделало единым целым;
Он осознал её как что-то,
окружившее его,

И дал ей пропитать
глубины собственной души,
Как если б мир наполнился бы
духом мира,

Как если б смертный
пробудился в Вечности,
Как если бы конечное
открылось Бесконечности.

И так они, один в другом
на время потерялись,
Затем их вынесло назад
из транса долгого экстаза,
Они вступили в новое,
другое внутреннее "я",
и в новый мир.

И каждый стал сейчас
какой-то стороной единства
для другого,

А мир вокруг —
лишь сценой
для двойного их самооткрытия

Or their own wedded being's vaster
frame.

On the high glowing cupola of the
day

Fate tied a knot with morning's
halo threads

While by the ministry of an
auspice-hour

Heart-bound before the sun, their
marriage fire,

The wedding of the eternal Lord
and Spouse

Took place again on earth in
human forms:

In a new act of the drama of the
world

The united Two began a greater
age.

In the silence and murmur of that
emerald world

And the mutter of the priest-wind's
sacred verse,

Amid the choral whispering of the
leaves

Love's twain had joined together
and grew one.

The natural miracle was wrought
once more:

In the immutable ideal world

One human moment was eternal
made.

Then down the narrow path
where their lives had met

He led and showed to her her
future world,

Love's refuge and corner of happy
solitude.

At the path's end through a green
cleft in the trees

Иль более широким телом
их соединившегося существа.

Так на высокой и сверкающей
вершине дня

Судьба узлом связала нити
утреннего ореола,

Пока в небесном министерстве
благосклонного момента

Связь тех сердец под солнцем,
и их свадебный огонь,

Венчанье вечного Владыки
со своей Невестой

Разыгрывалось снова на земле
в их человеческом обличи:

И в новом акте
драмы мира

Объединившись, эти Двое
открывали новую,
великую эпоху.

Среди спокойствия, шуршанья
изумрудного лесного мира

Под гул священных строф,
что бормотал священник-ветер,

И под хоральный шёпот
листьев и травы

Две половинки той Любви
соединились, слившись воедино.

Случилось вновь
естественное чудо:

В неизменяющемся мире идеала

Одно мгновенье человека
стало вечным.

Затем, спустившись вниз
по узенькой тропе,
где встретились их жизни,

Он вёл её, показывая мир,
что ждёт её в грядущем,

Убежище любви и уголок
счастливого уединения.

В конце пути,
в просвет листвы деревьев

She saw a clustering line of hermit-
roofs

And looked now first on her heart's
future home,

The thatch that covered the life of
Satyavan.

Adorned with creepers and red
climbing flowers

It seemed a sylvan beauty in her
dreams

Slumbering with brown body and
tumbled hair

In her chamber inviolate of
emerald peace.

Around it stretched the forest's
anchorite mood

Lost in the depths of its own
solitude.

Then moved by the deep joy she
could not speak,

A little depth of it quivering in her
words,

Her happy voice cried out to
Satyavan:

"My heart will stay here on this
forest verge

And close to this thatched roof
while I am far:

Now of more wandering it has no
need.

But I must haste back to my
father's house

Which soon will lose one loved
accustomed tread

And listen in vain for a once
cherished voice.

Она увидела теснящиеся
очертанья крыш
жилищ отшельников

И в первый раз взглянула
на свой дом,
её дом сердца в будущем,

И хижину, дающую укрытие
для жизни Сатьявана.

Украшенная красными,
взбиравшимися вверх,
цветами и вьюнком,

Она предстала перед ней
лесной красавицей
из сновидений,

С коричневой фигурой,
с россыпью волос,
которая дремала

В неосквернённой зале
изумрудного покоя.

Вокруг неё тянулось настроение
лесных затворников,

Затерянных в глубинах
своего уединения.

Затем, под натиском глубокой радости,
что невозможно выразить,

Лишь с малой толикой,
что вырвалась в словах,

Она счастливо
объявила Сатьявану:

"Я оставляю сердце здесь,
на этом крае леса,

И рядом с этой крышей хижины,
пока я буду вдалеке:

Теперь дальнейшие скитанья
стали не нужны.

Но я должна спешить назад,
в дом моего отца,

Который, вскоре, не услышит
привычных, обожаемых шагов,

И будет понапрасну ждать
лелеемый когда-то голос.

For soon I shall return nor ever
again
Oneness must sever its recovered
bliss
Or fate sunder our lives while life
is ours."

Once more she mounted on the
carven car
And under the ardour of a fiery
noon
Less bright than the splendour of
her thoughts and dreams

She sped swift-reined,
swift-hearted but still saw

In still lucidities of sight's inner
world
Through the cool-scented wood's
luxurious gloom
On shadowy paths between great
rugged trunks
Pace towards a tranquil clearing
Satyavan.

A nave of trees enshrined the
hermit thatch,
The new deep covert of her
felicity,
Preferred to heaven her soul's
temple and home.

This now remained with her, her
heart's constant scene.

End of Canto Three
End of Book Five

Но скоро я вернусь,
и больше никогда
Единство не должно разъединить
вновь обретённое блаженство,
И наши жизни более
не разлучит судьба,
пока жизнь — наша."
Вновь поднялась она
в резной свой экипаж
Под жгучим зноем
огненного полдня,
Что был тусклее
блеска и великолепия
грёз её и мыслей,
И поспешила, торопливо правя,
и со стучащим сердцем,
при этом наблюдая
Сквозь тихую прозрачность
внутреннего мира виденья,
Как через пахнувший прохладой
пышный сумрак леса,
Тенистыми тропинками,
меж грубых и больших стволов,
Шагал к спокойному просвету
Сатьяван.
Нёф из деревьев окружал
лесную хижину отшельника,
То новое глубокое убежище
её блаженства,
И дом, и храм её души,
который выбрала она
для неба.
Всё это оставалось вместе с ней,
как неизменная картина в сердце.

Конец третьей песни
Конец пятой книги

Book Six
THE BOOK OF FATE

Canto I
THE WORD OF FATE

In silent bounds bordering the
mortal's plane
Crossing a wide expanse of
brilliant peace
Narad the heavenly sage from
Paradise
Came chanting through the large
and lustrous air.

Attracted by the golden
summer-earth
That lay beneath him like a
glowing bowl
Tilted upon a table of the Gods,
Turning as if moved round by an
unseen hand
To catch the warmth and blaze of a
small sun,
He passed from the immortals'
happy paths
To a world of toil and quest and
grief and hope,
To these rooms of the see-saw
game of death with life.
Across an intangible border of
soul-space
He passed from Mind into material
things
Amid the inventions of the
inconscient Self

Книга Шестая
КНИГА СУДЬБЫ

Песня I
СЛОВО СУДЬБЫ

Войдя в безмолвные пределы,
что граничат с планом смертных,
И перейдя широкие поля
алмазного покоя,
Нарада, небожитель
и мудрец из Рая
Спустился, распевая,
сквозь просторную,
сверкающую атмосферу.
И привлечённый летним
золотом земли,
Которая лежала перед ним
блестящим шаром,
Вращаясь на столе Богов,
Как от движения
невидимой руки,
Стремясь поймать тепло,
сиянье маленького солнца,
Сошёл он со счастливого
пути бессмертных
В мир поиска и тяжкого труда,
в мир горя и надежды,
В места, где смерть играет
на качелях с жизнью.
Проникнув сквозь неощутимую
границу области души
Он из Ума прошёл
в материальный мир,
И оказался посреди
изобретений неосознаваемого
Внутреннего "Я",

And the workings of a blind
 somnambulist Force.
 Below him circling burned the
 myriad suns:
 He bore the ripples of the etheric
 sea;
 A primal Air brought the first joy
 of touch;
 A secret Spirit drew its mighty
 breath
 Contracting and expanding this
 huge world
 In its formidable circuit through
 the Void;
 The secret might of the creative
 Fire
 Displayed its triple power to build
 and form,
 Its infinitesimal wave-sparks'
 weaving dance,
 Its nebulous units grounding shape
 and mass,
 Magic foundation and pattern of a
 world,
 Its radiance bursting into the light
 of stars;
 He felt a sap of life, a sap of death;

 Into solid Matter's dense
 communion
 Plunging and its obscure oneness
 of forms
 He shared with a dumb Spirit
 identity.
 He beheld the cosmic Being at his
 task,
 His eyes measured the spaces,
 gauged the depths,
 His inner gaze the movements of
 the soul,
 He saw the eternal labour of the
 Gods,

Среди работ слепой
 сомнамбуличной Силы.
 Под ним, кружась, горели
 мириады солнц:
 Он ощущал пульсации
 эфирных океанов,
 И первозданный Воздух был напитан
 первой радостью касания;
 Незримый тайный Дух тянул
 своё могучее дыхание,
 То расширяя, то сжимая
 этот необъятный мир
 В своём гигантском обращении
 сквозь Пустоту;
 И тайное могущество
 творящего Огня
 Являло тройственную силу
 создавать и наделять всё формой,
 Свой ткущий танец
 бесконечно малых волн-частиц,
 Свои мельчайшие туманности,
 дающие основу облику и массе,
 Магический узор
 и основание мира,
 Своё сиянье, что взрывается
 свеченьем звёзд;
 Он ощущал сок жизни,
 ощущал сок смерти;
 Ныряя в плотное общение
 с твёрдою Материей,
 В её неясное
 единство форм,
 Он попадал в отождествление
 с безмолвным Духом.
 Он замечал, как трудится
 космическое Существо,
 Его глаза оценивали глубины
 и меряли пространства,
 А внутреннее видение наблюдало
 за движениями души,
 Он ясно видел
 вечный труд Богов,

And looked upon the life of beasts
and men.

A change now fell upon the
singer's mood,

A rapture and a pathos moved his
voice;

He sang no more of Light that
never wanes,

And oneness and pure everlasting
bliss,

He sang no more the deathless
heart of Love,

His chant was a hymn of
Ignorance and Fate.

He sang the name of Vishnu and
the birth

And joy and passion of the mystic
world,

And how the stars were made and
life began

And the mute regions stirred with
the throb of a Soul.

He sang the Inconscient and its
secret self,

Its power omnipotent knowing not
what it does,

All-shaping without will or
thought or sense,

Its blind unerring occult mystery,

And darkness yearning towards the
eternal Light,

And Love that broods within the
dim abyss

And waits the answer of the
human heart,

And death that climbs to
immortality.

И всматривался в жизнь
зверей и человека.

Однако, интонации певца
сейчас переменились,

Восторг и пафос
наполняли голос;

Он пел теперь уж не о Свете,
что не может ослабеть,

Не о единстве, не о чистом,
вечно длящемся блаженстве,

Он пел не о Любви,
не о её бессмертном сердце,

Его песнь превратилась в гимн
Неведению и Судьбе.

Он воспевал и имя Вишну,
и рождение,

И радости, и страсть
мистического мира,

О том, как сотворили звёзды,
и как зародилась жизнь,

И о движении
безмолвных регионов
в такт пульсациям Души.

Он пел о Несознании,
и о его сокрытом "я",

О всемогущей силе у него,
которая не знает, что творит,

Всё формируя без участия
воли, мысли или чувств,

И о его оккультной, безошибочной,
слепой мистерии,

О темноте, которая стремится
в вечный Свет,

И о Любви,
которая вынашивает что-то
среди неясных бездн,

И ждёт ответа
в сердце человека,

О смерти, что
взбирается к бессмертию.

He sang of the Truth that cries
from Night's blind deeps,

And the Mother-Wisdom hid in
Nature's breast

And the Idea that through her
dumbness works

And the miracle of her
transforming hands,

Of life that slumbers in the stone
and sun

And Mind subliminal in mindless
life,

And the Consciousness that wakes
in beasts and men.

He sang of the glory and marvel
still to be born,

Of Godhead throwing off at last its
veil,

Of bodies made divine and life
made bliss,

Immortal sweetness clasping
immortal might,

Heart sensing heart, thought
looking straight at thought,

And the delight when every barrier
falls,

And the transfiguration and the
ecstasy.

And as he sang the demons wept
with joy

Foreseeing the end of their long
dreadful task

And the defeat for which they
hoped in vain,

And glad release from their
self-chosen doom

Он пел об Истине,
которая вызывает
из глухих глубин Ночи,

О том, что Мудрость-Мать
скрывается в груди Природы,

И об Идее, что работает
сквозь немоту Природы,

О чуде всё преобразующих
её ладоней,

О жизни, дремлющей
в камнях и в солнце,

О подсознательном Уме
в бездумной жизни,

И о Сознании, что просыпается
в зверях и в людях.

Он пел о славе, и о чудесах,
которым только
предстоит родиться,

О Божестве, что наконец-то
сбросило покровы,

И о телах, которые становятся
божественными,

О жизни, что становится
блаженством,

И о бессмертной сладости,
собою обнимающей
бессмертное могущество,

О сердце, чувствующем сердце,
о мысли, прямо видящей
другую мысль,

О наслаждении, когда
летят прочь всякие барьеры,

О преобразовании
и об экстазе.

Пока он пел, все демоны
рыдали от восторга,

Предвидя окончание их долгой,
отвратительной задачи,

И поражение, на которое они
надеялись напрасно,

И радостный момент освобождения
от ими же и выбранной судьбы,

And return into the One from
whom they came.
He who has conquered the
Immortals' seats,
Came down to men on earth the
Man divine.
As darts a lightning streak, a glory
fell
Nearing until the rapt eyes of the sage
Looked out from luminous cloud
and, strangely limned,
His face, a beautiful mask of
antique joy,
Appearing in light descended
where arose

King Aswapati's palace to the
winds
In Madra, flowering up in delicate
stone.
There welcomed him the sage and
thoughtful king,

At his side a creature beautiful,
passionate, wise,
Aspiring like a sacrificial flame

Skyward from its earth-seat
through luminous air,
Queen-browed, the human mother
of Savitri.
There for an hour untouched by
the earth's siege
They ceased from common life
and care and sat

Inclining to the high and rhythmic
voice,
While in his measured chant the
heavenly seer

И возвращение в Единого,
откуда все они пришли.
Нарада, некогда завоевавший
место средь Бессмертных,
Спускался к людям на земле
как Человек божественный.
Подобно молнии
летела слава, приближаясь,
Пока восторженные очи мудреца
Не глянули из светлых облаков,
и странным образом обрисовалось
Его лицо, прекрасной маской
древней радости,
И появилось в свете,
направлявшемся туда,
где поднимались
Навстречу ветрам,
дующим над Мадрой —
Дворцовые палаты Ашвапати,
расцветая в нежном камне.
Там принимал его
мудрец и умный царь,
и на его дворцовой половине —
Прекрасное создание —
страстная и мудрая,
И устремлённая,
как жертвенное пламя,
к небесам,
Со своего земного трона,
сквозь сверкавший воздух,
Земная, человеческая мать Савитри,
с царственным челом.
И там на час,
не тронутый осадой земли,
Отвлёкшись от
обычной жизни и забот,
они сидели,
Настроившись на тот
высокий и ритмичный голос,
Пока в своём
размеренном повествовании,
провидец из небес,

Spoke of the toils of men and what
the gods

Strive for on earth, and joy that
throbs behind

The marvel and the mystery of pain.
He sang to them of the lotus-heart
of love

With all its thousand luminous
buds of truth,

Which quivering sleeps veiled by
apparent things.

It trembles at each touch, it strives
to wake

And one day it shall hear a blissful
voice

And in the garden of the Spouse
shall bloom

When she is seized by her
discovered lord.

A mighty shuddering coil of
ecstasy

Crept through the deep heart of the
universe.

Out of her Matter's stupor, her
mind's dreams,

She woke, she looked upon God's
unveiled face.

Even as he sang and rapture stole
through earth-time

And caught the heavens, came
with a call of hooves,

As of her swift heart hastening,
Savitri;

Her radiant tread glimmered across
the floor.

A happy wonder in her fathomless
gaze,

Пел о трудах людей,
о цели, для которой боги

Сражаются за землю,
и пел о радости,
которая пульсирует

За чудом и мистерией страдания.

Он пел для них
о сердце-лотосе любви,

О тысяче его сияющих
бутонов истины,

Что, спят, трепещущие,
скрытые проявленным.

Оно дрожит от каждого касания,
старается проснуться,

И будет день, когда
оно услышит, наконец,

Блаженный голос,
и расцветёт в саду Супруги,

Когда та будет поймана
её нашедшим господином.

Могучая, дрожащая
спираль экстаза

Скользила тихо по глубокой
сердцевине мира.

И выйдя из оцепенения Материи,
из грёзы своего ума,

Она проснулась,
бросила свой взгляд
на неприкрытый лик Всевышнего.

Пока он пел, и сквозь земное время
проникал восторг,

Притягивая небеса,
со звонким цокотом копыт,

Спешаших, словно отбивая
быстрый пульс,
приехала Савитри;

Блеснула по полу
её лучистая походка.

Бездонный взгляд сиял
счастливым чудом,

Changed by the halo of her love
she came;
Her eyes rich with a shining mist
of joy
As one who comes from a
heavenly embassy
Discharging the proud mission of
her heart,
One carrying the sanction of the
gods
To her love and its luminous
eternity,
She stood before her mighty
father's throne
And, eager for beauty on
discovered earth
Transformed and new in her
heart's miracle-light,

Saw like a rose of marvel,
worshipping,
The fire-tinged sweetness of the
son of Heaven.
He flung on her his vast immortal
look;
His inner gaze surrounded her with
its light
And reining back knowledge from
his immortal lips
He cried to her, "Who is this that
comes, the bride,
The flame-born, and round her
illumined head
Pouring their lights her hymeneal
pomps
Move flashing about her? From what
green glimmer of glades
Retreating into dewy silences

Or half-seen verge of waters
moon-betrayed

Она пришла, преобразившись
ореолом встреченной любви;
Глаза — полны
сияющим туманом радости,
Как если бы она явилась
из небесного посольства,
Исполнив славное
возвышенное дело сердца,
И принесла оттуда
санкцию богов
И на свою любовь,
и на её светящуюся вечность,
Встав перед троном
своего могучего отца,
Наполненная устремленьем к красоте,
открытой ею на земле,
Преображённая и новая,
в волшебном свете
собственного сердца,
Она смотрела, поклонившись,
словно роза чуда,
Окрашенная огненным оттенком,
сладость сыновей Небес.
Нарада кинул на неё
широкий вечный взгляд;
Он окружил её лучами
внутреннего виденья
И сдерживая знанье
на своих устах бессмертного,
Вскричал, "Да кто же это,
что пришла, невеста,
Рождённая от пламени,
с чьей озарённой головы
Распространяя свет, летит,
сверкая, брачное великолепие?
Откуда, из каких
сиявших зеленью полян,
Что удаляются
в росистые безмолвия,
Иль из едва заметных
водных берегов,
которых выдает луна,

Bringst thou this glory of
enchanted eyes?
Earth has gold-hued expanses,
shadowy hills
That cowl their dreaming phantom
heads in night,

And, guarded in a cloistral joy of
woods,
Screened banks sink down into
felicity

Seized by the curved incessant
yearning hands
And ripple-passion of the upgazing
stream:
Amid cool-lipped murmurs of its
pure embrace
They lose their souls on beds of
trembling reeds.
And all these are mysterious
presences
In which some spirit's immortal
bliss is felt,
And they betray the earth-born
heart to joy.

There hast thou paused, and
marvelling borne eyes
Unknown, or heard a voice that
forced thy life
To strain its rapture through thy
listening soul?
Or, if my thought could trust this
shimmering gaze,

It would say thou hast not drunk
from an earthly cup,
But stepping through azure
curtains of the noon
Thou wast surrounded on a magic
verge

Несёшь ты славу
очарованного взора?
Есть на земле окрашенные в золото
просторы и тенистые холмы,
Что ночью укрывают капюшонами
свои мечтающие
призрачные головы
И, охраняемые
в монастырской радости лесов,
И скрытых берегов,
всё глубже утопающих
в блаженстве,
Охваченные непрерывными изгибами
стремящихся ладоней
И страстной рябью
вверх смотрящего потока:
Среди прохладных губ
журчащего и чистого его объятия
Они теряют души
в ложе трепетного тростника.
Там всё —
присутствие мистического,
В котором ощущается какое-то
бессмертное блаженство духа,
Которому они отдали сердце,
рождённое землёй
для наслаждения.
Ты там остановилась, изумляясь,
чувствуя неведомые взгляды
Или слышала, вдруг, голос,
покоривший жизнь,
И чей восторг проник
в твою внимающую душу?
Иль, если б мысль моя
могла довериться
твоим сияющим глазам,
Она сказала бы, что ты пила
не из земного кубка,
И что, шагнув
за голубые занавеси полдня,
Ты оказалась в окружении,
на магическом краю

In brighter countries than man's
eyes can bear.

Assailed by trooping voices of
delight

And seized mid a sunlit glamour of
the boughs

In faery woods, led down the
gleaming slopes

Of Gandhamadan where the
Apsaras roam,

Thy limbs have shared the sports
which none has seen,

And in god-haunts thy human
footsteps strayed,

Thy mortal bosom quivered with
god-speech

And thy soul answered to a Word
unknown.

What feet of gods, what ravishing
flutes of heaven

Have thrilled high melodies round,
from near and far

Approaching through the soft and
revelling air,

Which still surprised thou hearest?
They have fed

Thy silence on some red
strange-ecstasied fruit

And thou hast trod the dim
moon-peaks of bliss.

Reveal, O winged with light,
whence thou hast flown

Hastening bright-hued through the
green tangled earth,

И в странах, ярче чем
способен вынести
взгляд человека.

Там, атакованная хором
голосов восторга,

И схваченная средь очарованья
солнечных ветвей,

В волшебных, феерических лесах,
сбегающих по светлым склонам
Гандхамадана,

Где бродят
тут и там Апсары,

Ты испытала развлечения,
что никогда никто не ощущал,

И может, человеческой ногою
шагнула ты в убежище богов,

Твоя грудь смертной трепетала,
слыша речи бога,

Что заставляли душу отвечать
неведомому Слову.

Какие же стопы богов,
какие же небесные
чарующие флейты

Наполнили вибрацией
возвышенных мелодий
всё вокруг,

И рядом, и вдали,
проникнув через нежную
пирующую атмосферу,

Что, поражённая,
ты слышишь это до сих пор?

Они молчание твоё
вскормили алыми плодами
странного экстаза

И ты ступила на туманящие
лунные вершины
гор блаженства.

Открой, о светом окрылённая,
откуда прилетел,

Весь в ярких красках, поспешая
сквозь зелёные земные чащи,

Thy body rhythmical with the
 spring-bird's call.
 The empty roses of thy hands are
 filled
 Only with their own beauty and
 the thrill
 Of a remembered clasp, and in
 thee glows
 A heavenly jar, thy firm
 deep-honied heart,
 New-brimming with a sweet and
 nectarous wine.
 Thou hast not spoken with the
 kings of pain.
 Life's perilous music rings yet to
 thy ear
 Far-melodied, rapid and grand, a
 Centaur's song,

 Or soft as water plashing mid the
 hills,
 Or mighty as a great chant of
 many winds.

 Moon-bright thou livest in thy
 inner bliss.
 Thou comest like a silver deer
 through groves
 Of coral flowers and buds of
 glowing dreams,
 Or fleest like a wind-goddess
 through leaves,
 Or roamst, O ruby-eyed and
 snow-winged dove,
 Flitting through thickets of thy
 pure desires
 In the unwounded beauty of thy
 soul.
 These things are only images to
 thy earth,
 But truest truth of that which in
 thee sleeps.

Твой стан, чей ритм похож
 на зов весенней птицы.
 Пустые розы рук твоих
 сейчас полны
 Лишь собственной красотой
 и трепетом воспоминания объятий,
 В тебе пылает,
 как сосуд небес,
 Решительное сердце,
 сладкое, как мёд,
 Вновь наполняясь до краёв
 нектарной сладостью вина.
 Ты говорила
 не с владыками страдания.
 Опасное звучанье жизни
 до сих пор звенит в твоих ушах,
 То мелодичное, далёкое,
 а то великое и быстрое,
 как песнь Кентавра,
 То нежное, как плеск воды,
 журчащей средь холмов,
 А то могучее,
 как громкий голос
 множества ветров.
 О светло-лунная, ты вся живёшь
 во внутреннем блаженстве.
 Ты — то проходишь,
 как серебряный олень,
 По рощам из коралловых цветов,
 бутонов ярких грёз,
 То пролетаешь как богиня ветра
 сквозь листву,
 То странствуешь, о ясноглазый,
 снежнокрылый голубь,
 Скользя по рощам
 чистого желания
 В неузвлённой красоте
 своей души.
 Всё это только образы
 твоей земли,
 Но также суть той истины,
 что спит в тебе.

For such is thy spirit, a sister of the
gods,

Thy earthly body lovely to the
eyes

And thou art kin in joy to heaven's
sons.

O thou who hast come to this great
perilous world

Now only seen through the
splendour of thy dreams,

Where hardly love and beauty can
live safe,

Thyself a being dangerously great,

A soul alone in a golden house of
thought

Has lived walled in by the safety
of thy dreams.

On heights of happiness leaving
doom asleep

Who hunts unseen the unconscious
lives of men,

If thy heart could live locked in the
ideal's gold,

As high, as happy might thy
waking be!

If for all time doom could be left
to sleep!"

He spoke but held his knowledge
back from words.

As a cloud plays with lightnings'
vivid laugh,

But still holds back the thunder in
its heart,

Only he let bright images escape.

Таков твой дух,

сестра богов,

Твоё земное тело,

улаждающее глаз,

и ты сама

По радости приблизились

к сынам небес.

О ты, что появилась в этом

в большом опасном мире,

Который видишь ты сейчас

лишь сквозь великолеплёе грёз,

Мир, где любовь и красота

едва ли могут быть

укрыты в безопасности,

Ты — существо опасно,

угрожающе великое,

До сей поры жила,

как одинокая душа

в прекрасном доме мысли,

Что обнесён был

безопасными мечтами.

О если б на вершинах счастья,

оставляя спящим рок,

Который здесь невидимо охотится

за неосознающей

жизнью человека,

Закрывшись в золото

прекрасного и идеального,

смогло бы сердце жить твоё,

Каким высоким и каким счастливым

было б пробуждение!

О если б рок всегда

мог оставаться спящим!"

Он говорил, но прятал
знание в слова.

Как облако, которое играет
с ярким смехом молнии,

Но до поры удерживает
в сердце гром;

Он только светлым образам
позволил выйти.

His speech like glimmering music
veiled his thoughts;
As a wind flatters the bright
summer air,

Pitiful to mortals, only to them it
spoke
Of living beauty and of present
bliss:
He hid in his all-knowing mind the
rest.
To those who hearkened to his
celestial voice,
The veil heaven's pity throws on
future pain

The Immortals' sanction seemed of
endless joy.
But Aswapati answered to the
seer; -
His listening mind had marked the
dubious close,
An ominous shadow felt behind
the words,
But calm like one who ever sits
facing Fate

Here mid the dangerous contours
of earth's life,
He answered covert thought with
guarded speech:
"O deathless sage who knowest all
things here,

If I could read by the ray of my
own wish
Through the carved shield of
symbol images
Which thou hast thrown before thy
heavenly mind
I might see the steps of a young
godlike life

И речь его, сверкая музыкой,
скрывала мысли;
Она как бриз, ласкавший
освещённый солнцем
летний воздух,
Из сострадания к смертным
говорила лишь
О красоте живого,
о блаженстве в настоящем:
Он скрыл в своём всезнающем уме
всё остальное.
И слушавшим его
небесный голос,
Кому на будущее горе
сострадание небес
набросило вуаль,
Поддержка, одобрение Бессмертного
казались бесконечной радостью.
Но Ашвапати
отвечал провидцу; —
Его внимательно следящий ум
заметил скрытую двусмысленность,
Он ощутил за этими словами
угрожающую тень,
Но полный хладнокровия,
кто постоянно выдержан,
встречая лик Судьбы
Средь контуров земной
опасной жизни,
Он отвечал, за осторожной речью
маскируя мысль:
"О ты, бессмертный,
видящий мудрец,
который знает всё,
О если б я мог прочитать
лучом желания
Через изящную завесу
символов-видений,
Что ты раскинул пред своим
божественным умом,
Я мог бы видеть шаг
богоподобной юной жизни

Happily beginning luminous-eyed
on earth;
Between the Unknowable and the
Unseen
Born on the borders of two
wonder-worlds,
It flames out symbols of the
infinite
And lives in a great light of inner
suns.
For it has read and broken the
wizard seals;
It has drunk of the Immortal's
wells of joy,
It has looked across the jewel bars
of heaven,
It has entered the aspiring Secrecy,

It sees beyond terrestrial common
things
And communes with the Powers
that build the worlds,
Till through the shining gates and
mystic streets
Of the city of lapis lazuli and pearl

Proud deeds step forth, a rank and
march of gods.
Although in pauses of our human
lives
Earth keeps for man some short
and perfect hours

When the inconstant tread of Time
can seem
The eternal moment which the
deathless live,
Yet rare that touch upon the
mortal's world:
Hardly a soul and body here are
born

Что началась счастливо,
с ясным взором, на земле;
Между Незримым
и Непознаваемым,
Родившись на границе
этих двух миров чудес,
Она пылает символами
бесконечного,
Живёт в великом свете
внутренних светил.
Она уже и прочитала, и сломала
все волшебные печати:
Она пила из родников
веселья, радости Бессмертных,
И заглянула
за алмазные засовы неба,
Она уже вошла
в стремящуюся Тайну,
И видит за пределами
обыденных земных вещей,
И разговаривает с Силами,
что создают миры,
Пока сияющими,
яркими вратами,
Мистическими улицами города
из жемчуга и лазурита
Идут вперёд рядами гордые дела,
чеканя марш богов.
Хотя во время пауз
нашей жизни
Земля хранит для человека
несколько часов,
коротких, совершенных,
Когда непостоянное движение Времени
нам может показаться
Тем вечным мигом,
где живёт бессмертное,
Но всё же редко то прикосновение
для мира смертных:
Душа и тело здесь
рождаются с трудом

In the fierce difficult movement of
the stars,
Whose life can keep the paradisaal
note,
Its rhythm repeat the many-toned
melody
Tirelessly throbbing through the
rapturous air
Caught in the song that sways the
Apsara's limbs

When she floats gleaming like a
cloud of light,
A wave of joy on heaven's
moonstone floor.
Behold this image cast by light and
love,

A stanza of the ardour of the gods
Perfectly rhymed, a pillared ripple
of gold!

Her body like a brimmed pitcher
of delight
Shaped in a splendour of
gold-coloured bronze
As if to seize earth's truth of
hidden bliss.
Dream-made illumined mirrors are
her eyes

Draped subtly in a slumbrous
fringe of jet,
Retaining heaven's reflections in
their depths.
Even as her body, such is she
within.
Heaven's lustrous mornings
gloriously recur,
Like drops of fire upon a silver
page,

В тяжёлом и неистовом
движеньи звёзд,
Их жизнь способна
сохранить звучанье рая,
Их ритмы — повторять
многоголосую мелодию,
Что неустанно бьётся
сквозь восторженную атмосферу
Ухваченную в песне,
под которую
качает телеса Апсара,
Когда она плывёт, мерцая,
словно облако из света,
Волною радости
на лунно-каменном полу небес.
Взгляни на этот образ,
созданный лучами света
и любовью,
Взгляни на эту строфу
пылкости богов,
Срифмованную в совершенстве,
подобную колонне
из струящегося золота!
Её фигура, как сосуд,
до края наполняемый восторгом,
Отлитая в великолепье
золотистой бронзы,
Как будто воплощает истину земли
о скрытом в ней блаженстве.
Мечтою сотворённые,
всё озаряющие зеркала,
её глаза,
С тончайшей драпировкой
из дремотной бахромы агата,
Хранят и отражают небеса
в своих глубинах.
И так же, как и тело у неё —
она прекрасна и внутри.
Небесные сияющие утра
славно повторились,
Как огненные капли
на серебряном листе

In her young spirit yet untouched
with tears.

All beautiful things eternal seem
and new

To virgin wonder in her crystal
soul.

The unchanging blue reveals its
spacious thought;

Marvellous the moon floats on
through wondering skies;

Earth's flowers spring up and
laugh at time and death;

The charmed mutations of the
enchanter life

Race like bright children past the
smiling hours.

If but this joy of life could last, nor
pain

Throw its bronze note into her
rhythmed days!

Behold her, singer with the
prescient gaze,

And let thy blessing chant that this
fair child

Shall pour the nectar of a
sorrowless life

Around her from her lucid heart of
love,

Heal with her bliss the tired breast
of earth

And cast like a happy snare
felicity.

As grows the great and golden
bounteous tree

Flowering by Alacananda's
murmuring waves,

Where with enamoured speed the
waters run

В её душе, пока что юной
и не знавшей слёз.

И всё прекрасное ей видится
как вечное и новое

Для девственного удивления
в прозрачной, как кристалл, душе.

Нетронутая синева
открыла широту

простора мысли;

По удивляющимся небесам
плывёт чудесный месяц;

Цветы земли выходят
и подсмеиваются

над временем и смертью;

Пленяющие перемены
чародейки жизни

Спешат весёлой ребятиной
по улыбающимся им часам.

О если б только эта радость жизни
могла бы продолжаться,
а страдание

Не добавляло бронзовую ноту
в ритм её весёлых дней!

Взгляни же на неё, певец,
своим предвидящим
небесным взором,

И пусть твоё благословенье пропоёт,
что это славное дитя

Прольёт нектар безгорестной
и беспечальной жизни

Вокруг себя

из ясного и любящего сердца,

Своим блаженством исцелит
измученную грудь земли,

Набросив счастье на неё,
как сети радости.

И как растёт прекрасное,
обильное большое дерево,

И расцветает у журчащих волн
Алакананды,

Где с быстротой влюблённого
бежит вода,

Lisping and babbling to the
splendour of morn
And cling with lyric laughter
round the knees
Of heaven's daughters dripping
magic rain
Pearl-bright from moon-gold limbs
and cloudy hair,
So are her dawns like jewelled
leaves of light,
So casts she her felicity on men.

A flame of radiant happiness she
was born
And surely will that flame set earth
alight:
Doom surely will see her pass and
say no word!

But too often here the careless
Mother leaves
Her chosen in the envious hands of
Fate:
The harp of God falls mute, its call
to bliss
Discouraged fails mid earth's
unhappy sounds;
The strings of the siren Ecstasy cry
not here
Or soon are silenced in the human
heart.
Of sorrow's songs we have
enough: bid once
Her glad and griefless days bring
heaven here.
Or must fire always test the great
of soul?

Along the dreadful causeway of
the Gods,
Armoured with love and faith and
sacred joy,

И шелестят и пузырятся
для великолепей утра,
И с поэтичным смехом обвиваются
вокруг коленей дочерей небес,
И проливаются
магическим дождём
Жемчужин с лунно-золотого тела
и пушистых, словно облако, волос,
Пускай её рассветы будут
драгоценною листвою света,
И пусть она бросает на людей
свет радости своей.
Она родилась в пламени
сияющего счастья
И, несомненно, это пламя
может озарить всю землю:
И, несомненно, тяжкий рок,
увидев, как она идёт,
не скажет ей ни слова!

Однако слишком часто
беззаботная Божественная Мать
Свой выбор отдаёт
завистливым рукам Судьбы:
Смолкает арфа Бога
и её призыв к блаженству
Обескураженно стихает
среди несчастных голосов земли;
Смычки сирен Экстаза
больше не вызывают,
Иль вскорости смолкают
в сердце человека.
О боли песен было здесь достаточно:
когда-то званые
Её весёлые, безгорестные дни
несут к нам небеса.
Иль всё-таки огонь
всё время должен проверять
величие души?
По длинной грозной
мостовой Богов,
С защитой из любви,
священной радости и веры

A traveller to the Eternal's house,
Once let unwounded pass a mortal
life."
But Narad answered not; silent he
sat,
Knowing that words are vain and
Fate is lord.
He looked into the unseen with
seeing eyes,
Then, dallying with the mortal's
ignorance
Like one who knows not,
questioning, he cried:
"On what high mission went her
hastening wheels?

Whence came she with this glory
in her heart
And Paradise made visible in her
eyes?
What sudden God has met, what
face supreme?"
To whom the king, "The red asoca
watched

Her going forth which now sees
her return.

Arisen into an air of flaming dawn

Like a bright bird tired of her
lonely branch,
To find her own lord, since to her
on earth

He came not yet, this sweetness
wandered forth
Cleaving her way with the beat of
her rapid wings.

Идёт неутомимый путник
к дому Вечного;
Пускай хоть раз он неизраненным
пройдёт по смертной жизни."
Нарада не ответил;
молча он сидел,
Он знал — слова напрасны,
и Судьба здесь господин.
Он взором видящего вглядывался
в глубину незримого.
Затем, играючи
с неведением смертных,
И словно бы не зная,
вопрошая, он вскричал:
"С какой же миссией высокой
так поспешали
эти быстрые колёса?
Откуда же приехала она,
с такою славой в сердце,
И Раем, ставшим видимым
в её глазах?
Какого неожиданного Бога встретила,
какой высокий лик?"
Затем к ней обратился царь,
"Та красная ашока,
которая когда-то наблюдала,
Как вдаль ты устремилась,
видела сейчас
как ты вернулась.
Поднявшись в воздух
пламенной зари
Подобно яркой птице,
что устав от одинокой ветки,
Летит найти себе
супруга, господина,
Поскольку на земле
он к ней пока что не пришёл,
Вся эта сладость
унеслась вперёд,
Путь рассекая взмахами
могучих быстрых крыльев.

Led by a distant call her vague
swift flight

Threaded the summer morns and
sunlit lands.

The happy rest her burdened
lashes keep

And these charmed guardian lips
hold treasured still.

Virgin who comest perfected by
joy,

Reveal the name thy sudden
heart-beats learned.

Whom hast thou chosen, kingliest
among men?"

And Savitri answered with her still
calm voice

As one who speaks beneath the
eyes of Fate:

"Father and king, I have carried
out thy will.

One whom I sought I found in
distant lands;

I have obeyed my heart, I have
heard its call.

On the borders of a dreaming
wilderness

Mid Shalwa's giant hills and
brooding woods

In his thatched hermitage
Dyumatsena dwells,

Blind, exiled, outcast, once a
mighty king.

The son of Dyumatsena, Satyavan,

I have met on the wild forest's
lonely verge.

Её неуловимый и
стремительный полёт,
притянутый далёким зовом,

Пронзал — то летнюю зарю,
то залитые солнцем страны.

Её ресницы, помнящие нечто,
несут ещё счастливый отдых,

Её очаровательные стражи-губы
ещё хранят сокровище.

О дева, что пришла,
от радости став совершенной,

Скажи нам имя,
что тебе открылось
по внезапному биению сердца.

Кого ты выбрала,
о царственная средь людей?"

Савитри отвечала
тихим и спокойным голосом,

Как будто говорила
пред лицом Судьбы:

"Отец и царь,
я выполнила вашу волю.

В далёких странах
я нашла, кого искала;

Я подчинилась сердцу,
я слышала его призыв.

Вдали отсюда, на краю
дремотных диких мест,

Среди гигантских
горных пиков Шалвы
и задумчивых лесов,

В соломенном жилище,
как отшельник,
проживает Дьюматсена,

Отверженный, слепой и изгнанный,
когда-то — сильный царь.

Там сына Дьюматсены,
Сатьявана

Я встретила в уединённом месте
дикого большого леса.

My father, I have chosen. This is
done."

Astonished, all sat silent for a
space.

Then Aswapati looked within and
saw

A heavy shadow float above the
name

Chased by a sudden and
stupendous light;

He looked into his daughter's eyes
and spoke:

"Well hast thou done and I
approve thy choice.

If this is all, then all is surely well;

If there is more, then all can still
be well.

Whether it seem good or evil to
men's eyes,

Only for good the secret Will can
work.

Our destiny is written in double
terms:

Through Nature's contraries we
draw nearer God;

Out of the darkness we still grow
to light.

Death is our road to immortality.

`Cry woe, cry woe,' the world's
lost voices wail,

Yet conquers the eternal Good at
last."

Then might the sage have spoken,
but the king

О мой отец,
я сделала свой выбор.
Это совершилось."

Все, поражённые,
сидели молча.

Затем царь Ашвапати
свой взгляд направил внутрь,
и там увидел, как

Тяжёлая большая тень
плывёт над этим именем,

И как её преследует
внезапный, коллосальный свет;

Он посмотрел в глаза
любимой дочери и произнёс:

"Ты сделала всё хорошо,
я одобряю этот выбор.

И если это всё, то несомненно,
будет всё прекрасно;

И если что-то есть ещё,
тогда всё может
стать прекрасным.

Неважно, кажется ли что-то
добрым или нет
для взгляда человека,

Невидимая потайная Воля
может действовать
лишь для добра.

Людские наши судьбы
пишутся в двойных понятиях,

И через противоположности Природы
нас тянет ближе к Богу;

Из темноты мы всё же
вырастаем в свет.

Смерть — это только путь
к бессмертию.

'О горе нам, о горе нам', —
оплакивают голоса
потерю мира,

И в то же время завоёвывают
вечный Дар в конце концов."

Потом хотел в ответ
сказать мудрец,

In haste broke out and stayed the
dangerous word:

"O singer of the ultimate ecstasy,

Lend not a dangerous vision to the
blind

Because by native right thou hast
seen clear.

Impose not on the mortal's
tremulous breast

The dire ordeal that foreknowledge
brings;

Demand not now the Godhead in
our acts.

Here are not happy peaks the
heaven-nymphs roam

Or Coilas or Vaicountha's starry
stair:

Abrupt, jagged hills only the
mighty climb

Are here where few dare even
think to rise;

Far voices call down from the
dizzy rocks,

Chill, slippery, precipitous are the
paths.

Too hard the gods are with man's
fragile race;

In their large heavens they dwell
exempt from Fate

And they forget the wounded feet
of man,

His limbs that faint beneath the
whips of grief,

His heart that hears the tread of
time and death.

The future's road is hid from
mortal sight:

Но царь прервал его,
спеша остановить
опасные слова:

"О наш певец
предельного экстаза,

Не наделяй опасным виденьем
слепого,

Ты от природы видишь всё
яснее нас.

Не налагай же
на дрожащую грудь смертного

Тех страшных испытаний,
что несёт предвиденье;

Не заставляй сейчас
нас поступать как Боги.

Здесь нет счастливых гор,
и нет гуляющих небесных нимф,

Здесь нет ни Койласа,
ни звёздной лестницы Вайконты:

Лишь острые зазубренные склоны,
да могучие утёсы,

Взбираться по которым
мало кто способен
даже в мыслях;

Далёкие неведомые голоса
взывают с головокружительных
опасных скал,

Обрывисты, холодны,
скользки те пути.

И слишком строги боги
с хрупкой расой человека;

В своих широких небесах
они свободны от Судьбы,

И забывают
об израненых ногах людей,

О теле, что слабеет
под плетями горя,

О сердце, что здесь слышит
поступь времени и смерти.

Путь будущего скрыт
от взгляда смертного:

He moves towards a veiled and
secret face.

To light one step in front is all his
hope

And only for a little strength he
asks

To meet the riddle of his shrouded
fate.

Awaited by a vague and half-seen
force,

Aware of danger to his uncertain
hours

He guards his flickering yearnings
from her breath;

He feels not when the dreadful
fingers close

Around him with the grasp none
can elude.

If thou canst loose her grip, then
only speak.

Perhaps from the iron snare there
is escape:

Our mind perhaps deceives us with
its words

And gives the name of doom to
our own choice;

Perhaps the blindness of our will is
Fate."

He said and Narad answered not
the king.

But now the queen alarmed lifted
her voice:

"O seer, thy bright arrival has been
timed

To this high moment of a happy
life;

Он движется, стремясь увидеть
скрытый тайный лик.

И вся его надежда —
осветить лишь шаг
перед собой,

И лишь о малых силах
просит он

Чтоб встретиться с загадкой
скрытой пеленой судьбы.

И поджидаемый неясным,
еле видимым могуществом,

И зная об опасности,
грозящий ненадёжным дням,

Он бережёт свои
трепещущие устремленья
от её дыхания;

И он не чувствует когда
ужаснейшие пальцы

Смыкаются вокруг,
в той хватке, от которой
никому не убежать.

И если можешь ты
разжать её тиски,
тогда — лишь намекни.

Возможно, из железного капкана
есть какой-то выход.

Возможно, ум обманывает нас
своими фразами,

И собственный наш выбор
называет именем судьбы;

Возможно, что Судьба —
лишь слепота, неведение
нашей воли."

Сказал он, но Нарада
не ответил ничего царю.

И в тот момент, встревожившись,
царица подала свой голос:

"Провидец,
светлый твой приход

Пришёлся на высокое мгновение
счастливой жизни;

Then let the speech benign of
griefless spheres
Confirm this blithe conjunction of
two stars

And sanction joy with thy celestial
voice.

Here drag not in the peril of our
thoughts,

Let not our words create the doom
they fear.

Here is no cause for dread, no
chance for grief

To raise her ominous head and
stare at love.

A single spirit in a multitude,

Happy is Satyavan mid earthly
men

Whom Savitri has chosen for her
mate,

And fortunate the forest hermitage

Where leaving her palace and
riches and a throne

My Savitri will dwell and bring in
heaven.

Then let thy blessing put the
immortals' seal

On these bright lives' unstained
felicity

Pushing the ominous Shadow from
their days.

Too heavy falls a Shadow on
man's heart;

It dares not be too happy upon
earth.

It dreads the blow dogging too
vivid joys,

Так пусть же добрые слова
из сфер, не ведающих горя,
Поддержат радостный союз
двух звёзд,

Твоим небесным голосом
одобряют наше счастье.

Не стоит здесь притягивать
к опасностям и бедам
наши мысли,

Не будем позволять словам
творить тот рок,
которого они боятся.

Здесь нет причин для страха,
и у горя нет возможности
Подняться и сверлить
зловещим взглядом их любовь.

Единый дух живёт
во множестве созданий,

И счастлив Сатьяван
среди людей земли,

Кого Савитри
выбрала себе в супруги,

Удача посетила хижину
отшельника в лесу

Там, где оставив свой дворец,
богатства, трон,

Моя Савитри будет жить
и здравствовать под небесами.

Так пусть твоё благословенье ляжет,
как печать бессмертного,

На незапятнанное счастье
этих ярких жизней,

Отбросив злую Тень
от их грядущих дней.

Уж слишком тяжко
падает та Тень
на сердце человека;

Оно не смеет становиться
чересчур счастливым на земле.

Оно страшится тех ударов,
что идут за слишком
яркой радостью,

A lash unseen in Fate's extended
hand,
The danger lurking in fortune's
proud extremes,
An irony in life's indulgent smile,

And trembles at the laughter of the
gods.
Or if crouches unseen a panther
doom,

If wings of Evil brood above that
house,
Then also speak, that we may turn
aside

And rescue our lives from hazard
of wayside doom

And chance entanglement of an
alien fate."
And Narad slowly answered to the
queen:
"What help is in prevision to the
driven?
Safe doors cry opening near, the
doomed pass on.

A future knowledge is an added
pain,
A torturing burden and a fruitless
light
On the enormous scene that Fate
has built.
The eternal poet, universal Mind,

Has paged each line of his imperial
act;

Invisible the giant actors tread

Незримого бича
в протянутой руке Судьбы,
Опасности, скрываемой
за горделивой крайностью удачи,
Иронии, за снисходительной
усмешкой жизни,
Оно трепещет, если слышит
смех богов.
Но если где-то есть
припавшая к земле,
незримая пантера рока,
И если вдруг над этим домом
нависают крылья Зла,
Тогда скажи нам,
чтобы мы могли свернуть
в другую сторону,
И жизни наши уберечь
от роковой опасности,
что поджидает на обочине,
И от случайной вовлеченности
в чужую нам судьбу."
Нарада медленно
царице отвечал:
Какая польза от предвиденья
тому, кем управляют?
Надёжные ворота визжат,
когда их открывают,
И то, что суждено —
проходит в них.
И знание о будущем —
лишь дополнительная боль,
Мучительная ноша
и бесплодный свет
На той огромной сцене,
что построила Судьба.
Поэт из вечности,
вселенский Ум,
Проставил номер
перед каждой строчкой
своего высокого спектакля;
Незрима поступь
тех гигантских игроков,

And man lives like some secret
 player's mask.
 He knows not even what his lips
 shall speak.
 For a mysterious Power compels
 his steps
 And life is stronger than his
 trembling soul.
 None can refuse what the stark
 Force demands:
 Her eyes are fixed upon her
 mighty aim;
 No cry or prayer can turn her from
 her path.
 She has leaped an arrow from the
 bow of God."
 His words were theirs who live
 unforced to grieve
 And help by calm the swaying
 wheels of life

And the long restlessness of
 transient things
 And the trouble and passion of the
 unquiet world.
 As though her own bosom were
 pierced the mother saw
 The ancient human sentence strike
 her child,
 Her sweetness that deserved
 another fate
 Only a larger measure given of
 tears.
 Aspiring to the nature of the gods,

 A mind proof-armoured mailed in
 mighty thoughts,
 A will entire couchant behind
 wisdom's shield,
 Though to still heavens of
 knowledge she had risen,

А человек живет —
 как маска тайного актёра.
 И он не знает даже
 что произнесут его уста.
 Таинственная Сила
 двигает его шагами,
 И жизнь сильнее,
 чем его дрожащая душа.
 Никто не может отказаться
 от решений непреклонной Силы:
 Её глаза застыли
 на своей могучей цели:
 Ни крики, ни молитвы
 не свернут её с пути.
 Она уже пустила острую стрелу
 из лука Бога."
 Он говорил как те, кого судьба
 не вынуждает горевать,
 Кто помогает
 собственным спокойствием
 катящимся колёсам жизни
 И длительному беспокойству
 преходящего,
 Заботам и страстям
 волнений мира.
 И мать увидела внезапно,
 словно в грудь её пронзили,
 Как древний приговор
 настиг её дитя,
 А сладость, что была достойною
 другой судьбы
 Лишь повод создаёт
 для больших слёз.
 В своей природе —
 устремлённая к богам,
 С умом что защищён
 бронёю сильной мысли,
 И с волей, целиком лежащей
 за щитами мудрости,
 Хотя она и поднималась
 к молчаливым небесам познания,

Though calm and wise and
Aswapati's queen,
Human was she still and opened
her doors to grief;
The stony-eyed injustice she
accused
Of the marble godhead of
inflexible Law,
Nor sought the strength extreme
adversity brings

To lives that stand erect and front
the World-Power:
Her heart appealed against the
impartial judge,
Taxed with perversity the
impersonal One.

Her tranquil spirit she called not to
her aid,

But as a common man beneath his
load

Grows faint and breathes his pain
in ignorant words,

So now she arraigned the world's
impassive will:

"What stealthy doom has crept
across her path

Emerging from the dark forest's
sullen heart,

What evil thing stood smiling by
the way

And wore the beauty of the Shalwa
boy?

Perhaps he came an enemy from
her past

Armed with a hidden force of
ancient wrongs,

Himself unknowing, and seized
her unknown.

Here dreadfully entangled love and
hate

Хотя она была спокойна и мудра,
царица и супруга Ашвапати,
Она была ещё и человеком,
и открыла двери горю;
И осудив несправедливость
с каменным тяжёлым взглядом
Застывшего, как мрамор, божества
неколебимого и жёсткого Закона,
Она не видела того могущества,
которое приносят
крайние несчастья

Тем жизням, что встают упрямо
перед Силой Мира;
В ней сердце выступило
против беспристрастного судьи,
И обвинило в извращённости
безличного Единого.

Она не позвала себе на помощь
свой спокойный дух

А как обычный человек,
который под своею ношей

Слабеет, выражая боль
в невежественном слове,

Так и она сейчас бросала обвинение
бесстрастной воле мира:

"Так что за скрытный рок
ей переполз дорогу,

Возникнув в мрачной сердцевине
тёмной чащи леса,

И что за зло стоит и ухмыляется
на том пути,

Прикрывшись красотою
сына Шалвы?

Быть может, он пришёл
из прошлого её,

как давний враг,
Вооружённый скрытой силой
совершённых некогда проступков,

И сам не ведая, схватил её,
не ведавшую тоже.

Здесь страшно путаные
ненависть с любовью

Meet us blind wanderers mid the
perils of Time.

Our days are links of a disastrous
chain,
Necessity avenges casual steps;

Old cruelties come back
unrecognised,
The gods make use of our
forgotten deeds.
Yet all in vain the bitter law was
made.

Our own minds are the justicers of
doom.
For nothing have we learned, but
still repeat
Our stark misuse of self and
others' souls.

There are dire alchemies of the
human heart
And fallen from his ethereal
element
Love darkens to the spirit of nether
gods.

The dreadful angel, angry with his
joys
Woundingly sweet he cannot yet
forego,
Is pitiless to the soul his gaze
disarmed,
He visits with his own pangs his
quivering prey
Forcing us to cling enamoured to
his grip
As if in love with our own agony.

Встречают нас, незрячих путников,
среди опасностей
и риска Времени.

Дни наши — это
звенья роковой цепи,
И неизбежность мстит
шагами случая;
Жестокость в прошлом —
возвращается назад неузнанной,
И боги пользуются нашими
забытыми делами.
Но то, что делается этим горьким
и мучительным законом —
всё напрасно.

Судьёю рока выступает
человеческий наш ум.
Мы ничему не учимся,
а только продолжаем повторять
Неверный косный способ
обращения с самим собой
и душами другого человека.

Есть страшная алхимия
людских сердец
И, отделяясь
от своей эфирной части,
Любовь темнеет,
превращается в дух божества
на низшем плане.

Ужасный ангел, злой,
своею радостью
Наносит сладостные раны,
но не может отказаться,
Безжалостны к душе
его разоружающие взгляды,
Он посещает острой болью
трепетную жертву
И заставляет очарованно
нас лнуть в его объятия,
Как если бы мы были
влюблены в свою агонию.

This is one poignant misery in the
world,

And grief has other lassoes for our
life.

Our sympathies become our
torturers.

Strength have I my own
punishment to bear,

Knowing it just, but on this earth
perplexed,

Smitten in the sorrow of scourged
and helpless things,

Often it faints to meet other
suffering eyes.

We are not as the gods who know
not grief

And look impassive on a suffering
world,

Calm they gaze down on the little
human scene

And the short-lived passion
crossing mortal hearts.

An ancient tale of woe can move
us still,

We keep the ache of breasts that
breathe no more,

We are shaken by the sight of
human pain,

And share the miseries that others
feel.

Ours not the passionless lids that
cannot age.

Too hard for us is heaven's
indifference:

Our own tragedies are not enough
for us,

All pathos and all sufferings we
make ours;

И это лишь одно
из острых бедствий
в этом мире,

А ведь у горя есть
для нашей жизни
и другие петли.

Тот, кто нам нравится —
становится для нас мучителем.

Есть сила у меня перенести
свой рок и наказание,

Я знаю это точно,
но на этой сбитой с толку
и запутанной земле,

Которая поражена тоской бичуемых,
беспомощных существ,

Слабеет часто эта сила,
встретившись с мучением
в глазах других.

Мы не похожи на богов,
которые, не зная горя,

Бесстрастно смотрят
на страдающую землю.

Они спокойно смотрят вниз
на маленькую сцену человека,

На страсть, что быстро протекает
через смертные сердца.

И древняя история о горе
ещё способна тронуть нас,

Мы сохраняем боль о той груди,
которая уже не дышит,

Нас потрясает зрелище
мученья, боли человека,

Мы вовлекаемся в страдания,
что чувствуют другие.

У нас нет тех бесстрастных век,
что не стареют.

И слишком тяжело для нас
бывает безразличие небес:

Своих трагедий —
недостаточно для нас,

Весь пафос, все страдания
мы делаем своими;

We have sorrow for a greatness
 passed away
 And feel the touch of tears in
 mortal things.
 Even a stranger's anguish rends my
 heart,
 And this, O Narad, is my
 well-loved child.
 Hide not from us our doom, if
 doom is ours.
 This is the worst, an unknown face
 of Fate,
 A terror ominous, mute, felt more
 than seen

 Behind our seat by day, our couch
 by night,
 A Fate lurking in the shadow of
 our hearts,
 The anguish of the unseen that
 waits to strike.
 To know is best, however hard to
 bear."
 Then cried the sage piercing the
 mother's heart,
 Forcing to steel the will of Savitri,

 His words set free the spring of
 cosmic Fate.

 The great Gods use the pain of
 human hearts

 As a sharp axe to hew their cosmic
 road:

 They squander lavishly men's
 blood and tears
 For a moment's purpose in their
 fateful work.
 This cosmic Nature's balance is
 not ours

Мы сожалеем о величии,
 которое прошло
 И в смертной жизни —
 чувствуем касанье слёз.
 Ведь даже мука посторонних
 разрывает сердце мне,
 А это, о Нарада —
 горячо любимое моё дитя.
 Не прячь от нас наш рок,
 раз стал он роком нашим,
 Ведь самое плохое —
 неизвестный лик Судьбы,
 Зловещий, молчаливый ужас,
 что не видишь,
 а скорее ощущаешь,
 За нашим креслом днём,
 за нашею кроватью ночью,
 Судьба, что прячется
 в тени людских сердец,
 И мука от незримого,
 что выжидает для удара.
 Знать — лучше, даже если
 это тяжело перенести."
 Тогда вскричал мудрец,
 пронзая сердце матери
 И заставляя закалиться
 волю у Савитри,
 Его слова освободили
 сжатую пружину,
 механизм космической Судьбы.
 Великие всевидящие Боги,
 бывает, пользуются
 болью человеческих сердец
 Как острым топором,
 чтоб прорубать
 космический свой путь:
 Они льют с щедростью
 и кровь, и слёзы человека,
 Стремясь к сиюминутной цели
 в судьбоносной их работе.
 Баланс космической Природы —
 он — не наш баланс,

Nor the mystic measure of her
need and use.

A single word lets loose vast
agencies;

A casual act determines the
world's fate.

So now he set free destiny in that
hour.

"The truth thou hast claimed;
I give to thee the truth.

A marvel of the meeting earth and
heavens

Is he whom Savitri has chosen mid
men,

His figure is the front of Nature's
march,

His single being excels the works
of Time.

A sapphire cutting from the sleep
of heaven,

Delightful is the soul of Satyavan,

A ray out of the rapturous Infinite,

A silence waking to a hymn of joy.

A divinity and kingliness gird his
brow;

His eyes keep a memory from a
world of bliss.

As brilliant as a lonely moon in
heaven,

Gentle like the sweet bud that
spring desires,

Pure like a stream that kisses silent
banks,

He takes with bright surprise spirit
and sense.

A living knot of golden Paradise,

Не наши и мистические мерки
пользы и необходимости.

Одно лишь слово
может выпустить на волю
множество посредников;

Случайные дела —
определить судьбу вселенной.

Так ныне, в этот час,
он дал свободу участи,
начертанной заранее.

"Ты хочешь истины;
я дам её тебе.

Он — чудо встречи
неба и земли —

Кого Савитри выбрала
среди людей,

Его фигура — авангард
движения Природы,

Он превосходит достижения Времени
одним лишь существом своим.

Сапфир, что вырезан
из сновидения небес,

Душа у Сатьявана —
изумительна, прекрасна,

Она как луч, что вышел
из восторга Бесконечности,

Безмолвие, что пробудилось
к гимну радости.

Божественность и царственная стать
вокруг его чела;

Его глаза хранят воспоминанья
из миров блаженства.

Сверкающий,
как одинокий месяц в небесах,

И нежный, словно сладостный бутон,
желающий раскрыться,

И чистый, как ручей,
целующий в молчаньи берега,

Он светлым удивлением
захватывает дух и чувство.

Оживший узел золотого Рая,

A blue Immense he leans to the
 longing world,
 Time's joy borrowed out of
 eternity,
 A star of splendour or a rose of
 bliss.
 In him soul and Nature, equal
 Presences,
 Balance and fuse in a wide
 harmony.
 The Happy in their bright ether
 have not hearts
 More sweet and true than this of
 mortal make
 That takes all joy as the world's
 native gift
 And to all gives joy as the world's
 natural right.
 His speech carries a light of inner
 truth,
 And a large-eyed communion with
 the Power
 In common things has made
 veiless his mind,
 A seer in earth-shapes of garbless
 deity.

 A tranquil breadth of sky windless
 and still
 Watching the world like a mind of
 unplumbed thought,

 A silent space musing and
 luminous
 Uncovered by the morning to
 delight,
 A green tangle of trees upon a
 happy hill
 Made into a murmuring nest by
 southern winds,
 These are his images and parallels,

Он наклоняет к жаждущему миру
 синеву Безмерности
 И радость Времени,
 которую берёт из вечности,
 Звезду великолепия
 и розовый бутон блаженства.
 В нём и Природа, и душа —
 как равные Присутствия,
 Уравновешены и переплавлены
 в широкую гармонию.
 И даже у Божественных Счастливых,
 в светлом их эфире, нет сердец
 Верней и сладостней,
 чем это сердце смертного,
 Которое всю радость принимает
 как естественный дар мира,
 И как естественное право мира —
 дарит радость всем.
 Его слова несут
 свет истины внутри,
 А видящее вширь
 общение с Силой
 Сняло покров с его ума
 в обычной жизни,
 И сделало его провидцем божества,
 не искажённого
 земными формами.
 Покой и широта
 безветренного неба,
 Что тихо наблюдает мир —
 сродни его уму
 неизмеримой мысли,
 Безмолвное, задумчивое,
 светлое пространство,
 Что открывает утро
 для восторга,
 Зелёное переплетение деревьев
 на счастливом склоне,
 Что южный ветер превращает
 в шелестящее гнездо,
 Всё это —
 образы его и параллели;

His kin in beauty and in depth his
peers.

A will to climb lifts a delight to
live,

Heaven's height companion of
earth-beauty's charm,

An aspiration to the immortals' air

Lain on the lap of mortal ecstasy.

His sweetness and his joy attract
all hearts

To live with his own in a glad
tenancy,

His strength is like a tower built to
reach heaven,

A godhead quarried from the
stones of life.

O loss, if death into its elements

Of which his gracious envelope
was built,

Shatter this vase before it breathes
its sweets,

As if earth could not keep too long
from heaven

A treasure thus unique loaned by
the gods,

A being so rare, of so divine a
make!

In one brief year when this bright
hour flies back

And perches careless on a branch
of Time,

This sovereign glory ends heaven
lent to earth,

This splendour vanishes from the
mortal's sky:

Его семья — равна ему
по красоте и глубине.

В нём воля подниматься
возвышает наслажденье жить,

Он близок к высоте небес
в очаровании земной красы,

В нём устремленье
к воздуху бессмертных

Ложится на колени
смертного экстаза.

Его веселье, нежность
привлекают все сердца

Жить вместе с близкими его
в счастливом доме,

В нём сила — словно башня,
построенная, чтоб добраться
до небес,

И божество, что найдено
в каменоломне жизни.

О будет горькая утрата,
если на отдельные кусочки,

Что составляют эту
замечательную вазу,

Смерть разобьет его сосуд,
не дожидаясь дуновенья
этой сладости,

Как будто не способна брэнная земля
хранить от неба слишком долго

Столь уникальное сокровище,
ей данное взаймы богами,

Такое редкостное существо,
и созданное столь божественно!

Спустя один короткий год,
когда наш светлый час
вернется к нам назад,

И легкомысленно усядется
на ветку Времени,

Та царственная слава,
данная земле с небес,
закончится,

И то великолепие —
исчезнет с небосвода смертных:

Heaven's greatness came, but was
too great to stay.

Twelve swift-winged months are
given to him and her;
This day returning Satyavan must
die."

A lightning bright and nude the
sentence fell.

But the queen cried: "Vain then
can be heaven's grace!

Heaven mocks us with the
brilliance of its gifts,

For Death is a cupbearer of the
wine

Of too brief joy held up to mortal
lips

For a passionate moment by the
careless gods.

But I reject the grace and the
mockery.

Mounting thy car go forth, O
Savitri,

And travel once more through the
peopled lands.

Alas, in the green gladness of the
woods

Thy heart has stooped to a
misleading call.

Choose once again and leave this
fated head,

Death is the gardener of this
wonder-tree;

Love's sweetness sleeps in his pale
marble hand.

Advancing in a honeyed line but
closed,

Величие небес пришло,
но оказалось чересчур великим,
чтоб остаться.

Двенадцать быстрокрылых месяцев
даны ему и ей;

Когда день этот возвратится,
Сатьяван умрёт."

Слепящей, оголённой молнией
ударил этот приговор.

И вскрикнула царица:
"Но может, не нужны
те милости небес!

Нас небо дразнит
яркостью своих даров,

Но Смерть сидит,
как виночерпий

Той слишком краткой радости,
оставленной для смертных уст,

Для мига страсти
беззаботными богами.

Но я отвергну
эту милость и насмешку.

Взбирайся в колесницу,
поезжай опять, Савитри,

И путешествуй снова
через населённые места.

Увы, среди
зелёной радости лесов

Наткнулось сердце
на обманчивый призыв.

Ещё раз сделай выбор и оставь
ту обречённую
на гибель голову.

Ты видишь, Смерть —
садовник этого чудесного
и удивительного дерева;

И сладости Любви спят
в бледно-мраморной его руке.

И если ты пойдёшь
по той медовой,
но кончающейся линии,

A little joy would buy too bitter an
end.

Plead not thy choice, for death has
made it vain.

Thy youth and radiance were not
born to lie

A casket void dropped on a
careless soil;

A choice less rare may call a
happier fate."

But Savitri answered from her
violent heart,-

Her voice was calm, her face was
fixed like steel:

"Once my heart chose and chooses
not again.

The word I have spoken can never
be erased,

It is written in the record book of God.

The truth once uttered, from the
earth's air effaced,

By mind forgotten, sounds
immortally

For ever in the memory of Time.

Once the dice fall thrown by the
hand of Fate

In an eternal moment of the gods.

My heart has sealed its troth to
Satyavan:

Its signature adverse Fate cannot
efface,

Its seal not Fate nor Death nor
Time dissolve.

Those who shall part who have
grown one being within?

За маленькую радость будет
слишком горькая расплата.

Не защищай свой выбор,
из-за смерти

он теперь напрасный.

Твой блеск и юность рождены
не для того, чтобы лежать

Пустой шкатулкой, что небрежно
брошена на землю;

И менее прекрасный выбор
может обернуться

более счастливою судьбой."

Но так ответила Савитри
из отчаянного сердца, —

Был голос у неё невозмутим,
лицо — застыло словно сталь:

"Однажды сердце выбрало моё,
и снова выбирать не станет.

И я сказала слово,
что нельзя стереть,

Его уже вписали
в летописи Бога.

Ведь истина,
однажды сказанная вслух,

Хотя потом и
растворилась в воздухе,

Забывая умом,
звучит не умирая,

И навсегда ложится
в память Времени.

Уже упали кости, брошенные
властною рукой Судьбы

В каком-то вечно существующем
мгновении богов.

И сердце у меня поставило печать
на обещании Сатьявану:

И никакая здесь враждебная Судьба
ту подпись не сотрёт,

И ту печать — ни Смерть, ни Рок,
ни Время не ломает.

Кто разлучит двоих, что стали
внутренне единым существом?

Death's grip can break our bodies,
not our souls;

If death take him, I too know how
to die.

Let Fate do with me what she will
or can;

I am stronger than death and
greater than my fate;

My love shall outlast the world,
doom falls from me

Helpless against my immortality.

Fate's law may change, but not my
spirit's will."

An adamant will, she cast her
speech like bronze.

But in the queen's mind listening
her words

Rang like the voice of a
self-chosen Doom

Denying every issue of escape.

To her own despair answer the
mother made;

As one she cried who in her heavy
heart

Labours amid the sobbing of her
hopes

To wake a note of help from
sadder strings:

"O child, in the magnificence of
thy soul

Dwelling on the border of a greater
world

And dazzled by thy superhuman
thoughts,

Thou lendst eternity to a mortal
hope.

Here on this mutable and ignorant
earth

Смерть со своею хваткой
может лишь разрушить тело,
но не душу;

И если смерть возьмёт его,
я тоже знаю как мне умереть.

И пусть Судьба со мною делает
что сможет, или что захочет;

Я знаю, я сильнее смерти,
и больше, чем моя судьба;

Моя любовь сумеет
пережить наш мир
и рок спадёт с меня,

Беспомощный, перед
моим бессмертием.

Скорей изменится закон Судьбы,
чем воля духа моего."

Несокрушимая в своём намерении,
она слова бросала словно бронзу.

Но у царицы, слушавшей ту речь,
внутри её ума

Они звенели, словно голос Рока,
что избрал себя,

И отвергает всякую возможность
для спасенья.

На собственное горе
мать дала ответ;

Она воскликнула, как тот,
кто с тяжким сердцем

Впустую бьётся средь рыдания
своих надежд,

Стараясь вызвать ноту помощи
из струн печали:

"О дочь, в великолепии
своей души,

Живущей на границе
с более великим миром,

И ослеплённая
сверхчеловеческою мыслью,

Ты смертную надежду
наделяешь вечностью.

Здесь на незнающей,
изменчивой земле

Who is the lover and who is the
friend?
All passes here, nothing remains
the same.
None is for any on this transient
globe.
He whom thou lovest now, a
stranger came
And into a far strangeness shall
depart:
His moment's part once done upon
life's stage

Which for a time was given him
from within,
To other scenes he moves and
other players
And laughs and weeps mid faces
new, unknown.
The body thou hast loved is cast
away
Amidst the brute unchanging stuff
of worlds
To indifferent mighty Nature and
becomes
Crude matter for the joy of others'
lives.
But for our souls, upon the wheel
of God
For ever turning, they arrive and
go,
Married and sundered in the magic
round
Of the great Dancer of the
boundless dance.
Our emotions are but high and
dying notes
Of his wild music changed
compellingly
By the passionate movements of a
seeking Heart

Кто твой любимый,
кто твой друг?
Здесь всё проходит,
и ничто не остаётся прежним.
Никто не существует для других
на этой временной земле.
И тот, кого сейчас ты любишь,
прибыл незнакомцем,
И в незнакомые далёкие края
уйдёт потом:
В какой-то день
на сцене жизни
он закончит роль,
Которая ему дана была
на время, изнутри,
В другие сцены он пойдёт,
с другими игроками.
К слезам и к смеху
среди новых, незнакомых лиц.
И тело, что ты полюбила,
будет брошено
Средь неизменного бесчувственного
вещества миров
В могучую, но безразличную Природу,
чтобы стать
Сырой материей для радости других,
неведомых нам жизнью.
Так наши души
постоянно крутятся
На колесе Всевышнего,
то появляются, то исчезают,
То сходятся, а то расходятся
в магическом движении
Великого Танцора
в безграничном танце.
Эмоции людей —
высокие и умирующие ноты
Его неистовой и дикой музыки,
что неизбежно заменяются
Горячими движениями
ищущего Сердца

In the inconstant links of hour with hour.	В непостоянных связях одного мгновения с другим.
To call down heaven's distant answering song,	Призвать вниз песню неба, отвечающую нам издалека,
To cry to an unseized bliss is all we dare;	Взывать к неуловимому блаженству — вот и всё, что смеем мы;
Once seized, we lose the heavenly music's sense;	Поймав однажды, мы теряем смысл небесной музыки;
Too near, the rhythmic cry has fled or failed;	Ритмичный, слишком близкий зов уже ослаб и улетел;
All sweetnesses are baffling symbols here.	Все сладости, здесь, на земле — сбивающие с толку символы.
Love dies before the lover in our breast:	Любовь в нас умирает раньше нашего любимого:
Our joys are perfumes in a brittle vase.	Все наши радости подобны запахам из хрупкой вазы.
O then what wreck is this upon Time's sea	Какое же потом крушение в море Времени
To spread life's sails to the hurricane desire	Обрушивается на судна жизни в шторм желания,
And call for pilot the unseeing heart!	Когда проводником берут невидящее сердце!
O child, wilt thou proclaim, wilt thou then follow	Дитя, о неужели ты провозгласишь, о неужели ты затем пойдёшь
Against the Law that is the eternal will	Наперекор Закону, что есть воля вечного,
The autarchy of the rash Titan's mood	За диктатурой настроений безрассудного Титана,
To whom his own fierce will is the one law	Кому его неистовая воля есть единственный закон,
In a world where Truth is not, nor Light nor God?	В тот мир, где нет ни Истины, ни Света, ни Всевышнего?
Only the gods can speak what now thou speakst.	Лишь боги могут говорить такое, что сейчас сказала ты.
Thou who art human, think not like a god.	Ты человек, и думай не как бог.
For man, below the god, above the brute,	Ведь человеку, ниже бога, выше зверя,
Is given the calm reason as his guide;	Спокойный разум дан в проводники;

He is not driven by an unthinking
will
As are the actions of the bird and
beast;
He is not moved by stark
Necessity
Like the senseless motion of
inconscient things.
The giant's and the Titan's furious
march
Climbs to usurp the kingdom of
the gods
Or skirts the demon magnitudes of
Hell;
In the unreflecting passion of their
hearts
They dash their lives against the
eternal Law
And fall and break by their own
violent mass:
The middle path is made for
thinking man.
To choose his steps by reason's
vigilant light,
To choose his path among the
many paths

Is given him, for each his difficult
goal
Hewn out of infinite possibility.

Leave not thy goal to follow a
beautiful face.

Only when thou hast climbed
above thy mind
And liv'st in the calm vastness of
the One
Can love be eternal in the eternal
Bliss

Он управляется не некою
бездумной волей,
Как действует
животное и птица;
Он движется не строгою
Необходимостью,
Как в несознательных вещах
и в их бесчувственном движении.
Свирепый марш
гиганта и Титана
Взбирается чтоб узурпировать
страну богов,
Иль огибает демонические
необъятные просторы Ада;
В бездумной страсти
собственных сердец
Они на кон бросают жизни
против вечного Закона
И падают, и разбиваются
от собственной ожесточённой массы:
Для мыслящего человека
есть срединный путь.
Он может выбирать свои шаги
под зорким светом разума,
И выбирать свой путь
среди множества путей
дано ему,
Ведь каждая его
нелёгкая задача
Отсечена из бесконечности
возможностей.
Не оставляй своей задачи,
чтоб пойти за
притягательным лицом.
И только, если ты поднимаешься
до планов над умом,
И будешь жить
в спокойной широте Единого,
Тогда лишь,
в вечно существующем Блаженстве,
сможет вечной быть любовь,

And love divine replace the human
tie.

There is a shrouded law, an austere
force:

It bids thee strengthen thy undying
spirit;

It offers its severe benignancies

Of work and thought and
measured grave delight

As steps to climb to God's far
secret heights.

Then is our life a tranquil
pilgrimage,

Each year a mile upon the
heavenly Way,

Each dawn opens into a larger
Light.

Thy acts are thy helpers, all events
are signs,

Waking and sleep are
opportunities

Given to thee by an immortal
Power.

So canst thou raise thy pure
unvanquished spirit,

Till spread to heaven in a wide
vesper calm,

Indifferent and gentle as the sky,

It greatens slowly into timeless
peace."

But Savitri replied with steadfast
eyes:

"My will is part of the eternal
Will,

My fate is what my spirit's
strength can make,

My fate is what my spirit's
strength can bear;

И человеческие узы сменяются
божественной любовью.

Есть защищающий закон
и строгая, возвышенная сила:

Она тебе предписывает
укреплять бессмертный дух

И предлагает нам
свои суровые дары —

Работу, мысль,
степенный, сдержанный восторг,

Чтоб мы по ним, как по ступеням,
поднимались к тайным пикам Бога.

Тогда жизнь наша станет
тихим странствием,

И каждый год в ней —
милей на Пути небес,

И каждая заря откроется
в другой, широкий Свет.

Твои дела — твои помощники,
события все — знаки,

И пробуждение со сном —
удобные возможности,

Которые дало тебе
бессмертное Могущество.

И так ты сможешь поднимать
свой чистый непокорный дух,

Пока не дорастёт он до небес
в вечерней тихой широте,

Бесстрастный и спокойный,
словно небо,

И медленно вращается
в покой вне времени."

Но с твёрдым взглядом
ей ответила Савитри:

"Моё желание —
часть вечной Воли,

Моя судьба —
что сила духа моего

способна сделать,
Моя судьба —

что сила духа моего
способна вынести;

My strength is not the Titan's; it is
God's.

I have discovered my glad reality

Beyond my body in another's being:
I have found the deep unchanging
soul of love.

Then how shall I desire a lonely
good,

Or slay, aspiring to white vacant
peace,

The endless hope that made my
soul spring forth

Out of its infinite solitude and
sleep?

My spirit has glimpsed the glory
for which it came,

The beating of one vast heart in
the flame of things,

My eternity clasped by his eternity

And, tireless of the sweet abysms
of Time,

Deep possibility always to love.

This, this is first, last joy and to its
throb

The riches of a thousand fortunate years

Are poverty. Nothing to me are
death and grief

Or ordinary lives and happy days.

And what to me are common souls
of men

Та сила, что во мне —
не титаническая сила,
это сила Бога.

Я обнаружила мою
счастливую реальность

Вне тела моего, в другом:
Я обнаружила в нём неизменность,
глубину души любви.

И как я после пожелаю
для себя одной добра,

И как смогу убить, стремясь
к свободному и чистому покою,

Ту бесконечную надежду,
что толкнула душу
выпрыгнуть вперёд

Из нескончаемого
сна и одиночества?

Мой дух увидел славу,
для которой он пришёл,

Биение широкого единства сердца
в пламени всего,

И вечность, что во мне,
в объятиях другой,
ему принадлежащей вечности,

Которая захвачена
глубокою возможностью
любить всегда,

Которая не устаёт
от сладостных пучин,
принадлежащих Времени.

И это, это — первая
и окончательная радость,
и для её биения

Богатства тысячи счастливых лет
бедны.

Ничто мне
смерть и горе,

Ничто — обыденные жизни,
радостные дни.

И что мне эти
человеческие души,

Or eyes and lips that are not
 Satyavan's?
 I have no need to draw back from
 his arms
 And the discovered paradise of his
 love
 And journey into a still infinity.

 Only now for my soul in Satyavan

 I treasure the rich occasion of my
 birth:
 In sunlight and a dream of emerald
 ways
 I shall walk with him like gods in
 Paradise.

 If for a year, that year is all my
 life.
 And yet I know this is not all my
 fate
 Only to live and love awhile and
 die.
 For I know now why my spirit
 came on earth
 And who I am and who he is I
 love.
 I have looked at him from my
 immortal Self,
 I have seen God smile at me in
 Satyavan;
 I have seen the Eternal in a human
 face."
 Then none could answer to her
 words. Silent
 They sat and looked into the eyes
 of Fate.

End of Canto One

Глаза и губы,
 что не Сатъявана?
 Мне нет нужды бежать
 из ласковых его объятий,
 Из обнаруженного рая,
 от его любви,
 Из путешествия
 в покой и бесконечность.
 И только для своей души,
 живущей в Сатъяване,
 Я берегу сейчас роскошную
 возможность своего рождения:
 Под светом солнца,
 в грёзе изумрудных троп
 Мы будем, как в Раю,
 гулять с ним вместе,
 словно боги.
 И если это на год,
 этот год — вся жизнь моя.
 Но всё-таки я знаю,
 что не вся моя судьба —
 Лишь жизнь, недолгая любовь,
 а после — смерть.
 Сейчас я знаю, для чего пришёл
 сюда мой дух,
 И кто я, и кто тот,
 кого я полюбила.
 Я посмотрела на него
 из моего неумирающего "Я"
 И видела, как улыбался Бог мне
 в Сатъяване;
 Мне выпало увидеть Вечного
 в его лице."
 Никто не мог ни слова
 вымолвить в ответ.
 В молчании, они сидели,
 и вглядывались в лик Судьбы.

Конец первой песни

Book Six
THE BOOK OF FATE

Canto II
THE WAY OF FATE AND
THE PROBLEM OF PAIN

A silence sealed the irrevocable
decree,
The word of Fate that fell from
heavenly lips
Fixing a doom no power could
ever reverse

Unless heaven's will itself could
change its course.

Or so it seemed: yet from the
silence rose

One voice that questioned
changeless destiny,
A will that strove against the
immutable Will.

A mother's heart had heard the
fateful speech
That rang like a sanction to the
call of death
And came like a chill close to life
and hope.

Yet hope sank down like an
extinguished fire.
She felt the leaden inevitable hand

Invade the secrecy of her guarded
soul

Книга Шестая
КНИГА СУДЬБЫ

Песня II
ПУТЬ СУДЬБЫ И
ПРОБЛЕМА БОЛИ

Молчанье припечатало
бесповоротное решение,
Слова Судьбы,
слетевшие с небесных уст,
Отныне закрепляли рок,
который никакая сила
после не отменит,
Лишь если вдруг
божественная воля
не изменит курс сама.

Иль просто так казалось:
но, всё же, из молчания
поднялся голос,

Что усомнился
в неизменности судьбы,
И воля, что боролась против
непреложной Воли.

То было сердце матери,
услышавшее роковую речь,
Звневшую как разрешение
зову смерти,

Которая пришла как
ледяное завершенье
жизни и надежды.

Надежда в ней осела,
словно гаснущий огонь.

Она почувствовала, как
свинцовая, неотвратимая рука
Вторгается во внутреннее таинство
её оберегаемой души,

And smite with sudden pain its
still content
And the empire of her hard-won
quietude.
Awhile she fell to the level of
human mind,
A field of mortal grief and
Nature's law;
She shared, she bore the common
lot of men
And felt what common hearts
endure in Time.
Voicing earth's question to the
inscrutable power
The queen now turned to the still
immobile seer:
Assailed by the discontent in
Nature's depths,
Partner in the agony of dumb
driven things
And all the misery, all the
ignorant cry,
Passionate like sorrow questioning
heaven she spoke.

Lending her speech to the surface
soul on earth
She uttered the suffering in the
world's dumb heart
And man's revolt against his
ignorant fate.

"O seer, in the earth's strange
twi-natured life

By what pitiless adverse Necessity

Or what cold freak of a Creator's
will,

By what random accident or
governed Chance

Внезапной болью поражая
тихое согласие с жизнью,
Империю с трудом полученного
мира и покоя.
Она на время пала
до уровня людских умов,
До сферы смертного страдания
и законов, управляющих Природой,
И разделила, понесла
обычный жребий человека,
И ощутила то, что чувствуют
обычные сердца во Времени.
И выразив вопрос земли
к непостижимой силе,
Царица обратилась к неподвижному
и тихому провидцу:
Так, поражённая протестом
в глубине Природы,
И зная на себе агонию немых
и управляемых существ,
Все их несчастья,
весь их крик невежества,
Наполненная страстью,
как сама печаль,
Она заговорила,
вопрошая небеса.
Отдав на время речь свою
поверхностной земной душе,
Она сумела выразить страдание
в безмолвном сердце мира,
Бунт человека
против собственной,
неведомой ему судьбы.

"Провидец,
в странной двойственной природе
жизни на земле

Зачем безжалостная и
враждебная Необходимость,

Или холодная причуда
воли Созидателя,

Зачем шальная катастрофа
или предопределённый Случай,

That shaped a rule out of fortuitous steps,	Что формируют правило из сделанных случайно некогда шагов
Made destiny from an hour's emotion, came	И создают судьбу из мимолётных настроений,
Into the unreadable mystery of Time	Приходят в это непонятное, загадочное действо Времени
The direr mystery of grief and pain?	Как ещё более ужасная мистерия страдания и боли?
Is it thy God who made this cruel law?	Кто сотворил такой безжалостный закон — твой Бог?
Or some disastrous Power has marred his work	Иль некая губительная Сила испортила его работу
And he stands helpless to defend or save?	И он стоит, не в силах нас спасти и защитить?
A fatal seed was sown in life's false start	Губительное семя посадили при фальстарте жизни
When evil twinned with good on earthly soil.	Когда с добром, на нашей почве, родилось и зло, как брат-близнец.
Then first appeared the malady of mind,	Потом в уме возникло некое расстройство,
Its pang of thought, its quest for the aim of life.	Его боль в мысли, поиск цели жизни.
It twisted into forms of good and ill	Он исказил в облициях добра и зла
The frank simplicity of the animal's acts;	Простые, искренние действия животного;
It turned the straight path hewn by the body's gods,	Он повернул с прямых путей, проложенных богами тела,
Followed the zigzag of the uncertain course	И следуя зигзагом ненадёжного, сомнительного курса жизни,
Of life that wanders seeking for its aim	Что бродит в поисках предназначения
In the pale starlight falling from thought's skies,	Под бледным звёздным светом, льющим с небес ума,
Its guides the unsure idea, the wavering will.	Ведёт он ненадёжную идею, нерешительную волю.
Lost was the instinct's safe identity	Утеряно надёжное отождествление инстинкта

With the arrow-point of being's
 inmost sight,
 Marred the sure steps of Nature's
 simple walk
 And truth and freedom in the
 growing soul.
 Out of some ageless innocence
 and peace,
 Privilege of souls not yet betrayed
 to birth,
 Cast down to suffer on this hard
 dangerous earth

Our life was born in pain and with
 a cry.
 Although earth-nature welcomes
 heaven's breath
 Inspiring Matter with the will to
 live,
 A thousand ills assail the mortal's
 hours
 And wear away the natural joy of
 life;
 Our bodies are an engine
 cunningly made,
 But for all its parts as cunningly
 are planned,
 Contrived ingeniously with demon
 skill,
 Its apt inevitable heritage

 Of mortal danger and peculiar
 pain,
 Its payment of the tax of Time and
 Fate,
 Its way to suffer and its way to
 die.
 This is the ransom of our high
 estate,
 The sign and stamp of our
 humanity.

Со стрелкой-указателем
 из внутреннего взгляда существа,
 Расстроены надёжные шаги
 в простом движении Природы,
 И истина, свобода —
 в подрастающей душе.
 Из некой нестареющей невинности,
 и мирного покоя,
 Особой привилегии души,
 ещё не соблазнённой на рождение,
 Вниз брошенная для страдания
 на эту трудную,
 опасную планету,
 Жизнь наша родилась
 в мучениях и с криком.
 И хоть природа на земле
 приветствует дыхание небес,
 И вдохновляет волей жить
 Материю,
 Всё ж тысячи несчастий
 атакуют время смертного,
 Стирая прочь
 естественную радость жизни;
 Тела у нас —
 искусно сделанные механизмы,
 Но к каждой части тела,
 так обдуманно спланированной,
 Уже изобрели, с невероятным,
 демоническим искусством,
 Его, возможно,
 неизбежное наследство —
 Угрозу смерти
 и особенную боль,
 Свой вид налога
 что взимают Время и Судьба,
 Свой способ мучиться,
 свой способ умирать.
 Таков здесь выкуп
 за высокий титул человека,
 И такова печать и знак
 на нашем человечестве.

A grisly company of maladies	И часто страшная компания болезней
Come, licensed lodgers, into man's bodily house,	Приходит, с ордером на подселение, в телесное жилище человека,
Purveyors of death and torturers of life.	Поставщиками смерти, палачами жизни.
In the malignant hollows of the world,	В болезнетворных углубленьях и пустотах мира,
In its subconscious cavern-passages	В пещерах-переходах мирового подсознания
Ambushed they lie waiting their hour to leap,	Они лежат в засаде, ожидаю часа прыгнуть,
Surrounding with danger the sieged city of life:	И окружить угрозой осаждённый город жизни:
Admitted into the citadel of man's days	Пропущенные в цитадель дней человека
They mine his force and maim or suddenly kill.	Они подтачивают силы у него, калечат, иль внезапно убивают.
Ourselves within us lethal forces nurse;	Мы сами где-то у себя внутри питаем эти смертоносные могущества;
We make of our own enemies our guests:	Своих врагов мы приглашаем в гости:
Out of their holes like beasts they creep and gnaw	Из ям своих, они, как звери, выползают и грызут
The chords of the divine musician's lyre	Натянутые струны лиры божественного музыканта,
Till frayed and thin the music dies away	Пока протёртая, источенная музыка в ней не умрёт навеки,
Or crashing snaps with a last tragic note.	Или не лопнет, с треском, на трагической последней ноте.
All that we are is like a fort beset:	Всё, что мы есть — подобно осаждённой крепости,
All that we strive to be alters like a dream	А всё, за что мы боремся — меняется как сновидение
In the grey sleep of Matter's ignorance.	В каком-то сером сне невежества Материи.
Mind suffers lamed by the world's disharmony	Страдает Ум, что искалечен дисгармониями мира
And the unloveliness of human things.	И неприглядным ликом человеческих существ.

A treasure misspent or cheaply,
fruitlessly sold

In the bazaar of a blind destiny,

A gift of priceless value from
Time's gods

Lost or mislaid in an uncaring
world,

Life is a marvel missed, an art
gone wry;

A seeker in a dark and obscure
place,

An ill-armed warrior facing
dreadful odds,

An imperfect worker given a
baffling task,

An ignorant judge of problems
Ignorance made,

Its heavenward flights reach
closed and keyless gates,

Its glorious outbursts peter out in
mire.

On Nature's gifts to man a curse
was laid:

All walks inarmed by its own
opposites,

Error is the comrade of our mortal
thought

And falsehood lurks in the deep
bosom of truth,

Sin poisons with its vivid flowers
of joy

Or leaves a red scar burnt across
the soul;

Virtue is a grey bondage and a
gaol.

Сокровище растрчено,
иль по дешевке,
бесполезно продано

На рынке безрассудной
и слепой судьбы.

Бесценный дар,
ниспосланный богами Времени

Утерян или брошен где-то
в безразличном мире,

И наша жизнь теперь —
упущенное чудо,

Иль искажённое
творение художника;

Искатель среди тёмных
и неясных мест,

Боец с плохим оружием,
лицом к лицу со страшным

преимуществом врага,

Неграмотный работник,
получивший непосильную задачу,

Эксперт-невежда по проблемам,
созданным Невежеством,

Его полёты в небеса
приводят к запертым воротам
без ключей,

А вспышки славы тонут
посреди грязи.

На всех дарах Природы человеку
издавна наложено проклятие

И все пути окружены
своими противоположностями.

Ошибка — постоянный спутник
нашей смертной мысли

Ложь затаилась где-то в глубине,
в груди у истины,

Грех отравляет
яркими цветами радости

Иль оставляет красный шрам,
горящий поперёк души,

А добродетель стала
мрачным рабством и тюрьмой.

At every step is laid for us a snare.	На каждом шаге ждёт нас западня.
Alien to reason and the spirit's light,	И чуждый разуму и свету духа
Our fount of action from a darkness wells;	Источник наших действий бьёт из темноты;
In ignorance and nescience are our roots.	В невежестве, незнании — наши корни.
A growing register of calamities	Растущий список самых разных бед —
Is the past's account, the future's book of Fate:	Таков счет прошлого и книга записей Судьбы о будущем:
The centuries pile man's follies and man's crimes	Века лишь громоздят людские глупости и преступления
Upon the countless crowd of Nature's ills;	Поверх бесчисленной толпы несчастий, зол Природы;
As if the world's stone load was not enough,	И, словно, каменного груза мира было недостаточно,
A crop of miseries obstinately is sown	Поля страданий засеваются упрямо
By his own hand in the furrows of the gods,	Своими же руками в борозды богов
The vast increasing tragic harvest reaped	И пожинается обширный и растущий урожай трагедии
From old misdeeds buried by oblivious Time.	Со старых глупых дел, что похоронены когда-то равнодушным Временем.
He walks by his own choice into Hell's trap;	Так человек идёт по собственному выбору в ловушку Ада;
This mortal creature is his own worst foe.	И получается, что это смертное создание — Злейший враг для самого себя.
His science is an artificer of doom;	Его наука — умная изобретательница смерти;
He ransacks earth for means to harm his kind;	Он грабит землю, чтобы причинить вред собственному виду;

He slays his happiness and others'
good.

Nothing has he learned from Time
and its history;

Even as of old in the raw youth of
Time,

When Earth ignorant ran on the
highways of Fate,

Old forms of evil cling to the
world's soul:

War making nought the sweet
smiling calm of life,

Battle and rapine, ruin and
massacre

Are still the fierce pastimes of
man's warring tribes;

An idiot hour destroys what
centuries made,

His wanton rage or frenzied hate
lays low

The beauty and greatness by his
genius wrought

And the mighty output of a
nation's toil.

All he has achieved he drags to the
precipice.

His grandeur he turns to an epic of
doom and fall;

His littleness crawls content
through squalor and mud,

He calls heaven's retribution on
his head

And wallows in his self-made
misery.

Он убивает собственное счастье
и добро других.

Он ничему не научился
из уроков Времени
и собственной истории;

И также, как и прежде,
в юном Времени,

Когда Земля в своём невежестве
бежала по проторенным
путям Судьбы,

Всё те же виды зла
цепляются за душу мира:

Война берёт
и превращает в пустоту
Улыбчивое сладкое
затишье жизни,

И битвы с грабежами,
руины и резня

Так до сих пор —
жестокие забавы

для воюющих людских племён;

Один час идиота разрушает то,
что делалось веками,

И бешеная ненависть,
бессмысленный и буйный гнев

Хоронят красоту, величие,
созданные гением,

Могучий результат
трудов всего народа.

Все достижения свои
он тянет в пропасть.

Своё величие он превращает
в грандиозную поэму
падения и роковой судьбы;

Его довольная ничтожность
ползает в убогости, грязи,

Он призывает на себя
возмездие небес,

Потом барахтается в бедах,
им самим же созданными.

A part author of the cosmic tragedy,	И воля человека, как соавтор этой всей космической трагедии,
His will conspires with death and time and fate.	Устраивает заговор со смертью, с временем, с судьбой.
His brief appearance on the enigmaed earth	Его короткое явление на полной тайн земле
Ever recurs but brings no high result	Всё время повторяется, не принося высоких результатов
To this wanderer through the aeon-rings of God	Для этого скитальца, проходящего по эпохальной круговерти Бога,
That shut his life in their vast longevity.	Что запирает жизнь его в своей обширной долговечности.
His soul's wide search and ever returning hopes	Широкие искания его души и вечно возвращающиеся надежды
Pursue the useless orbit of their course	Всё время продолжают бесполезную орбиту выбранного курса,
In a vain repetition of lost toils	В напрасном повторении теряемых трудов,
Across a track of soon forgotten lives.	По колее от быстро позабывших жизней.
All is an episode in a meaningless tale.	Всё превращается в какой-то эпизод бесмысленной истории.
Why is it all and wherefore are we here?	Так почему ж всё так, и для чего мы здесь?
If to some being of eternal bliss	И если в некий мир, где существует вечное блаженство,
It is our spirit's destiny to return	Судьба когда-нибудь вернуться духу человека,
Or some still impersonal height of endless calm,	Или в какие-то безличные спокойные высоты бесконечного покоя,
Since That we are and out of That we came,	Поскольку мы — есть То, и из Того пришли,
Whence rose the strange and sterile interlude	Откуда же возникла эта интерлюдия, бесплодная и странная,

Lasting in vain through
interminable Time?

Who willed to form or feign a
universe

In the cold and endless emptiness
of Space?

Or if these beings must be and
their brief lives,

What need had the soul of
ignorance and tears?

Whence rose the call for sorrow
and for pain?

Or all came helplessly without a
cause?

What power forced the immortal
spirit to birth?

The eternal witness once of
eternity,

A deathless sojourner mid
transient scenes,

He camps in life's half-lit
obscurity

Amid the debris of his thoughts
and dreams.

Or who persuaded it to fall from
bliss

And forfeit its immortal privilege?

Who laid on it the ceaseless will
to live

A wanderer in this beautiful,
sorrowful world,

And bear its load of joy and grief
and love?

Or if no being watches the works
of Time,

What hard impersonal Necessity

Что тщётно тянется
сквозь нескончаемое Время?

Кто пожелал придать
вселенной форму
или выдать нечто за неё

В холодной бесконечной
пустоте Пространства?

Иль, если эти существа
с короткой жизнью
всё ж должны существовать,

Какая же нужда душе
в невежестве и пролитых слезах?

Откуда появился этот зов
к страданию и боли?

Иль всё беспомощно
приходит без причины?

Какая сила заставляет
наш бессмертный дух
рождаться?

Когда-то вечно существующий
свидетель вечности,

Бессмертный житель,
среди этих скоротечных сцен,

Он разбивает лагерь
в полуосвещённом мраке жизни,

Среди строительного мусора
из мыслей и мечты.

И кто склонил его
пасть из блаженства,

Лишиться привилегии бессмертия?

Кто дал ему
неугасаемую волю жить

Скитальцем в этом
и прекрасном, и печальном мире

С тяжёлой ношей
радости, любви и горя?

Иль, если нет на свете существа,
что наблюдает
за работой Времени,

Что за тяжёлая,
безличная Необходимость

Compels the vain toil of brief
living things?
A great Illusion then has built the
stars.

But where then is the soul's
security,
Its poise in this circling of unreal
suns?
Or else it is a wanderer from its
home
Who strayed into a blind alley of
Time and chance
And finds no issue from a
meaningless world.
Or where begins and ends
Illusion's reign?
Perhaps the soul we feel is only a
dream,

Eternal self a fiction sensed in
trance."

Then after a silence Narad made
reply:
Tuning his lips to earthly sound he
spoke,
And something now of the deep
sense of fate
Weighted the fragile hints of
mortal speech.

His forehead shone with vision
solemnised,
Turned to a tablet of supernal
thoughts
As if characters of an unwritten
tongue
Had left in its breadth the
inscriptions of the gods.

Толкает на напрасный труд
существ, живущих так недолго?
Тогда выходит,
что великая Иллюзия
создала звёзды.

Но где ж тогда
защита для души,
Где равновесие её
в круженье нереальных солнц?
А может быть, она — скиталец,
что покинула свой дом
И заблудилась в тупиках
случайности и Времени
И не находит выхода
из этого бессмысленного мира.
И где тогда начало и конец
империи Иллюзии?
А может быть, вообще —
душа, что ощущают люди,
только грёза,
А вечно существующее "я" —
лишь фикция,
что чувствуем мы в трансе."

Немного помолчав,
Нарада дал ответ:
Уста настроив на земные звуки,
он заговорил,
И что-то от глубоких ощущений
действия судьбы
Усиливало в это время
хрупкие намёки
смертной речи.

Лоб у него сиял
торжественным видением,
Став временно скрижалю
высших мыслей,
Как если б символы
неведомого языка
Чертили на его широком поле
письмена богов.

Bare in that light Time toiled, his
unseen works
Detected; the broad-flung
far-seeing schemes

Unfinished which his aeoned
flight unrolls

Were mapped already in that
world-wide look.

"Was then the sun a dream
because there is night?

Hidden in the mortal's heart the
Eternal lives:

He lives secret in the chamber of
thy soul,

A Light shines there nor pain nor
grief can cross.

A darkness stands between thyself
and him,

Thou canst not hear or feel the
marvellous Guest,

Thou canst not see the beatific
sun.

O queen, thy thought is a light of
the Ignorance,

Its brilliant curtain hides from thee
God's face.

It illumes a world born from the
Inconscience

But hides the Immortal's meaning
in the world.

Thy mind's light hides from thee
the Eternal's thought,

Thy heart's hopes hide from thee
the Eternal's will,

Трудилось Время в этом свете,
сняв покровы, проявляя
Свои незримые труды;
а широко летящие
и видящие вдаль,

Незавершённые, пока что, схемы,
раскрывшись эпохальному
его полёту,

В его, как мир, широком взгляде,
уже лежали на своих местах.

"Так было ль солнце грёзой,
если ныне ночь?

Сокрыто в сердце смертных
обитает Вечный:

Живёт он тайно
в комнате твоей души,

Там где сияет Свет,
куда ни боль, ни горе
никогда не попадут.

Но темнота стоит
между тобой и им,

И ты не можешь
ощутить, услышать
удивительного Гостя,

Не можешь посмотреть
на это солнце,
полное блаженства.

Царица, мысль тобою сказанная —
свет Невежества,

Его сверкающий экран
скрывает от тебя лик Бога.

Он озаряет мир,
родившийся из Несознания,

Но укрывает то,
как много Он, Бессмертный,
значит в нашем мире.

Свет твоего ума
скрывает от тебя
мысль Вечного,

Надежды сердца твоего
скрывают от тебя
намерение Вечного,

Earth's joys shut from thee the
Immortal's bliss.

Thence rose the need of a dark
intruding god,

The world's dread teacher, the
creator, pain.

Where Ignorance is, there
suffering too must come;

Thy grief is a cry of darkness to
the Light;

Pain was the first-born of the
Inconscience

Which was thy body's dumb
original base;

Already slept there pain's
subconscient shape:

A shadow in a shadowy tenebrous
womb,

Till life shall move, it waits to
wake and be.

In one caul with joy came forth
the dreadful Power.

In life's breast it was born hiding
its twin;

But pain came first, then only joy
could be.

Pain ploughed the first hard
ground of the world-drowse.

By pain a spirit started from the
clod,

By pain Life stirred in the
subliminal deep.

Interned, submerged, hidden in
Matter's trance

Awoke to itself the dreamer,
sleeping Mind;

Земные радости

закрыли от тебя блаженство,
что живёт в Бессмертном.

Из этого растёт необходимость
в тёмном и вторгающемся боге,

И в устрашающем учителе,
в творце и боли.

Туда, где есть Невежество,
должно придти страдание тоже;

То горе, что в тебе —
зов темнотою Света;

Боль — первое дитя,
рождённое от Несознания

Что стала изначальной и немой
основой наших тел;

И в них тогда уже дремала
подсознательная форма боли:

Как призрак
в призрачном и мрачном лоне,

Пока жизнь движется,
она ждёт часа

чтоб проснуться, чтобы быть.

И в том же плоде, вместе с радостью,
возникла эта ужасающая Сила.

Она родилась в сердце жизни,
пряча близнеца;

Но боль явилась первой,
лишь потом смогла

возникнуть радость.

Боль пропахала первый,
самый трудный слой

дремоты миры.

Благодаря той боли
дух поднялся

из комка земли,

Благодаря той боли

Жизнь зашевелилась

в подсознательных глубинах.

Захваченный и погружённый,
спрятавшийся в транс Материи

Проснулся для себя
мечтатель, спящий Ум;

It made a visible realm out of its
dreams,
It drew its shapes from the
subconscient depths,
Then turned to look upon the
world it had made.
By pain and joy, the bright and
tenebrous twins,
The inanimate world perceived its
sentient soul,

Else had the Inconscient never
suffered change.

Pain is the hammer of the Gods to
break

A dead resistance in the mortal's
heart,
His slow inertia as of living stone.

If the heart were not forced to
want and weep,
His soul would have lain down
content, at ease,
And never thought to exceed the
human start
And never learned to climb
towards the Sun.

This earth is full of labour, packed
with pain;
Throes of an endless birth coerce
her still;
The centuries end, the ages vainly
pass
And yet the Godhead in her is not
born.
The ancient Mother faces all with
joy,
Calls for the ardent pang, the
grandiose thrill;

Он создал царство зримого
из грёз своих,
Он вынул облики свои
из подсознательных глубин,
И повернулся посмотреть на мир,
который сотворил.
Так радостью и болью,
светлым и угрюмым близнецами,
Наш неодушевлённый мир
мог постигать свою
воспринимающую душу,
Иначе, Несознание,
не знавшее страдания,
никогда не изменилось бы.

Боль — это молот,
созданный Богами,
чтобы разрушать
Застывшее и мёртвое сопротивление
в сердце смертного,
Его неторопливую инерцию
живого камня.

И если бы не заставляли сердце
плакать и хотеть,
Душа у человека б разлеглась,
спокойная, довольная собой,
И никогда мысль не превысила бы
точку старта человека,
И никогда б не научилась
подниматься к Солнцу.

Земля у нас полна тяжёлого труда
и переполнена страданием;
И муки бесконечного рожденья
сотрясают до сих пор её;
Кончаются века,
проходят бесполезные эпохи,
А Божество в ней до сих пор
ещё не рождено.
Всё с радостью встречает
древняя Божественная Мать,
И призывает жгучие уколы,
грандиозные волнения;

For with pain and labour all creation comes.	Всё потому что с болью и трудом приходит всё творение.
This earth is full of the anguish of the gods;	Земля у нас полна мучением богов;
Ever they travail driven by Time's goad,	Они всегда в трудах, и направляемые шпорой Времени
And strive to work out the eternal Will	Стараются исполнить вечное Намеренье,
And shape the life divine in mortal forms.	Сформировать божественную жизнь среди смертных форм.
His will must be worked out in human breasts	Его намеренье должно исполниться в груди у человека
Against the Evil that rises from the gulfs,	И вопреки космическому Злу, что поднимается из бездн,
Against the world's Ignorance and its obstinate strength,	И вопреки Невежеству вселенной и его упрямой силе,
Against the stumblings of man's pervert will,	И вопреки ошибкам, спотыканьям искажённой воли человека,
Against the deep folly of his human mind,	И вопреки глубокой глупости его ума,
Against the blind reluctance of his heart.	И вопреки слепому нежеланию сердца.
The spirit is doomed to pain till man is free.	Дух обречён на боль, пока не станет человек свободным.
There is a clamour of battle, a tramp, a march:	Здесь грохот битвы, топот ног и марш:
A cry arises like a moaning sea,	Крик поднимается, как стонущее море,
A desperate laughter under the blows of death,	И слышен безнадёжный смех под окончательным ударом смерти,
A doom of blood and sweat and toil and tears.	Под роковой судьбой из крови, пота, слёз, труда.
Men die that man may live and God be born.	Да, люди умирают, чтобы человек мог жить, а Бог — родиться.
An awful Silence watches tragic Time.	Великое Молчанье наблюдает это полное трагизма Время.
Pain is the hand of Nature sculpturing men	Боль это длань Природы, ваяющая человека для величия:

To greatness: an inspired labour
 chisels
 With heavenly cruelty an
 unwilling mould.
 Implacable in the passion of their
 will,
 Lifting the hammers of titanic toil

 The demiurges of the universe work;
 They shape with giant strokes
 their own; their sons

 Are marked with their enormous
 stamp of fire.
 Although the shaping god's
 tremendous touch

 Is torture unbearable to mortal
 nerves,
 The fiery spirit grows in strength
 within
 And feels a joy in every titan
 pang.
 He who would save himself lives
 bare and calm;
 He who would save the race must
 share its pain:
 This he shall know who obeys that
 grandiose urge.

 The Great who came to save this
 suffering world
 And rescue out of Time's shadow
 and the Law,
 Must pass beneath the yoke of
 grief and pain;
 They are caught by the Wheel that
 they had hoped to break,
 On their shoulders they must bear
 man's load of fate.

Она всё время трудится
 и вдохновенно точит
 С небесною жестокостью
 неподдающуюся заготовку.
 Неумолимые в их воле,
 полной страсти,
 И поднимая молоты
 труда титанов,
 Работают космические демиурги;
 Гигантскими ударами
 они воспроизводят
 собственные формы;
 Их сыновья отмечены
 огромными печатями огня.
 Хотя все эти,
 придающие нам новый облик,
 страшные касанья бога —
 Для смертных нервов —
 непереносимое мучение,
 Пылающий внутри нас дух
 накапливает силу
 И ощущает радость в каждом
 титаническом ударе боли.
 Кто мог бы сохранить себя —
 живёт в спокойствии и простоте;
 Кто мог бы сохранить всю расу —
 обязан разделить с ней боль:
 Кто следует за этим
 грандиозным импульсом,
 тот должен это знать.
 Великие, пришедшие спасти
 страдающий наш мир,
 Избавить нас от
 тени Времени, Закона,
 Должны пройти и пронести
 ярмо из мук и боли;
 Их ловит Колесо, которое они
 надеются сломать,
 И на своих плечах
 они должны нести
 груз человеческой судьбы.

Heaven's riches they bring, their sufferings count the price	Они приносят нам небесные богатства, И их страдания — цена за них;
Or they pay the gift of knowledge with their lives.	За знание, за этот дар, они, бывает, платят собственную жизнью.
The Son of God born as the Son of man	Сын Бога, что родился Сыном человека,
Has drunk the bitter cup, owned Godhead's debt,	Испил свой горький кубок, принял на себя долг Божества,
The debt the Eternal owes to the fallen kind	Признал долг Вечного пред падшим родом,
His will has bound to death and struggling life	И волю человечества, привязанную к смерти и сражающейся жизни,
That yearns in vain for rest and endless peace.	Что тщётно хочет отдыха и бесконечного покоя.
Now is the debt paid, wiped off the original score.	Сейчас тот долг оплачен, со счетами расквитались.
The Eternal suffers in a human form,	И Вечный терпит муки в человеческом обличьи,
He has signed salvation's testament with his blood:	Он подписал завет спасенья собственную кровью:
He has opened the doors of his undying peace.	Он распахнул врата бессмертного покоя.
The Deity compensates the creature's claim,	Так Божество даёт ответ на требование творения,
The Creator bears the law of pain and death;	Сам Созидатель терпит на себе закон мучения и смерти,
A retribution smites the incarnate God.	И кара настигает воплощение Бога.
His love has paved the mortal's road to Heaven:	Он проложил своей любовью путь, Он вымостил
He has given his life and light to balance here	дорогу смертных в Небеса: Он отдал жизнь свою и свет, чтоб погасить
The dark account of mortal ignorance.	Наш тёмный счёт у смертного невежества.
It is finished, the dread mysterious sacrifice,	Она совершена, та страшная, загадочная жертва,

Offered by God's martyred body
for the world;

Gethsemane and Calvary are his
lot,

He carries the cross on which
man's soul is nailed;

His escort is the curses of the
crowd;

Insult and jeer are his right's
acknowledgment;

Two thieves slain with him mock
his mighty death.

He has trod with bleeding brow
the Saviour's way.

He who has found his identity
with God

Pays with the body's death his
soul's vast light.

His knowledge immortal triumphs
by his death.

Hewn, quartered on the scaffold as
he falls,

His crucified voice proclaims, 'I, I
am God;'

'Yes, all is God,' peals back
Heaven's deathless call.

The seed of Godhead sleeps in
mortal hearts,

The flower of Godhead grows on
the world-tree:

All shall discover God in self and
things.

But when God's messenger comes
to help the world

And lead the soul of earth to
higher things,

Что положила на алтарь
замученное тело Бога
ради мира;

Голгофа, Гефсиман —
его удел,

Он тащит крест, к которому
пригвождена душа у человека;

Его эскорт —
проклятия толпы;

Обиды, оскорбления и глумление —
признание правоты его;

Два вора,
что убиты вместе с ним —
пародия его могучей смерти.

С кровоточащим лбом
проходит он путём Спасителя.

И он, нашедший,
что ничем не отличается
от Бога,

Обязан смертью тела заплатить
за свой широкий свет души.

И знание его
бессмертно торжествует
этой смертью.

Разрубленный и четвертованный
на эшафоте, в тот момент,
когда он падает,

Его распятый голос утверждает,
"Я, Я есть Бог";

"Да, всё есть Бог", гремит в ответ
бессмертный зов Небес.

В сердцах у смертных
дремлет семя Божества,

И Божества цветок
растёт на древе мира:

Всё обнаружит Бога
и в себе, и в окружающих вещах.

Но если же посланник Бога
приходит чтоб помочь
земному миру

И душу у земли вести
на более высокий уровень,

He too must carry the yoke he came to unloose;	Он тоже должен на себе нести ярмо, которое пришёл с нас снять;
He too must bear the pang that he would heal:	Он тоже должен вынести ту боль, которую хотел бы исцелить:
Exempt and unafflicted by earth's fate,	Свободный от земной судьбы, не знающий страданий,
How shall he cure the ills he never felt?	Как вылечит он зло, что никогда не ощущал?
He covers the world's agony with his calm;	Он накрывает мир, с его агонией, своим спокойствием;
But though to the outward eye no sign appears	И хоть для внешне видящего ока не появляется каких-то знаков
And peace is given to our torn human hearts,	И дан покой для наших, человеческих, истерзанных сердец,
The struggle is there and paid the unseen price;	В нём продолжается борьба, ему приходится платить невидимую цену;
The fire, the strife, the wrestle are within.	Огонь, раздор, сражение — идут внутри.
He carries the suffering world in his own breast;	В своей груди несёт он весь страдающий от боли мир;
Its sins weigh on his thoughts, its grief is his:	На мысли давят прегрешенья мира, Всё горе мира превращается в его:
Earth's ancient load lies heavy on his soul;	И древний груз Земли лежит тяжёлым камнем на его душе;
Night and its powers beleaguer his tardy steps,	Ночь со своими силами неторопливые его шаги берёт в осаду,
The Titan adversary's clutch he bears;	Ему приходится терпеть враждебные объятия Титана;
His march is a battle and a pilgrimage.	Его марш — это битва, это путь паломника.
Life's evil smites, he is stricken with the world's pain:	Зло жизни бьёт его, он весь истерзан болью мира,
A million wounds gape in his secret heart.	И миллионы ран зияют в тайном сердце у него.

He journeys sleepless through an
unending night;
Antagonist forces crowd across
his path;
A siege, a combat is his inner life.

Even worse may be the cost, direr
the pain:

His large identity and
all-harbours love
Shall bring the cosmic anguish
into his depths,

The sorrow of all living things
shall come

And knock at his doors and live
within his house;

A dreadful cord of sympathy can
tie

All suffering into his single grief
and make

All agony in all the worlds his
own.

He meets an ancient adversary
Force,

He is lashed with the whips that tear
the world's worn heart;

The weeping of the centuries
visits his eyes:

He wears the blood-glued fiery
Centaur shirt,

The poison of the world has
stained his throat.

In the market-place of Matter's
capital

Amidst the chafferings of the
affair called life

He is tied to the stake of a
perennial Fire;

He burns on an unseen original
verge

Он путешествует без сна
по нескончаемой ночи;

Толпа враждебных сил
выходит поперёк его пути;

Осада, постоянный бой —
вот внутренняя жизнь его.

И даже хуже может быть цена,
ужасней боли:

Его широкое отождествление
и укрывающая всех и вся любовь

Несут космическую муку
в самые его глубины,

Страдание всех
живых существ

Приходит и стучится в дверь,
живёт в его жилище;

Ужасная струна симпатии
способна завязать

В единый узел горя
все мучения, везде,

И сделать всякую агонию,
во всех мирах — его агонией.

Встречается он
с древнею враждебной Силой,

Исхлѣстан он бичами, рвущими
измученное сердце мира;

Рыдание столетий
ест ему глаза:

Он надевает жгучее
и липкое от крови
одеяние Кентавра,

Яд мира пятнами
покрыл его гортань.

На рыночной столичной
площади Материи

Среди торговли разными делами,
что называют жизнью,

Он связан и поставлен у столба
с неугасимым Пламенем;

На изначальном и невидимом пороге
он горит

That Matter may be turned to
spirit stuff:
He is the victim in his own
sacrifice.
The Immortal bound to earth's
mortality
Appearing and perishing on the
roads of Time
Creates God's moment by
eternity's beats.
He dies that the world may be
new-born and live.

Even if he escapes the fiercest
fires,
Even if the world breaks not in, a
drowning sea,

Only by hard sacrifice is high
heaven earned:
He must face the fight, the pang
who would conquer Hell.

A dark concealed hostility is
lodged
In the human depths, in the hidden
heart of Time
That claims the right to change
and mar God's work.

A secret enmity ambushes the
world's march;
It leaves a mark on thought and
speech and act:

It stamps stain and defect on all
things done;
Till it is slain peace is forbidden
on earth.
There is no visible foe, but the
unseen

Чтобы Материя могла бы
повернуться к ткани духа:
Он жертва собственного
жертвоприношения.
Бессмертный, связанный
со смертным бытиём земли,
Он появляется и исчезает
на дорогах Времени
И создаёт мгновенье Бога
пульсом вечности.
Он умирает, чтобы мир
мог заново родиться,
чтобы мир мог жить.
И даже если он ушёл
от самого жестокого огня,
И даже если
мир наш не разрушен
затопляющим всё океаном,
Лишь тяжкой жертвой
достигаются небесные высоты:
Кто хочет покорить пучину Ада
должен встретить
бой и боль.
Запрятанная тёмная враждебность
когда-то поселилась
В глубинах человека,
в скрытом сердце Времени,
Она настаивает на своих правах
менять и искажать
работу Бога.
Тот тайный враг сидит в засаде
на пути у марша мира,
Он оставляет знак свой
на словах, на мыслях,
на поступках:
Клеймом изъяна и несовершенства
помечает всё, что создано;
Пока он не убит,
покой здесь под запретом.
Нет зримого противника,
но есть незримый,

Is round us, forces intangible
besiege,

Touches from alien realms,
thoughts not our own
Overtake us and compel the erring
heart;

Our lives are caught in an
ambiguous net.
An adversary Force was born of
old:
Invader of the life of mortal man,
It hides from him the straight
immortal path.
A power came in to veil the
eternal Light,
A power opposed to the eternal will
Diverts the messages of the
infallible Word,
Contorts the contours of the
cosmic plan:
A whisper lures to evil the human
heart,
It seals up wisdom's eyes, the
soul's regard,
It is the origin of our suffering
here,
It binds earth to calamity and pain.

This all must conquer who would
bring down God's peace.

This hidden foe lodged in the
human breast
Man must overcome or miss his
higher fate.

This is the inner war without
escape.

И он везде вокруг,
неосязаемые силы
осаждают человека,
Стараются коснуться нас
из чуждых царств,
Нас заполняют чуждые нам мысли
и принуждают наше,
склонное к ошибкам сердце,
И наши жизни попадают
в двусмысленную сеть.
Враждебная для мира Сила
родилась давно:
Захватчик жизни смертного,
Она скрывает от него
прямой бессмертный путь.
Та сила, что пришла
скрывать вуалью вечный Свет
И противоположна вечной воле,
Уводит в сторону посланья
безошибочного Слова
И искривляет контуры
космического плана:
Её шептанья привлекают
сердце человека к злу,
И застилают око мудрости,
внимание души,
Она — источник
нашего страдания здесь,
Она привязывает землю
к бедствиям и боли.
И тот, кто хочет принести
мир Бога вниз,
всё это должен покорить.
Сокрытого врага, что поселился
в человеческой груди
Он должен превзойти,
иль упустить свою
высокую судьбу.
Такая в нас внутри идёт война,
и нам её не избежать.

"Hard is the world-redeemer's
heavy task;
The world itself becomes his
adversary,
Those he would save are his
antagonists:
This world is in love with its own
ignorance,
Its darkness turns away from the
saviour light,
It gives the cross in payment for
the crown.
His work is a trickle of splendour
in a long night;

He sees the long march of Time,
the little won;

A few are saved, the rest strive on
and fail:

A Sun has passed, on earth Night's
shadow falls.
Yes, there are happy ways near to
God's sun;
But few are they who tread the
sunlit path;
Only the pure in soul can walk in
light.
An exit is shown, a road of hard
escape
From the sorrow and the darkness
and the chain;
But how shall a few escaped
release the world?

The human mass lingers beneath
the yoke.
Escape, however high, redeems
not life,

"Трудна и тяжела задача
для спасающего мир;
Сам мир становится
его врагом,
А те, кого спасает он —
его противниками:
Наш мир влюблён
в своё невежество,
Его тьма убегает
от спасительного света,
Мир платит за корону
пыточным крестом.
Работа человека —
ручеек великолепия
среди долгой ночи;

Он может видеть
долгое движенье Времени
и малые победы;
Немного тех, кто спасены,
все остальные бьются,
терпят поражение:
Заходит Солнце и на землю
падает тень Ночи.
Да, есть счастливые пути,
недалеко от солнца Бога;
Но мало их, шагающих
по солнечной тропе;
Лишь чистые душой
идти способны в этом свете.
Да, нам показан выход
и дорога трудного спасения
От мук, от темноты
и от оков;
Но как же те немногие,
которые спаслись,
освободят наш мир?
И большинство людей
всё так же остаются под ярмом.
Уход, каким бы
не был он высоким,
не спасает жизнь,

Life that is left behind on a fallen
earth.

Escape cannot uplift the
abandoned race

Or bring to it victory and the reign
of God.

A greater power must come, a
larger light.

Although Light grows on earth
and Night recedes,

Yet till the evil is slain in its own
home

And Light invades the world's
inconscient base

And perished has the adversary
Force,

He still must labour on, his work
half done.

One yet may come armoured,
invincible;

His will immobile meets the
mobile hour;

The world's blows cannot bend
that victor head;

Calm and sure are his steps in the
growing Night;

The goal recedes, he hurries not
his pace,

He turns not to high voices in the
night;

He asks no aid from the inferior
gods;

His eyes are fixed on his
immutable aim.

Man turns aside or chooses easier
paths;

He keeps to the one high and
difficult road

That sole can climb to the
Eternal's peaks;

Ту жизнь, что остаётся позади,
на падшей, терпящей крушение
земле.

Уход не может ни поднять
оставленную расу,

Ни принести ей
царство Бога и победу.

Должно придти другое,
более великое могущество,
и более широкий свет.

Хотя Свет на земле растёт
и отступает Ночь,

Пока зло не убито
в собственном жилище,

И Свет не захватил
несознающую основу мира,

И не исчезла прочь
враждебная для человека Сила,

Он должен продолжать свой труд,
его работа сделана наполовину.

Возможно, он ещё придёт,
в броне, непобедимый;

Его недвижимая воля
встретится с текучим временем;

Удары мира не сумеют наклонить
его победную главу;

Спокоен и уверен ход его
в густеющей Ночи;

Цель отдаляется,
но он не ускоряет шаг,

Не поддаётся он
высоким голосам в ночи,

Не просит помощи
богов на низших планах,

Его взгляд отдан
неизменной цели.

Обычный человек свернёт,
иль выберет дороги легче;

Он держится единственного,
трудного, высокого пути

Одной дороги, что взбирается
к вершинам Вечного;

The ineffable planes already have felt his tread;	Неописуемые планы бытия уже почувствовали эту поступь;
He has made heaven and earth his instruments,	Он небеса и землю сделал инструментами,
But the limits fall from him of earth and heaven;	С него слетают все ограничения земли и неба;
Their law he transcends but uses as his means.	Он превосходит их закон, но пользуется ими, как своими средствами.
He has seized life's hands, he has mastered his own heart.	Он за руку хватает жизнь, и он хозяин собственному сердцу.
The feints of Nature mislead not his sight,	Любые ложные движения Природы не обманут взор его,
Inflexible his look towards Truth's far end;	Он неотрывно смотрит на далёкую цель Истины;
Fate's deaf resistance cannot break his will.	Глухое ко всему сопротивление Судьбы не остановит эту волю.
In the dreadful passages, the fatal paths,	В ужасных переходах, и на гибельных путях
Invulnerable his soul, his heart unslain,	Его душа неуязвима, сердце у него бессмертно,
He lives through the opposition of earth's Powers	Он продолжает жить, преодолев сопротивление Сил земли,
And Nature's ambushes and the world's attacks.	Преодолев силки Природы и атаки мира.
His spirit's stature transcending pain and bliss,	В нём дух своею высотой выходит за пределы боли и блаженства,
He fronts evil and good with calm and equal eyes.	Он и добро, и зло встречает ровным и спокойным взглядом.
He too must grapple with the riddling Sphinx	Он тоже должен встретиться со Сфинксом, и с её загадочною речью,
And plunge into her long obscurity.	Нырнуть в её неясный долгий мрак.
He has broken into the Inconscient's depths	Он вторгнулся в глубины Несознания,
That veil themselves even from their own regard:	Которое себя скрывает даже от внимательного собственного взгляда:

He has seen God's slumber shape
 these magic worlds.
 He has watched the dumb God
 fashioning Matter's frame,
 Dreaming the dreams of its
 unknowing sleep,
 And watched the unconscious
 Force that built the stars.
 He has learned the Inconscient's
 workings and its law,
 Its incoherent thoughts and rigid
 acts,
 Its hazard wastes of impulse and
 idea,
 The chaos of its mechanic
 frequencies,
 Its random calls, its whispers
 falsely true,
 Misleaders of the hooded listening
 soul.
 All things come to its ear but
 nothing abides;
 All rose from the silence, all goes
 back to its hush.

 Its somnolence founded the
 universe,
 Its obscure waking makes the
 world seem vain.

 Arisen from Nothingness and
 towards Nothingness turned,
 Its dark and potent nescience was
 earth's start;
 It is the waste stuff from which all
 was made;
 Into its deeps creation can
 collapse.
 Its opposition clogs the march of
 the soul,

Он видел спящую фигуру Бога
 этих всех магических миров.
 Он наблюдал немого Бога,
 что творит каркас Материи,
 Придумывает грёзы
 для её незнающего сна,
 И видел бессознательную Силу,
 что создала звёзды.
 Он изучил работу Несознания,
 его закон,
 Его несвязанные мысли,
 жёсткие дела,
 Его рискованные расточительства
 идей и импульса,
 И хаос частых
 механичных повторений,
 Его случайные призывы,
 шёпоты, похожие на правду,
 Обманщиков сокрытой
 слушающей их души.
 Всё входит в ухо Несознания,
 но ничего не остаётся;
 Всё поднимается
 из этого безмолвия
 И всё приходит снова
 к этой тишине.
 Сон Несознания
 основал вселенную,
 А неотчётливое пробужденье
 заставляет мир
 казаться нам пустым.
 Возникнув из Ничто,
 и в сторону Ничто смотрящее,
 Его могучее и тёмное неведение стало
 начальной точкой для земли;
 Оно — тот мусор и отбросы,
 из которых всё и создано;
 В его глубины
 может рухнуть всё творение.
 И противостоянье с ним
 опутывает марш души,

It is the mother of our ignorance.	Оно — мать нашего невежества.
He must call light into its dark abysses,	Он должен свет призвать в те тёмные пучины,
Else never can Truth conquer Matter's sleep	Иначе Истина не сможет никогда стать победителем над сном Материи,
And all earth look into the eyes of God.	А вся земля — взглянуть в глаза Всевышнего.
All things obscure his knowledge must relume,	И знание его должно вновь осветить все тёмное, неясное,
All things perverse his power must unknot:	Могущество его должно распутать все испорченное и превратное:
He must pass to the other shore of falsehood's sea,	Он должен перейти на противоположный берег моря лжи,
He must enter the world's dark to bring there light.	Он должен погрузить себя в тьму мира, чтобы принести ей свет.
The heart of evil must be bared to his eyes,	Его глазам должна открыться сердцевина зла,
He must learn its cosmic dark necessity,	Он должен изучить его угрюмую космическую неизбежность,
Its right and its dire roots in Nature's soil.	Его права, его зловещие истоки в глубине Природы.
He must know the thought that moves the demon act	Он должен знать ту мысль, что движет демоническое действие
And justifies the Titan's erring pride	И разбираться в ошибающейся гордости Титана,
And the falsehood lurking in earth's crooked dreams:	И в лжи, что прячется в уродливых мечтах земли:
He must enter the eternity of Night	Он должен погрузиться в вечность Ночи,
And know God's darkness as he knows his Sun.	Познать тьму Бога, так же, как познал он Солнце Бога.
For this he must go down into the pit,	Для этого он должен вниз спуститься, в преисподню,

For this he must invade the
dolorous Vasts.

Imperishable and wise and
infinite,

He still must travel Hell the world
to save.

Into the eternal Light he shall
emerge

On borders of the meeting of all
worlds;

There on the verge of Nature's
summit steps

The secret Law of each thing is
fulfilled,

All contraries heal their long
dissidence.

There meet and clasp the eternal
opposites,

There pain becomes a violent fiery
joy;

Evil turns back to its original
good,

And sorrow lies upon the breasts
of Bliss:

She has learned to weep glad tears
of happiness;

Her gaze is charged with a wistful
ecstasy.

Then shall be ended here the Law
of Pain.

Earth shall be made a home of
Heaven's light,

A seer heaven-born shall lodge in
human breasts;

The superconscient beam shall
touch men's eyes

And the truth-conscious world
come down to earth

Invading Matter with the Spirit's
ray,

Для этого он
должен вторгнуться
в печальные Просторы.

Непобедимый, мудрый,
бесконечный,

Он должен путешествовать по Аду,
чтоб спасти наш мир.

Тогда он выйдет
в вечном Свете

Что на границе встречи
всех миров;

Там, на краю
высокой лестницы Природы

Для каждой вещи воплощается
её скрываемый Закон,

И все противоречья исцеляются
от долгого разлада.

Там обнимаются, встречаясь,
вечные противники,

Там боль становится
неистовою, жгучей радостью;

Зло поворачивает вспять,
к первоначальному добру,

И горечь отдыхает
на груди Блаженства:

Она там учится рыдать
весёлыми слезами счастья;

Её взгляд полон
смутного желания экстаза.

Тогда здесь перестанет действовать
Закон Страдания и Боли.

И станет, с той поры, Земля
жилищем света Неба,

И видящий, рождённый небесами,
поселится в груди у человека;

Луч сверхсознания
коснётся глаз людей

И мир сознания-истины
сойдёт к нам, вниз, на землю,

Захватывая светом Духа
всю Материю,

Awaking its silence to immortal
thoughts,
Awaking the dumb heart to the
living Word.
This mortal life shall house
Eternity's bliss,
The body's self taste immortality.

Then shall the world-redeemer's
task be done.

Её молчанье пробудив
к бессмертным мыслям,
Немое сердце пробудив
к живому Слову.
Жизнь смертных станет домом
для блаженства Вечного,
И внутреннее "я" у тела —
познает вкус бессмертия.
Тогда спаситель мира
завершит свою задачу.

"Till then must life carry its seed
of death
And sorrow's plaint be heard in
the slow Night.
O mortal, bear this great world's
law of pain,

In thy hard passage through a
suffering world
Lean for thy soul's support on
Heaven's strength,
Turn towards high Truth, aspire to
love and peace.
A little bliss is lent thee from
above,
A touch divine upon thy human
days.
Make of thy daily way a
pilgrimage,
For through small joys and griefs
thou mov'st towards God.

"Но жизнь до той поры должна
нести зародыш смерти
И будет слышен плач страдания
в неторопливой Ночи.
О смертный, претерпи
закон страдания и боли
этого большого мира,
В своём нелёгком переходе
через терпящий мученья мир,
Ты обопрись на силу Неба
для поддержки собственной души,
Ты повернись к высокой Истине,
стремись к покою и любви.
Тебе даётся свыше
малое блаженство,
Касание божественного
на твоих обычных днях.
Так совершай же
ежедневный путь паломника,
Ведь через маленькие
радости и горести
Ты движешься
навстречу Богу.
Не торопись навстречу Божеству
опасною дорогой,
Не открывай свои врата
для безымянной Силы,
Не поднимайся к Божеству
дорогою Титана.
Наперекор Закону ставит он
свою единственную волю,

Haste not towards Godhead on a
dangerous road,
Open not thy doorways to a
nameless Power,
Climb not to Godhead by the
Titan's road.
Against the Law he pits his single
will,

Across its way he throws his pride
of might.

Heavenward he clammers on a
stair of storms

Aspiring to live near the deathless
sun.

He strives with a giant strength to
wrest by force

From life and Nature the
immortals' right;

He takes by storm the world and
fate and heaven.

He comes not to the high
World-maker's seat,

He waits not for the outstretched
hand of God

To raise him out of his mortality.

All he would make his own, leave
nothing free,

Stretching his small self to cope
with the infinite.

Obstructing the gods' open ways
he makes

His own estate of the earth's air
and light;

A monopolist of the world-energy,
He dominates the life of common
men.

His pain and others' pain he makes
his means:

On death and suffering he builds
his throne.

In the hurry and clangour of his
acts of might,

In a riot and excess of fame and
shame,

By his magnitudes of hate and
violence,

By the quaking of the world
beneath his tread

И поперёк его пути
бросает гордость силы.

Он к небесам взбирается
по лестнице штормов

Стремится рядом жить
с бессмертным солнцем.

Он борется, с гигантской силой,
чтобы вырвать самому

У жизни, у Природы право,
предназначенное для бессмертных;

Он приступом идёт
на мир, судьбу и небеса.

Он не подходит к трону
высочайшего создателя Вселенной,

И он не ждёт
протянутую руку Бога,

Которая бы подняла его
из смертных.

Он всё бы превратил в своё,
не оставляя ничего свободным,

Растягивая собственное маленькое "я",
чтоб охватить им бесконечность.

Блокируя открытые пути богов,
он делает

Своим поместьем воздух,
свет земли;

Монополист энергии вселенной,
Он властвует над жизнями
простых людей.

Он превращает боль свою,
и боль других

в свой инструмент:

На смерти, на страдании
возводит трон.

И в скрежете, и в спешке
актов своего могущества,

В избытке, буйстве
славы и позора,

Своим масштабом
ненависти и насилия,

Дрожаньем мира
под его пятой,

He matches himself against the Eternal's calm	Он ставит самого себя наперекор покою Вечного
And feels in himself the greatness of a god:	И чувствует в себе величье бога:
Power is his image of celestial self.	Могущество — вот лик его небесного, возвышенного "я".
The Titan's heart is a sea of fire and force;	Титана сердце — это океан огня и силы;
He exults in the death of things and ruin and fall,	Он торжествует в разрушении, смерти и падении,
He feeds his strength with his own and others' pain;	Он кормит собственную силу болью, и своею и других;
In the world's pathos and passion he takes delight,	Он в пафосе и страсти мира видит свой восторг,
His pride, his might call for the struggle and pang.	Его могущество и гордость призывают к боли и борьбе.
He glories in the sufferings of the flesh	Он упивается страданием плоти
And covers the stigmata with the Stoic's name.	Скрывая стигмы за идеей Стоиков.
His eyes blinded and visionless stare at the sun,	Его слепые, ничего не видящие очи пристально глядят на солнце,
The seeker's Sight receding from his heart	И Зренье ищущего, уходя из сердца,
Can find no more the light of eternity;	Отныне не находит света вечности;
He sees the beyond as an emptiness void of soul	Он видит запредельное как пустоту, лишённую души,
And takes his night for a dark infinite.	И принимает собственную ночь за бесконечность тьмы.
His nature magnifies the unreal's blank	Его природа раздувает пустоту воображаемого
And sees in Nought the sole reality:	Считая для себя единственной реальностью — Ничто:
He would stamp his single figure on the world,	Возможно, он хотел бы отпечатать одинокий образ свой на мире в целом,
Obsess the world's rumours with his single name.	И осадить молву вселенной одним единственным, ему принадлежащем именем.

His moments centre the vast
universe.

He sees his little self as very God.

His little 'I' has swallowed the
whole world,

His ego has stretched into infinity.

His mind, a beat in original
Nothingness,

Ciphers his thought on a slate of
hourless Time.

He builds on a mighty vacancy of
soul

A huge philosophy of
Nothingness.

In him Nirvana lives and speaks
and acts

Impossibly creating a universe.

An eternal zero is his formless
self,

His spirit the void impersonal
absolute.

Take not that stride, O growing
soul of man;

Cast not thy self into that night of
God.

The soul suffering is not eternity's
key,

Or ransom by sorrow heaven's
demand on life.

O mortal, bear, but ask not for the
stroke,

Too soon will grief and anguish
find thee out.

Too enormous is that venture for
thy will;

Only in limits can man's strength
be safe;

Свои мгновенья видит он
как центр широкого
большого мира.

Он видит маленькое "я" своё,
как истинного Бога.

Так маленькое "я" его
заглатывает целый мир,

А эго — тянется, и тянется,
до бесконечности.

В нём ум, биенье
изначального Ничто,

Шифрует мысль его
на грифельной доске

Не разделённого на части Времени.

Он строит на могучем основании
отсутствия души

Невиданных размеров
философию Ничто.

Нирвана в нём живёт,
и говорит, и действует,

Немыслимо творя вселенную.

Его бесформенное "я" —
подобно вечному нулю,

В нём дух —
пустой, безличный абсолют.

Не делай шага этого,
растущая душа;

И не бросай себя
в ночь Бога.

Страдание души —
не ключ от вечности,

Не выкупа печалью
небо требует от жизни.

О смертный, потерпи,
и не проси удара,

Уж слишком скоро
горе и мучение найдут тебя.

Уж слишком велико
для воли человека это действо.

Лишь в неких рамках
может сила человека
оставаться невредимой;

Yet is infinity thy spirit's goal;	И всё же, бесконечность —
	цель для духа твоего;
Its bliss is there behind the world's	Её блаженство —
face of tears.	позади лица вселенной,
	залитой слезами.
A power is in thee that thou	В тебе — могущество,
knowest not;	которого ты и не знаешь;
Thou art a vessel of the	Ты, человек — сосуд
imprisoned spark.	для заточённой в глубине искры.
It seeks relief from Time's	Она стремится выбраться
envelopment,	из оболочки Времени,
And while thou shutst it in, the	Пока её ты запираешь
seal is pain:	у себя внутри,
	Печать становится
	страданием и болью:
Bliss is the Godhead's crown,	Блаженство есть корона Божества,
eternal, free,	свободная и вечная,
Unburdened by life's blind	И не отягощённая слепой мистерией
mystery of pain:	страдания и боли жизни:
Pain is the signature of the	Боль — это
Ignorance	подписи Невежества,
Attesting the secret god denied by	Которые ведут к присяге
life:	тайного, скрываемого бога,
	отвергаемого жизнью:
Until life finds him pain can never	Пока жизнь не найдёт его,
end.	боль никогда не прекратится.
Calm is self's victory overcoming	Спокойствие —
fate.	победа внутреннего "я",
	преодолевшего судьбу.
Bear; thou shalt find at last thy	Терпи; и ты найдешь,
road to bliss.	в конце концов,
	свой путь к блаженству.
Bliss is the secret stuff of all that	Блаженство — это тайная материя
lives,	всего живого,
Even pain and grief are garbs of	И даже боль и горе — только
world-delight,	одеяния восторга мира,
It hides behind thy sorrow and thy	Оно сокрыто за твоим
cry.	страданием и призывом.
Because thy strength is a part and	Та сила, что в тебе —
not God's whole,	часть силы Бога, а не вся,
Because afflicted by the little self	И ощущая боль
	от маленького "я",

Thy consciousness forgets to be
 divine
 As it walks in the vague penumbra
 of the flesh
 And cannot bear the world's
 tremendous touch,
 Thou criest out and sayst that
 there is pain.
 Indifference, pain and joy, a triple
 disguise,
 Attire of the rapturous Dancer in
 the ways,
 Withhold from thee the body of
 God's bliss.
 Thy spirit's strength shall make
 thee one with God,
 Thy agony shall change to ecstasy,
 Indifference deepen into infinity's
 calm
 And joy laugh nude on the peaks
 of the Absolute.

"O mortal who complainst of
 death and fate,
 Accuse none of the harms thyself
 hast called;
 This troubled world thou hast
 chosen for thy home,
 Thou art thyself the author of thy
 pain.
 Once in the immortal
 boundlessness of Self,
 In a vast of Truth and
 Consciousness and Light
 The soul looked out from its
 felicity.

Твоё сознание забывает
 быть божественным;
 Шагая по неясной
 полутени плоти
 И не способная терпеть
 огромное прикосновение мира,
 Ты горестно кричишь,
 и говоришь, что это боль.
 Но безразличье, боль и радость —
 лишь тройная маска,
 Лишь одеянье восхищённого Танцора
 на его путях,
 Что закрывает от тебя основу,
 суть блаженства Бога.
 Наступит час
 и сила собственного духа
 сделает тебя единым с Богом,
 Твоя агония
 перерастёт в экстаз,
 И безразличие сгустится
 до покоя бесконечности,
 А радость обнажит себя,
 с весёлым смехом,
 на вершинах Абсолюта.

"О смертный, недовольный
 смертью и судьбой,
 Не надо никого винить за вред,
 который сам ты вызвал;
 Ты сам же выбрал
 этот беспокойный мир
 своим жилищем,
 Ты сам есть автор
 собственных страданий, боли.
 Когда-то, в высоте
 бессмертной безграничности
 Божественного "Я"
 В просторе Истины,
 Сознания и Света
 Душа выглядывала
 из своей небесной радости.

It felt the Spirit's interminable
bliss,
It knew itself deathless, timeless,
spaceless, one,
It saw the Eternal, lived in the
Infinite.
Then, curious of a shadow thrown
by Truth,
It strained towards some otherness
of self,
It was drawn to an unknown Face
peering through night.

It sensed a negative infinity,

A void supernal whose immense
excess
Imitating God and everlasting
Time
Offered a ground for Nature's
adverse birth
And Matter's rigid hard
unconsciousness
Harbouring the brilliance of a
transient soul
That lights up birth and death and
ignorant life.
A Mind arose that stared at
Nothingness
Till figures formed of what could
never be;

It housed the contrary of all that
is.

A Nought appeared as Being's
huge sealed cause,

Its dumb support in a blank
infinite,
In whose abysm spirit must
disappear:

Она там ощущала
беспредельное блаженство Духа,
И видела себя бессмертной,
вне пространства, времени, единой,
Она смотрела в Вечное,
существовала в Бесконечном.
Потом ей стала любопытна тень,
которую отбрасывает Истина,
Что шла к чему-то,
что отлично от неё,
Она была притянута
к неведомому Лику,
смотревшему сквозь ночь.
Она почувствовала
отрицательную бесконечность,
Небесное ничто,
чьи необъятные пределы
Стремилась подражать Всевышнему
и вечно длящемуся Времени,
И предлагали почву для рождения
враждебных сил Природы
Для жёсткого, тяжёлого
беспамятства Материи,
Которое даёт убежище для блеска
временно живущей в ней души,
Что освещает и рождение,
и смерть, и жизнь в невежестве.
Поднялся Ум, что начал
пристально смотреть в Ничто,
Пока не появились образы,
которые могли бы
никогда и не возникнуть;
Он поселил в своих глубинах
противоположности всего,
что существует.
Ничто явилось как огромная,
сокрытая печатями
причина Бытия,
Как молчаливая его поддержка
в чистой бесконечности,
В той пропасти,
где должен раствориться дух:

A darkened Nature lived and held
the seed
Of Spirit hidden and feigning not
to be.

Eternal Consciousness became a
freak
Of an unsouled almighty
Inconscient
And, breathed no more as spirit's
native air,
Bliss was an incident of a mortal
hour,
A stranger in the insentient
universe.
As one drawn by the grandeur of
the Void
The soul attracted leaned to the
Abyss:
It longed for the adventure of
Ignorance
And the marvel and surprise of the
Unknown
And the endless possibility that
lurked
In the womb of Chaos and in
Nothing's gulf
Or looked from the unfathomed
eyes of Chance.
It tired of its unchanging happiness,
It turned away from immortality:
It was drawn to hazard's call and
danger's charm,
It yearned to the pathos of grief,
the drama of pain,
Perdition's peril, the wounded bare
escape,
The music of ruin and its glamour
and crash,

И затемнённая Природа стала жить,
удерживая семя Духа,
Который был сокрыт
и притворялся,
что не существует.
Так Вечное Сознание
стало прихотью,
Капризом Несознания,
бездушного и всемогущего,
И больше не дыша
родною атмосферой духа,
Блаженство стало редким эпизодом
часа смертных,
Пришельцем в той
бесчувственной вселенной.
И привлечённая
величием Пустоты,
Душа, притянутая этим,
наклонилась над Пучиной:
Ей страстно захотелось
приключения Невежества,
Чудес и удивленья
Неизвестного,
И нескончаемых возможностей,
которые скрываются
Во чреве Хаоса,
и в пропасти Ничто,
Иль смотрят из бездонных глаз
Случайности.
Она устала от
неизменяемого счастья,
И повернула прочь
от своего бессмертия:
Её вдруг потянуло
к зову авантюры,
и к очарованию опасности,
Ей захотелось пафоса мучения
и горя, драмы боли,
Ей захотелось риска гибели,
ухода в ранах и лишениях,
Особой музыки и красоты
разрухи и крушения,

The savour of pity and the gamble of love	И вкуса горести, и радостных прыжков любви
And passion and the ambiguous face of Fate.	И страсти, и двусмысленного облика Судьбы.
A world of hard endeavour and difficult toil,	Мир трудностей, усилий, тяжкого труда,
And battle on extinction's perilous verge,	И битва на опасной грани угасания,
A clash of forces, a vast incertitude,	И столкновение сил, простор неоднозначности,
The joy of creation out of Nothingness,	И радость созиданья из Ничто,
Strange meetings on the roads of Ignorance	И неожиданные встречи на путях Невежества,
And the companionship of half-known souls	И дружеские отношения полужнакомых душ
Or the solitary greatness and lonely force	Уединенное величие, иль одинокое могущество
Of a separate being conquering its world,	Отдельного, самостоятельного существа, что покоряет мир,
Called it from its too safe eternity.	Её тянули, звали прочь из слишком безопасной вечности.
A huge descent began, a giant fall:	И началось громадное схождение вниз, гигантское падение:
For what the spirit sees, creates a truth	Ведь то, что видит дух — рождает истину,
And what the soul imagines is made a world.	А что воображает для себя душа, становится вселенной.
A Thought that leaped from the Timeless can become,	И Мысль, что выпрыгнула из Вневременья, способна стать
Indicator of cosmic consequence	Стрелой указателя космических последствий,
And the itinerary of the gods, A cyclic movement in eternal Time.	Путеводителем богов, Циклическим движеньем в вечном Времени.
Thus came, born from a blind tremendous choice,	Так и пришёл, рождённый от громадного слепого выбора
This great perplexed and discontented world,	Весь наш великий, ставящий в тупик, Дающий повод для претензий, мир,

This haunt of Ignorance, this
home of Pain:
There are pitched desire's tents,
grief's headquarters.
A vast disguise conceals the
Eternal's bliss."

Then Aswapati answered to the
seer:
"Is then the spirit ruled by an
outward world?
O seer, is there no remedy within?

But what is Fate if not the spirit's
will
After long time fulfilled by
cosmic Force?
I deemed a mighty Power had
come with her;
Is not that Power the high
compeer of Fate?"
But Narad answered covering
truth with truth:
"O Aswapati, random seem the
ways
Along whose banks your footsteps
stray or run
In casual hours or moments of the
gods,
Yet your least stumblings are
foreseen above.

Infallibly the curves of life are
drawn
Following the stream of Time
through the unknown;
They are led by a clue the calm
immortals keep.
This blazoned hieroglyph of
prophet morns

Убежище Невежества,
дом Боли:
В нём лагерем стоят шатры желаний,
штаб-квартиры горя.
А за широкой маской
прячется блаженство Вечного."

На это Ашвапати
отвечал провидцу:
"Выходит — духом управляет
внешний мир?
Провидец, разве нет внутри
от этого защиты?
И что же есть Судьба,
если не воля духа,
Исполненная после долгих лет
космическим Могуществом?
Я полагал, что вместе с ней¹
пришла большая Сила;
И разве эта Сила —
не высокий компаньон Судьбы?"
Но отвечал ему Нарада,
пряча истину за истиной:
"О Ашвапати,
беспорядочными кажутся пути
По чьим уступам то блуждают,
то бегут твои стопы
В часы что подчиняются случайности
или в мгновения богов,
Но даже все твои
мельчайшие запинки предугаданы
заранее на небесах.
Кривые повороты жизни
безошибочно проведены
Сквозь неизвестность
по потоку Времени;
Ведёт их ключ, который в тишине
хранят бессмертные.
Украшенный гербами,
тайный знак пророческого утра,

¹ Савитри, *прим.пер.*

A meaning more sublime in
symbols writes
Than sealed Thought wakes to,
but of this high script
How shall my voice convince the
mind of earth?

Heaven's wiser love rejects the
mortal's prayer;
Unblinded by the breath of his
desire,
Unclouded by the mists of fear
and hope,
It bends above the strife of love
with death;
It keeps for her her privilege of
pain.
A greatness in thy daughter's soul
resides
That can transform herself and all
around
But must cross on stones of
suffering to its goal.
Although designed like a nectar
cup of heaven,
Of heavenly ether made she
sought this air,
She too must share the human
need of grief
And all her cause of joy transmute
to pain.
The mind of mortal man is led by
words,
His sight retires behind the walls
of Thought
And looks out only through
half-opened doors.
He cuts the boundless Truth into
sky-strips
And every strip he takes for all the
heavens.

Он вкладывает в символы другое,
более возвышенное содержание,
Чем то, к чему проснулась
скрытая печатью Мысль,
Но как мой голос сможет
рассказать уму земли
о том высоком смысле?

Любовь небес мудрее нас,
не слушая молитву смертного;
Не ослеплённая дыханием
его желания,
Не замутнённая туманом
страха и надежд,
Она склонилась над борьбой
любви со смертью,
И сохраняет для неё
особые права на боль.
У дочери твоей
в душе живёт величие,
Что может преобразовать
её саму и всё вокруг,
Но к этой цели нужно ей пройти
по мостовой страдания.
Хотя, задуманная, как
нектарный кубок неба,
Иль сотворённая божественным эфиром,
она искала эту атмосферу,
Ей тоже нужно разделить
потребность человека в горе
И все те обстоятельства,
что радость превращают в боль.
Ум человека
направляют и ведут слова,
Его взгляд отступает
за ограду Мысли
И смотрит только сквозь
открытые наполовину двери.
Из безграничной Истины
он вырезает лоскутки небес
И принимает каждый лоскуток
за небо в целом.

He stares at infinite possibility

And gives to the plastic Vast the
name of Chance;

He sees the long results of an
all-wise Force

Planning a sequence of steps in
endless Time

But in its links imagines a
senseless chain

Or the dead hand of cold
Necessity;

He answers not to the mystic
Mother's heart,

Misses the ardent heavings of her
breast

And feels cold rigid limbs of
lifeless Law.

The will of the Timeless working
out in Time

In the free absolute steps of
cosmic Truth

He thinks a dead machine or
unconscious Fate.

A Magician's formulas have made
Matter's laws

And while they last, all things by
them are bound;

But the spirit's consent is needed
for each act

And Freedom walks in the same
pace with Law.

All here can change if the
Magician choose.

If human will could be made one
with God's,

If human thought could echo the
thoughts of God,

Man might be all-knowing and
omnipotent;

Он изумлённо смотрит
в бесконечную возможность

И называет Случаем
весь этот гибкий
и податливый Простор;

Он видит отдалённый результат
всемудрой Силы

Планирующей ряд шагов
в огромном бесконечном Времени,

Но в связях этих видит
лишь бесчувственную цепь

Иль мёртвую ладонь
холодной Неизбежности;

Не отвечая сердцу
тайной и мистичной Матери

Он упускает пылкие подъёмы
любящей её груди

И только ощущает тело
жёсткого, холодного,
бездушного Закона.

Так волю и намеренье Вневременья,
что воплощается во Времени

В шагах вселенской Истины,
наполненных свободой абсолюта,

Он видит мёртвую машиной
или бессознательной Судьбой.

По уравниеньям Чародея
созданы законы для Материи;

Пока они работают,
все вещи ими ограничены;

Но каждому поступку, действию
необходимо разрешение духа;

Поэтому Свобода здесь
гуляет рука об руку с Законом.

И всё здесь может измениться,
если это будет выбор Чародея.

О, если б воля человека
стала бы единой с волей Бога,

О, если б мысли человека
были б эхом мыслей Бога,

То человек бы стал
всезнающим и всемогущим;

But now he walks in Nature's
doubtful ray.
Yet can the mind of man receive
God's light,
The force of man can be driven by
God's force,
Then is he a miracle doing
miracles.
For only so can he be Nature's
king.
It is decreed and Satyavan must
die;
The hour is fixed, chosen the fatal
stroke.
What else shall be is written in her
soul
But till the hour reveals the fateful
script,
The writing waits illegible and
mute.
Fate is Truth working out in
Ignorance.
O King, thy fate is a transaction
done
At every hour between Nature and
thy soul
With God for its foreseeing
arbiter.
Fate is a balance drawn in
Destiny's book.
Man can accept his fate, he can
refuse.

Even if the One maintains the
unseen decree
He writes thy refusal in thy credit
page:
For doom is not a close, a mystic
seal.
Arisen from the tragic crash of
life,

Но он пока идёт
под двойственным лучом Природы.
И всё же, ум у человека может
открываться свету Бога,
И сила человека может
направляться силой Бога;
Тогда он станет чудом,
создающим чудеса.
И только так он сможет стать
царём Природы.
Так решено,
и Сатьяван умрёт;
Назначен час,
и выбран роковой удар.
А что ещё —
записано в её¹ душе,
Но до тех пор, пока час этот
не проявит роковой сценарий,
Записанное ждёт
неясным и немым.
Судьба есть Истина,
что исполняется в Невежестве.
О Царь, твоя судьба —
лишь сделка,
Что ежечасно заключается между
Природой и твоей душой,
И с Богом в качестве
предвидящего высшего арбитра.
Судьба — баланс, который
вписан в книгу Неизбежности.
И люди могут
принимать свою судьбу,
но могут и отвергнуть.
И несмотря на то, что сам Единый
утвердил невидимый указ,
Он пишет твой отказ
в твою кредитную страницу:
И рок — не окончанье,
не мистическая тайная печать.
Поднявшись из
трагического краха жизни,

¹ Савитри, прим.пер.

<p>Arisen from the body's torture and death, The spirit rises mightier by defeat;</p> <p>Its godlike wings grow wider with each fall.</p> <p>Its splendid failures sum to victory.</p> <p>O man, the events that meet thee on thy road,</p> <p>Though they smite thy body and soul with joy and grief,</p> <p>Are not thy fate, — they touch thee awhile and pass;</p> <p>Even death can cut not short thy spirit's walk:</p> <p>Thy goal, the road thou choosest are thy fate.</p> <p>On the altar throwing thy thoughts, thy heart, thy works, Thy fate is a long sacrifice to the gods Till they have opened to thee thy secret self</p> <p>And made thee one with the indwelling God.</p> <p>O soul, intruder in Nature's ignorance, Armed traveller to the unseen supernal heights,</p> <p>Thy spirit's fate is a battle and ceaseless march</p>	<p>Поднявшись из мучения и смерти тела, Дух поднимается, став более могучим после поражения;</p> <p>Его богоподобные крыла становятся всё шире после каждого паденья.</p> <p>Его блистательные неудачи в сумме сводятся к победе.</p> <p>О человек, события, которые ты встретишь на своём пути</p> <p>Хотя и ударяют по душе и телу радостью и горем,</p> <p>Не в них твоя судьба — они касаются тебя на время и проходят;</p> <p>И даже смерть не может оборвать твою прогулку духа;</p> <p>Та цель, тот путь, что выбираешь ты — и есть твоя судьба.</p> <p>Бросающая на алтарь твои идеи, сердце и труды, Твоя судьба есть длительное жертвоприношение богам,</p> <p>Пока не пробил час, когда они тебе откроют тайное твоё скрываемое "я",</p> <p>Пока они не сделают тебя единым с Богом, что живёт внутри.</p> <p>О ты, душа, что ворвалась в невежество Природы, Вооружённый путник, что идёт к невидимым божественным высотам,</p> <p>Судьба для духа твоего — непрекращающийся марш,</p>
---	--

Against invisible opponent
Powers,

A passage from Matter into
timeless self.

Adventurer through blind
unforeseeing Time,

A forced advance through a long
line of lives,

It pushes its spearhead through the
centuries.

Across the dust and mire of the
earthly plain,

On many guarded lines and
dangerous fronts,

In dire assaults, in wounded slow
retreats,

Holding the ideal's ringed and
battered fort

Or fighting against odds in lonely
posts,

Or camped in night around the
bivouac's fires

Awaiting the tardy trumpets of the
dawn,

In hunger and in plenty and in
pain,

Through peril and through
triumph and through fall,

Through life's green lanes and
over her desert sands,

Up the bald moor, along the sunlit
ridge,

In serried columns with a
straggling rear

Led by its nomad vanguard's
signal fires,

Marches the army of the waylost
god.

Сражение с враждебными
невидимыми Силами,

И переправа из Материи
во внутреннее "я" вне времени.

Искатель приключений
идуший по слепому,
непредвидящему Времени,

Что должен продвигаться
долгой чередой жизней,

Своим копьем пронзает
проходящие века.

Сквозь пыль и грязь
земных равнин,

На многих охраняемых границах
и опасных рубежах,

В момент ужасных нападений,
медленных, израненных отходах,

Удерживая окружённую,
полуразрушенную крепость идеала,

В борьбе с неравной силой,
в одиночестве, на боевом посту,

Встав ночью лагерем,
вокруг огней походного костра

И ожидая запоздалых звуков
труб зари,

И в голоде, и в изобилии,
и в боли,

Пройдя опасности,
триумфы и падения,

Пройдя зелёные тропинки жизни
или по её пескам пустыни,

По голым пустошам болот,
по солнцем залитому

горному хребту,

В колоннах, сомкнутых
плечом к плечу

и с отстающим тылом,

Ведомое сигнальными огнями
авангарда из кочевников,

Идёт походным маршем
войско заблудившегося бога.

Then late the joy ineffable is felt,
 Then he remembers his forgotten
 self;
 He has refound the skies from
 which he fell.
 At length his front's indomitable
 line
 Forces the last passes of the
 Ignorance:
 Advancing beyond Nature's last
 known bounds,
 Reconnoitring the formidable
 unknown,
 Beyond the landmarks of things
 visible,
 It mounts through a miraculous
 upper air
 Till climbing the mute summit of
 the world
 He stands upon the
 splendour-peaks of God.
 In vain thou mournst that
 Satyavan must die;
 His death is a beginning of greater
 life,
 Death is the spirit's opportunity.

 A vast intention has brought two
 souls close
 And love and death conspire
 towards one great end.

 For out of danger and pain
 heaven-bliss shall come,
 Time's unforeseen event, God's
 secret plan.
 This world was not built with
 random bricks of Chance,

 A blind god is not destiny's
 architect;

А позже ощущает он
 неопишемую радость,
 И вспоминает позабытое им
 внутреннее "я",
 И заново находит небеса,
 с которых пал.
 В конце концов,
 его неукротимый фронт
 С трудом форсирует
 последний перевал Невежества:
 Переходя последние известные
 границы области Природы
 И проводя разведку
 в грозной неизвестности,
 За пограничными столбами
 видимых вещей,
 Он поднимается сквозь
 удивительную атмосферу высоты
 Пока, взбираясь
 на безмолвную вершину мира,
 Не встанет он на пик
 великолепия Бога.
 Напрасно ты скорбишь,
 что Сатьяван умрёт;
 Смерть Сатьявана — старт,
 начало более великой жизни,
 Для духа смерть —
 удобная возможность.
 Широкое намеренье
 соединило эти две души,
 Любовь и смерть,
 договорившись меж собой,
 идут к одной великой цели.
 Из боли и опасности
 придёт небесное блаженство,
 Событие, которое не видит Время,
 тайный план Всевышнего.
 Мир этот был
 построен им не наугад,
 из кирпичей и блоков Случая,
 И не слепые боги —
 архитекторы судьбы.

A conscious power has drawn the
plan of life,
There is a meaning in each curve
and line.

It is an architecture high and grand

By many named and nameless
masons built

In which unseeing hands obey the
Unseen,

And of its master-builders she is
one.

"Queen, strive no more to
change the secret will;

Time's accidents are steps in its
vast scheme.

Bring not thy brief and helpless
human tears

Across the fathomless moments of
a heart

That knows its single will and
God's as one:

It can embrace its hostile destiny;

It sits apart with grief and facing
death,

Affronting adverse fate armed and
alone.

In this enormous world standing
apart

In the mightiness of her silent
spirit's will,

In the passion of her soul of
sacrifice

Her lonely strength facing the
universe,

Сознательная сила начертила
план, систему жизни,

Есть смысл во всякой линии,
в любом её изгибе.

Архитектура эта,

грандиозная, высокая,

Выстраивалась многими
безвестными и именитыми
строителями

И их невидимые глазу руки
подчиняются Незримому,

Она¹ — одна из этих
мастеров-строителей.

"Царица, не старайся изменить
решенье тайной воли;

Все катастрофы Времени —
шаги её широкой схемы.

Не выноси свои недолгие,
беспомощные человеческие слёзы

Наперекор бездонному
мгновенью сердца,

Что знает — воля у него,
и воля Бога — это всё одно:

Оно способно заключить в объятья
неудачную свою судьбу,

Оно сидит вдали от горя
и лицом к лицу

встречает смерть,

Бросая вызов злой судьбе,
вооружённое и одинокое.

И стоя в стороне,
в огромном этом мире,

В могуществе намеренья
её безмолвной воли духа

И в страсти жертвоприношения
её души

Она своею одинокой силой
встретится со всей вселенной,

¹ Савитри, прим.пер.

Affronting fate, asks not man's
help nor god's:

Sometimes one life is charged
with earth's destiny,

It cries not for succour from the
time-bound powers.

Alone she is equal to her mighty
task.

Intervene not in a strife too great
for thee,

A struggle too deep for mortal
thought to sound,

Its question to this Nature's rigid
bounds

When the soul fronts nude of
garbs the infinite,

Its too vast theme of a lonely
mortal will

Pacing the silence of eternity.

As a star, uncompanioned, moves
in heaven

Unastonished by the immensities
of Space,

Travelling infinity by its own
light,

The great are strongest when they
stand alone.

A God-given might of being is
their force,

A ray from self's solitude of light
the guide;

The soul that can live alone with
itself meets God;

Встав на пути судьбы,
и не взывая о поддержке
к человеку или богу:

Бывает, что судьба земли
вверяется одной лишь жизни,

Что не зовёт на помощь силы,
связанные временем.

Одна она по силе соответствует
могучему заданию.

Не вмешивайся в битву,
слишком для тебя большую,

В борьбу, что слишком глубока,
чтоб измерять её

твоею смертной мыслью,

В её стремление пересмотреть
суровые и косные

ограничения Природы,

Когда душа встречается

с лишённой одеяний

бесконечностью,

И в эту слишком

необъятную проблему

одинокой смертной воли,

Что шагом меряет

молчанье вечности.

Как яркая звезда, которая

одна летит по небу,

Не удивляясь

необъятности Пространства,

Исследуя всю бесконечность

лучами собственного света,

Великие сильнее всего,

когда они стоят одни.

От Бога данное могущество

их существа — их сила,

А одинокое сиянье света

внутреннего "я" —

руководитель;

Душа, что может жить

наедине с собой,

встречает Бога;

Its lonely universe is their rendezvous.	Её уединённая вселенная — их место встречи.
A day may come when she must stand unhelped	Возможно, день придёт, когда придётся её стоять, без всякой помощи,
On a dangerous brink of the world's doom and hers,	На угрожающем краю судьбы вселенной и её судьбы,
Carrying the world's future on her lonely breast,	И будущее мира сохранять в своей одной груди,
Carrying the human hope in a heart left sole	И в одиноком сердце у себя нести надежду человека
To conquer or fail on a last desperate verge,	Чтоб победить или погибнуть на последнем и отчаянном краю,
Alone with death and close to extinction's edge.	Наедине со смертью, близко к грани угасания.
Her single greatness in that last dire scene	И одинокое величие её в последней этой страшной сцене
Must cross alone a perilous bridge in Time	Должно одно пройти опасный мост во Времени,
And reach an apex of world-destiny	Подняться к высшей точке судеб мира,
Where all is won or all is lost for man.	Где будет или выиграно всё для человека, или всё потеряно.
In that tremendous silence lone and lost	В той грозной тишине, затерянной и одинокой,
Of a deciding hour in the world's fate,	Решающего часа в судьбах мира,
In her soul's climbing beyond mortal time	В том восхождении её души за рамки человеческого времени,
When she stands sole with Death or sole with God	Когда она поднимется и встанет наедине со Смертью, или же наедине с Всевышним,
Apart upon a silent desperate brink,	Вдали от всех, на грани молчаливого отчаянья,
Alone with her self and death and destiny	Где будет только внутреннее "я", судьба и смерть,
As on some verge between Time and Timelessness	Как будто, на краю, между Безвременьем и Временем,

When being must end or life
rebuild its base,

Alone she must conquer or alone
must fall.

No human aid can reach her in
that hour,

No armoured god stand shining at
her side.

Cry not to heaven, for she alone
can save.

For this the silent Force came
missioned down;

In her the conscious Will took
human shape:

She only can save herself and save
the world.

O queen, stand back from that
stupendous scene,

Come not between her and her
hour of Fate.

Her hour must come and none can
intervene:

Think not to turn her from her
heaven-sent task,

Strive not to save her from her
own high will.

Thou hast no place in that
tremendous strife;

Thy love and longing are not
arbiters there;

Leave the world's fate and her to
God's sole guard.

Когда существование
или завершится,

или жизнь сумеет измениться,

Она одна должна
завоевать победу,

или же погибнуть.

И никакая человеческая помощь
не поможет ей в тот час,

И никакой сияющий, в доспехах, бог
не встанет рядом с ней.

Нет смысла обращаться к небу,
лишь она одна

спасти себя способна.

Для этого спустилось
посланное к нам

безмолвное Могущество

И в ней сознательная Воля
приняла обличье человека:

Спасти себя, и весь наш мир,
способна лишь она одна.

Царица, отойди от этой
грандиозной сцены,

Не становись меж нею
и её Судьбой.

Её час должен наступить
и этому никто

не сможет помешать:

Не думай отвернуть её
от исполнения задачи,
посланной ей небесами,

И не старайся уберечь её
от собственной высокой воли.

Тебе нет места в этой
ужасающей борьбе;

Твоя любовь
и страстное стремление —
здесь не судьи;

Оставь судьбу вселенной,
и её судьбу —
одной защите Бога.

Even if he seems to leave her to her lone strength,	И даже если кажется, что он её оставил на свои лишь силы,
Even though all falters and falls and sees an end	И даже если всё шатается и падает, и видится конец,
And the heart fails and only are death and night,	Отказывает сердце, и вокруг лишь смерть, да ночь,
God-given her strength can battle against doom	То Богом данное её могущество способно биться против рока,
Even on a brink where Death alone seems close	И даже на краю, где кажется, что рядом только Смерть,
And no human strength can hinder or can help.	И никакая человеческая сила не сумеет ни вмешаться, ни помочь.
Think not to intercede with the hidden Will,	Не думай, что ты можешь за неё просить у тайной Воли,
Intrude not twixt her spirit and its force	Не становись меж духом и его небесной силой
But leave her to her mighty self and Fate."	Оставь её на силу внутреннего "я", и на её Судьбу."

He spoke and ceased and left the earthly scene.	Сказал он и исчез, покинувши земную сцену.
Away from the strife and suffering on our globe,	Прочь от борьбы, страдания на планете смертных,
He turned towards his far-off blissful home.	Он повернул к себе, к далёкому жилищу, полному блаженства.
A brilliant arrow pointing straight to heaven,	Сверкающей стрелой, летящей прямо в небеса,
The luminous body of the ethereal seer	Светящееся тело лёгкого, эфирного провидца
Assailed the purple glory of the noon	Атаковало пурпурную славу полдня
And disappeared like a receding star	И растворилось, словно уходящая звезда,
Vanishing into the light of the Unseen.	Вливаясь в яркий свет Незримого.
But still a cry was heard in the infinite,	Но всё ещё был слышен в бесконечности его призыв,

And still to the listening soul on
mortal earth
A high and far imperishable voice
Chanted the anthem of eternal
love.

End of Canto One
End of Book Six

И для души, что слушает
из мира смертных
Высокий и далёкий
вечный голос
Всё длился,
воспевая вечную любовь.

Конец первой песни
Конец шестой книги

Book Seven
THE BOOK OF YOGA

Книга Седьмая
КНИГА ЙОГИ

Canto I
THE JOY OF UNION;
THE ORDEAL OF THE
FOREKNOWLEDGE OF DEATH
AND THE HEART'S GRIEF
AND PAIN

Песня I
РАДОСТЬ ЕДИНЕНИЯ;
ТЯЖЁЛОЕ ИСПЫТАНИЕ
ПРЕДВИДЕНИЕМ СМЕРТИ,
ГОРЕМ СЕРДЦА
И БОЛЬЮ

Fate followed her foreseen
immutable road.

Man's hopes and longings build
the journeying wheels
That bear the body of his destiny

And lead his blind will towards an
unknown goal.
His fate within him shapes his acts
and rules;

Its face and form already are born
in him,
Its parentage is in his secret soul:

Here Matter seems to mould the
body's life
And the soul follows where its
nature drives.
Nature and Fate compel his
free-will's choice.

But greater spirits this balance can
reverse
And make the soul the artist of its
fate.

Судьба шагала дальше
по предсказанному,
неизменному пути.
Надежды и желанья человека
создают бегущие колёса,
Которые несут основу
предназначенных ему событий,
Ведут его слепую волю
к неизвестной цели.
Его судьба внутри него
выстраивает все его поступки,
направляет их;
В нём рождены уже
и форма их, и лик,
Их прародители —
в его сокрытой ото всех душе:
А здесь нам кажется —
жизнь тела формируется Материей,
И что душа идёт туда,
куда её ведёт природа.
Судьба с Природой вынуждают
человека со свободной волей
сделать выбор.
Но люди с более великим духом
могут опрокинуть это равновесие
И сделать душу
архитектором своей судьбы.

This is the mystic truth our
ignorance hides:
Doom is a passage for our inborn
force,
Our ordeal is the hidden spirit's
choice,
Ananke is our being's own decree.

All was fulfilled the heart of
Savitri

Flower-sweet and adamant,
passionate and calm,

Had chosen and on her strength's
unbending road

Forced to its issue the long cosmic
curve.

Once more she sat behind loud
hastening hooves;

A speed of armoured squadrons
and a voice

Far-heard of chariots bore her
from her home.

A couchant earth wakened in its
dumb muse

Looked up at her from a vast
indolence:

Hills wallowing in a bright haze,
large lands

That lolled at ease beneath the
summer heavens,

Region on region spacious in the
sun,

Cities like chrysolites in the wide
blaze

And yellow rivers pacing
lion-maned

В том состоит мистическая истина,
сокрытая невежеством людей:

Рок — это переход
для нашей нерождённой силы,

Все наши испытанья —
скрытый выбор духа,

Ананке — лишь решенья,
принимаемые нашим
существом внутри.

Всем наслаждалось
сердце у Савитри,

То сладостное, как цветок,
то непреклонное,

то страстное, то тихое,

Оно свой выбор сделало,
и направляемое собственной силой
по прямой дороге

Толкало к завершенью
эту длинную космическую линию.

Она опять сидела позади
стучащих, поспешающих копыт;

И быстрое движенье
эскадронов в латах,

И слышный далеко шум колесниц,
несли её всё дальше,
прочь от дома.

Проснувшись в молчаливом
размышленье,
распростёртая земля,

Глядела на неё
из необъятной праздности:

Холмы, купавшиеся в яркой дымке
и широкие равнины,

Что вольно нежились
под летним небом,

Один край за другим,
просторные и залитые солнцем,

И города, как хризолиты
в уходящем вдаль сиянии,

И жёлтые потоки рек,
с их львиной гривой волн

Led to the Shalwa marches'
emerald line,
A happy front to iron vastnesses

And austere peaks and titan
solitudes.
Once more was near the fair and
fated place,
The borders gleaming with the
groves' delight
Where first she met the face of
Satyavan
And he saw like one waking into a
dream
Some timeless beauty and reality,

The moon-gold sweetness of
heaven's earth-born child.

The past receded and the future
neared:
Far now behind lay Madra's
spacious halls,
The white carved pillars, the cool
dim alcoves,
The tinged mosaic of the crystal
floors,
The towered pavilions, the
wind-rippled pools
And gardens humming with the
murmur of bees,
Forgotten soon or a pale memory

The fountain's splash in the white
stone-bound pool,
The thoughtful noontide's
brooding solemn trance,
The colonnade's dream grey in the
quiet eve,
The slow moonrise gliding in
front of Night.

Вели к границе
изумрудных очертаний Шалвы,
Счастливому фасаду
пред суровыми просторами
Высоких, аскетических вершин
и титанических уединённых мест.
И снова рядом было то прекрасное,
судьбою предназначенное место
С границей из
сияющих восторгом рощ,
Там, где впервые встретила она
лик Сатьявана,
И он увидел, словно
пробудившись в грёзу
Какой-то вечной красоты,
вневременной реальности,
Всю лунно-золотую сладость
на земле рождённого
небесного дитя.
Всё дальше уходило прошлое,
а будущее приближалось:
Лежали где-то далеко сейчас
просторные чертоги Мадры,
Резные белые колонны,
затенённые прохладные альковы,
Цветистая мозаика
полов из мрамора,
Бассейны в ряби от ветров
и павильоны с башнями,
Сады, гудящие
от звона пчёл,
И быстро забываемый
и тающий в воспоминаниях
Плеск тихого ключа в пруду
с каймой из белой гальки,
И полный размышлений
транс задумчивого полдня,
И бледное виденье колоннады
в мирный вечер,
И медленный восход луны,
скользящей по фасаду Ночи.

Left far behind were now the faces
 known,
 The happy silken babble on
 laughter's lips
 And the close-clinging clasp of
 intimate hands
 And adoration's light in cherished
 eyes
 Offered to the one sovereign of
 their life.
 Nature's primaeval loneliness was
 here:
 Here only was the voice of bird
 and beast, —
 The ascetic's exile in the
 dim-souled huge

 Inhuman forest far from cheerful
 sound
 Of man's blithe converse and his
 crowded days.
 In a broad eve with one red eye of
 cloud,
 Through a narrow opening, a
 green flowered cleft,

 Out of the stare of sky and soil
 they came

 Into a mighty home of emerald
 dusk.
 There onward led by a faint
 brooding path
 Which toiled through the shadow
 of enormous trunks
 And under arches misers of
 sunshine,
 They saw low thatched roofs of a
 hermitage
 Huddled beneath a patch of azure
 hue

Остались позади сейчас
 знакомые, родные лица,
 Весёлый мягкий разговор
 со смехом на устах,
 И близко льнувшее
 объятие знакомых рук,
 Свет восхищенья
 в дорогом для сердца взгляде,
 Что подносился их
 единственной царице жизни.
 А здесь царило первобытное,
 нетронутое одиночество природы
 И раздавались только
 голоса зверей и птиц, —
 Здесь мог быть только
 аскетический уход
 в огромный и безжалостный,
 Безлюдный лес, вдали
 от жизнерадостного звука
 Весёлых разговоров человека
 и дней его, наполненных делами.
 Широком вечером,
 под алым глазом облака,
 Сквозь узкие проходы,
 сквозь зелёную,
 покрытую цветами щель,
 Они вошли,
 под пристальными взглядами
 земли и неба,
 В могучее жилище
 изумрудных сумерек.
 И там, ведомые задумчивой,
 едва заметною тропинкой,
 Что пробиралась через тень
 огромных кряжистых стволов,
 Под арками ветвей,
 почти не пропускавших солнце,
 Они увидели покрытые соломой
 хижины отшельников,
 Струдившиеся под клочком
 небесной синевы

In a sunlit clearing that seemed the outbreak	В просвете солнечного света, что казался
Of a glad smile in the forest's monstrous heart,	Сияньем радостной улыбки в исполинской сердцевине леса,
A rude refuge of the thought and will of man	Простым пристанищем для мысли и для воли человека,
Watched by the crowding giants of the wood.	Под наблюдением столпившихся лесных гигантов.
Arrived in that rough-hewn homestead they gave,	Войдя в ту грубо сделанную хату,
Questioning no more the strangeness of her fate,	Они отдали, более не удивляясь странностям её судьбы,
Their pride and loved one to the great blind king,	Свою любовь и гордость этому великому ослепшему царю,
A regal pillar of fallen mightiness	Внушавшей уважение колонне падшего могущества,
And the stately care-worn woman once a queen	И величавой женщине, измученной заботой, некогда царице,
Who now hoped nothing for herself from life,	Которая уже не ожидала ничего от жизни для себя,
But all things only hoped for her one child,	Но все надежды связывала со своим единственным дитя,
Calling on that single head from partial Fate	Прося пристрастную Судьбу послать на ту единственную голову
All joy of earth, all heaven's beatitude.	Все радости земли и всё блаженство неба.
Adoring wisdom and beauty like a young god's,	И обожая мудрого, красивого, как молодого бога, сына
She saw him loved by heaven as by herself,	Ей представлялось — он любим и небесами также, как и ею,
She rejoiced in his brightness and believed in his fate	Она была горда его незаурядностью и верила в его судьбу,
And knew not of the evil drawing near.	Не ведая о зле, что незаметно подползало ближе.
Lingering some days upon the forest verge	Лишь ненадолго задержавшись в том лесном краю,

Like men who lengthen out
 departure's pain,
 Unwilling to separate sorrowful
 clinging hands,
 Unwilling to see for the last time a
 face,
 Heavy with the sorrow of a
 coming day
 And wondering at the carelessness
 of Fate
 Who breaks with idle hands her
 supreme works,
 They parted from her with
 pain-fraught burdened hearts
 As forced by inescapable fate we
 part
 From one whom we shall never
 see again;
 Driven by the singularity of her
 fate,
 Helpless against the choice of
 Savitri's heart
 They left her to her rapture and
 her doom
 In the tremendous forest's savage
 charge.
 All put behind her that was once
 her life,
 All welcomed that henceforth was
 his and hers,

 She abode with Satyavan in the
 wild woods:
 Priceless she deemed her joy so
 close to death;
 Apart with love she lived for love
 alone.
 As if self-poised above the march
 of days,

 Her immobile spirit watched the
 haste of Time,

По-человечески желая оттянуть
 боль расставания,
 Стремясь не размыкать печальные,
 прильнувшие к друг другу руки,
 Стараясь не смотреть в лицо
 последней утекающей минуте,
 Тяжёлые от скорби
 наступающего дня
 И поражаясь
 беззаботности Судьбы,
 Что рушит праздными руками
 лучшие свои творения,
 Они покинули её с нелёгким,
 полным боли сердцем,
 Как принуждаемые
 неизбежностью судьбы,
 Мы расстаёмся с тем,
 кого уж не увидим больше;
 Под властью странности
 её судьбы,
 Беспомощные пред
 её решением сердца,
 Они её отдали воле рока
 и её восторгу,
 На попечение огромного
 заброшенного леса.
 Оставив позади все то,
 что прежде наполняло жизнь,
 Приветствуя всё то,
 что с этих пор
 принадлежало им обоим,
 Савитри поселилась с Сатьяваном
 в этих диких чащах:
 Бесценной ей казалось радость,
 стоящая так близка к смерти;
 Уединившись со своей любовью,
 она жила лишь для любви одной.
 И, словно, воспарив
 над маршем этих дней,
 и сохраняя равновесие
 Её недвижимый дух
 смотрел на спешку Времени,

A statue of passion and invincible
force,
An absolutism of sweet imperious
will,
A tranquillity and a violence of
the gods
Indomitable and immutable.

Как изваянье страсти
и непобедимой силы,
С абсолютизмом ласковой
и властной воли,
Наполненный спокойствием
и яростью богов,
Неукротимый и бесповоротный.

At first to her beneath the
sapphire heavens
The sylvan solitude was a
gorgeous dream,
An altar of the summer's
splendour and fire,
A sky-topped flower-hung palace
of the gods
And all its scenes a smile on
rapture's lips
And all its voices bards of
happiness.
There was a chanting in the casual
wind,
There was a glory in the least
sunbeam;
Night was a chrysoprase on velvet
cloth,
A nestling darkness or a moonlit
deep;
Day was a purple pageant and a
hymn,
A wave of the laughter of light
from morn to eve.
His absence was a dream of
memory,
His presence was the empire of a
god.
A fusing of the joys of earth and
heaven,
A tremulous blaze of nuptial
rapture passed,

В начале для неё
под голубыми небесами
Лесное одиночество
казалось ярким сном,
Похожим на алтарь
огня и блеска лета,
Дворцом богов, с небесным куполом,
увешанным цветами,
Все сцены в нём —
улыбки на губах восторга,
Все голоса его —
песнь бардов счастья.
Ей слышался хорал
в любом случайном ветерке,
И виделось сиянье
в самом маленьком луче;
Ночь становилась хризопразом
в бархатной оправе,
Уютной темнотой иль
озаряемой луною глубиной;
День становился гимном,
пышным царским карнавалом,
Волною смеха света,
с самого утра и до заката.
В его¹ отсутствии —
всё становилось грёзой памяти,
В его присутствии —
всё превращалось в царство бога.
Всё было сплавом
радостей земли и неба,
И трепетным сияньем
свадебного яркого восторга,

¹ Сатьяван, прим. пер.

A rushing of two spirits to be one,	Стремленьем духа у неё, и у него
	соединиться воедино,
A burning of two bodies in one	Горением двух тел
flame.	в едином пламени.
Opened were gates of	Врата незабываемого
unforgettable bliss:	счастья и блаженства
	распахнулись перед ними:
Two lives were locked within an	И жизни их переплелись
earthly heaven	внутри земных небес,
And fate and grief fled from that	Судьба и горе улетали прочь
fiery hour.	от этих пламенных часов.
But soon now failed the summer's	Но вскоре приутихло
ardent breath	пылкое дыханье лета,
And throngs of blue-black clouds	И поползли по небу
crept through the sky	толпы сине-чёрных туч,
And rain fled sobbing over the	Дождь побежал, рыдая,
dripping leaves	по промокшим листьям,
And storm became the forest's	Шторм становился
titan voice.	титаническим звучаньем леса.
Then listening to the thunder's	Тогда, прислушиваясь
fatal crash	к роковым ударам грома,
And the fugitive pattering	И к беглым, барабаниющим
footsteps of the showers	шагам дождя,
And the long unsatisfied panting	И к длительному ненасытному
of the wind	удушью ветра,
And sorrow muttering in the	К печали, бормотавшей
sound-vexed night,	в раздражённом звуке ночи,
The grief of all the world came	Скорбь всей вселенной
near to her.	подступила к ней.
Night's darkness seemed her	Ночная темнота предстала
future's ominous face.	злым лицом её грядущего.
The shadow of her lover's doom	Тень рока встала
arose	над её любимым,
And fear laid hands upon her	И страх клал руки ей на сердце,
mortal heart.	сердце смертной.
The moments swift and ruthless	Безжалостные быстрые мгновения
raced; alarmed	бежали наперегонки;
Her thoughts, her mind	Тревожны были мысли, ум,
remembered Narad's date.	что вспоминали день,
	объявленный Нарадой.
A trembling moved accountant of	Дрожь приходила словно
her riches,	ревизор её богатств,

She reckoned the insufficient days
between:

A dire expectancy knocked at her
breast;

Dreadful to her were the footsteps
of the hours:

Grief came, a passionate stranger
to her gate:

Banished when in his arms, out of
her sleep

It rose at morn to look into her
face.

Vainly she fled into abysses of
bliss

From her pursuing foresight of the
end.

The more she plunged into love
that anguish grew;

Her deepest grief from sweetest
gulfs arose.

Remembrance was a poignant
pang, she felt

Each day a golden leaf torn
cruelly out

From her too slender book of love
and joy.

Thus swaying in strong gusts of
happiness

And swimming in foreboding's
sombre waves

And feeding sorrow and terror
with her heart,—

For now they sat among her
bosom's guests

Or in her inner chamber paced
apart,—

Она подсчитывала
сколько дней ещё осталось:

Страх ожидания
стучался в грудь;

Ужасны были для неё
шаги часов:

Явилось горе,
страстный незнакомец,
у её ворот:

Гонимое из снов и отсылаемое прочь
в его¹ объятиях,

Оно вставало утром
посмотреть в её лицо.

Напрасно было улетать
в пучины счастья и блаженства

От неотступного
предвиденья конца.

И чем сильнее она ныряла
в океан любви,

Тем нестерпимей
становилась мука;

Её глубины горя вырастали
из пучины сладости.

Воспоминанье стало
острой болью,

Она всё время ощущала
каждый день

Как золотой прекрасный лист,
что грубо вырывался

Из слишком тонкой книги
наслажденья и любви.

И так, качаясь в налетающем,
подобно шквалу, счастье,

И плавая в волнах
дурных предчувствий,

Питая силой собственного сердца
ужас и страдание,

Которые уже сидели
среди гостей её души,

Или расхаживали где-то в отдалении,
во внутренних её палатах,

¹ Сатьявана, прим. пер.

Her eyes stared blind into the
future's night.
Out of her separate self she looked
and saw,
Moving amid the unconscious
faces loved,

In mind a stranger though in heart
so near,
The ignorant smiling world go
happily by
Upon its way towards an unknown
doom
And wondered at the careless lives
of men.
As if in different worlds they
walked, though close,

They confident of the returning
sun,
They wrapped in little hourly
hopes and tasks,—
She in her dreadful knowledge
was alone.
The rich and happy secrecy that
once
Enshrined her as if in a silver
bower
Apart in a bright nest of thoughts
and dreams

Made room for tragic hours of
solitude
And lonely grief that none could
share or know,
A body seeing the end too soon of
joy
And the fragile happiness of its
mortal love.

Её глаза, не видя, всматривались
в ночь грядущего.
Из внутреннего "я" она смотрела,
отстранённая, и видела,
Всё так же двигаясь
среди любимых
неосознающих лиц,
Умом нездешняя,
но сердцем очень близкая,
Как этот улыбавшийся
невежественный мир
Счастливо шёл своим путём
к неведомому року
И удивлялась беззаботным жизням
остальных людей.
Они как будто шли по разным,
отличавшимся мирам,
хотя и близким,
Уверенные в том, что солнце
обязательно вернётся,
Они закутывались в маленькие
ежечасные надежды и дела, —
В своём ужасном знании
она была одна.
Богатое, счастливое уединение,
что прежде
Её хранило, словно
в серебристом будуаре,
Вдали от всех,
в прекрасном гнездышке
из грёз и мыслей,
Отныне стало местом для
трагических часов уединения
И одинокого мучительного горя,
которое никто не мог
с ней разделить, понять,
Для тела, видящего
слишком быстро
приближавшийся конец
Всей хрупкой радости и счастья
этой смертной,
человеческой любви.

Her quiet visage still and sweet and calm,	Её спокойный, тихий облик, нежный, безмятежный,
Her graceful daily acts were now a mask;	Приятные дела обычных дней сейчас служили маской;
In vain she looked upon her depths to find	Она напрасно вглядывалась внутрь, в свои глубины, чтоб найти
A ground of stillness and the spirit's peace.	Основу для спокойствия и мира духа.
Still veiled from her was the silent Being within	Пока что было скрыто от неё то Существо, безмолвное, внутри
Who sees life's drama pass with unmoved eyes,	Что наблюдает неподвижным взглядом драму жизни,
Supports the sorrow of the mind and heart	Поддерживает муки сердца и ума,
And bears in human breasts the world and fate.	Несёт судьбу и целый мир в груди у человека.
A glimpse or flashes came, the Presence was hid.	Бывали проблески и озарения, но то Присутствие всё же оставалось скрытым.
Only her violent heart and passionate will	И лишь её неистовое сердце, наполненная страстью воля
Were pushed in front to meet the immutable doom;	В ней вышли на передний план, чтоб встретиться с бесповоротным роком;
Defenceless, nude, bound to her human lot	Лишённые одежд и беззащитные, привязанные к своему уделу человека,
They had no means to act, no way to save.	Они не видели — ни что им делать, ни пути спастись.
These she controlled, nothing was shown outside:	Она их сдерживала, ничего во вне не пропуская:
She was still to them the child they knew and loved;	Для всех она была, по-прежнему, дитя, Которое они и знали, и любили;
The sorrowing woman they saw not within.	Наполненной страданием женщины внутри они не замечали.
No change was in her beautiful motions seen:	Не видно было перемен в её движениях, по-прежнему прекрасных:

A worshipped empress all once
vied to serve,

She made herself the diligent serf
of all,

Nor spared the labour of broom
and jar and well,

Or close gentle tending or to heap
the fire

Of altar and kitchen, no slight task
allowed

To others that her woman's
strength might do.

In all her acts a strange divinity
shone:

Into a simplest movement she
could bring

A oneness with earth's glowing
robe of light,

A lifting up of common acts by
love.

All-love was hers and its one
heavenly cord

Bound all to all with her as golden
tie.

But when her grief to the surface
pressed too close,

These things, once gracious
adjuncts of her joy,

Seemed meaningless to her, a
gleaming shell,

Or were a round mechanical and
void,

Her body's actions shared not by
her will.

Always behind this strange
divided life

Her spirit like a sea of living fire

Любимой повелительнице
все старались
чем-нибудь помочь.

Она же сделала себя
заботливой служанкою для всех,

И не чуралась ни кувшина,
ни колодца, ни метлы,

Ухаживала нежно и с вниманьем
за больным, следила за огнём

На кухне или в алтаре,
взяв на себя те мелкие работы,

Что были ей
по женским силам.

Во всех её делах светилась
непривычная божественность:

В простейшее движение
она могла внести

Единство со сверкавшим одеянием
лучей земли,

Любовью возвышая
самые обычные дела.

В ней появилась все-любовь,
которая одной небесною струной

Соединяла всё со всем,
и с нею, золотою нитью.

Но если горе,
что давило на поверхностное,

Вдруг становилось
слишком близким,

Всё это, раньше
добавляющее радость,

Казалось ей бессмысленным,
блестящую обёртку,

Иль становилось откровенно
механическим, пустым,

Движеньем тела,
без участия её желания и воли.

И постоянно, позади
той странной разделённой жизни,

Её дух, словно океан
живого пламени,

Possessed her lover and to his body clung,	Захватывал любимого, льнул к дорожному телу,
One locked embrace to guard its threatened mate.	И заключал в объятия, чтоб защитить попавшего в беду супруга.
At night she woke through the slow silent hours	Ночами просыпаясь, медленными тихими часами,
Brooding on the treasure of his bosom and face,	Она с тоскою размышляла над сокровищем его груди, лица,
Hung o'er the sleep-bound beauty of his brow	Нависнув над его прекрасным, замершим во сне челом,
Or laid her burning cheek upon his feet.	Свою горячую щеку клала к нему на ноги.
Waking at morn her lips endlessly clung to his,	Проснувшись утром губы льнули нескончаемо к его губам,
Unwilling ever to separate again	И не желали никогда потом не отрываться,
Or lose that honeyed drain of lingering joy,	Терять медовые глотки томительной, тягучей радости,
Unwilling to loose his body from her breast,	И не желали отпускать куда-то это тело от своей груди,
The warm inadequate signs that love must use.	Те тёплые, хотя и недостаточные знаки, Которые приходится использовать любви.
Intolerant of the poverty of Time	Не вынося всю эту нищету и скудость Времени,
Her passion catching at the fugitive hours	В ней страсть цеплялась за летящие часы,
Willed the expense of centuries in one day	И за один текущий день, пыталась оплатить
Of prodigal love and the surf of ecstasy;	Цену столетий расточительной любви и океанских волн экстаза;
Or else she strove even in mortal time	Она старалась даже в смертном времени
To build a little room for timelessness	Отгородить хотя бы маленькое место для безвременья
By the deep union of two human lives,	При помощи глубокого объединенья жизни двух людей,

Her soul secluded shut into his
 soul.
 After all was given she demanded
 still;
 Even by his strong embrace
 unsatisfied,
 She longed to cry, "O tender
 Satyavan,
 O lover of my soul, give more,
 give more

 Of love while yet thou canst, to
 her thou lov'st.
 Imprint thyself for every nerve to
 keep

 That thrills to thee the message of
 my heart.
 For soon we part and who shall
 know how long

 Before the great wheel in its
 monstrous round
 Restore us to each other and our
 love?"
 Too well she loved to speak a
 fateful word

 And lay her burden on his happy
 head;
 She pressed the outsurging grief
 back into her breast
 To dwell within silent, unhelped,
 alone.
 But Satyavan sometimes half
 understood,
 Or felt at least with the uncertain
 answer
 Of our thought-blinded hearts the
 unuttered need,

И собственную душу
 запереть в его душе.
 После всего, что было её дано,
 она хотела, требовала больше;
 Не насыщаясь даже
 крепкими его объятиями,
 Хотелось ей вскричать,
 "О нежный Сатьяван,
 Возлюбленный моей души,
 дай больше, больше
 мне любви,
 Пока ты это можешь,
 той, которую ты любишь.
 Ты отпечатайся на
 каждом нерве у меня,
 чтоб сохранить
 Послание, что для тебя
 в моём трепещет сердце.
 Ведь скоро мы с тобою разлучимся,
 и никогда никто не скажет —
 сколько лет пройдёт,
 Пока великое, космическое колесо
 в своём громадном обороте
 Нас не вернёт друг к другу
 и к любви?"
 Но слишком велика была её любовь,
 чтоб вслух сказать
 то роковое слово,
 И возложить свой груз
 на это радостную голову;
 Она лишь загоняла рвущееся горе
 обратно, в собственную грудь
 Чтоб жить внутри, в молчании,
 без помощи, одной.
 А Сатьяван отчасти,
 временами, понимал
 Иль чувствовал, по крайней мере,
 с неуверенным ответом
 От наших,
 ослеплённых мыслями, сердец,
 её невыразимую нужду,

The unplumbed abyss of her deep
passionate want.

All of his speeding days that he
could spare

From labour in the forest hewing
wood

And hunting food in the wild
sylvan glades

And service to his father's
sightless life

He gave to her and helped to
increase the hours

By the nearness of his presence
and his clasp,

And lavish softness of
heart-seeking words

And the close beating felt of heart
on heart.

All was too little for her
bottomless need.

If in his presence she forgot
awhile,

Grief filled his absence with its
aching touch;

She saw the desert of her coming
days

Imaged in every solitary hour.

Although with a vain imaginary
bliss

Of fiery union through death's
door of escape

She dreamed of her body robed in
funeral flame,

She knew she must not clutch that
happiness

To die with him and follow,
seizing his robe

Неизмеримую пучину
страстного её глубокого желания.

И всё из ускоряющихся дней своих,
что мог он уберечь

От своего труда в лесу
по заготовке дров,

И от охоты на
лесных нехоженных полянах,

И помощи отцу
в его незрячей жизни,

Он отдавал ей и тем самым
помогал растягивать часы

Своею близостью,
присутствием, объятием,

И щедрой нежностью
идуших к сердцу слов,

И близостью биения,
что сердце чувствует у сердца.

Но для её бездонной,
нескончаемой нужды,
всё было слишком мало.

И если рядом с ним
она на время забывалась,

То без него страданье
наполняло всё вокруг
болезненным касанием;

Ей виделась пустыня
из её грядущих дней,

Что появлялась всякий раз
в час одиночества.

И хоть она с напрасно представляемым
блаженством единения в огне,

Мечтала с ним уйти из жизни
сквозь ворота смерти,

Чтоб тело у неё оделось
в пламя погребального костра,

Она прекрасно знала,
что нельзя цепляться ей
за это счастье —

Вдвоём с ним умереть,
и далее пойти,

схватив его за одеяние

Across our other countries,
travellers glad
Into the sweet or terrible Beyond.

For those sad parents still would
need her here

To help the empty remnant of
their day.
Often it seemed to her the ages'
pain

Had pressed their quintessence
into her single woe,

Concentrating in her a tortured
world.

Thus in the silent chamber of her
soul
Cloistering her love to live with
secret grief

She dwelt like a dumb priest with
hidden gods

Unappeased by the wordless
offering of her days,

Lifting to them her sorrow like
frankincense,
Her life the altar, herself the
sacrifice.

Yet ever they grew into each other
more

Until it seemed no power could
rend apart,

Since even the body's walls could
not divide.

Через другие наши страны,
радостными путниками
В прекрасное иль ужасающее
Запредельное.

Ибо она останется нужна
его печальным
пожилым родителям,
Чтоб помогать оставшимся
пустым их дням.

И часто ей казалось,
что страдания и боль эпох
Слились и спрессовались
в квинтэссенцию
в её отдельном горе,
И сконцентрировали в ней
весь наш измученный
несчастный мир.

Так в тихой комнате
своей души,
Закрывшись от всего в своей любви
чтоб продолжать жить
с тайным горем

Она была подобна
молчаливому жрецу
невидимых богов,

Что недовольны были
бессловесной службой
проходящих дней,

К ним поднимая горе,
словно фимиам,
Её жизнь становилась алтарём,
она сама —
им подносимой жертвой.

И так они вращались
все теснее и тесней
друг в друга,

Пока не показалось,
что нет сил, способных
эту пару разлучить,

И даже стены тел
уже не разделяли их.

For when he wandered in the
forest, oft
Her conscious spirit walked with
him and knew
His actions as if in herself he
moved;

He, less aware, thrilled with her
from afar.
Always the stature of her passion
grew;
Grief, fear became the food of
mighty love.
Increased by its torment it filled
the whole world;
It was all her life, became her
whole earth and heaven.
Although life-born, an infant of
the hours,
Immortal it walked unslayable as
the gods:

Her spirit stretched measureless in
strength divine,
An anvil for the blows of Fate and
Time:
Or tired of sorrow's passionate
luxury,
Grief's self became calm,
dull-eyed, resolute,
Awaiting some issue of its fiery
struggle,
Some deed in which it might for
ever cease,
Victorious over itself and death
and tears.

The year now paused upon the
brink of change.
No more the storms sailed with
stupendous wings

И часто было, что когда
скитался он в лесу
Её осознающий дух
гулял там вместе с ним
И знал его дела,
как если бы он двигался
и находился в ней;
И он, чуть менее осознавая,
трепетал с ней издали.
В ней сила чувства становилась
всё сильнее и сильнее
И страх, и горе были пищей
для могучей их любви.
Так, разрастаясь от мучений,
она заполнила весь мир,
И стала всею жизнью у неё,
и всей её землей и небесами.
Хотя её любовь была дитя часов,
рождённая от жизни,
Она шла по земле
бессмертная, непобедимая,
как боги:

Её дух расширялся до безмерности
в божественном усилии,
На наковальне под ударами
Судьбы и Времени:
А иногда, устав от
страстных удовольствий скорби,
Само страданье становилось
тихим, блёклым и неколебимым,
И ожидало некого исхода
этой яростной борьбы,
Какого-то деяния, в котором бы оно
могло бы навсегда исчезнуть,
Победы над собой,
над смертью, над слезами.

И год сейчас остановился,
замерев на грани перемен.
Уже не проносились штормы
на огромных крыльях,

And thunder strode in wrath
 across the world,
 But still was heard a muttering in
 the sky
 And rain dripped wearily through
 the mournful air
 And grey slow-drifting clouds
 shut in the earth.
 So her grief's heavy sky shut in
 her heart.
 A still self hid behind but gave no
 light:

No voice came down from the
 forgotten heights;
 Only in the privacy of its brooding
 pain

Her human heart spoke to the
 body's fate.

End of Canto One

И громы не шагали гневно
 через этот мир,
 Но было слышно до сих пор
 какое-то ворчанье в небе,
 И скучно барабанил дождь
 сквозь скорбный воздух,
 И серые, плывущие неторопливо тучи
 закрывали землю.
 Тяжёлый небосвод страдания
 окутал сердце у неё.
 В ней полное покоя внутреннее "я"
 укрылось позади,
 и не давало света:
 Ни голоса не приходило вниз,
 из позабытых высей;
 И только в этой,
 ото всех закрытой области
 её нависшей боли
 С судьбою тела говорило
 человеческое сердце.

Конец первой песни

Book Seven
THE BOOK OF YOGA

Книга Седьмая
КНИГА ЙОГИ

Canto II
THE PARABLE OF THE
SEARCH FOR THE SOUL

Песня II
ПАРАБОЛА
ПОИСКА ДУШИ

As in the vigilance of the sleepless
night
Through the slow heavy-footed
silent hours,
Repressing in her bosom its load
of grief,
She sat staring at the dumb tread
of Time
And the approach of ever-nearing
Fate,
A summons from her being's
summit came,
A sound, a call that broke the seals
of Night.
Above her brows where will and
knowledge meet

A mighty Voice invaded mortal
space.
It seemed to come from
inaccessible heights
And yet was intimate with all the
world
And knew the meaning of the
steps of Time
And saw eternal destiny's
changeless scene
Filling the far prospect of the
cosmic gaze.

Когда она сидела, словно на посту,
бессонной ночью
Медлительными молчаливыми часами
с тяжким шагом,
Сопротивляясь ноше горя
у себя в груди,
И пристально смотрела
на глухую поступь Времени,
На очертанья постоянно
приближавшейся Судьбы,
С вершины существа её
спустился зов,
Какой-то звук, призыв,
ломающий печати Ночи.
Там, над её бровями,
где встречаются у человека
знание и воля,
Могучий Голос вторгся
в смертное пространство.
Казалось, он сошёл
с недостижимых высот,
И в то же время был родным
всему на свете,
И знал значенье
каждого движенья Времени,
И видел неизменную картину
вечно существующей судьбы,
Наполненной далёкой перспективой
космического взгляда.

As the Voice touched, her body
became a stark

And rigid golden statue of
motionless trance,

A stone of God lit by an amethyst
soul.

Around her body's stillness all
grew still:

Her heart listened to its slow
measured beats,

Her mind renouncing thought
heard and was mute:

"Why camest thou to this dumb
deathbound earth,

This ignorant life beneath
indifferent skies

Tied like a sacrifice on the altar of
Time,

O spirit, O immortal energy,
If 'twas to nurse grief in a helpless
heart

Or with hard tearless eyes await
thy doom?

Arise, O soul, and vanquish Time
and Death."

But Savitri's heart replied in the
dim night:

"My strength is taken from me and
given to Death.

Why should I lift my hands to the
shut heavens

Or struggle with mute inevitable
Fate

Or hope in vain to uplift an
ignorant race

Как только этот Голос
прикоснулся к ней,
всё тело у неё застыло, став

Прекрасной твёрдой статуей
недвижимого транса,

И камнем Бога, освещаемым
её душой как аметистом.

Всё стало тихим рядом
с тем затихшим телом:

В ней сердце слушало свои
неторопливые ритмичные удары,

Ум, отвергая мысль,
внимал и был немым:

"Зачем же ты пришла
на эту молчаливую,
привязанную к смерти землю,

В жизнь полную невежества,
под равнодушным небом,

Опутанная словно жертва Времени
на алтаре,

О дух, бессмертная энергия,
Затем ли чтоб кормить страдание
беспомощного сердца,

Или с тяжёлыми глазами,
выплакав все слёзы,
ждать свой роковой конец?

Вставай же, о душа,
и покори своею силой
Смерть и Время."

Но сердце у Савитри отвечало
среди неясной ночи:

"Моё могущество забрали у меня
и дали Смерти.

Зачем тянуть мне руки
к затворённым небесам,

Или бороться с молчаливой
неизбежностью Судьбы,

Иль зря надеяться,
что из невежества
смогу поднять я расу,

Who hug their lot and mock the
saviour Light

And see in Mind wisdom's sole
tabernacle,

In its harsh peak and its
inconscient base

A rock of safety and an anchor of
sleep?

Is there a God whom any cry can
move?

He sits in peace and leaves the
mortal's strength

Impotent against his calm
omnipotent Law

And Inconscience and the
almighty hands of Death.

What need have I, what need has
Satyavan

To avoid the black-meshed net,
the dismal door,

Or call a mightier Light into life's
closed room,

A greater Law into man's little
world?

Why should I strive with earth's
unyielding laws

Or stave off death's inevitable
hour?

This surely is best to pactise with
my fate

And follow close behind my
lover's steps

And pass through night from
twilight to the sun

Across the tenebrous river that
divides

Что держится за свой удел,
смеётся над спасающим
небесным Светом,

Считает Ум своим единственным
жилищем мудрости,

А грубую его вершину
и несознающую основу —

Скалой надёжности
и якорем для сна?

Да есть ли Бог, которого
хоть чей-то крик
способен сдвинуть с места?

Он восседает в мире и покое,
оставляя силу смертных

Беспомощной перед его Законом,
хладнокровным и всеильным,

И Несознанием,
и всемогущими руками Смерти.

Какая мне нужда,
какая есть нужда
для Сатьявана

Стараться избежать зловещих врат
и чёрной путаной сети,

Иль призывать какой-то
более могучий Свет
в закрытую палату жизни,

Иль более возвышенный Закон
спуститься в маленький
мир человека?

Зачем мне биться
с непреклонными законами земли

Или стараться отдалить хоть как-то
неминуемый час смерти?

Наверно лучший выход —
согласиться со своей судьбой,

Пойти вслед за шагами
моего любимого,

Пройти сквозь ночь, из сумерек,
по направлению к солнцу,

Пересекая мрачную реку,
что разделяет

The adjoining parishes of earth
 and heaven.
 Then could we lie in armed breast
 upon breast,
 Untroubled by thought, untroubled
 by our hearts,
 Forgetting man and life and time
 and its hours,
 Forgetting eternity's call,
 forgetting God."
 The Voice replied: "Is this
 enough, O spirit?
 And what shall thy soul say when
 it wakes and knows
 The work was left undone for
 which it came?

 Or is this all for thy being born on
 earth
 Charged with a mandate from
 eternity,
 A listener to the voices of the
 years,
 A follower of the footprints of the
 gods,
 To pass and leave unchanged the
 old dusty laws?
 Shall there be no new tables, no
 new Word,
 No greater light come down upon
 the earth
 Delivering her from her
 unconsciousness,
 Man's spirit from unalterable
 Fate?
 Can'st thou not down to open the
 doors of Fate,
 The iron doors that seemed for
 ever closed,
 And lead man to Truth's wide and
 golden road

Соседей-прихожан
 земли и неба.
 Тогда бы мы могли лежать,
 обнявшись, грудь к груди,
 Не задеваемые мыслью,
 не тревожимые нашими сердцами,
 Забыв людей, и жизнь,
 и время, и его часы,
 Забыв зов вечности,
 забыв о Боге."
 Ей Голос отвечал:
 "И этого тебе достаточно, о дух?
 И что твоя душа на это скажет,
 пробудившись и узнав,
 Что то заданье,
 для которого она пришла,
 осталось неисполненным?
 И это всё, зачем здесь,
 на земле,
 Твоё родилось существо,
 с мандатом, данным вечностью,
 Умеющее слушать
 голос этих лет,
 Идущее вслед за богами —
 уйти,
 Оставив неизменными
 все эти старые и пыльные законы?
 Не будет нового священного писания
 и нового божественного Слова,
 И более великий свет
 не спустится на землю
 Освободить её
 от несознания,
 А дух людей —
 от непреложности Судьбы?
 Ты не сойдёшь
 открыть врата Судьбы,
 Железные врата,
 что кажутся закрытыми навеки,
 Не поведёшь людей
 широкой, золотой дорогой Истины,

That runs through finite things to
eternity?

Is this then the report that I must
make,

My head bowed with shame
before the Eternal's seat,—

His power he kindled in thy body
has failed,

His labourer returns, her task
undone?"

Then Savitri's heart fell mute, it
spoke no word.

But holding back her troubled
rebel heart,

Abrupt, erect and strong, calm like
a hill,

Surmounting the seas of mortal
ignorance,

Its peak immutable above mind's
air,

A Power within her answered the
still Voice:

"I am thy portion here charged
with thy work,

As thou myself seated for ever
above,

Speak to my depths, O great and
deathless Voice,

Command, for I am here to do thy
will."

The Voice replied: "Remember
why thou cam'st:

Find out thy soul, recover thy hid
self,

In silence seek God's meaning in
thy depths,

Которая проходит
через мир конечного
и убегает в вечность?

Такой ответ
я должен буду дать,

Склоняясь со стыдом
пред троном Вечного —

Его могущество, что он зажёт
в твоём прекрасном теле —
потерпело неудачу,

Его работник возвратился
и не выполнил свою задачу?"

В ответ на это
сердце у Савитри смолкло,
не сказав ни слова.

Но тут, удерживая позади
её мятежное встревоженное сердце,

Прямая, резкая и сильная,
спокойная, как горная гряда,

Превосходя моря
невежества людей,

Её вершина, что всегда была
над воздухом ума,

Могущество внутри неё —
ответило на сказанное
этим тихим Голосом:

"Я — часть твоя,
которой поручили
выполнить твою работу,

Я, как и ты, была
всё время наверху,
Скажи моим глубинам,
о великий и бессмертный Голос,

Командуй, ибо я здесь
чтоб твою исполнить волю."

Тот Голос отвечал:

"Зачем пришла ты, вспомни:

Найти здесь собственную душу
восстановить своё
скрываемое "я",

В молчании искать смысл Бога
в глубине своей,

Then mortal nature change to the
divine.
Open God's door, enter into his
trance.
Cast Thought from thee, that
nimble ape of Light:
In his tremendous hush stilling thy
brain
His vast Truth wake within and
know and see.
Cast from thee sense that veils thy
spirit's sight:
In the enormous emptiness of thy
mind
Thou shalt see the Eternal's body
in the world,
Know him in every voice heard by
thy soul,

In the world's contacts meet his
single touch;

All things shall fold thee into his
embrace.
Conquer thy heart's throbs, let thy
heart beat in God:
Thy nature shall be the engine of
his works,
Thy voice shall house the
mightiness of his Word:
Then shalt thou harbour my force
and conquer Death."

Then Savitri by her doomed
husband sat,
Still rigid in her golden motionless
pose,
A statue of the fire of the inner
sun.
In the black night the wrath of
storm swept by,

А после — смертную природу
заменить божественной.
Открой дверь Бога,
в транс его войди.
Отбрось подальше Мысль,
вертлявую макаку Света:
Его огромной тишиною
успокой свой мозг
И пробуди Его просторы Истины,
внутри себя, смотри и познавай.
Отбрось прочь чувства,
что скрывают видение духа:
Тогда среди
огромной пустоты ума
Ты в этом мире станешь
видеть тело Вечного,
Ты станешь узнавать его
во всяком голосе,
услышанном твоей душой,
Во всех контактах с миром
будешь ты встречаться
лишь с его касанием;
И всё возьмёт тебя
в его объятия.
Свой трепет сердца покори,
и пусть оно забьётся в Боге:
Твоя природа станет инструментом
для его работ,
А голос твой вместит могущество
его божественного Слова:
Тогда ты силу приютишь мою
и станешь победительницей
Смерти."
Савитри села рядом
с обречённым мужем,
Ещё застывшая в своей
прекрасной неподвижной позе,
Как статуя огня,
из внутреннего солнца.
Снаружи, в чёрной ночи,
проносился гнев штормов,

The thunder crashed above her,
the rain hissed,
Its million footsteps pattered on
the roof.
Impassive mid the movement and
the cry,
Witness of the thoughts of mind,
the moods of life,
She looked into herself and sought
for her soul.

A dream disclosed to her the
cosmic past,
The crypt-seed and the mystic
origins,
The shadowy beginnings of
world-fate:
A lamp of symbol lighting hidden
truth
Imaged to her the world's
significance.
In the indeterminate formlessness
of Self
Creation took its first mysterious
steps,
It made the body's shape a house
of soul
And Matter learned to think and
person grew;
She saw Space peopled with the
seeds of life
And saw the human creature born
in Time.
At first appeared a dim
half-neutral tide
Of being emerging out of infinite
Nought:

Над ней гремел и разрывался гром,
хлестал повсюду дождь,
Его неисчислимые удары
барабанили по крыше.
Бесстрастная среди
движения и шума,
Свидетель мыслей,
что текут в уме
и настроений жизни,
Она смотрела внутрь себя,
она искала собственную душу.

Видение открыло ей
космическое прошлое,
Запрятанное в тайном месте семя
и мистический источник,
Неясные начала
мировой судьбы:
И светоч символа,
что освещал
скрываемую истину
Ей показал значение
и смысл вселенной.
В той неопределённости,
бесформенности "Я"
Творенье делало свои
таинственные первые шаги,
Телесный облик
превращало в дом души,
Материю учило думать,
личность — развиваться;
Она¹ увидела Пространство,
населённое зародышами жизни
И человеческое существо,
рождённое во Времени.
Вначале появилось смутное,
не до конца определённое
течение бытия,
Всплывавшего из
бесконечного Ничто:

¹ Савитри, прим. пер.

A consciousness looked at the
inconscient Vast
And pleasure and pain stirred in
the insensible Void.

All was the deed of a blind
World-Energy:
Unconscious of her own exploits
she worked,
Shaping a universe out of the Inane.
In fragmentary beings she grew
aware:

A chaos of little sensibilities
Gathered round a small ego's
pin-point head;

In it a sentient creature found its
poise,
It moved and lived a breathing,
thinking whole.
On a dim ocean of subconscious
life
A formless surface consciousness
awoke:
A stream of thoughts and feelings
came and went,
A foam of memories hardened and
became
A bright crust of habitual sense
and thought,
A seat of living personality
And recurrent habits mimicked
permanence.
Mind nascent laboured out a
mutable form,
It built a mobile house on shifting
sands,

A floating isle upon a bottomless
sea.

Сознание кинуло свой взгляд
на бессознательный Простор
И наслаждение вместе с болью
шевелинулись посреди
лишённой чувства Пустоты.

Всё было действием
слепой Энергии Вселенной:

Она работала, не сознавая
собственных свершений,
Творя вселенную из Ничего.
Во фрагментарных существах
она росла и становилась
более осознающей:

И хаос мелких ощущений
Выстраивался возле
точечной головки
крошечного эго;

Воспринимающее существо
могло найти в нём равновесие,
Оно там двигалось, существовало
как дышащее, мыслящее целое.

В неясном океане
жизни подсознания
Проснулось некое сознание,
бесформенное и поверхностное:

Потоки мыслей, ощущений
приходили, уходили,

Но пена памяти о них
затвердевала

И становилась яркой коркой
из привычных чувств и мысли,

Опорой жизни личности,
А повторение привычек
имитировало непрерывность.

Ум, нарождаясь, вырабатывал
изменчивую форму,

Он строил для себя
подвижное жилище
на зыбучей почве,

Плавучий островок
в бездонном море.

A conscious being was by this
labour made;
It looked around it on its difficult
field
In the green wonderful and
perilous earth;
It hoped in a brief body to survive,
Relying on Matter's false eternity.
It felt a godhead in its fragile
house;
It saw blue heavens, dreamed
immortality.

Сознательное существо возникло
в результате этого труда;
Оно осматривалось на своём
нелёгком поле
На замечательной, зелёной,
полной всяческих опасностей земле;
Оно хотело выжить в брэнном теле,
Поверив ложной вечности Материи.
В своём непрочном доме
оно почувствовало божество;
Оно смотрело в голубые небеса,
мечтало о бессмертии.

A conscious soul in the
Inconscient's world,
Hidden behind our thoughts and
hopes and dreams,
An indifferent Master signing
Nature's acts

Leaves the vicegerent mind a
seeming king.
In his floating house upon the sea
of Time

The regent sits at work and never
rests:

He is a puppet of the dance of
Time;

He is driven by the hours, the
moment's call

Compels him with the thronging
of life's need

And the babel of the voices of the
world.

This mind no silence knows nor
dreamless sleep,

In the incessant circling of its
steps

Thoughts tread for ever through
the listening brain;

Осознающая душа
среди мира Несознания,
Сокрытая за нашими надеждами,
мечтами, мыслями,
Бесстрастная Хозяйка
ставит подпись

под деяньями Природы,
Наместником нам оставляет ум,
что представляется царём.

В своём жилище,
проплывающем
по морю Времени

Сидит тот регент за работой,
никогда не отдыхая:

Он лишь марионетка
в танце Времени;

Его ведёт ход времени
и зов сиюминутности

Всецело подчиняет ум
толпе житейских нужд,

И вавилонскому столпотворенью
голосов вселенной.

Не знает этот ум
ни о безмолвии,
ни о ночах без сна,

В безостановочном кружении
своих шагов

Всё время мысли ходят
через слушающий мозг;

It toils like a machine and cannot
stop.
Into the body's many-storeyed rooms
Endless crowd down the
dream-god's messages.

All is a hundred-toned murmur
and babble and stir,
There is a tireless running to and
fro,
A haste of movement and a
ceaseless cry.
The hurried servant senses answer
apace
To every knock upon the outer
doors,
Bring in time's visitors, report
each call,

Admit the thousand queries and
the calls
And the messages of
communicating minds
And the heavy business of
unnumbered lives
And all the thousandfold
commerce of the world.
Even in the tracts of sleep is scant
repose;
He mocks life's steps in strange
subconscient dreams,

He strays in a subtle realm of
symbol scenes,
His night with thin-air visions and
dim forms

He packs or peoples with slight
drifting shapes
And only a moment spends in
silent Self.

Он трудится как механизм
и не способен приостановиться.
По многоярусным палатам тела
Толпою без начала и конца
спускаются посланья
грёзы-бога.

И всё — сотнеголосый гул,
болтание и суета,
И беготня без усталости
туда, и сразу же обратно,
Движенье в спешке,
непрерывный крик.
И слуги-чувства
торопливо отзываются
На каждый стук
во внешние врата,
Приводят визитёров времени,
и отвечают на любой
пришедший зов,

Воспринимают тысячи
запросов и призывов,
Послания общающихся
меж собой умов,
И тяжесть дел
неисчислимых жизней,
И всю тысячекратную
коммерцию вселенной.

И даже если спит он,
скуден этот отдых;
Он пародирует движенья жизни
в странных снах
из подсознания,

Блуждает в тонком царстве
символических сцен,

И ночь свою с виденьями
из тонкой атмосферы
и неясных форм

Он заполняет или населяет
лёгкими скользящими телами,

И лишь одно мгновение
проводит он
в безмолвном Высшем "Я".

Adventuring into infinite mind-space	Осмелившись пуститься в бесконечное ментальное пространство,
He unfolds his wings of thought in inner air,	Он раскрывает крылья мысли в этом внутреннем особом воздухе,
Or travelling in imagination's car	Иль путешествует в повозке своего воображения,
Crosses the globe, journeys beneath the stars,	Пересекает шар земной и странствует под звёздами,
To subtle worlds takes his ethereal course,	И в тонкие миры прокладывает свой эфирный курс,
Visits the Gods on Life's miraculous peaks,	На удивительных вершинах Жизни навещает он Богов,
Communicates with Heaven, tampers with Hell.	Он разговаривает с Небесами, он суётся в Ад.
This is the little surface of man's life.	Таков рисунок этой маленькой и неглубокой жизни человека.
He is this and he is all the universe;	Он — эта маленькая жизнь, и в то же время — вся вселенная;
He scales the Unseen, his depths dare the Abyss;	Его размах соизмерим с Незримым, его глубины смело смотрят в Бездну,
A whole mysterious world is locked within.	И целый тайный мир скрывается внутри него.
Unknown to himself he lives a hidden king	Неведомый для самого себя, живёт он, скрытый царь,
Behind rich tapestries in great secret rooms;	В великих тайных залах, покрытых гобеленами;
An epicure of the spirit's unseen joys,	Эпикурец и знаток незримых наслаждений духа,
He lives on the sweet honey of solitude:	Его питает сладость мёда одиночества:
A nameless god in an unapproachable fane,	Неведомое божество в недостижимом храме
In the secret adytum of his inmost soul	В секретной комнате, лежащей глубоко внутри его души
He guards the being's covered mysteries	Хранит сокрытые мистерии существования,

Beneath the threshold, behind
shadowy gates
Or shut in vast cellars of
inconscient sleep.
The immaculate Divine
All-Wonderful
Casts into the argent purity of his
soul
His splendour and his greatness
and the light
Of self-creation in Time's infinity

As into a sublimely mirroring
glass.
Man in the world's life works out
the dreams of God.

But all is there, even God's
opposites;
He is a little front of Nature's
works,
A thinking outline of a cryptic
Force.
All she reveals in him that is in
her,
Her glories walk in him and her
darknesses.
Man's house of life holds not the
gods alone:

There are occult Shadows, there
are tenebrous Powers,

Inhabitants of life's ominous
nether rooms,
A shadowy world's stupendous
denizens.
A careless guardian of his nature's
powers,
Man harbours dangerous forces in
his house.

Что за порогом нашего сознания,
за неясными вратами,
Иль заперты в обширных казематах
подсознательного сна.
И безупречное Божественное
Все-Чудесное
В серебряную чистоту
его души
Бросает роскошь
и своё величие,
Свет самосозиданья
в бесконечном Времени,
Как в благородное,
всё отражающее зеркало.
Так в жизни мира
человек осуществляет
грёзы Бога.
Но здесь есть всё, и даже
противоположность Богу;
Он¹ — это маленький передний край
работ Природы,
Он — мыслящее очертанье
сокровенной Силы.
Она в нём проявляет всё,
что у неё внутри,
И в нём гуляет
и её триумф, и темнота.
Дом жизни человека
может укрывать
не только лишь богов:
Там есть оккультные,
невидимые Тени,
тёмные Могущества
И обитатели зловещих
нижних комнат жизни,
И изумляющие жители
из сумрачного мира.
Неосмотрительный хранитель
сил своей природы,
Он позволяет жить в своём жилище
тем опасным силам.

¹ человек, *прим. пер.*

The Titan and the Fury and the Djinn	Титан, и Фурия, и Джин
Lie bound in the subconscious's	Лежат в пещерной яме подсознания,
cavern pit	готовые подняться,
And the Beast grovels in his antre	И Зверь ползёт
den:	в своей норе-пещере:
Dire mutterings rise and murmur	Сквозь полусон от них исходит
in their drowse.	страшное ворчание и шёпот.
Insurgent sometimes raises its	Мятежник иногда
huge head	приподнимает вверх
	гигантского размера голову
A monstrous mystery lurking in	Чудовищной мистерии,
life's deeps,	таящейся в глубинах жизни,
The mystery of dark and fallen	Мистерии существования
worlds,	тёмных, падших некогда миров,
The dread visages of the adversary	И жутких лиц
Kings.	враждебных нам Царей.
The dreadful powers held down	Ужасные энергии
within his depths	захватывают в нём глубины
Become his masters or his	Становятся его хозяевами
ministers;	и министрами.
Enormous they invade his bodily	Огромные, они вторгаются
house,	в его телесное жилище,
Can act in his acts, infest his	Способны действовать в его делах,
thought and life.	и заражают жизнь его, и мысли.
Inferno surges into the human air	Так преисподняя выходит
	в атмосферу человека,
And touches all with a perverting	Касается всего своим
breath.	всё-извращающим дыханием.
Grey forces like a thin miasma	Болезненные силы стелются
creep,	как тонкие миазмы
Stealing through chinks in his	И проникают через щели
closed mansion's doors,	в запертые двери
	его большого дома,
Discolouring the walls of upper	И обесцвечивают стены
mind	высшего ума,
In which he lives his fair and	В котором он живёт
specious life,	своей обманчиво
	благополучной жизнью,
And leave behind a stench of sin	И оставляют за собой
and death:	зловоние греха и смерти:
Not only rise in him perverse	В нём поднимаются не только
drifts of thought	извращённые течения мысли,

And formidable formless
influences,

But there come presences and
awful shapes:

Tremendous forms and faces
mount dim steps

And stare at times into his
living-rooms,

Or called up for a moment's
passionate work

Lay a dire custom's claim upon his
heart:

Aroused from sleep, they can be
bound no more.

Afflicting the daylight and
alarming night,

Invading at will his outer
tenement,

The stark gloom's grisly dire
inhabitants

Mounting into God's light all light
perturb.

All they have touched or seen they
make their own,

In Nature's basement lodge,
mind's passages fill,

Disrupt thought's links and musing
sequences,

Break through the soul's stillness
with a noise and cry

Or they call the inhabitants of the
abyss,

Invite the instincts to forbidden
joys,

Бесформенные
грозные влияния,

Туда являются присутствия
и жуткие фигуры:

Ужасные тела и лица
проходят вверх
неясными ступенями

И временами пристально глядят
в его жилые комнаты,

Иль, вызванные ради
страстного мгновения,

Ложатся у него на сердце
как потребность

и ужасная привычка:

Поднявшись ото сна,
они уже ничем не связаны.

Тревожа свет дневной,
пугая ночь,

И своевольно занимая
внешнюю обитель человека,

Все эти, вызывающие ужас,
обитатели застывшей тьмы,

Поднявшись к свету Бога,
весь свет приводят
в полное смятение.

И всё, чего они коснулись
или просто увидали,
делают своим,

И селятся в подвальных
этажах Природы,

И наполняют переходы
и пути ума,

Рвут звенья мысли
и порядок в размышлении,

Врываются сквозь тишину души,
и поднимают шум и крик,

А может — призывают
обитателей пучин,

И провоцируют инстинкт
к запретным удовольствиям,

A laughter wake of dread demoniac mirth	И пробуждают хохотом внушающую ужас демоническую радость,
And with nether riot and revel shake life's floor.	Основы жизни сотрясая низким буйством, кутежом.
Impotent to quell his terrible prisoners,	Не в силах справиться со страшными и злыми заключёнными,
Appalled the householder helpless sits above,	В смятении, беспомощно сидит хозяин наверху,
Taken from him his house is his no more.	Его дом отобрали у него, он больше не его.
He is bound and forced, a victim of the play,	Его связали и насилуют, он жертва их игры,
Or, allured, joys in the mad and mighty din.	Или, прельщённый, наслаждается безумным мощным грохотом.
His nature's dangerous forces have arisen	Опасные могущества его природы поднялись,
And hold at will a rebel's holiday.	Устроив своевольно свой бунтарский праздник.
Aroused from the darkness where they crouched in the depths,	Поднявшись из той тьмы, где в глубине
Prisoned from the sight, they can be held no more;	Они сидели затаившись, скрытые от взоров,
His nature's impulses are now his lords.	Сейчас те силы могут делать что хотят;
Once quelled or wearing specious names and vests	Так импульсы его природы стали господами.
Infernal elements, demon powers are there.	Задавленные в прошлом, ныне принимая благовидные обличия и имена,
Man's lower nature hides these awful guests.	Стихии ада, силы преисподней появились здесь.
Their vast contagion grips sometimes man's world.	Обычно низшая природа прячет этих отвратительных гостей.
An awful insurgence overpowers man's soul.	Но, временами, их обширная зараза наполняет мир людей.
	Ужасный бунтовщик способен пересилить душу человека.

In house and house the huge
 uprising grows:
 Hell's companies are loosed to do
 their work,
 Into the earth-ways they break out
 from all doors,
 Invade with blood-lust and the
 will to slay
 And fill with horror and carnage
 God's fair world.
 Death and his hunters stalk a
 victim earth;

The terrible Angel smites at every
 door:
 An awful laughter mocks at the
 world's pain
 And massacre and torture grin at
 Heaven:
 All is the prey of the destroying
 force;
 Creation rocks and tremble top
 and base.
 This evil Nature housed in human
 hearts,
 A foreign inhabitant, a dangerous
 guest:
 The soul that harbours it it can
 dislodge,
 Expel the householder, possess the
 house.
 An opposite potency contradicting
 God,
 A momentary Evil's almightiness
 Has straddled the straight path of
 Nature's acts.
 It imitates the Godhead it denies,
 Puts on his figure and assumes his
 face.

Из дома в дом растёт
 гигантское восстание:
 Компании из ада выпускаются
 чтоб делать своё дело,
 Они выпрыгивают на пути земли
 из всех дверей,
 Вторгаются с желаньем убивать
 и жаждой крови,
 И наполняют ужасом, громят
 прекрасный мир Всевышнего.
 Смерть со своими гончими
 подкрадывается к земле
 как к жертве;
 И каждому во дверь
 стучит ужасный Ангел,
 И жуткий хохот издевается
 над болью мира,
 А избиения и пытки
 скалят зубы Небесам:
 Всё превращается в добычу
 разрушающих могуществ;
 Творение шатается,
 трясутся и вершина, и основа.
 То злая, тёмная Природа
 заселяется в сердца людей,
 Нездешний житель
 и опасный гость:
 Ту душу, что её пустила,
 она способна вытеснить,
 Прогнать хозяина
 и завладеть его жилищем.
 Враждебный повелитель,
 что перечит Богу,
 Он, всемогущество
 сиюминутно правящего Зла,
 Встаёт, расставив ноги,
 на прямом пути Природы.
 Он подражает Божеству,
 которое он отрицает,
 Берёт себе его обличие,
 присваивает лик.

A Manichean creator and
destroyer,
This can abolish man, annul his
world.

But there is a guardian power,
there are Hands that save,
Calm eyes divine regard the
human scene.

All the world's possibilities in
man
Are waiting as the tree waits in its
seed:
His past lives in him; it drives his
future's pace;
His present's acts fashion his
coming fate.

The unborn gods hide in his house
of Life.
The daemons of the unknown
overshadow his mind
Casting their dreams into live
moulds of thought,
The moulds in which his mind
builds out its world.
His mind creates around him its
universe.

All that has been renews in him its
birth;

All that can be is figured in his
soul.

Issuing in deeds it scores on the
roads of the world,

Obscure to the interpreting
reason's guess,

Он, Манихейский
разрушитель и творец,
Способен истребить людей
и уничтожить этот мир.
Но есть и охраняющая сила,
и есть Рука, которая спасает,
Спокойные глаза божественного,
которые глядят
на сцену человека.

Так в человеке
все возможности вселенной
Ждут часа своего,
как дерево ждёт в семени:
Прошедшее живёт в нём,
направляя поступь будущего;
Поступки настоящего
выстраивают для него
грядущую судьбу.
В его жилище Жизни
скрыты неродившиеся боги.
И духи, внутренние существа неведомого
наполняют ум,
Свои видения бросая внутрь
живых формаций мысли,
Формаций, из которых ум его
выстраивает мир.
Ум человека постоянно
создаёт вокруг него
свою вселенную.
Всё то, что было —
обновляет в нём
своё рождение;
Всё то, что может быть —
в его душе выстраивает
форму для себя.
И проявляясь в виде дел,
оно проводит
на дорогах мира борозды
Неясные для пониманья
объясняющего разума,

Lines of the secret purpose of the
 gods.
 In strange directions runs the
 intricate plan;
 Held back from human foresight
 is their end
 And the far intention of some
 ordering Will
 Or the order of life's arbitrary
 Chance

 Finds out its settled poise and
 fated hour.

 Our surface watched in vain by
 reason's gaze,

 Invaded by the impromptus of the
 unseen,
 Helpless records the accidents of
 Time,
 The involuntary turns and leaps of
 life.
 Only a little of us foresees its
 steps,
 Only a little has will and purposed
 pace.

 A vast subliminal is man's
 measureless part.
 The dim subconscious is his
 cavern base.

 Abolished vainly in the walks of
 Time

 Our past lives still in our
 unconscious selves

 And by the weight of its hidden
 influences

Штрихи от тайного
 намеренья богов.
 По странным направлениям бежит
 замысловатый этот план;
 Сокрыта от предвиденья людей
 их цель,
 И дальний замысел какой-то
 направляющей все вещи Воли,
 Или порядок
 произвольно возникающего
 в жизни Случая
 Который для себя находит
 и устойчивое равновесие,
 и заданный судьбою час.
 Поверхностное виденье у нас
 напрасно наблюдает всё
 глазами разума,
 Захваченное той
 импровизацией незримого,
 Оно беспомощно запоминает
 что произошло во Времени,
 Непреднамеренные повороты
 и перемещенья жизни.
 И лишь немногие из нас
 предвидят поступь жизни,
 Лишь у немногих есть
 и воля, и шаги,
 направленные к цели.
 Обширность засознательного —
 безмерная часть человека,
 Неясность подсознательного —
 огромная пещера,
 что лежит в его основе.
 Исчезнувшее некогда впустую
 во время наших путешествий
 по дорогам Времени,
 Всё наше прошлое
 живёт по-прежнему
 в несознающих наших "я"
 И под давлением
 их скрытого влияния

Is shaped our future's self-discovery.	Самораскрытие грядущего в нас получает форму.
Thus all is an inevitable chain	Так всё на свете — неизбежная и неминуемая цепь
And yet a series seems of accidents.	И в то же время серия событий, похожих на случайности.
The unremembering hours repeat the old acts,	Забывчивое время повторяет наши прежние дела,
Our dead past round our future's ankles clings	А наше умершее прошлое — хватает за ноги грядущее
And drags back the new nature's glorious stride,	И тянет вспять чудесный шаг идушей к нам, неведомой нам природы,
Or from its buried corpse old ghosts arise,	Из похороненного трупа прошлого выходят старые, поношенные тени,
Old thoughts, old longings, dead passions live again,	И старые желанья, мысли, умершие страсти оживают снова,
Recur in sleep or move the waking man	И возвращаются во сне, иль вынуждают пробудившегося человека
To words that force the barrier of the lips,	К словам, что проходя барьеры уст
To deeds that suddenly start and o'erleap	Толкают нас к поступкам, что внезапно начинаются
His head of reason and his guardian will.	И перескакивают через руководство разума и охраняющую волю.
An old self lurks in the new self we are;	Былое "я" таится в новом нашем "я";
Hardly we escape from what we once had been:	И очень трудно убежать нам от того, чем мы когда-то были:
In the dim gleam of habit's passages,	В неясном слабом свете галерей привычек,
In the subconscious's darkling corridors	И в затемнённых коридорах подсознания
All things are carried by the porter nerves	Всё переносится носильщиками нервами
And nothing checked by subterranean mind,	И ничего не проверяется сокрытым внутренним умом,

Unstudied by the guardians of the
doors
And passed by a blind instinctive
memory,
The old gang dismissed, old
cancelled passports serve.

И не досмотренная
стражей у дверей,
Пропущенная инстинктивной
слепою памятью,
Та банда прошлого
отпущена на волю,
И старые их паспорта
опять действительны.

Nothing is wholly dead that once
had lived;
In dim tunnels of the world's being
and in ours
The old rejected nature still
survives;
The corpses of its slain thoughts
raise their heads
And visit mind's nocturnal walks
in sleep,
Its stifled impulses breathe and
move and rise;
All keeps a phantom immortality.

Ничто не умирает насовсем,
что в нас жило однажды;
И в тусклых переходах бытия земли,
и в нас, внутри
Ещё живёт отвергнутая
прежняя природа
И трупы мёртвых мыслей
поднимают голову,
И посещают ум во сне,
в ночных прогулках,
Задушенные импульсы их
дышат, движутся, встают;
Всё сохраняет
иллюзорное бессмертие.

Irresistible are Nature's sequences:
The seeds of sins renounced
sprout from hid soil;

Неодолимы следствия Природы:
И семена отвергнутых грехов
растут опять из

The evil cast from our hearts once
more we face;

То зло, что мы когда-то
выбросили из сердец,
встречается нам снова;

Our dead selves come to slay our
living soul.

И наши умершие "я"
приходят убивать
живую душу.

A portion of us lives in present
Time,
A secret mass in dim inconscience
gropes;

Лишь часть нас существует
в настоящем Времени,
Таинственная масса ощупью идёт
в туманном бессознательном;

Out of the inconscient and
subliminal

И встав из бессознательного,
засознательного,

Arisen, we live in mind's uncertain
light

Мы продолжаем жить
в колеблющемся свете
нашего ума,

And strive to know and master a
dubious world

Whose purpose and meaning are
hidden from our sight.

Above us dwells a superconscious
God

Hidden in the mystery of his own
light:

Around us is a vast of ignorance

Lit by the uncertain ray of human
mind,

Below us sleeps the Inconscious
dark and mute.

But this is only Matter's first
self-view,

A scale and series in the
Ignorance.

This is not all we are or all our
world.

Our greater self of knowledge
waits for us,

A supreme light in the
truth-conscious Vast:

It sees from summits beyond
thinking mind,

It moves in a splendid air
transcending life.

It shall descend and make earth's
life divine.

Truth made the world, not a blind
Nature-Force.

For here are not our large diviner
heights;

Стараемся познать и овладеть
двусмысленным
и ненадёжным миром,

Чья цель и смысл
скрываются от наших глаз.

Над нами обитает
сверхсознующий Бог,

Сокрытый в тайне
собственного света:

Вокруг нас —
широта невежества,

Что освещается
недостовверными лучами
нашего ума,

Под нами — дремлет
тёмное, немое Несознание.

Но это — только
первый взгляд Материи,
что обращён к себе,

Какая-то ступень
и цикл в Невежестве.

И это далеко не всё,
чем мы являемся,
и далеко не весь наш мир.

Нас ожидает наше
более великое "я" знания,

Высокий свет в Просторе
истины-сознания:

Оно глядит с вершин
за нашим мыслящим умом,

И движется в роскошной атмосфере
трансцендентной жизни.

Оно к нам спустится
и сделает жизнь на земле
божественной.

Мир создан Истиной,
а не слепой Природой-Силой.

Не здесь широкие
божественные наши пики;

Our summits in the
superconscient's blaze

Are glorious with the very face of
God:

There is our aspect of eternity,

There is the figure of the god we
are,

His young unaging look on
deathless things,

His joy in our escape from death
and Time,

His immortality and light and
bliss.

Our larger being sits behind
cryptic walls:

There are greatnesses hidden in
our unseen parts

That wait their hour to step into
life's front:

We feel an aid from deep
indwelling Gods;

One speaks within, Light comes to
us from above.

Our soul from its mysterious
chamber acts;

Its influence pressing on our heart
and mind

Pushes them to exceed their
mortal selves.

It seeks for Good and Beauty and
for God;

We see beyond self's walls our
limitless self,

Вершины наши,
в ослепительном
сиянии сверхсознания,

Чудесны настоящим
ликом Бога:

Там — то, что к нам
идёт из вечности,

Там — образ божества,
которым мы являемся,

И юный, нестареющий
его взгляд на бессмертное,

И радость в нашем избавлении
от Времени и смерти,

Его бессмертие,
блаженство, свет.

За этими загадочными стенами
сидит другое наше существо,
гораздо шире:

И есть величия, сокрытые
в незримых наших
областях сознания,

Которые ждут часа,
выйти в жизни

на передний план:

Мы ощущаем, как приходит
помощь от Богов,
живущих в нашей глубине;

И кто-то говорит внутри,
и Свет спускается
к нам свыше.

Душа у человека действует
из тайной комнаты;

Её влияние давит
и на наше сердце, и на ум,

Толкает превзойти
их интересы смертных.

Она стремится
к Красоте, к Добру и к Богу;

И за стеною внутреннего "я"
мы видим "я" другое,
беспредельное,

We gaze through our world's glass at half-seen vasts,	Мы смотрим через призму человеческого мира на полу-видимые шири,
We hunt for the Truth behind apparent things.	Мы гонимся за Истиной, лежащей позади проявленных вещей.
Our inner Mind dwells in a larger light,	Наш Ум внутри живёт в ином, широком свете,
Its brightness looks at us through hidden doors;	Его сияние глядит на нас сквозь потайные двери;
Our members luminous grow and Wisdom's face	Он просветляет элементы нашего сознания;
Appears in the doorway of the mystic ward:	Лик Мудрости стоит в дверях мистической палаты:
When she enters into our house of outward sense,	Когда она заходит в наше скромное жилище внешних чувств,
Then we look up and see, above, her sun.	Мы поднимаем взгляд и видим наверху её сверкающее солнце.
A mighty life-self with its inner powers	Могучее "я" жизни со своими внутренними силами
Supports the dwarfish modicum we call life;	Поддерживает карликовую малость, что называем жизнью;
It can graft upon our crawl two puissant wings.	Оно способно подарить нам, ползающим, сильных два крыла.
Our body's subtle self is throned within	Внутри, на троне, восседает тонкое "я" тела
In its viewless palace of veridical dreams	В своём невидимом дворце правдивых снов,
That are bright shadows of the thoughts of God.	Которые — живые тени мыслей Бога.
In the prone obscure beginnings of the race	В неясных, распростёршихся началах этой расы
The human grew in the bowed apelike man.	Из согнутой фигуры обезьяны вырос человек.
He stood erect, a godlike form and force,	Потом он стал прямым, с богоподобною фигурой и силой,
And a soul's thoughts looked out from earth-born eyes;	И мысль души сверкнула из очей, рождённых на земле;

Man stood erect, he wore the
thinker's brow:

He looked at heaven and saw his
comrade stars;

A vision came of beauty and
greater birth

Slowly emerging from the heart's
chapel of light

And moved in a white lucent air
of dreams.

He saw his being's unrealised
vastnesses,

He aspired and housed the nascent
demigod.

Out of the dim recesses of the self

The occult seeker into the open
came:

He heard the far and touched the
intangible,

He gazed into the future and the
unseen;

He used the powers
earth-instruments cannot use,

A pastime made of the impossible;

He caught up fragments of the
Omniscient's thought,

He scattered formulas of
omnipotence.

Thus man in his little house made
of earth's dust

Grew towards an unseen heaven
of thought and dream

Встав прямо, человек
примерил на себя
чело мыслителя:

Он посмотрел на небеса
и там увидел звёзды
своего сподвижника и друга;

Пришла способность
видеть красоту
и более великое рождение,

Что медленно всплывало
из часовни сердца,
полной света,

И двигалась в прозрачной
яркой атмосфере грёз.

Он начал видеть
нереализованные шири
внутреннего существа,

Он стал стремиться,
поселил в себе
рождавшегося полубога.

Из смутных тайных комнат
внутреннего "я"

В открытое пространство выбрался
искатель сокровенного:

Он слышал то, что вдалеке,
касался еле ощутимого,

Он посылал свой взгляд
в грядущее, в незримое;

Он применял себе на пользу
силы, недоступные
земному инструменту,

Из невозможного
он делал развлечение,

Подхватывал фрагменты
мыслей и идей Всезнающего,

Разбрасывался формулами
всемогущества.

Так в маленьком своём жилище
из земной пыли

Рос человек к незримым небесам
мечты и мысли,

Looking into the vast vistas of his mind	Смотрел в широкие просторы своего ума
On a small globe dotting infinity.	На маленькой планете испещрённой бесконечностью.
At last climbing a long and narrow stair	И наконец, взбираясь по ступеням узкой длинной лестницы,
He stood alone on the high roof of things	Он одиноко встал на высоте, на крыше всех вещей
And saw the light of a spiritual sun.	И там увидел свет божественного солнца.
Aspiring he transcends his earthly self;	В своём стремлении он превзошёл своё земное "я";
He stands in the largeness of his soul new-born,	Теперь стоит он в широте своей души, рождённой заново,
Redeemed from encirclement by mortal things	Он сбросил окруженье смертного
And moves in a pure free spiritual realm	И движется в свободной чистоте духовных царств,
As in the rare breath of a stratosphere;	Как в тонком и разреженном дыханье стратосферы;
A last end of far lines of divinity,	И вот последняя далёкая граница, край божественности,
He mounts by a frail thread to his high source;	Он поднимается по хрупкой нити к своему высокому началу;
He reaches his fount of immortality,	Он достигает своего источника бессмертия,
He calls the Godhead into his mortal life.	Он призывает Божество спуститься в смертную, земную жизнь.
All this the spirit concealed had done in her:	Всё это скрытый дух вложил в Савитри:
A portion of the mighty Mother came	И порция могучей Матери вошла в неё
Into her as into its own human part:	Как в собственную человеческую часть:
Amid the cosmic workings of the Gods	Среди космических движений и работ Богов
It marked her the centre of a wide-drawn scheme,	Он ¹ выделил её как центр с размахом нарисованной, широкой схемы,

¹ дух, прим. пер.

Dreamed in the passion of her
far-seeing spirit

To mould humanity into God's
own shape

And lead this great blind
struggling world to light

Or a new world discover or create.

Earth must transform herself and
equal Heaven

Or Heaven descend into earth's
mortal state.

But for such vast spiritual change
to be,

Out of the mystic cavern in man's
heart

The heavenly Psyche must put off
her veil

And step into common nature's
crowded rooms

And stand uncovered in that
nature's front

And rule its thoughts and fill the
body and life.

Obedient to a high command she
sat:

Time, life and death were passing
incidents

Obstructing with their transient
view her sight,

Her sight that must break through
and liberate the god

Imprisoned in the visionless
mortal man.

The inferior nature born into
ignorance

Увиденной в моменты
страсти и любви

её смотрящим в дали духом,
Чтоб вылепить из человечества
особенную форму Бога

И к свету повести
великий и слепой

сражающийся мир,
Или открыть, или создать
какой-то новый мир.

Земля должна себя преобразить
и стать подобной Небесам,

Иль Небеса должны спуститься
в смертный уровень земли.

Но чтобы это изменение,
духовное, широкое, произошло,

Из спрятанной мистической пещеры
в сердце человека

Небесная Психея,
скинув свой покров,
должна шагнуть

В наполненные множеством вещей
палаты человеческой природы,

И стать открыто
впереди природы,

И править мыслями её,
и наполнять собою
жизнь, и тело.

Она¹ сидела в тишине,
послушная высокому приказу:

И жизнь, и смерть, и время
были обстоятельством
и чем-то преходящим,

Что заслоняли взгляд её
своими скоротечными картинами

Тот взгляд, что должен был
прорваться и освободить в ней бога

Из заточенья в смертном человеке,
не умеющего видеть.

Но низшая её природа,
рождённая в невежестве,

¹ Савитри, прим. пер.

Still took too large a place, it
veiled her self

And must be pushed aside to find
her soul.

End of Canto Two

Пока что занимала
слишком много место,
закрывая внутреннее "я",
И нужно было
отодвинуть в сторону её,
Чтоб обнаружить собственную душу.

Конец второй песни

Book Seven
THE BOOK OF YOGA

Книга Седьмая
КНИГА ЙОГИ

Canto III
THE ENTRY INTO
THE INNER COUNTRIES

Песня III
ВХОЖДЕНИЕ ВО
ВНУТРЕННИЕ СТРАНЫ

At first out of the busy hum of
mind
As if from a loud thronged market
into a cave

By an inward moment's magic she
had come.

A stark hushed emptiness became
her self:
Her mind unvisited by the voice of
thought
Stared at a void deep's dumb
infinity.

Her heights receded, her depths
behind her closed;

All fled away from her and left
her blank.

But when she came back to her
self of thought,

Once more she was a human thing
on earth,

A lump of Matter, a house of
closed sight,

A mind compelled to think out
ignorance,

A life-force pressed into a camp of
works

Вначале, из кипучего и
деловитого гудения ума,

Как будто после
полного людей,
крикливого базара,

Она попала магией
направленного внутрь мгновенья
в некую пещеру.

И пустота предельной тишины
в ней заменила внутреннее "я":

Её, не задеваемый
звучаньем мысли, ум

Внимательно смотрел
в немую бесконечность
незаполненных глубин.

Её высоты отступили,
и закрылись позади
её глубины;

Всё улетело прочь с неё,
оставив чистой и пустой.

Однако же, когда она вернулась
к внутреннему "я" мышления,

Она была опять
обычным человеком на земле,

Комком Материи, жилищем
ограниченного виденья,

Умом, который должен
думать из невежества,

И силой жизни, втиснутой
в недолговечный лагерь дел,

And the material world her
limiting field.
Amazed like one unknowing she
sought her way
Out of the tangle of man's ignorant
past
That took the surface person for
the soul.
Then a Voice spoke that dwelt on
secret heights:

"For man thou seekst, not for
thyself alone.
Only if God assumes the human
mind
And puts on mortal ignorance for
his cloak
And makes himself the Dwarf
with triple stride,

Can he help man to grow into the
God.
As man disguised the cosmic
Greatness works
And finds the mystic inaccessible
gate
And opens the Immortal's golden
door.
Man, human, follows in God's
human steps.

Accepting his darkness thou must
bring to him light,

Accepting his sorrow thou must
bring to him bliss.

In Matter's body find thy
heaven-born soul."

Then Savitri surged out of her
body's wall

И в мир материи,
который очертил её пределы.
Но изумляясь, словно ничего не зная,
она искала путь
Как выбраться из полного невежества,
запутанного прошлого людей,
Что принимало в качестве души
поверхностную личность.
Затем высокий Голос,
обитающий на тайных пиках
произнёс:

"Ты ищешь для людей,
не для себя одной.
И только если Бог
берёт ум человека
И одевает смертное невежество
как плащ,
И превращает самого себя
в магического Карлика
с тройным огромным шагом,
Помочь он может человеку
вырасти до Бога.
Под маской человека трудится
вселенское Величие
И ищет для него
мистические недоступные врата,
И открывает
золотую дверь Бессмертия.
Так человек и человечество
идут за человеческою поступью
Всевышнего.

Его тьму принимая,
ты должна нести
для человека свет,
Его страданье принимая,
ты должна нести
ему блаженство.
В глубоких основаниях Материи
должна ты отыскать
свою, рождённую на небе душу."
Затем Савитри хлынула волной
за стены тела,

And stood a little span outside herself	И встала за пределами себя, на маленькое пятнышко,
And looked into her subtle being's depths	Взглянула в недра собственного тонкого запрятанного существа,
And in its heart as in a lotus-bud	И в сердце у него, как будто в нераскрывшемся бутоне лотоса,
Divined her secret and mysterious soul.	Скорее не увидела, а угадала тайную свою загадочную душу.
At the dim portal of the inner life	У смутно различимых врат во внутреннюю жизнь,
That bars out from our depths the body's mind	Что появляются из нашей глубины, не пропуская ни телесный ум
And all that lives but by the body's breath,	Ни всё, что существует лишь благодаря дыханию тела,
She knocked and pressed against the ebony gate.	Она сначала постучала, а потом толкнула дверь эбенового дерева,
The living portal groaned with sullen hinge:	Живые створки взвыли недовольными петлями:
Heavily reluctant it complained inert	С трудом ей поддаваясь, они скрипели, жалуясь
Against the tyranny of the spirit's touch.	На тиранию соприкосновенья с духом.
A formidable voice cried from within:	громоподобный голос крикнул изнутри:
"Back, creature of earth, lest tortured and torn thou die."	"Назад, создание земли, иначе ты умрёшь в мучениях и ранах."
A dreadful murmur rose like a dim sea;	Ужасный грохот нарастал как гул невидимого моря;
The Serpent of the threshold hissing rose,	С шипеньем на пороге вырос Змей,
A fatal guardian hood with monstrous coils,	С чудовищными кольцами и капюшоном, смертоносный страж,
The hounds of darkness growled with jaws agape,	Псы тьмы рычали, разевая пасти,
And trolls and gnomes and goblins scowled and stared	И тролли, гномы, гоблины бросали злые пристальные взгляды,

And wild beast roarings thrilled
 the blood with fear
 And menace muttered in a
 dangerous tongue.
 Unshaken her will pressed on the
 rigid bars:
 The gate swung wide with a
 protesting jar,
 The opponent Powers withdrew
 their dreadful guard;
 Her being entered into the inner
 worlds.
 In a narrow passage, the
 subconscious's gate,
 She breathed with difficulty and
 pain and strove
 To find the inner self concealed in
 sense.
 Into a dense of subtle Matter
 packed,
 A cavity filled with a blind mass
 of power,

 An opposition of misleading
 gleams,
 A heavy barrier of unseeing sight,

 She forced her way through body
 to the soul.
 Across a perilous border line she
 passed
 Where Life dips into the
 subconscious dusk
 Or struggles from Matter into
 chaos of mind,
 Aswarm with elemental entities
 And fluttering shapes of vague
 half-bodied thought
 And crude beginnings of
 incontinent force.

И звери дикие ревели,
 заставляя стынуть кровь,
 И глухо раздавались тут и там
 зловещие угрозы.
 Но несгибаемая воля в ней
 давила на тяжёлые запоры:
 И вот ворота распахнулись,
 с протестующими скрипами,
 И противостоящие ей Силы
 отвели свою ужасную охрану;
 Так существо её вошло
 во внутренние планы.
 Там, в узких переходах,
 в дверцах подсознания,
 Она дышала
 с болью и с трудом,
 Стараясь обнаружить внутреннее "я",
 сокрытое за чувством.
 В ту тонкую Материю,
 в её густую плотную субстанцию,
 В битком набитую
 слепым скоплением энергии
 пещеру,
 Сквозь противостояние
 обманчивых мерцаний,
 Тяжёлую завесу
 из невидящего взгляда
 Она прокладывала путь свой
 через тело к собственной душе.
 Так перешла она
 опасную границу,
 Где Жизнь ныряет
 в сумрак подсознания
 Или пытается пробиться
 из Материи в ментальный хаос,
 Кишащий изначальными элементами,
 Трепещущими формами неясной,
 полувоплощённой мысли,
 И грубыми началами
 несдержанной
 и импульсивной силы.

At first a difficult narrowness was
there,

A press of uncertain powers and
drifting wills;

For all was there but nothing in its
place.

At times an opening came, a door
was forced;

She crossed through spaces of a
secret self

And trod in passages of inner
Time.

At last she broke into a form of
things,

A start of finiteness, a world of
sense:

But all was still confused, nothing
self-found.

Soul was not there but only cries
of life.

A thronged and clamorous air
environed her.

A horde of sounds defied
significance,

A dissonant clash of cries and
contrary calls;

A mob of visions broke across the
sight,

A jostled sequence lacking sense
and suite,

Feelings pushed through a packed
and burdened heart,

Each forced its separate
inconsequent way

But cared for nothing but its ego's
drive.

Вначале появилась

затруднявшая всё узость,

Давление неопределённых сил
и скачущих желаний;

Там было всё,

но всё не на своих местах.

Но, временами, что-то открывалось
и распахивалась дверь;

Она¹ ступала по пространствам
потайного "я",

И шла по переходам
внутреннего Времени.

В конце концов, она прорвалась
к форме всех вещей,

Где начинается конечное,
в мир ощущений:

Но там по-прежнему

всё было перепутано,

и ничего себя не находило.

Там не было души,

одни лишь крики жизни.

Гудящая и переполненная атмосфера
окружала там её.

Орда различных звуков
без какого-либо смысла,

Лязг диссонансных криков
и противоречащих призывов;

Во взгляд врывались
толпами видения,

Ряды, теснящие друг друга
без системы и без смысла,

И ощущения, проходящие
сквозь переполненное,
перегруженное сердце,

И каждое из них навязывало
свой отдельный

и бессвязный путь,

Заботилось об импульсе движенья
собственного эго,

ни о чём другом.

¹ Савитри, прим. пер.

A rally without key of common
 will,
 Thought stared at thought and
 pulled at the taut brain
 As if to pluck the reason from its
 seat
 And cast its corpse into life's
 wayside drain;
 So might forgotten lie in Nature's
 mud
 Abandoned the slain sentinel of
 the soul.
 So could life's power shake from it
 mind's rule,

 Nature renounce the spirit's
 government
 And the bare elemental energies
 Make of the sense a glory of
 boundless joy,
 A splendour of ecstatic anarchy,
 A revel mighty and mad of utter
 bliss.
 This was the sense's instinct void
 of soul

 Or when the soul sleeps hidden
 void of power,
 But now the vital godhead wakes
 within
 And lifts the life with the
 Supernal's touch.
 But how shall come the glory and
 the flame
 If mind is cast away into the
 abyss?
 For body without mind has not the
 light,
 The rapture of spirit sense, the joy
 of life;
 All then becomes subconscient,
 tenebrous,

Подобно рыночной толпе
 без общей воли,
 Мысль всматривалась в мысль,
 толкая напряжённый мозг,
 Как будто бы хотела
 сдёрнуть с места разум
 И бросить труп его в канаву
 на обочине дороги жизни;
 Так мог бы он лежать,
 в грязи Природы,
 Забытый, брошенный убитым,
 часовой души.
 И сила жизни бы могла
 стряхнуть с себя
 правление ума,
 Природа — свергнуть
 управление духа,
 И голые энергии элементарей
 Из чувства сделали бы
 праздник безграничной радости,
 Великолепье экстатической анархии,
 Безумный, грандиозный пир
 предельного блаженства.
 Так происходит, если нам
 встречаются инстинкты чувств,
 лишённые души,
 Или, когда душа у человека спит,
 сокрытая, лишённая энергии,
 А в это время божество витального
 внутри проснулось
 И поднимает жизнь
 прикосновением Высшего.
 Но как же к нам придёт
 великолепие и пламя,
 Когда ум будет
 брошен в пропасть?
 Ведь тело без ума
 не обладает светом,
 И в нём нет наслаждения жизнью
 и восторга чувства духа;
 Тогда всё станет
 подсознательным и тёмным,

Inconscience puts its seal on
Nature's page

Or else a mad disorder whirls the
brain

Posting along a ravaged nature's
roads,

A chaos of disordered impulses
In which no light can come, no
joy, no peace.

This state now threatened, this she
pushed from her.

As if in a long endless tossing
street

One driven mid a trampling
hurrying crowd

Hour after hour she trod without
release

Holding by her will the senseless
meute at bay;

Out of the dreadful press she
dragged her will

And fixed her thought upon the
saviour Name;

Then all grew still and empty; she
was free.

A large deliverance came, a vast
calm space.

Awhile she moved through a
blank tranquillity

Of naked Light from an invisible
sun,

A void that was a bodiless
happiness,

A blissful vacuum of nameless
peace.

But now a mightier danger's front
drew near:

И Несознание поставит
собственную подпись
на листе Природы

Или разлад безумия
завертится в мозгу,

Бегущим разорёнными
дорогами природы,

И хаос беспорядочных позывов,
В которые не попадут
ни свет, ни радость, ни покой.

Ей угрожало это состояние,
она его отталкивала прочь.

И словно по ухабистой,
длиннющей, бесконечной улице

Стремясь пройти среди
спешащей топавшей толпы,

Один час за другим,
она всё шла и шла
без передышки,

Удерживая волей
ту бессмысленную свору в стороне;

Она вытягивала волю
из-под страшного давления,

Сосредоточив мысль
лишь на спасительном
высоком Имени;

Затем всё стало тихим и пустым;
она была свободна.

Пришло широкое освобождение,
просторное и безмятежное
пространство.

Она теперь шла через
чистое спокойствие

Открывшегося Света
из невидимого солнца,

Сквозь пустоту, что стала
бестелесным счастьем,

Блаженным вакуумом
невыразимого покоя.

Но вот приблизилась
опасность ещё больше:

The press of bodily mind, the
Inconscient's brood
Of aimless thought and will had
fallen from her.
Approaching loomed a giant head
of Life
Ungoverned by mind or soul,
subconscient, vast.

It tossed all power into a single
drive,
It made its power a might of
dangerous seas.
Into the stillness of her silent self,

Into the whiteness of its muse of
Space
A spate, a torrent of the speed of
Life
Broke like a wind-lashed driven
mob of waves
Racing on a pale floor of summer
sand;
It drowned its banks, a mountain
of climbing waves.
Enormous was its vast and
passionate voice.
It cried to her listening spirit as it
ran,
Demanding God's submission to
chainless Force.

A deaf force calling to a status dumb,
A thousand voices in a muted
Vast,
It claimed the heart's support for
its clutch at joy,

For its need to act the witness
Soul's consent,

С неё слетели
и давление телесного ума,
И порождения бесцельной мысли,
воли Несознания.
И стала приближаться, разрастаясь
Жизнь с её гигантской головой,
Не управляемая ни душою, ни умом,
обширная, растущая
из подсознания,
Она бросала всю энергию
в единый натиск,
И обращала собственные силы
в могущество опасных океанов.
В её¹ спокойное,
наполненное тишиною,
внутреннее "я",
И в чистоту задумчивого
размышления Пространства,
Ворвались ливни,
бурные потоки темпа Жизни
Толпою волн,
гонимых плетью ветра,
Несущихся по бледному настилу
летнего песка на пляже;
Они залили берега
горою вздыбленных валов.
Ужасен был безбрежный
страстный голос Жизни.
Он на бегу кричал
её внимающему духу,
И требовал повиновенья Бога
той сорвавшейся с цепи,
освобождённой Силе.
Глухая мощь зывала к немоте,
Своими тысячами голосов
в безмолвии Простора
Она настаивала, чтобы сердце
поддерживало эту хватку
радостью,
Её нужно было, чтоб Душа-свидетель
дала согласие на все её дела,

¹ Савитри, прим. пер.

For its lust of power her neutral being's seal.	И чтобы существо её, держа нейтралитет, Поставило свою печать на этом вожделенье силы.
Into the wideness of her watching self	В её широкое пространство наблюдающего "я"
It brought a grandiose gust of the Breath of Life;	Та сила принесла огромный шквал Дыханья Жизни;
Its torrent carried the world's hopes and fears, All life's, all Nature's dissatisfied hungry cry, And the longing all eternity cannot fill.	Её течение несло надежды, страхи мира, Голодный, ненасытный крик всей жизни, всей Природы, И страстное желание, которое вся вечность не смогла бы утолить.
It called to the mountain secrecies of the soul	Она взывала к тайникам души, лежащим, словно горы, в дальних высях,
And the miracle of the never-dying fire, It spoke to some first inexpressible ecstasy Hidden in the creative beat of Life; Out of the nether unseen deeps it tore	Взывала к чуду никогда не умирающего пламени, И обращалась к некому неописуемому первому экстазу, Скрываемому в созидательном биении Жизни; Она выхватывала из невидимых глубин на низших планах
Its lure and magic of disordered bliss, Into earth-light poured its maze of tangled charm	И свой соблазн, и магию метущегося счастья, К земному свету добавляла лабиринт опутывавшего очарования,
And heady draught of Nature's primitive joy	Пьянящие глотки простой и грубой радости Природы,
And the fire and mystery of forbidden delight Drunk from the world-libido's bottomless well,	Огонь, мистерию запретного восторга, Она пила из необъятного, бездонного источника вселенское либидо,

And the honey-sweet poison-wine
of lust and death,

But dreamed a vintage of glory of
life's gods,

And felt as celestial rapture's
golden sting.

The cycles of the infinity of desire
And the mystique that made an
unrealised world

Wider than the known and closer
than the unknown

In which hunt for ever the hounds
of mind and life,

Tempted a deep dissatisfied urge
within

To long for the unfulfilled and
ever far

And make this life upon a limiting
earth

A climb towards summits
vanishing in the void,

A search for the glory of the
impossible.

It dreamed of that which never has
been known,

It grasped at that which never has
been won,

It chased into an Elysian memory

The charms that flee from the
heart's soon lost delight;

It dared the force that slays, the
joys that hurt,

The imaged shape of
unaccomplished things

And the summons to a Circean
transmuting dance

И сладкие как мёд,
отравленные вина,
вожделения и смерти,

Мечтая о добротном марочном вине
великолепия богов,
что правят жизнью,

И ощущала это золотое жало
как восторг небес.

Те циклы бесконечности желания
Та мистика, что сделали
невоплощённый мир

Гораздо шире, чем известное
и ближе неизвестного,

В какой-то вечно длящейся охоте
гончих жизни и ума

В ней искушали
ненасытный импульс
глубоко внутри

Стремиться к неосуществлённому
и вечно отдалённому,

И делать эту жизнь
на ограничивающей её земле

Подъёмом к пикам,
растворяющимся в пустоте,

И поисками славы и великолепия
невозможного.

Она мечтала о вещах, которых
никогда никто не знал,

Она вцеплялась в то, что
никогда никто не покорял,

Она преследовала
Елисейскими полями памяти

Очарование, что улетает прочь
от быстро уходящего
восторга сердца;

Она осмелилась на силу,
что приносит смерть,

на радость, что приносит раны,

И на придуманные
контуры незавершённого,

И на призыв к Цирцее,
и к её преображающему танцу,

And passion's tenancy of the
courts of love
And the wild Beast's ramp and
romp with Beauty and Life.

It brought its cry and surge of
opposite powers,
Its moments of the touch of
luminous planes,
Its flame-ascensions and
sky-pitched vast attempts,

Its fiery towers of dream built on
the winds,
Its sinkings towards the darkness
and the abyss,
Its honey of tenderness, its sharp
wine of hate,
Its changes of sun and cloud, of
laughter and tears,
Its bottomless danger-pits and
swallowing gulfs,

Its fear and joy and ecstasy and
despair,
Its occult wizardries, its simple
lines
And great communions and
uplifting moves,
Its faith in heaven, its intercourse
with hell.

These powers were not blunt with
the dead weight of earth,
They gave ambrosia's taste and
poison's sting.

There was an ardour in the gaze of
Life

That saw heaven blue in the grey
air of Night:

The impulses godward soared on
passion's wings.

На временную страсть
на площадях любви,
На буйство неприрученного Зверя,
на шумные забавы
с Красотой и с Жизнью.

Она несла свой зов
и волны противостоящих сил,
Свои мгновения
касаний светлых планов,
И пламенные восхожденья
и нацеленные в небеса
широкие попытки,
И огненные башни грёз,
построенные на ветрах,
И погруженья
в темноту и в пропасть,
Мёд нежности
и едкое вино глубокой ненависти,

И перемены туч и солнца,
слёз и смеха,
Свои бездонные,
опасные ловушки-ямы,
поглощающие всё пучины,

Свой страх и радости,
отчаяние и экстаз,
Свои оккультные способности,
свои простые линии,
Великие религии
и возвышающие дух движения,
И веру в небеса,
и отношения с адом.

Те силы не были затуплены
мертвящей тяжестью земли,
Они ей дали вкус амброзии
и жало яда.

Во взгляде Жизни
оставалась страсть,

Что в сером воздухе Ночи
смотрела в голубое небо:

Направленные к богу импульсы
парили на крылах её страстей.

Mind's quick-paced thoughts
 floated from their high necks,
 A glowing splendour as of an
 irised mane,
 A parure of pure intuition's light;

Its flame-foot gallop they could
 imitate:

Mind's voices mimicked
 inspiration's stress,
 Its ictus of infallibility,

Its speed and lightning
 heaven-leap of the Gods.
 A trenchant blade that shore the
 nets of doubt,
 Its sword of discernment seemed
 almost divine.
 Yet all that knowledge was a
 borrowed sun's;
 The forms that came were not
 heaven's native births:
 An inner voice could speak the
 unreal's Word;

Its puissance dangerous and
 absolute
 Could mingle poison with the
 wine of God.
 On these high shining backs
 falsehood could ride;
 Truth lay with delight in error's
 passionate arms
 Gliding downstream in a blithe
 gilded barge:
 She edged her ray with a
 magnificent lie.
 Here in Life's nether realms all
 contraries meet;

Ума шагающие быстро мысли
 прыгали с высоких шей,
 Пылая, словно радужною гривой,
 своим великолепием
 И драгоценным украшеньем
 света чистой интуиции;
 Они способны были
 имитировать галоп её
 пылающих ступней:
 И голоса ума старались подражать
 её напору вдохновения,
 Её молниеносности и скорости
 небесного прыжка Богов,
 И попадать в ритмический размер
 её непогрешимости.
 Отточенное лезвие,
 что рассекает сеть сомнения,
 Её меч различенья
 виделся почти божественным.
 Однако же, всё это знание
 было занято у солнца;
 Те формы, что к ней шли,
 рождались не на небесах:
 И голос внутренний
 способен был сказать
 подложное, ошибочное Слово;
 Её могущество —
 опасное и абсолютное,
 Могло добавить яд
 в вино Всевышнего.
 На той высокой и сияющей спине
 могла сидеть и править ложь;
 И Истина лежала, наслаждаясь
 страстными объятьями ошибки,
 Скользя вниз по течению
 в позолоченной блаженной барке,
 Луч заостря свой
 прекрасной ложью.
 Здесь, в нижних царствах Жизни,
 сходятся все виды
 противоположностей;

Truth stares and does her works with bandaged eyes	Здесь Истина глядит и делает свои труды с повязкой на глазах,
And Ignorance is Wisdom's patron here:	Невежество здесь — покровитель Мудрости:
Those galloping hooves in their enthusiast speed	И проносясь в галопе, те копыта с восторженною скоростью энтузиаста,
Could bear to a dangerous intermediate zone	Способны были занести в опасное пространство меж миров,
Where Death walks wearing a robe of deathless Life.	Где Смерть гуляет в одеянии бессмертной Жизни.
Or they enter the valley of the wandering Gleam	Бывало, души попадали в край блуждающего Отблеска;
Whence, captives or victims of the specious Ray,	Став пленниками, жертвами обманчивого Света,
Souls trapped in that region never can escape.	И пойманные в той долине, не могли оттуда выйти никогда.
Agents, not masters, they serve Life's desires	Посредники, но не хозяева, они обслуживают разные желанья Жизни,
Toiling for ever in the snare of Time.	Всё время тяжело работая в ловушке Времени.
Their bodies born out of some Nihil's womb	Там их тела, рождённые из лона некого Небытия,
Ensnare the spirit in the moment's dreams,	Заманивают дух в сиюминутные мечты
Then perish vomiting the immortal soul	И после гибнут, изрыгнув неумирающую душу
Out of Matter's belly into the sink of Nought.	Из чрева, из нутра Материи в отстойники Ничто.
Yet some uncaught, unslain, can warily pass	И всё же кто-то, незахваченный и неубитый, осторожно может там пройти,
Carrying Truth's image in the sheltered heart,	И в сердце сохраняя, пронести высокий образ Истины,
Pluck Knowledge out of error's screening grip,	И вырвать Знание из закрывающего всё объятия ошибки,

Break paths through the blind
walls of little self,

Then travel on to reach a greater
life.

All this streamed past her and
seemed to her vision's sight

As if around a high and voiceless
isle

A clamour of waters from far
unknown hills

Swallowed its narrow banks in
crowding waves

And made a hungry world of
white wild foam:

Hastening, a dragon with a million
feet,

Its foam and cry a drunken giant's
din,

Tossing a mane of Darkness into
God's sky,

It ebbed receding into a distant
roar.

Then smiled again a large and
tranquil air:

Blue heaven, green earth, partners
of Beauty's reign,

Lived as of old, companions in
happiness;

And in the world's heart laughed
the joy of life.

All now was still, the soil shone
dry and pure.

Through it all she moved not,
plunged not in the vain waves.

Out of the vastness of the silent
self

Пробить дорогу
сквозь глухую стену
маленького "я",

И продолжать свой путь,
к иной, великой жизни.

Всё это протекало мимо
и для видящих очей Савитри

Казалось, что вокруг
высокого глухого островка

Грохочущие воды
с отдалённых незнакомых гор

Толпящейся волною
поглотили узкий берег

И сотворили жаждущий,
голодный мир
из белой дикой пены:

Потом, спеша, дракон,
с его неисчислимым миллионом лап

Под крики, шум и пену,
пьяного гиганта,

Закидывая гриву Тьмы
в даль неба Бога,

Отхлынул, отступил
в далёкое рычание.

И вот ей снова улыбается
широкий и спокойный воздух:

Зелёная земля и голубые небеса,
партнёры царства Красоты,

Зажили, как и встарь,
товарищи по счастью;

И снова радость жизни
засмеялась в сердце мира.

Всё стало тихим,
почва засияла сухостью и чистотой.

Но несмотря на это всё
она¹ не двигалась,

Не погружалась
в те пустые волны.

Из тихого простора
внутреннего "я"

¹ Савитри, прим. пер.

Life's clamour fled; her spirit was
mute and free.

Шум Жизни улетел;
и дух в ней стал
безмолвным и свободным.

Then journeying forward
through the self's wide hush

Затем, продолжив путь
через широкое затишье
внутреннего "я",

She came into a brilliant ordered
Space.

Она пришла в сверкающее
упорядоченное Пространство.

There Life dwelt parked in an
armed tranquillity;

Там обитала Жизнь, расположившись
в защищённом от всего
спокойствии;

A chain was on her strong
insurgent heart.

На сильном и мятежном сердце
у неё лежала цепь.

Tamed to the modesty of a
measured pace,

Приученная к скромности
размеренного шага,

She kept no more her vehement
stride and rush;

Она оставила неистовый свой
бег и натиск;

She had lost the careless majesty
of her muse

Утеряны беспечное
величие её раздумий,

And the ample grandeur of her
regal force;

И пышное богатство
царской силы;

Curbed were her mighty pomps,
her splendid waste,

Утрачены могучее великолепие
и расточительная роскошь,

Sobered the revels of her bacchant
play,

И отрезвели буйные пиры
вакхической игры,

Cut down were her squanderings
in desire's bazaar,

Урезаны растраты
на базарной площади желания,

Coerced her despot will, her
fancy's dance,

И стала сдержанной
неистовая деспотическая воля,
танец прихоти,

A cold stolidity bound the riot of
sense.

Холодная бесстрастность
ограничила в ней буйство чувств.

A royalty without freedom was
her lot;

Правление царицы без свободы —
вот её удел;

The sovereign throned obeyed her
ministers:

Властитель, севшая на трон —
она подчинена своим министрам:

Her servants mind and sense
governed her house:

Её прислуга — ум и чувство —
правят в доме:

Her spirit's bounds they cast in
rigid lines

Они границы духа Жизни
поместили в строгие,
расчерченные рамки

And guarding with a phalanx of
armoured rules
The reason's balanced reign, kept
order and peace.
Her will lived closed in adamant
walls of law,

Coerced was her force by chains
that feigned to adorn,
Imagination was prisoned in a
fort,
Her wanton and licentious
favourite;
Reality's poise and reason's
symmetry
Were set in its place sentinelled by
marshalled facts,
They gave to the soul for throne a
bench of Law,

For kingdom a small world of rule
and line:
The ages' wisdom, shrivelled to
scholiast lines,

Shrank patterned into a copy-book
device.
The Spirit's almighty freedom was
not here:
A schoolman mind had captured
life's large space,
But chose to live in bare and
paltry rooms
Parked off from the too vast
dangerous universe,

Fearing to lose its soul in the
infinite.
Even the Idea's ample sweep was
cut
Into a system, chained to fixed
pillars of thought

Храня уравновешенное царство разума
фалангами вооружённых правил,
Поддерживают там
порядок и покой.
Отныне воля у неё жила
закрытая несокрушимую
стеной закона;
В ней силу заковали в цепи,
называя это украшением,
Её распущенную,
бесшабашную любимицу —
Воображение —
посадили в крепость;
Симметрия рассудка,
равновесие реальности
Стояли стройными рядами
фактов-часовых,
Отдав душе
судейскую скамью Закона
вместо трона,
А царство заменив
на небольшой мир правил и границ:
И многовековая мудрость,
сжёжившись до
строчек комментатора,
Усохла, сморщилась,
пройдя копировальное устройство.
Исчезла всемогущая
свобода Духа:
Так ум схоласта захватил
широкое пространство жизни,
Но предпочёл остаться
в голых и убогих комнатах,
Отгородив себя
от чересчур просторной,
и рискованной вселенной,
Страшась что потеряет душу
в этой бесконечности.
И даже необъятный кругозор Идеи
урезан, помещён в систему,
Прикован к неподвижным
направляющим опорам мысли

Or rivetted to Matter's solid ground:	Или пришпилен к прочному фундаменту Материи,
Or else the soul was lost in its own heights:	Иначе бы душа могла бы потеряться в собственных высотах:
Obeying the Ideal's high-browed law	И следуя высоколобому закону Идеала,
Thought based a throne on unsubstantial air	Мысль водрузила трон свой в бестелесной атмосфере,
Disdaining earth's flat triviality:	Пренебрегая плоской тривиальностью земли:
It barred reality out to live in its dreams.	Реальности не разрешили проникать и жить в её мечтах.
Or all stepped into a systemed universe:	Так всё вошло в её вселенную, где всё подчинено системе:
Life's empire was a managed continent,	Владенья Жизни стали управляемым широким континентом,
Its thoughts an army ranked and disciplined;	А мысли у неё — обученной, построенной рядами армией:
Uniformed they kept the logic of their fixed place	Одетые в мундир, они хранили логику им предназначенного места
At the bidding of the trained centurion mind.	И слушали приказы вышколенного ума-центуриона.
Or each stepped into its station like a star	И каждая вставала на свой пост как яркая звезда,
Or marched through fixed and constellated heavens	Или шагала через неподвижные, расшитые узорами созвездий, небеса,
Or kept its feudal rank among its peers	Или хранила феодальный титул среди равных
In the sky's unchanging cosmic hierarchy.	В космической неизменяющейся иерархии небес.
Or like a high-bred maiden with chaste eyes	Иль словно благородная девица с чистым непорочным взором,
Forbidden to walk unveiled the public ways,	Которой запрещают появляться в обществе без покрывала,
She must in close secluded chambers move,	Она должна была ходить в уединённых, запертых от всех покоях,

Her feeling in cloisters live or
 gardened paths.
 Life was consigned to a safe level
 path,
 It dared not tempt the great and
 difficult heights
 Or climb to be neighbour to a
 lonely star

 Or skirt the danger of the
 precipice
 Or tempt the foam-curved
 breakers' perilous laugh,
 Adventure's lyrist, danger's
 amateur,
 Or into her chamber call some
 flaming god,
 Or leave the world's bounds and
 where no limits are
 Meet with the heart's passion the
 Adorable
 Or set the world ablaze with the
 inner Fire.
 A chastened epithet in the prose of
 life,
 She must fill with colour just her
 sanctioned space,

 Not break out of the cabin of the
 idea
 Nor trespass into rhythms too high
 or vast.
 Even when it soared into ideal air,

 Thought's flight lost not itself in
 heaven's blue:
 It drew upon the skies a patterned
 flower
 Of disciplined beauty and
 harmonic light.
 A temperate vigilant spirit
 governed life:

А чувства — жить в монастырях,
 иль на тропинках сада.
 Так Жизнь направлена была
 по безопасному пути,
 Она теперь не смела искушать
 великие и трудные высоты,
 Взбираться в выси,
 чтоб встать рядом
 с одинокою звездой,
 Или идти по краю
 страшного обрыва,
 Иль искушать опасный смех
 клубящегося пеною прибоя,
 Поэта авантюры
 и любителя опасности,
 Иль звать в свои покои
 пламенного бога,
 Или оставить рамки мира
 и быть там, где нет ограничений,
 И встретить страстью сердца
 Обожаемого,
 Или заставить мир сверкать
 от своего Огня внутри.
 Избитое сравненье
 в прозе жизни,
 Она должна была отныне
 наполнять своими красками
 лишь разрешённое пространство,
 Не вырываясь
 из убогой камеры идеи,
 Не посягая выйти в ритмы
 чрезмерной высоты и широты.
 И даже воспаряя
 в атмосферу идеального,
 Её полёты мысли не терялись
 в той небесной сини:
 Они черпали из небес
 узорчатый цветок
 Дисциплинированной красоты
 и гармоничность света.
 Умеренный и неусыпный дух
 там правил жизнью:

Its acts were tools of the
considering thought,
Too cold to take fire and set the
world ablaze,

Or the careful reason's diplomatic
moves

Testing the means to a prefigured
end,

Or at the highest pitch some calm
Will's plan

Or a strategy of some High
Command within

To conquer the secret treasures of
the gods

Or win for a masked king some
glorious world,

Not a reflex of the spontaneous
self,

An index of the being and its
moods,

A winging of conscious spirit, a
sacrament

Of life's communion with the still
Supreme

Or its pure movement on the
Eternal's road.

Or else for the body of some high
Idea

A house was built with too
close-fitting bricks;

Action and thought cemented
made a wall

Of small ideals limiting the soul.

Even meditation mused on a
narrow seat;

Его поступки были инструментами
обдуманной спокойной мысли,

Но чересчур холодной,
чтоб зажечь огонь,
заставить мир сверкать,

Иль озабоченной дипломатичными
движениями разума

И пробующей способы достичь
воображаемую цель,

Иль ради замысла какой-то
хладнокровной Воли
на высоком уровне,

Иль для стратегии какого-то
Высокого Приказа изнутри,

Стремясь завоевать
секретные сокровища богов,

Иль покорить для скрытого царя
какой-то славный мир,

Но не высокий образ
действующего спонтанно
внутреннего "я",

Не указатель бытия
и всех его возможных настроений,

Не окрыляющий полёт
сознательного духа,

Не таинство переговоров жизни
с неподвижностью Всевышнего,

Не чистое движенье
по дороге Вечного.

Бывало, ради основания
одной возвышенной Идеи

Выстраивался дом
со слишком хорошо
подогнанными кирпичами;

В нём действие и мысль,
зацементировавшись,
делались стеной

Из мелких идеалов,
ограничивавших душу.

И даже медитация сидела,
размышляя, в узком кресле,

And worship turned to an
exclusive God,
To the Universal in a chapel prayed
Whose doors were shut against the
universe;
Or kneeled to the bodiless
Impersonal
A mind shut to the cry and fire of
love:
A rational religion dried the heart.

It planned a smooth life's acts with
ethics' rule

Or offered a cold and flameless
sacrifice.
The sacred Book lay on its
sanctified desk
Wrapped in interpretation's silken
strings:
A credo sealed up its spiritual
sense.

Here was a quiet country of
fixed mind,
Here life no more was all nor
passion's voice;
The cry of sense had sunk into a
hush.
Soul was not there nor spirit but
mind alone;
Mind claimed to be the spirit and
the soul.
The spirit saw itself as form of
mind,
Lost itself in the glory of the
thought,
A light that made invisible the
sun.

А поклоненье, повернувшись
к своему особенному Богу,
К Всеобщему, молилось в храме,
Где двери были заперты
для остальной вселенной;
Иль преклонив колени перед
бестелесностью Безличного,
Ум закрывался
от призыва и огня любви:
Разумная, рациональная религия
сушила сердце.
Ум распланировал
этическими правилами
сглаженное действо жизни
Иль предлагал бесстрастную,
холодную, сухую жертву.
На освящённом письменном столе
лежит святая Книга,
Обёрнутая шелковистой
ленточкой интерпретации:
И убеждение закрывает наглухо
её духовный смысл.

Здесь расстилалась тихая страна
устойчивого, крепкого ума,
Здесь жизнь и голос страсти
больше не были определяющими;
Крик чувства
погрузился в тишину.
И не осталось ни души, ни духа,
только ум один;
Лишь ум, претендовавший быть
и духом, и душой.
Дух понимал себя
как форму для ума,
Теряя самого себя
за славой мысли,
Подобно свету, за которым
не видно больше солнца.

Into a firm and settled space she
came
Where all was still and all things
kept their place.
Each found what it had sought and
knew its aim.
All had a final last stability.

There one stood forth who bore
authority
On an important brow and held a
rod;
Command was incarnate in his
gesture and tone;
Tradition's petrified wisdom
carved his speech,

His sentences savoured the oracle.
"Traveller or pilgrim of the inner
world,
Fortunate art thou to reach our
brilliant air

Flaming with thought's supreme
finality.
O aspirant to the perfect way of
life,
Here find it; rest from search and
live at peace.

Ours is the home of cosmic
certainty.
Here is the truth, God's harmony
is here.
Register thy name in the book of
the elite,
Admitted by the sanction of the
few,

Adopt thy station of knowledge,
thy post in mind,

Она¹ пришла в устойчивое
и надёжное пространство,
Где было всё спокойно
и все вещи — на своих местах.
Там каждый находил, что он искал,
и знал своё предназначение.
Во всём была стабильность —
окончательная и последняя.
А далее был виден некто,
преисполненный влияния
На полном важности лице,
державший жезл;
В нём каждый жест и тон
был воплощением власти;
Принадлежавшая традиции,
окаменевшая за годы мудрость
высекала строгие сентенции,
Похожие на изречения оракула.
"О пилигрим, о путник
внутреннего мира,
Счастливая удача для тебя —
достичь сиянья
нашей атмосферы,
Что пламенеет высшей завершенностью
идей и мысли.
О претендент на совершенный
образ жизни —
Ты здесь найдёшь его;
живи теперь спокойно,
отдохни от поиска.
Жилище наше — это дом
космической определённости.
Здесь — истина,
и здесь — гармония Всевышнего.
Впиши же собственное имя
в книгу избранной элиты,
Допущенная разрешением,
которым обладают
лишь немногие,
Займи свой пост по знаниям
и место по уму,

¹ Савитри, прим. пер.

Thy ticket of order draw in Life's
 bureau
 And praise thy fate that made thee
 one of ours.
 All here, docketed and tied, the
 mind can know,
 All schemed by law that God
 permits to life.
 This is the end and there is no
 beyond.
 Here is the safety of the ultimate
 wall,
 Here is the clarity of the sword of
 Light,
 Here is the victory of a single
 Truth,
 Here burns the diamond of
 flawless bliss.
 A favourite of Heaven and Nature
 live."
 But to the too satisfied and
 confident sage
 Savitri replied casting into his
 world
 Sight's deep release, the heart's
 questioning inner voice:

 For here the heart spoke not, only
 clear daylight
 Of intellect reigned here, limiting,
 cold, precise.

 "Happy are they who in this chaos
 of things,
 This coming and going of the feet
 of Time,
 Can find the single Truth, the
 eternal Law:
 Untouched they live by hope and
 doubt and fear.
 Happy are men anchored on fixed
 belief

Мандат порядка выписан
 в конторе Жизни для тебя,
 Благодарю свою судьбу,
 что сделала тебя одной из нас.
 Здесь всё увязано и состыковано,
 и познаваемо умом,
 Здесь всё спланировано по закону,
 данным Богом нам для жизни.
 И это окончательный предел,
 за ним нет ничего.
 Здесь — безопасность
 завершающей границы,
 Здесь — ясность острого меча
 Божественного Света,
 Здесь — торжество единственной
 и безраздельной Истины,
 Здесь безупречное блаженство
 полыхает как алмаз.
 Живи любимицей
 Природы и Небес."
 Но слишком уж довольному,
 самоуверенному мудрецу
 Савитри отвечала,
 в мир его бросая,
 Глубокую свободу взгляда,
 голос внутренних
 исканий сердца:
 Ведь сердце здесь молчало,
 лишь царил отчётливый
 Дневной свет интеллекта,
 точного, холодного
 и ограничивавшего.
 "Счастливы те, кто
 в этом хаосе вещей,
 И нескончаемом блуждании
 ног Времени,
 Смогли найти единственную Истину,
 и вечно существующий Закон:
 Они живут, не тронутые
 страхами, надеждой и сомнением.
 Счастливы люди, прикрепившиеся
 к прочным убеждениям

In this uncertain and ambiguous
world,
Or who have planted in the heart's
rich soil
One small grain of spiritual
certitude.
Happiest who stand on faith as on
a rock.
But I must pass leaving the ended
search,
Truth's rounded outcome firm,
immutable
And this harmonic building of
world-fact,
This ordered knowledge of
apparent things.
Here I can stay not, for I seek my
soul."
None answered in that bright
contented world,
Or only turned on their
accustomed way
Astonished to hear questioning in
that air
Or thoughts that could still turn to
the Beyond.

But some murmured, passers-by
from kindred spheres:
Each by his credo judged the
thought she spoke.
"Who then is this who knows not
that the soul
Is a least gland or a secretion's
fault
Disquieting the sane government
of the mind,
Disordering the function of the
brain,
Or a yearning lodged in Nature's
mortal house

В двусмысленном
и неопределённом мире,
Иль те, кто посадил
в богатой почве сердца
Хотя бы маленькое зёрнышко
уверенности духа.
Но самые счастливые —
стоящие на вере, словно на скале.
Однако, я должна идти,
оставив этот завершённый поиск,
Законченные результаты
прочной неизменной Истины
И гармоничное строенье
мира фактов,
Всё это приведённое в порядок
знание проявленных вещей.
Я не могу остаться здесь,
я в поисках своей души."
Никто ей не ответил
в этом ярком и довольном мире,
И лишь свернув
на свой привычный путь,
Им было странно слышать
вопрошающего в этой атмосфере,
И встретить мысли,
что ещё способны
повернуться к Запредельному.
Но кое-кто, прохожие из близких сфер,
всё продолжали бормотать,
Оценивая, что она сказала
через призму убеждений.
"Кто ж это был,
не знавший, что душа
Лишь небольшая железа
или дефект секреции,
Что беспокоит
здоровое правление ума,
Одно из нарушений
функций мозга,
Или стремление, что заселилось
в смертный дом Природы,

Or dream whispered in man's cave
of hollow thought

Who would prolong his brief
unhappy term

Or cling to living in a sea of
death?"

But others, "Nay, it is her spirit
she seeks.

A splendid shadow of the name of
God,

A formless lustre from the Ideal's
realm,

The Spirit is the Holy Ghost of
Mind;

But none has touched its limbs or
seen its face.

Each soul is the great Father's
crucified Son,

Mind is that soul's one parent, its
conscious cause,

The ground on which trembles a
brief passing light,

Mind, sole creator of the apparent
world.

All that is here is part of our own
self;

Our minds have made the world in
which we live."

Another with mystic and
unsatisfied eyes

Who loved his slain belief and
mourned its death,

"Is there one left who seeks for a
Beyond?

Can still the path be found,
opened the gate?"

Или мечта, что шепчет
в пустоте пещеры

мысли человека,

Который бы хотел продлить
свой краткий несчастливый срок,

Иль зацепиться за живое
в море смерти?"

Другие говорили,

"Нет, он существует, дух её,
что нужно ей найти.

Роскошный призрак

имени Всевышнего,

Бесформенные отблески
из царства Идеала,

Тот Дух —

Святая Тень Ума;

Но нет того, кто

прикоснулся к его телу

или видел бы его лицо.

Ведь каждая душа —

распятый Сын великого Отца,

А Ум — единственный родитель
этих душ, причина их сознания,

Та почва, где трепещет
краткий преходящий свет,

И Ум — единственный творец
проявленного мира.

Всё что здесь есть —

часть нашего скрываемого "я";

И нашими умами создан мир,
в котором мы живём."

А третьи,

с ненасытным взором мистика,

Кто ранее любил

свою погубленную веру

и оплакивал её кончину:

"Да есть ли здесь такой,

кто ищет Запредельное?

И можно ли ещё найти тот путь,
открыть врата?"

So she fared on across her silent
self.

To a road she came thronged with
an ardent crowd

Who sped brilliant, fire-footed,
sunlight-eyed,

Pressing to reach the world's
mysterious wall,

And pass through masked
doorways into outer mind

Where the Light comes not nor the
mystic voice,

Messengers from our subliminal
greatnesses,

Guests from the cavern of the
secret soul.

Into dim spiritual somnolence they
break

Or shed wide wonder on our
waking self,

Ideas that haunt us with their
radiant tread,

Dreams that are hints of unborn
Reality,

Strange goddesses with
deep-pooled magical eyes,

Strong wind-haired gods carrying
the harps of hope,

Great moon-hued visions gliding
through gold air,

Aspiration's sun-dream head and
star-carved limbs,

Emotions making common hearts
sublime.

Так шла она по внутреннему я,
безмолвному и тихому

И вышла на дорогу, полную
разгоряченную толпой людей,

Что торопились, яркие,
с ногами, как огонь,

Со взглядом, полным
солнечного света,

Стремясь достичь
загадочной ограды мира,

И через скрытые врата
пройти во внешний ум,

Куда ни Свет не долетает,
ни мистические голоса,

Посланцы наших
подсознательных величий,

И гости из пещеры
скрытой ото всех души.

Они врываются
в неясную дремоту духа,

Иль проливают широту чудесного
на наше пробудившееся "я",

Идеи, что преследуют нас здесь
своей лучистой поступью,

Мечты, что намекают
на Реальность, ждущую рождения,

Неведомые, странные богини
с их глубокими озёрами
магических очей,

Могучие, с копною
развевающихся кудрей, боги,
с арфами надежды,

Великие виденья, освещённые луной,
скользящие сквозь
золотистый воздух,

И грезящие солнцем,
полные стремленья головы,
Точёные, сияющие словно звёзды
члены тела,

Эмоции, что делают
обычные сердца утонченными.

And Savitri mingling in that
glorious crowd,
Yearning to the spiritual light they
bore,
Longed once to hasten like them
to save God's world;
But she reined back the high
passion in her heart;
She knew that first she must
discover her soul.

Only who save themselves can
others save.
In contrary sense she faced life's
riddling truth:

They carrying the light to
suffering men
Hurried with eager feet to the
outer world;
Her eyes were turned towards the
eternal source.
Outstretching her hands to stay the
throng she cried:

"O happy company of luminous
gods,
Reveal, who know, the road that I
must tread,—
For surely that bright quarter is
your home,—

To find the birthplace of the occult
Fire
And the deep mansion of my
secret soul."
One answered pointing to a
silence dim
On a remote extremity of sleep
In some far background of the
inner world.

Вливаясь в ту
прекрасную толпу,
И устремившись к свету духа,
что они несли,
Савитри захотела вместе с ними,
спешить спасти мир Бога;
Но всё же удержала в сердце
ту возвышенную страсть;
Она прекрасно знала,
что должна найти вначале
собственную душу.

Лишь тот, кто спас себя,
имеет шанс спасти других.
Она здесь встретилась
с загадочною правдой жизни,
но с обратной стороны:

Те, кто несли свой свет
страдающему человеку,
Во внешний мир спешили
устремлёнными стопами,
А у неё взгляд был повернут
к вечному источнику.
Протягивая руки, чтобы их
на время приостановить,
она вскричала:

"О вы, счастливая и светлая
компания богов,
Откройте, те кто знает, путь
которым я должна пойти,
Ведь, несомненно,
что та яркая часть света —
это дом ваш,

Где мне искать родные земли
сокровенного Огня,
Глубокую обитель
потайной моей души."
Один ответил, показав
на еле различимое безмолвие
На отдалённом крае сна,
В каком-то дальнем окружении
внутреннего мира.

"O Savitri, from thy hidden soul
we come.
We are the messengers, the occult
gods
Who help men's drab and heavy
ignorant lives
To wake to beauty and the wonder
of things
Touching them with glory and
divinity;
In evil we light the deathless
flame of good
And hold the torch of knowledge
on ignorant roads;
We are thy will and all men's will
towards Light.
O human copy and disguise of
God
Who seekst the deity thou keepest
hid
And livest by the Truth thou hast
not known,
Follow the world's winding
highway to its source.
There in the silence few have ever
reached,
Thou shalt see the Fire burning on
the bare stone
And the deep cavern of thy secret
soul."
Then Savitri following the great
winding road
Came where it dwindled into a
narrow path
Trode only by rare wounded
pilgrim feet.
A few bright forms emerged from
unknown depths

And looked at her with calm
immortal eyes.

"Савитри, мы как раз идём
из потайной твоей души.
Мы все — посланники,
и тайные, скрываемые боги,
Что помогают серым, трудным
и невежественным жизням
Проснуться к красоте и чуду
окружающих вещей,
Коснуться их божественности
и великолепия;
Мы зажигаем в зле
бессмертные огни добра
И держим факел знания
над дорогами невежества;
Мы — и твоё стремление,
и стремление к Свету всех людей,
О человеческое воплощенье,
маска Бога,
Что ищет божество,
которое сама же держит скрытым,
И что живёт благодаря той Истине,
которую ещё не знает,
Иди по той петляющей дороге мира
до её начала.
И там, в безмолвии, которого
лишь избранные достигают,
Увидишь ты Огонь,
пылающий на голом камне,
И там — глубокую пещеру
потайной твоей души."
Затем Савитри, следуя великой
вьющейся дорогой,
Пришла туда, где та уменьшилась
до узенькой тропы,
Протоптанной избитыми ногами
редких странников.
Откуда-то, из ей неведомых глубин
возникло несколько
светящихся фигур
Что посмотрели полными покоя
взглядами бессмертных.

There was no sound to break the
brooding hush;

One felt the silent nearness of the
soul.

End of Canto Three

Здесь не было ни звука,
ничто не нарушало
ту задумчивую тишину;
Лишь ощущалось
молчаливое присутствие души.

Конец третьей песни

Book Seven
THE BOOK OF YOGA

Книга Седьмая
КНИГА ЙОГИ

Canto IV
THE TRIPLE SOUL-FORCES

Песня IV
ТРИАДА СИЛ ДУШИ

Here from a low and prone and
listless ground
The passion of the first ascent
began;
A moon-bright face in a sombre
cloud of hair,
A Woman sat in a pale lustrous
robe.
A rugged and ragged soil was her
bare seat,
Beneath her feet a sharp and
wounding stone.
A divine pity on the peaks of the
world,
A spirit touched by the grief of all
that lives,
She looked out far and saw from
inner mind
This questionable world of
outward things,
Of false appearances and plausible
shapes,
This dubious cosmos stretched in
the ignorant Void,

The pangs of earth, the toil and
speed of the stars
And the difficult birth and
dolorous end of life.
Accepting the universe as her
body of woe,

Здесь, на поникшей голой
низкой почве,
Где начинался первый
вдохновляющий подъём,
Со светло-лунным ликом,
с тёмным облаком волос,
В спокойном светлом одеянии
сидела Женщина.
Неровная, бугристая земля
служила ей простым сидением,
Лежали острые и ранящие камни
под ногами.
Божественное сострадание
на вершинах мира,
И дух, которого касалось горе
всех живых существ,
Она смотрела вдаль
и наблюдала внутренним умом
Наш ненадёжный
внешний мир вещей,
Мир ложных обликов,
правдоподобных форм,
И двойственный наш космос,
протянувшийся в
невежественной Пустоте,
И боль земли, и тяжкий труд,
и быстроту летящих звёзд,
Нелёгкое рождение
и печальную кончину жизни.
Воспринимая всю вселенную
как собственное тело,
полное мучений,

The Mother of the seven sorrows
 bore
 The seven stabs that pierced her
 bleeding heart:
 The beauty of sadness lingered on
 her face,
 Her eyes were dim with the
 ancient stain of tears.
 Her heart was riven with the
 world's agony
 And burdened with the sorrow and
 struggle in Time,
 An anguished music trailed in her
 rapt voice.
 Absorbed in a deep compassion's
 ecstasy,
 Lifting the mild ray of her patient
 gaze,
 In soft sweet training words
 slowly she spoke:

 "O Savitri, I am thy secret soul.

 To share the suffering of the world
 I came,
 I draw my children's pangs into
 my breast.
 I am the nurse of the dolour
 beneath the stars;
 I am the soul of all who wailing
 writhe
 Under the ruthless harrow of the
 Gods.
 I am woman, nurse and slave and
 beaten beast;
 I tend the hands that gave me
 cruel blows.

 The hearts that spurned my love
 and zeal I serve;

Та Мать семи страданий
 терпела семь ударов,
 Которые пронзали
 истекающее кровью сердце:
 Глаза её туманились
 следами древних слёз,
 А на лице застыла
 красота печали.
 В ней сердце разрывалось
 от агонии, терзающей наш мир,
 А ноша муки и борьбы во Времени
 давила тяжким грузом,
 Болезненная музыка
 звенела в пылком голосе.
 И погружённая в глубокий
 сострадающий экстаз,
 Подняв свой терпеливый взгляд,
 подобный слабому лучу,
 Неторопливо объясняя,
 мягким, нежным голосом
 она сказала:

 "Савитри, я —
 твоя сокрытая душа.
 Страдание мира
 разделить со всеми я пришла,
 Я боль моих детей
 вбираю в грудь свою.
 Под этим звёздным небом —
 я сиделка скорби и печали;
 И я — душа всех тех,
 кто корчится и плачет
 Под беспощадной
 бороной Богов.
 Я — женщина, кормилица, рабыня
 и избитое животное;
 Забочусь о руках,
 которые наносят мне
 жестокие удары.
 Служу сердцам, которые
 с презрением отвергли
 и мою заботу и любовь;

I am the courted queen, the
pampered doll,
I am the giver of the bowl of rice,

I am the worshipped Angel of the
House.

I am in all that suffers and that
cries.

Mine is the prayer that climbs in
vain from earth,

I am traversed by my creatures'
agonies,

I am the spirit in a world of pain.

The scream of tortured flesh and
tortured hearts

Fall'n back on heart and flesh
unheard by Heaven

Has rent with helpless grief and
wrath my soul.

I have seen the peasant burning in
his hut,

I have seen the slashed corpse of
the slaughtered child,

Heard woman's cry ravished and
stripped and haled

Amid the bayings of the
hell-hound mob,

I have looked on, I had no power
to save.

I have brought no arm of strength
to aid or slay;

God gave me love, he gave me not
his force.

I have shared the toil of the yoked
animal drudge

Pushed by the goad, encouraged
by the whip;

I have shared the fear-filled life of
bird and beast,

Царица соблазнённых,
кукла избалованных,

Я та, кто помогает
чашкой риса,

Я — Ангел Дома,
почитаемый и обожаемый.

И я во всех,
кто терпит муки, кто рыдает.

Ко мне обращена молитва,
что напрасно поднимается с земли,

По мне идут
агонии моих созданий,

Я — дух,
живущий в мире боли.

Крик раненого сердца
и измученного тела

Упав обратно, в сердце, в плоть,
и не услышанный на Небесах,

Беспомощною яростью и горем
разрывает душу мне.

Я видела крестьянина,
горящего в своей избе,

Я видела разрубленный на части
труп забитого ребёнка,

Я слышала крик женщины,
раздетой, изнасилованной,

Которую тащили среди травли
адской своры

буйствовавших толп,

Я лишь смотрела,
не имея сил спасти.

Ведь у меня нет сильных рук
чтобы помочь или убить;

Бог дал любовь мне, но не дал
свою божественную силу.

Я разделила тяжкий труд
скотины под ярмом,

Что подгоняют колом
и бодрят хлыстом;

Я разделила полную
различных страхов
жизнь животного и птицы,

Its long hunt for the day's
precarious food,

Its covert slink and crouch and
hungry prowl,

Its pain and terror seized by beak
and claw.

I have shared the daily life of
common men,

Its petty pleasures and its petty
cares,

Its press of troubles and haggard
horde of ills,

Earth's trail of sorrow hopeless of
relief,

The unwanted tedious labour
without joy,

And the burden of misery and the
strokes of fate.

I have been pity, leaning over pain

And the tender smile that heals the
wounded heart

And sympathy making life less
hard to bear.

Man has felt near my unseen face
and hands;

I have become the sufferer and his
moan,

I have lain down with the mangled
and the slain,

I have lived with the prisoner in
his dungeon cell.

Heavy on my shoulders weighs
the yoke of Time:

Nothing refusing of creation's
load,

I have borne all and know I still
must bear:

Их долгий поиск
ради небольшой случайной
пищи на день,

Крадущиеся, скрытые шаги,
и припадание к земле,
и рысканье от голода,

Их боль и ужас, схваченных
когтями или клювом.

Я разделила повседневные дела
простых людей,

Их маленькие удовольствия,
их мелкие заботы,

Их тяжесть неудач
и дикую орду болезней,

И тянущийся след страдания Земли,
лишившейся надежд
на избавление,

И нежеланный скучный труд,
без всякой радости,

И ношу бедности,
и боль ударов роковой судьбы.

Я стала состраданием,
склонившимся над болью,

И нежною улыбкой,
лечащей израненное сердце,

Сочувствием, что помогает
легче вынести заботы жизни.

И люди ощутили —
рядом есть моё
незримое лицо и руки;

Я стала и самим страдающим
и столами его,

Лежу с израненным,
и падаю с убитым,

Живу в подземной клетке
вместе с арестантом.

На плечи тяжело давит
иго Времени:

Не отвергая ничего
из бремени творения,

Я всё переношу и знаю —
я должна переносить и дальше:

Perhaps when the world sinks into a last sleep,	Возможно, в тот момент, когда весь мир погрузится в последний сон,
I too may sleep in dumb eternal peace.	И я смогу уснуть в немом покое вечности.
I have borne the calm indifference of Heaven,	Я вытерпела холод безразличия Небес,
Watched Nature's cruelty to suffering things	И видела безжалостность Природы к страдавшим существам,
While God passed silent by nor turned to help.	И видела, как Бог проходит молча мимо и не обернётся чтоб помочь.
Yet have I cried not out against his will,	И всё же я не подняла свой голос против этой воли,
Yet have I not accused his cosmic Law.	И всё же я не стала осуждать его космический Закон.
Only to change this great hard world of pain	И только чтобы изменить великий, тяжкий мир мучения и боли
A patient prayer has risen from my breast;	Настойчивая, терпеливая молитва поднимается в моей груди;
A pallid resignation lights my brow,	Смирение озаряет лоб мой бледным светом,
Within me a blind faith and mercy dwell;	Внутри меня живут слепая вера вместе с милосердием;
I carry the fire that never can be quenched	Я в мир несу огонь, который никогда не погасить,
And the compassion that supports the suns.	И сострадание, которое поддерживает солнца.
I am the hope that looks towards my God,	Я — та надежда, что глядит на Бога моего,
My God who never came to me till now;	На Бога моего, который прежде никогда не приходил ко мне;
His voice I hear that ever says 'I come':	Его я голос слышу, что всегда мне отвечает, 'Я иду':
I know that one day he shall come at last."	Я знаю, что наступит день, и он, в конце концов, придёт."
She ceased, and like an echo from below	Она замолкла, и подобно эху, снизу,

Answering her pathos of divine
complaint

A voice of wrath took up the dire
refrain,

A growl of thunder or roar of
angry beast,

The beast that crouching growls
within man's depths,-

Voice of a tortured Titan once a
God.

"I am the Man of Sorrows, I am he

Who is nailed on the wide cross of
the universe;

To enjoy my agony God built the
earth,

My passion he has made his
drama's theme.

He has sent me naked into his
bitter world

And beaten me with his rods of
grief and pain

That I might cry and grovel at his
feet

And offer him worship with my
blood and tears.

I am Prometheus under the
vulture's beak,

Man the discoverer of the undying
fire,

In the flame he kindled burning
like a moth;

I am the seeker who can never
find,

Какой-то гневный голос,
отвечая пафосу

небесной жалобы,
Озлобленным рефреном
подхватил её слова,

Раскатом грома или
рёвом яростного зверя,

Того невидимого зверя,
что, припав, рычит
в глубинах человека, —

То голос был
измученного пытками Титана,
когда-то — Бога.

"Я — Человек Страдания,
я тот,

Кто пригвождён к широкому
кресту вселенной;

Бог создал землю,
чтобы наслаждаться
муками моими и агонией,

Он страсть мою
представил как сюжет
своей вселенской драмы.

Он голым выкинул меня
в жестокий, горький мир

И бил меня своими розгами
беды и боли,

Чтоб я мог ползать
и кричать у ног его,

Творить ему богослуженье
кровью и слезами.

Я — Прометей
под клювом хищного стервятника,

Я — человек,
открывший для людей
негаснувший огонь,

Но в пламени,
зажжённым им самим,
сгорающий как мотылёк;

Я тот искатель,
что не может никогда найти,

I am the fighter who can never
win,
I am the runner who never
touched his goal:
Hell tortures me with the edges of
my thought,
Heaven tortures me with the
splendour of my dreams.
What profit have I of my animal
birth;
What profit have I of my human
soul?
I toil like the animal, like the
animal die.
I am man the rebel, man the
helpless serf;
Fate and my fellows cheat me of
my wage.
I loosen with my blood my
servitude's seal
And shake from my aching neck
the oppressor's knees
Only to seat new tyrants on my
back:
My teachers lesson me in slavery,

I am shown God's stamp and my
own signature

Upon the sorry contract of my
fate.
I have loved, but none has loved
me since my birth;

My fruit of works is given to other
hands.
All that is left me is my evil
thoughts,
My sordid quarrel against God
and man,
Envy of the riches that I cannot
share,

Я тот боец,
что никогда не может победить,
Я тот бегун,
что никогда не добегал до цели:
Меня пытается Ад
клинком моей же мысли,
Меня пытаются Небеса
великолепием моих же грёз.
Что проку мне
от моего животного рождения;
Что проку мне
от человеческой моей души?
Тружусь как скот,
и как скотина умираю.
Я бунтовщик,
беспомощный слуга;
Судьба, товарищи —
меня обманывают при расплате.
Я кровью смыл своей
печать служения,
Стряхнул с усталой шеи
ноги угнетателя
Но лишь затем, чтоб
новые тираны сели на спину:
Мои преподаватели
меня учили в рабстве,
Мне дали посмотреть
печать Всевышнего
с моею подписью
На жалком договоре,
что определил мою судьбу.
Я сам любил,
меня же с самого рожденья
не любил никто;
Плоды моих трудов
идут в другие руки.
И всё, что остаётся мне —
лишь собственные злые мысли,
И жалкий спор, и перебранка
с Богом и людьми,
И зависть к тем богатствам,
что не смог я получить,

Hate of a happiness that is not
mine.

I know my fate will ever be the
same,

It is my nature's work that cannot
change:

I have loved for mine, not for the
beloved's sake,

I have lived for myself and not for
others' lives.

Each in himself is sole by Nature's
law.

So God has made his harsh and
dreadful world,

So has he built the petty heart of
man.

Only by force and ruse can man
survive:

For pity is a weakness in his
breast,

His goodness is a laxity in the
nerves,

His kindness an investment for
return,

His altruism is ego's other face:

He serves the world that him the
world may serve.

If once the Titan's strength could
wake in me,

If Enceladus from Etna could
arise,

I then would reign the master of
the world

And like a god enjoy man's bliss
and pain.

But God has taken from me the
ancient Force.

И ненависть к той радости,
что не моя.

Я знаю, что моя судьба
останется такой же навсегда,

Ведь так работает моя природа
и она не может измениться:

Я и любил лишь для себя,
не для любимой,

И жил лишь для себя,
не для других.

Ведь каждый по закону,
данному Природой,
одинок внутри себя.

Таким Бог создал свой
суровый, страшный мир.

Таким он сделал
маленькое сердце человека.

И только хитростью и силой
может выжить человек:

Ведь сострадание —
это слабость у него в груди,

А доброта его —
расхлябанные нервы,

Его благожелательность —
вложение, чтобы вернуть,

А альтруизм —
другой лик эго:

Он служит миру,
чтобы мир служил ему.

И если бы во мне
когда-нибудь проснулось бы
могущество Титана,

И если б Энселадус
мог восстать из Этны,

Я стал бы царствовать
над этим миром как хозяин,

И словно божество
я б наслаждался болью
и блаженством человека.

Но Бог лишил меня
той древней Силы.

There is a dull consent in my
sluggish heart,
A fierce satisfaction with my
special pangs
As if they made me taller than my
kind;
Only by suffering can I excel.

I am the victim of titanic ills,
I am the doer of demoniac deeds;
I was made for evil, evil is my lot;
Evil I must be and by evil live;

Nought other can I do but be
myself;
What Nature made me, that I must
remain.
I suffer and toil and weep; I moan
and hate."

And Savitri heard the voice, the
echo heard
And turning to her being of pity
spoke:
"Madonna of suffering, Mother of
grief divine,
Thou art a portion of my soul put
forth
To bear the unbearable sorrow of
the world.
Because thou art, men yield not to
their doom,
But ask for happiness and strive
with fate;
Because thou art, the wretched
still can hope.
But thine is the power to solace,
not to save.

Осталось только вялое согласие
в ленивом сердце,
Неистовое наслаждение
моей особой боли,
Как будто эта боль
меня возносит над людьми;
Я лишь страданием
могу их превзойти.
Я — жертва
титанических несчастий,
Я — исполнитель
демонических деяний;
Я создан был для зла,
и зло — моя судьба;
Я должен сам стать злом,
и должен жить,
питаюсь злом;
Я ничего другого не умею,
только быть самим собой;
Каким я сотворён Природою,
таким я должен оставаться.
Я — стон и ненависть;
я тяжкий труд,
страдание и плач."
Савитри выслушала голос,
выслушала эхо,
И повернувшись к существу страдания
сказала:
"О Мать божественного горя,
о Мадонна страждущих,
Ты — часть моей души,
что вышла на передний план,
Чтоб на себя взять
непереносимое мученье мира.
Ты есть, и люди потому
не поддаются року,
А просят счастья
и сражаются с судьбой;
Ты есть, и потому
несчастные ещё надеются.
Но сила у тебя лишь чтобы утешать,
а не спасать.

One day I will return, a bringer of
strength,
And make thee drink from the
Eternal's cup;
His streams of force shall triumph
in thy limbs
And Wisdom's calm control thy
passionate heart.

Thy love shall be the bond of
humankind,

Compassion the bright key of
Nature's acts:
Misery shall pass abolished from
the earth;
The world shall be freed from the
anger of the Beast,
From the cruelty of the Titan and
his pain.
There shall be peace and joy for
ever more."

On passed she in her spirit's
upward route.
An ardent grandeur climbed mid
ferns and rocks,

A quiet wind flattered the heart to
warmth,
A finer perfume breathed from
slender trees.
All beautiful grew, subtle and high
and strange.

Here on a boulder carved like a
huge throne
A Woman sat in gold and purple
sheen,
Armed with the trident and the
thunderbolt,

Однажды я вернусь,
и принесу с собой могущество,
И дам тебе отпить
от кубка Вечного;
Его потоки силы станут
ликовать в тебе по телу,
И полная покоя Мудрость
будет управлять
твоим горячим сердцем.
И станет страстная твоя любовь
связующими узами
для человечества,
А сострадание — живым ключом
к движениям Природы:
Страдание уйдёт,
исчезнув навсегда с лица земли;
Мир, наконец, освободится
и от злобы Зверя,
И от жестокости Титана,
и его мучений.
И с той поры покой и радость
воцарятся навсегда."

Сказала так и двинулась
по восходящему маршруту духа.
Средь папоротника
и каменных уступов
Вверх поднималось
пылкое великолепие,
Ласкался к сердцу
тёплый мирный ветерок,
И стройные деревья
веяли изысканными ароматами.
Всё становилось
более красивым, утончённым,
странным и возвышенным.
Здесь, на массивном камне,
высеченным как огромный трон,
Сидела Женщина,
сияя золотом и пурпуром,
В руках —
метатель молний и трезубец,

Her feet upon a couchant lion's
 back.
 A formidable smile curved round
 her lips,
 Heaven-fire laughed in the corners
 of her eyes;
 Her body a mass of courage and
 heavenly strength,

 She menaced the triumph of the
 nether gods.
 A halo of lightnings flamed
 around her head
 And sovereignty, a great cestus,
 zoned her robe
 And majesty and victory sat with
 her
 Guarding in the wide cosmic
 battlefield
 Against the flat equality of Death

 And the all-levelling insurgent
 Night
 The hierarchy of the ordered Powers,
 The high changeless values, the
 peaked eminences,
 The privileged aristocracy of
 Truth,
 And in the governing Ideal's sun

 The triumvirate of wisdom, love
 and bliss
 And the sole autocracy of the
 absolute Light.
 August on her seat in the inner
 world of Mind,

 The Mother of Might looked
 down on passing things,
 Listened to the advancing tread of
 Time,

Стопы —
 на распростёртом льве.
 Улыбка грозная
 кривила губы,
 Огонь небес
 смеялся в уголках очей;
 Средоточеньем смелости,
 небесной силы
 было тело у неё,
 Она грозила триумфальной битвой
 низшим божествам.
 Над головой светился
 ореол из молний,
 Всевластие, великий пояс Афродиты,
 дополнял её одежды,
 Победа и величие
 сидели вместе с ней,
 В космическом широком
 поле битвы охраняя
 От скучного
 уравниванья Смертью
 И нивелирующей всё кругом
 мятежной Ночи,
 Иерархический порядок Сил,
 Возвышенную неизменность ценностей,
 высокие посты
 Для привилегированных
 аристократов Истины
 И, под лучами солнца
 правящего Идеала,
 Триумвират любви,
 блаженства, мудрости,
 Единую монархию
 абсолютизма Света.
 Наполненная царственным достоинством,
 воссев на троне
 внутренних миров Ума,
 Та Мать Могущества
 смотрела вниз на преходящее
 И вслушивалась
 в поступь Времени,

Saw the irresistible wheeling of
the suns
And heard the thunder of the
march of God.
Amid the swaying Forces in their
strife
Sovereign was her word of
luminous command,
Her speech like a war-cry rang or
a pilgrim chant.

A charm restoring hope in failing
hearts
Aspired the harmony of her
puissant voice:
"O Savitri, I am thy secret soul.

I have come down into the human
world
And the movement watched by an
unsleeping Eye
And the dark contrariety of earth's
fate
And the battle of the bright and
sombre Powers.
I stand upon earth's paths of
danger and grief
And help the unfortunate and save
the doomed.
To the strong I bring the guerdon
of their strength,
To the weak I bring the armour of
my force;
To men who long I carry their
coveted joy:
I am fortune justifying the great
and wise
By the sanction of the plaudits of
the crowd,
Then trampling them with the
armed heel of fate.

И наблюдала непреодолимое
вращенье солнц,
И слушала громоподобный
марш Всевышнего.
Среди колеблющихся Сил
в их споре и борьбе
Слова её команды, приносящей свет,
звучали царственно, возвышенно,
И речь её, порой звенела
как военный клич,
Порой текла —
как песня пилигрима.
Очарование, дающее надежду
для слабеющих сердец
Несло высокую гармонию
в её могучем голосе:
"Савитри, я — твоя
сокрытая душа.
Я вниз сошла,
в мир человека,
В движенье, наблюдаемое
неусыпным Оком,
И в мрачное противодействие
судьбе земли,
И в битву тёмных Сил
со светлыми.
Стою я на земных путях
опасности и горя,
Спасаю обречённых,
и помогаю несчастливым.
Тем, кто силён,
даю награды за их силу,
А тем, кто слаб,
даю защиту моего могущества;
Тем, кто особенно чего-то хочет —
я несу заветную их радость:
Я — та фортуна,
что оценивает мудрых и великих
Рукоплесканием
восторженной толпы,
А после топчет их
жестокою пятой судьбы.

My ear is leaned to the cry of the
oppressed,
I topple down the thrones of tyrant
kings:

A cry comes from proscribed and
hunted lives

Appealing to me against a pitiless
world,

A voice of the forsaken and
desolate

And the lone prisoner in his
dungeon cell.

Men hail in my coming the
Almighty's force

Or praise with thankful tears his
saviour Grace.

I smite the Titan who bestrides the
world

And slay the ogre in his
blood-stained den.

I am Durga, goddess of the proud
and strong,

And Lakshmi, queen of the fair
and fortunate;

I wear the face of Kali when I kill,

I trample the corpses of the demon
hordes.

I am charged by God to do his
mighty work,

Uncaring I serve his will who sent
me forth,

Reckless of peril and earthly
consequence.

I reason not of virtue and of sin

But do the deed he has put into my
heart.

I fear not for the angry frown of
Heaven,

Мой слух склоняется
к рыданиям угнетённых,

Я опрокидываю троны
тиранических царей:

Ко мне идут призывы
от гонимых и преследуемых жизнью,

Что жалуются мне
на беспощадный мир,

И голос одинокого,
несчастливого

Заброшенного всеми узника
в его подземной клетке.

Когда я прихожу,
то люди радуются
силе Всемогушего

Иль хвалят со слезами благодарности
его спасающую Милость.

Я бью Титана,
что сидит верхом на мире,

И убиваю великана
в окровавленной его пещере.

Я — Дурга,
богиня гордости и силы,

И я — Лакшми,
царица справедливости, удачи;

Когда мне нужно убивать,
я принимаю облик Кали,

Хожу по трупам
демонических неисчислимых сил.

Я послана Всевышним
выполнять его могучую работу,

И не тревожась ни о чём,
служу намеренью
пославшего меня вперёд,

Пренебрегая риском
и земными следствиями.

Я не раздумываю
о грехе и добродетели,

Но исполняю то, что он
вложил мне в сердце.

Я не боюсь сердитого
неодобрения Небес,

I flinch not from the red assault of
Hell;

I crush the opposition of the gods,

Tread down a million goblin
obstacles.

I guide man to the path of the
Divine

And guard him from the red Wolf
and the Snake.

I set in his mortal hand my
heavenly sword

And put on him the breastplate of
the gods.

I break the ignorant pride of
human mind

And lead the thought to the
wideness of the Truth;

I rend man's narrow and
successful life

And force his sorrowful eyes to
gaze at the sun

That he may die to earth and live
in his soul.

I know the goal, I know the secret
route;

I have studied the map of the
invisible worlds;

I am the battle's head, the
journey's star.

But the great obstinate world
resists my Word,

And the crookedness and evil in
man's heart

Is stronger than Reason,
profounder than the Pit,

And the malignancy of hostile
Powers

Не отступаю под
кровавою атакой Ада;

Я сокрушаю
противостояние богов,

Топчу преграды
миллионов гоблинов.

Я человека привожу
к пути Всевышнего

И охраняю жизнь его
от окровавленного Волка
и от Змея.

Я вкладываю в смертные ладони
мой небесный меч

И одеваю на него
нагрудники богов.

Ломаю я невежественную гордыню
человеческих умов,

И увожу их мысль
в просторы Истины;

Я разбиваю узкую,
успешную жизнь человека

И заставляю грустные его глаза
всмотреться в солнце,

Чтоб он мог умереть
для бытия земли
и жить в своей душе.

Я знаю цель,
я знаю тайный курс;

Я изучила план
невидимых миров;

Я полководец в битве,
путеводная звезда.

Но наш великий и упрямый мир
не поддаётся Слову моему,

Порок и искривлённость
в сердце человека

Сильнее Разума
и глубже Бездны,

А злонамеренность
враждебных Сил

Puts craftily back the clock of
destiny

And mightier seems than the
eternal Will.

The cosmic evil is too deep to
unroot,

The cosmic suffering is too vast to
heal.

A few I guide who pass me
towards the Light;

A few I save, the mass falls back
unsaved;

A few I help, the many strive and
fail.

But my heart I have hardened and
I do my work:

Slowly the light grows greater in
the East,

Slowly the world progresses on
God's road.

His seal is on my task, it cannot
fail:

I shall hear the silver swing of
heaven's gates

When God comes out to meet the
soul of the world."

She spoke and from the lower
human world

An answer, a warped echo met her
speech;

The voice came through the
spaces of the mind

Of the dwarf-Titan, the deformed
chained god

Who strives to master his nature's
rebel stuff

And make the universe his
instrument.

Обманным способом
назад отводит стрелки
у часов судьбы

И кажется сильнее
Воли Вечного.

Космическое зло
засело слишком глубоко,
чтоб вырвать это с корнем,
Космические муки слишком широки,
чтоб исцелить.

Немногих я веду, лишь тех
кто с помощью меня
проходит к Свету;

Немногих я спасаю,
большинство же падает назад;
Немногим помогаю,
остальные бьются, терпят неудачу.

Но сердце закалилось у меня,
я делаю свою работу:

Неторопливо разгорается
свет на Востоке,

Неторопливо мир идёт
дорогой Бога.

Его печатью скреплена моя задача
она не может потерпеть провал:

И я услышу серебристый звук
небесных врат,

Когда Бог выйдет
встретить душу мира."

Она договорила
и из низшей сферы человека

Ответ, испорченное эхо
встретился с её словами:

Пройдя ментальные пространства,
до неё донёсся голос

Закованного в цепи карлика-Титана,
искалеченного бога,

Который жаждал овладеть
бунтующей материей природы

И превратить вселенную
в свой инструмент.

The Ego of this great world of
 desire
 Claimed earth and the wide
 heavens for the use
 Of man, head of the life it shapes
 on earth,

 Its representative and conscious
 soul,
 And symbol of evolving light and
 force
 And vessel of the godhead that
 must be.
 A thinking animal, Nature's
 struggling lord,

 Has made of her his nurse and tool
 and slave

 And pays to her as wage and
 emolument
 Inescapably by a deep law in
 things
 His heart's grief and his body's
 death and pain:
 His pains are her means to grow,
 to see and feel;

 His death assists her immortality.

 A tool and slave of his own slave
 and tool,
 He praises his free will and his
 master mind

 And is pushed by her upon her
 chosen paths;

 Possessor he is possessed and,
 ruler, ruled,

В нём мир желанья,
 Эго этого большого мира
 Стремилось захватить
 и землю, и простор небес
 Для пользы человека, правящего
 выстроенной этим Эго
 жизнью на земле,
 Его уполномоченной,
 сознательной души,
 И символа для всё сильнее
 развивающихся сил и света,
 Сосуда божества,
 которое должно здесь появиться.
 Он, думающее животное
 и господин Природы,
 борющийся с ней,
 Природу эту превратил
 в свою кормилицу,
 рабыню, инструмент,
 И платит ей, как компенсацию,
 вознаграждение,
 Неотвратимо, по глубинному закону
 всех вещей
 Страданием сердца,
 болью, смертью тела:
 Его мученья —
 это способ для неё
 расти, смотреть и ощущать;
 Смерть человека
 помогает ей в бессмертии.
 Орудие и раб
 своей рабыни и орудия,
 Он прославляет
 свой руководящий ум,
 свою свободу воли,
 И в этот же момент
 Природа двигает его
 по ею выбранным путям;
 Он, обладатель — обладаем
 и правитель — управляем,

Her conscious automaton, her
desire's dupe.

His soul is her guest, a sovereign
mute, inert,

His body her robot, his life her
way to live,

His conscious mind her strong
revolted serf.

The voice rose up and smote some
inner sun.

"I am the heir of the forces of the
earth,

Slowly I make good my right to
my estate;

A growing godhead in her
divinised mud,

I climb, a claimant to the throne of
heaven.

The last-born of the earth I stand
the first;

Her slow millenniums waited for
my birth.

Although I live in Time besieged
by Death,

Precarious owner of my body and
soul

Housed on a little speck amid the
stars,

For me and my use the universe
was made.

Immortal spirit in the perishing
clay,

I am God still unevolved in human
form;

Even if he is not, he becomes in
me.

The sun and moon are lights upon
my path;

Он — сознающий автомат,
простак, обманутый
её желанием.

Душа у человека
для природы — гость,
немой, инертный суверен,

Его живое тело — робот,
а жизнь его — её манера жить,

Его осознающий ум —
её могучий и бунтующий слуга.

Возник тот голос
и ударил по невидимому
внутреннему солнцу.

"Я основной наследник
сил земли,

И шаг за шагом добиваюсь прав
на всё моё обширное имение;

Растущий бог,
в обожествляемой грязи земли,

Я поднимаюсь,
претендент на трон небес.

Последний из землёй рождённых,
первым я стою;

Её неторопливые тысячелетия
ждали моего рождения.

Хоть я живу во Времени
и осаждаем Смертью,

Случайный собственник
своей души и тела,

Нашедший дом на маленьком участке
среди звёзд,

Я знаю — для меня
и для моей же пользы
создана вселенная.

Бессмертный дух
в непрочной смертной плоти,

Я — Бог, что только возникает
в форме человека;

И даже если нет его сейчас во мне,
он будет.

И солнце, и луна —
светильники для моего пути;

Air was invented for my lungs to
breathe,
Conditioned as a wide and
wall-less space
For my winged chariot's wheels to
cleave a road,
The sea was made for me to swim
and sail
And bear my golden commerce on
its back:

It laughs cloven by my pleasure's
gliding keel,
I laugh at its black stare of fate
and death.
The earth is my floor, the sky my
living's roof.

All was prepared through many a
silent age,

God made experiments with
animal shapes,
Then only when all was ready I
was born.
I was born weak and small and
ignorant,
A helpless creature in a difficult
world
Travelling through my brief years
with death at my side;

I have grown greater than Nature,
wiser than God.

I have made real what she never
dreamed,
I have seized her powers and
harnessed for my work,
I have shaped her metals and new
metals made;

И воздух был изобретён,
чтоб лёгкие мои дышали,
И приспособлен,
как широкое, без стен, пространство,
Опора для моих крылатых экипажей,
рассекающих его в пути,
И море создано,
чтоб я купался в нём и плыл,
И чтоб оно носило на спине
мою коммерцию,
наполненную золотом:

Оно смеётся, расходясь
под быстрым килем наслаждения,
И я смеюсь над чёрным взглядом
смерти и судьбы.

Земля — мой пол,
а небо — крыша,
я под ней живу.

Всё загодя готовилось
в течение молчаливой
череды эпох,

Бог ставил разные эксперименты
с формами животных,
И лишь когда всё было подготовлено,
родился я.

Я был рождён невежественным,
маленьким и слабым,

Беспомощное существо
в нелёгком мире,

Что путешествует сквозь
краткие свои года
со смертью на борту;

Я вырос, и теперь
я выше, чем Природа
и мудрее Бога.

Я превратил в реальность то,
о чём она¹ и не мечтала,

Я овладел её энергиями
и запряг в мою работу,

Я форму дал её металлам,
создал новые металлы;

¹ Природа, прим. пер.

I will make glass and raiment out
of milk,
Make iron velvet, water
unbreakable stone,
Like God in his astuce of artist
skill,
Mould from one primal plasm
protean forms,
In single Nature multitudinous
lives,
All that imagination can conceive

In mind intangible, remould anew

In Matter's plastic solid and
concrete.
No magic can surpass my magic's
skill.
There is no miracle I shall not
achieve.
What God imperfect left, I will
complete,
Out of a tangled mind and
half-made soul
His sin and error I will eliminate;

What he invented not, I shall
invent:
He was the first creator, I am the
last.
I have found the atoms from
which he built the worlds:
The first tremendous cosmic
energy
Missioned shall leap to slay my
enemy kin,
Expunge a nation or abolish a
race,
Death's silence leave where there
was laughter and joy.

Я сделаю одежду и стекло
из молока,
И бархат — из железа,
из воды — неразрушимый камень,
И словно Бог в его художественном,
дальновидном мастерстве,
Я из первичной плазмы
отолью изменчивые формы,
И многочисленные жизни —
в одной единственной Природе,
И всё что может
сотворить воображение
В неосязаемом уме,
я сформирую заново
В пластичности Материи,
конкретной, прочной.
И никакая магия не превзойдёт
моё магическое мастерство.
И нет такого чуда,
что я не смогу добиться.
Что Бог оставил незаконченным,
я завершу,
Из путаного, сложного ума
и недоделанной души
Я уберу его
ошибки и грехи;
Что он ещё не изобрёл,
изобрету я сам:
Он первым был творцом,
а я — последним.
Я обнаружил атомы, частицы
из которых создал он миры:
Первичная космическая
страшная энергия
Мной посланная, прыгнет,
чтоб убить семью моих врагов,
Сотрёт всю нацию,
иль уничтожит расу,
Молчанье смерти воцарится там,
где раньше были
смех и радость.

Or the fissured invisible shall
spend God's force

To extend my comforts and
expand my wealth,
To speed my car which now the
lightnings drive

And turn the engines of my
miracles.
I will take his means of sorcery
from his hands
And do with them greater wonders
than his best.

Yet through it all I have kept my
balanced thought;
I have studied my being, I have
examined the world,
I have grown a master of the arts
of life.
I have tamed the wild beast,
trained to be my friend;
He guards my house, looks up
waiting my will.

I have taught my kind to serve and
to obey.
I have used the mystery of the
cosmic waves
To see far distance and to hear far
words;
I have conquered Space and
knitted close all earth.
Soon I shall know the secrets of
the Mind;
I play with knowledge and with
ignorance
And sin and virtue my inventions
are
I can transcend or sovereignly use.

А может быть —
невидимое расщепление
потратит силу Бога
Расширить мой комфорт
и нарастить моё богатство,
Добавить скорости моей машине,
там, где сейчас
энергия от молний
Вращает двигатели,
сотворённые моими чудесами.

Я средства магии
возьму из рук его
И буду делать с ними чудеса,
гораздо более великие,
чем у него.

Но несмотря на всё, я сохранил
свою уравновешенную мысль;
Я изучил себя как существо,
я испытал весь мир,
Я превратился в мастера
искусства жизни.
Я приручил лесного зверя,
воспитал его быть другом;
Он охраняет дом и смотрит,
ожидая мою волю,
снизу-вверх.

Я научил его служить
и подчиняться человеку.
Я пользуюсь мистерией космических,
распространяющихся волн,
Чтоб видеть на далёком расстоянии,
и слышать речь издалека;
Я покорил пространство Космоса
и узами связал всю землю.
И скоро я познаю
тайнства Ума;
Я развлекаюсь с знанием,
с невежеством,
Грехи и добродетели —
мои изобретения,
И я могу их превзойти
и полновластно пользоваться ими.

I shall know mystic truths, seize
occult powers.

I shall slay my enemies with a
look or thought,

I shall sense the unspoken feelings
of all hearts

And see and hear the hidden
thoughts of men.

When earth is mastered, I shall
conquer heaven;

The gods shall be my aides or
menial folk,

No wish I harbour unfulfilled shall
die:

Omnipotence and omniscience
shall be mine."

And Savitri heard the voice, the
warped echo heard

And turning to her being of power
she spoke:

"Madonna of might, Mother of
works and force,

Thou art a portion of my soul put
forth

To help mankind and help the
travail of Time.

Because thou art in him, man
hopes and dares;

Because thou art, men's souls can
climb the heavens

And walk like gods in the
presence of the Supreme.

But without wisdom power is like
a wind,

Я буду узнавать мистические истины,
и покорять оккультные
энергии и силы.

Я буду убивать моих врагов
одним лишь взглядом
или мыслью,

Я буду ощущать
невыразимые эмоции
любых сердец,

Я буду видеть, слышать
скрытую мысль человека.

Когда я овладею всей землёй,
я завоюю небеса;

И боги станут для меня
помощниками и лакеями,

И для меня не будет тайного желания,
которое умрёт без воплощения.

И станет всемогущество,
всезнание — моим."

Савитри выслушала первый голос,
выслушала искажённый
голос эха,

И обратившись к собственному
существу могущества сказала:

"Мадонна мощи,

Мать работ и силы,

Ты часть моей души,
что вышла на передний план,

Чтоб помогать людскому роду
и потугам Времени.

Благодаря тому,

что ты внутри людей,
они рискуют и надеются;

Благодаря тебе

душа у человека может
подниматься к небесам

И там, в присутствии Всевышнего
гулять как боги.

Однако же, без мудрости
могущество подобно ветру,

It can breathe upon the heights
and kiss the sky,

It cannot build the extreme eternal
things.

Thou hast given men strength,
wisdom thou couldst not give.

One day I will return, a bringer of
light;

Then will I give to thee the mirror
of God;

Thou shalt see self and world as
by him they are seen

Reflected in the bright pool of thy
soul.

Thy wisdom shall be vast as vast
thy power.

Then hate shall dwell no more in
human hearts,

And fear and weakness shall
desert men's lives,

The cry of the ego shall be hushed
within,

Its lion roar that claims the world
as food,

All shall be might and bliss and
happy force."

Ascending still her spirit's
upward route

She came into a high and happy
space,

A wide tower of vision whence all
could be seen

And all was centred in a single
view

Оно умеет жить,
дышать на высоте
и целоваться с небом,

Но не способно выстроить,
соединить между собою
крайности у вечности.

Ты наделяешь человека силою,
но мудрость дать не можешь.

Однажды я вернусь
и принесу с собою свет,

И дам тебе я
зеркало Всевышнего;

Ты в нём увидишь и себя,
и мир, как видятся
и отражаются они

В прекрасной светлой заводи
твоей души.

И мудрость станет у тебя
такой же необъятной,
как и сила.

И ненависть не будет больше
обитать в людских сердцах,

И страх, и слабость, наконец,
покинут жизнь людей,

Внутри затихнут крики эго,
и львиный рык его,

Что требует весь мир
себе для пищи,

Всё станет и счастливой силой,
и блаженством,
и могуществом."

Поднявшись дальше
по идущему наверх
маршруту духа,

Она пришла в высокое,
счастливое пространство,

Большую смотровую башню,
из которой можно было
видеть всё,

Где всё сходилась
в общую картину,

As when by distance separate
scenes grow one
And a harmony is made of hues at
war.

The wind was still and fragrance
packed the air.
There was a carol of birds and
murmur of bees,
And all that is common and
natural and sweet,
Yet intimately divine to heart and
soul.

A nearness thrilled of the spirit to
its source

And deepest things seemed
obvious, close and true.

Here, living centre of that vision
of peace,

A Woman sat in clear and crystal
light:

Heaven had unveiled its lustre in
her eyes,

Her feet were moonbeams, her
face was a bright sun,

Her smile could persuade a dead
lacerated heart

To live again and feel the hands of
calm.

A low music heard became her
floating voice:

"O Savitri, I am thy secret soul.

I have come down to the wounded
desolate earth

To heal her pangs and lull her
heart to rest

And lay her head upon the
Mother's lap

That she may dream of God and
know his peace

Как из далёких разделённых сцен
вдруг появляется одна,
Как на войне из множества оттенков
образуется гармония.

Стих ветер,
воздух наполнялся ароматом.

Звучали трели птиц,
гудели пчёлы,
Всё было сладостным,
естественным, обычным,

И в то же время
сокровенным и божественным
для сердца и души.

Там ощущалась
трепетная близость духа
к своему источнику

И самое глубокое казалось
очевидным, близким, настоящим.

Здесь, как живое средоточие
видения покоя

Сидела Женщина
в кристально-чистом свете:

В её глазах своё сиянье
раскрывали небеса,

Её стопы — как лунные лучи,
лицо — как ослепительное солнце,

Улыбка у неё могла уговорить
истерзанное умершее сердце

Начать жить заново
и ощутить её ладони, полные покоя.

Подобно тихой музыке
прошелестел её певучий голос:

"Савитри, я —
твоя сокрытая душа.

Сошла я вниз,
на разорённую израненную землю

Чтоб исцелить её мучения,
дать отдых, успокоить сердце,

Чтоб голова её могла
прильнуть к коленям Матери,

И чтоб она могла мечтать о Боге
и познать его покой,

And draw the harmony of higher
spheres
Into the rhythm of earth's rude
troubled days.

I show to her the figures of bright
gods

And bring strength and solace to
her struggling life;

High things that now are only
words and forms

I reveal to her in the body of their
power.

I am peace that steals into man's
war-worn breast,

Amid the reign of Hell his acts
create

A hostel where Heaven's
messengers can lodge;

I am charity with the kindly hands
that bless,

I am silence mid the noisy tramp
of life;

I am Knowledge poring on her
cosmic map.

In the anomalies of the human
heart

Where Good and Evil are close
bedfellows

And Light is by Darkness dogged
at every step,

Where his largest knowledge is an
ignorance,

I am the Power that labours
towards the best

And works for God and looks up
towards the heights.

И принести гармонию
высоких сфер

В ритм грубых и тревожных
дней земли.

Я ей показываю образы
сверкающих богов,

Несу ей утешение и силу
для её сражающейся жизни;

Я открываю для неё
возвышенных существ,

Которые сейчас —
лишь формы и слова,

В самой основе
их могучих сил.

Я тот покой,
что тихо входит в грудь,
израненную войнами,

Средь царства Ада,
сотворённого его делами,

Я — то пристанище,
где могут жить посланники Небес;

Я — милосердие
с отзывчивыми добрыми руками,
которое несёт благословление,

Я — тишина среди топота
и грохотанья жизни;

Я — Знание,
что размышляет над своей
космической картой.

Средь аномалий
сердца человека,

Где Зло с Добром — любовники,
лежащие в одной кровати,

А Свет преследуется Тьмой
на каждом шаге,

Где даже самые его
широкие познания —
невежество,

Я — Сила, что работает
для лучшего,

И трудится для Бога,
поднимает взгляд свой в высоту.

I make even sin and error
stepping-stones
And all experience a long march
towards Light.

Out of the Inconscient I build
consciousness,
And lead through death to reach
immortal Life.

Many are God's forms by which
he grows in man;

They stamp his thoughts and
deeds with divinity,

Uplift the stature of the human
clay

Or slowly transmute it into
heaven's gold.

He is the Good for which men
fight and die,

He is the war of Right with Titan
wrong;

He is Freedom rising deathless
from her pyre;

He is Valour guarding still the
desperate pass

Or lone and erect on the shattered
barricade

Or a sentinel in the dangerous
echoing Night.

He is the crown of the martyr
burned in flame

And the glad resignation of the
saint

And courage indifferent to the
wounds of Time

Я даже грех с ошибкой
делаю трамплинами,
Весь опыт человека —
долгим маршем к Свету.

Из Несознания
выстраиваю я сознание,

И через смерть его веду,
стремясь достичь
бессмертной Жизни.

У Бога много форм, которыми
он прорастает в человеке;

Они печать божественного
ставят на его дела и мысли,

Из глины человека
поднимают статую,

Иль постепенно
превращают эту глину
в золото небес.

Он¹ — то Добро,
ради которого сражаются
и гибнут люди,

Он — битва Справедливости
с неправотой Титана;

Он — та Свобода,
что бессмертной
поднимается с костра;

Он — та Отвага,
что спокойно охраняет
безнадёжный переход,

Иль одинокою прямой фигурой
стоит на разбомблённой баррикаде,

Иль ходит часовым
среди опасной,
отдающей эхом Ночи.

Он и венец страдальца,
что сгорает в пламени,

И радостный отказ,
смирение святого,

И смелость, равнодушная
к ударам, ранам Времени,

¹ Бог, прим. пер.

And the hero's might wrestling
with death and fate.

He is Wisdom incarnate on a
glorious throne

And the calm autocracy of the
sage's rule.

He is the high and solitary
Thought

Aloof above the ignorant
multitude:

He is the prophet's voice, the sight
of the seer.

He is Beauty, nectar of the
passionate soul,

He is the Truth by which the spirit
lives.

He is the riches of the spiritual
Vast

Poured out in healing streams on
indigent Life;

He is Eternity lured from hour to
hour,

He is infinity in a little space:

He is immortality in the arms of
death.

These powers I am and at my call
they come.

Thus slowly I lift man's soul
nearer the Light.

But human mind clings to its
ignorance

And to its littleness the human
heart

And to its right to grief the earthly
life.

Only when Eternity takes Time by
the hand,

И мощь героя, что сражается
со смертью и с судьбой.

Он — воплощенье Мудрости
на славном троне,

Спокойное единовластие
правления мудреца.

Он — одинокая,
возвышенная Мысль,

Что воспаряет над
невежественною толпой:

Он — речь пророка,
зрение провидца.

Он — Красота,
нектар горячей,
необузданной души,

Он — Истина,
благодаря которой
существует дух.

Он — те сокровища
духовного Простора,

Что льются исцеляющим потоком
на лишенья Жизни;

Он — Вечность,
что заморожено движется
от часа к часу,

Он — бесконечность
в маленьком пространстве:

И Он — бессмертие
в объятьях смерти.

Все эти силы — я,
они приходят на мой зов.

Так медленно я поднимаю
душу человека
ближе к Свету.

Но ум людской цепляется упрямо
за своё невежество,

За ограниченность и малость
человеческого сердца,

За право горя и печалей
наполняющих земную жизнь.

И только если Вечность
возьмёт за руку Время,

Only when infinity weds the
finite's thought,
Can man be free from himself and
live with God.

I bring meanwhile the gods upon
the earth;
I bring back hope to the despairing
heart;
I give peace to the humble and the
great,
And shed my grace on the foolish
and the wise.
I shall save earth, if earth consents
to be saved.

Then Love shall at last
unwounded tread earth's soil;

Man's mind shall admit the
sovereignty of Truth
And body bear the immense
descent of God."
She spoke and from the ignorant
nether plane
A cry, a warped echo naked and
shuddering came.
A voice of the sense-shackled
human mind
Carried its proud complaint of
godlike power

Hedged by the limits of a mortal's
thoughts,
Bound in the chains of earthly
ignorance.
Imprisoned in his body and his
brain
The mortal cannot see God's
mighty whole,
Or share in his vast and deep
identity

И только если бесконечность
повенчается с конечной мыслью,
То сможет человек
жить вместе с Богом,
став свободным от себя.

Ну а пока — я приношу богов
на эту землю;
Я возвращаю вновь надежду
отчаявшимся человеческим сердцам;
Дарю покой свой
скромным и великим,
Распространяю милость
и на глупых, и на мудрых.
Я принесу спасение земле,
когда она захочет
стать спасённой.

Тогда, в конце концов,
Любовь сумеет не поранившись
пройти земною почвой;

Ум человека согласится
с властью Истины,
И тело сможет вынести
безмерность нисхожденья Бога."

Она договорила, и из низшего,
невежественного плана
Донёлся крик, испорченное эхо,
нагое, дрожащее.

Ум человека,
ограниченного чувствами,
В своих словах
нёс гордую претензию
богоподобной силы,

Которая окружена
пределом смертной мысли,
И скована земным невежеством
как цепью.

Так, смертный, заточённый
в собственном мозгу и теле
Не может ни увидеть
могучей целостности Бога,
Ни слиться в широте
глубокого отождествления

Who stands unguessed within our
ignorant hearts
And knows all things because he
is one with all.

Man only sees the cosmic
surfaces.

Then wondering what may lie hid
from the sense

A little way he delves to depths
below:

But soon he stops, he cannot reach
life's core

Or commune with the throbbing
heart of things.

He sees the naked body of the
Truth

Though often baffled by her
endless garbs,

But cannot look upon her soul
within.

Then, furious for a knowledge
absolute,

He tears all details out and stabs
and digs:

Only the shape's contents he holds
for use;

The spirit escapes or dies beneath
his knife.

He sees as a blank stretch, a giant
waste

The crowding riches of infinity.

The finite he has made his central
field,

Its plan dissects, masters its
processes,

That which moves all is hidden
from his gaze,

С тем, кто стоит неузнанным
в не ведающем нашем сердце

И знает всё, поскольку
он един со всем.

Но человек способен видеть
лишь поверхностную
сторону вселенной.

Затем он удивляется,
что нечто может

ускользнуть от чувств,
Пытается немного погрузиться
в глубину, лежащую под ним:

Но вскорости бросает,
не способный подобраться
к центру жизни

Или беседовать
с пульсирующей
сердцевиною вещей.

Он видит обнажившееся
тело Истины,

Хотя бывает часто с толку сбит
её неисчислимыми одеждами,

Но не способен посмотреть
на душу у неё внутри.

Затем, неистово желая
абсолюта знания,

Он вырывает все детали,
роется и разрезает всё на части,

И только форму
оставляет для себя;

Дух ускользает или гибнет
под его ножом.

Он видит, как незанятое место,
как гигантскую пустыню

Битком набитые
богатства бесконечности.

Конечное он сделал
своею главной сферой,

Вскрывает замысел его,
руководит процессами,

А то, что движет всем —
сокрыто от его очей,

His poring eyes miss the unseen
behind.

He has the blind man's subtle
unerring touch

Or the slow traveller's sight of
distant scenes;

The soul's revealing contacts are
not his.

Yet is he visited by intuitive light

And inspiration comes from the
Unknown;

But only reason and sense he feels
as sure,

They only are his trusted
witnesses.

Thus is he baulked, his splendid
effort vain;

His knowledge scans bright
pebbles on the shore

Of the huge ocean of his
ignorance.

Yet grandiose were the accents of
that cry,

A cosmic pathos trembled in its
tone.

"I am the mind of God's great
ignorant world

Ascending to knowledge by the
steps he made;

I am the all-discovering Thought
of man.

I am a god fettered by Matter and
sense,

An animal prisoned in a fence of
thorns,

A beast of labour asking for his
food,

A smith tied to his anvil and his
forge.

И напряжённый взгляд не замечает
то, что позади, незримо.

Он обладает безошибочным и тонким
осязанием слепого,

Иль видением далёких сцен
идущего неспешным шагом путника;

Касанья, открывающие душу —
не его.

Бывает, всё же, озаряется он
светом интуиции,

Из Неизвестного
приходит вдохновение;

Но только чувства и рассудок
ощущает он надёжными,

И лишь они — свидетели,
которым можно доверять.

Так он проходит мимо
и его роскошные усилия
становятся напрасны;

В своём познание он изучает
красочные камешки на берегу,

Которые выбрасывает
необъятный океан его невежества.

И всё же этот крик
был грандиозным,

Космических масштабов пафос
трепетал в его словах.

"Я — ум великого,
незнающего мира Бога

Идущего к вершинам знания
ступеньками,

которые он сотворил;

Я — Мысль, что открывает
всё для человека.

Я — бог, что окружён
стеною чувства и Материи,

Животное, живущее
в загоне из шипов,

Рабочая скотина,
что просит пропитания,

Кузнец, что связан
со своею кузницей и наковальней.

Yet have I loosened the cord,
enlarged my room.

I have mapped the heavens and
analysed the stars,
Described their orbits through the
grooves of Space,
Measured the miles that separate
the suns,
Computed their longevity in Time.

I have delved into earth's bowels
and torn out

The riches guarded by her dull
brown soil.

I have classed the changes of her
stony crust
And of her biography discovered
the dates,
Rescued the pages of all Nature's
plan.

The tree of evolution I have
sketched,

Each branch and twig and leaf in
its own place,

In the embryo tracked the history
of forms,

And the genealogy framed of all
that lives.

I have detected plasm and cell and
gene,

The protozoa traced, man's
ancestors,

The humble originals from whom
he rose;

I know how he was born and how
he dies:

Only what end he serves I know
not yet

И всё-таки я смог
ослабить петлю
и расширить камеру.

Я разобрался в звёздах
и нанёс на карту небеса,
Я описал орбиты солнц,
несущихся по колеям Пространства,
Измерил мили,
разделяющие солнца,
И подсчитал срок жизни их
во Времени.

Я погрузился в недра
собственной планеты
и оттуда вырвал
Богатства что хранились
под её коричневой
унылой почвой.

Я разобрался в изменениях
земной коры,
Раскрыл периоды и даты
планетарной биографии,
И выявил страницы
плана всей Природы.

Я вычертил всё
древо эволюции,
Все ветви, листья и сучки
расположились на своих местах,

Через зародыш проследил
историю, как развивались формы,

И выстроил генеалогию
всего живого.

Я обнаружил
плазму, клетки, гены,
Установил, что есть простейшие,
предшественники человека,

Те скромные прообразы, основа,
из которой он поднялся;

Я изучил — как человек рождается
и как он умирает:

И лишь какой он цели служит —
я пока не знаю,

Or if there is aim at all or any end	И есть ли здесь какой-то замысел и цель вообще,
Or push of rich creative purposeful joy	А не напор богатой, целеустремлённой создающей радости
In the wide works of the terrestrial power.	Средь широты работ земной энергии.
I have caught her intricate processes, none is left:	Я разобрал её запутанные, сложные процессы, не оставил ничего:
Her huge machinery is in my hands;	Её гигантский механизм — в моих руках;
I have seized the cosmic energies for my use.	Я овладел энергиями космоса для личной пользы.
I have pored on her infinitesimal elements	Я погрузился в самые её мельчайшие частицы,
And her invisible atoms have unmasked:	И снял покров с невидимых для глаза атомов:
All Matter is a book I have perused;	Отныне вся Материя лежит передо мной, как хорошо изученная книга,
Only some pages now are left to read.	Лишь несколько страниц осталось в ней прочесть.
I have seen the ways of life, the paths of mind;	Я рассмотрел дороги жизни и пути ума;
I have studied the methods of the ant and ape	Я изучил приёмы муравья и обезьяны,
And the behaviour learned of man and worm.	И понял поведение червя и человека.
If God is at work, his secrets I have found.	И если есть в твореньи Бог, то я раскрыл его секреты.
But still the Cause of things is left in doubt,	Но всё-таки, Причина всех вещей осталась для меня неясной,
Their truth flees from pursuit into a void;	Их истина уходит от моей погони в пустоту;
When all has been explained nothing is known.	Хотя всё стало объяснённым, я ничего не понимаю.
What chose the process, whence the Power sprang	Что выбрало такой процесс, откуда выпрыгнула Сила —
I know not and perhaps shall never know.	Не знаю и, возможно, не узнаю никогда.

A mystery is this mighty Nature's
birth;

A mystery is the elusive stream of
mind,

A mystery the protean freak of
life.

What I have learned, Chance leaps
to contradict;

What I have built is seized and
torn by Fate.

I can foresee the acts of Matter's
force,

But not the march of the destiny
of man:

He is driven upon paths he did not
choose,

He falls trampled underneath the
rolling wheels.

My great philosophies are a
reasoned guess;

The mystic heavens that claim the
human soul

Are a charlatanism of the
imagining brain:

All is a speculation or a dream.

In the end the world itself
becomes a doubt:

The infinitesimal's jest mocks
mass and shape,

A laugh peals from the infinite's
finite mask.

Perhaps the world is an error of
our sight,

A trick repeated in each flash of
sense,

По-прежнему, мистерия —
как родилась
такая сильная Природа;

По-прежнему, мистерия —
неуловимое течение ума,

По-прежнему, мистерия —
разносторонняя причуда жизни.

И чтобы я не изучил,
выскакивает Случай,
чтоб противоречить;

И чтобы я не создал —
всё захватывается
и разрывается Судьбой.

Я в состоянии предвидеть
работу сил Материи,

Но не движенье
человеческой судьбы:

Его ведут маршрутами,
которые он сам не выбирает,

Он падает, раздавленный,
колёса проезжают по нему.

Мои возвышенные
философские системы —
лишь догадки разума;

Мистические небеса,
что объявляют о своих правах
на душу человека —

Лишь шарлатанство
и воображенье мозга:

Всё это лишь
предположенья или грёзы.

В конце концов, сам мир
становится сомнительным:

Насмешка бесконечно малого
высмеивает массу
вместе с формой,

Смех раздаётся
за конечной маской бесконечного.

Возможно, мир — ошибка
человеческого виденья,

Какой-то фокус, повторяемый
при каждой вспышке чувств,

An unreal mind hallucinates the
soul

With a stress-vision of false
reality,

Or a dance of Maya veils the void
Unborn.

Even if a greater consciousness I
could reach,

What profit is it then for Thought
to win

A Real which is for ever ineffable
Or hunt to its lair the bodiless Self
or make

The Unknowable the target of the
soul?

Nay, let me work within my
mortal bounds,

Not live beyond life nor think
beyond the mind;

Our smallness saves us from the
Infinite.

In a frozen grandeur lone and
desolate

Call me not to die the great eternal
death,

Left naked of my own humanity

In the chill vast of the spirit's
boundlessness.

Each creature by its nature's limits
lives,

And how can one evade his native
fate?

Human I am, human let me
remain

И нереальный ум

в своих галлюцинациях

способен видеть душу

При напряжённом созерцании
обманчивой реальности,

А может — танец Майи,
что за пустотой

скрывает Нерождённого.

И даже если б мог достичь я
более великого сознания,

Какая польза в нём для Мысли,
чтоб завоевать Реальность,

Которая всегда невыразима,

Или преследовать до логова
лишённое телесной формы

Внутреннее "Я",

Иль сделать целью поисков души
Непознаваемое?

О, нет, позвольте мне

трудиться в смертных рамках,

А не пытаться жить

за гранью жизни

или думать за пределами ума;

Пусть наша малость

продолжает нас спасать

от Бесконечного.

И в ледяное, одинокое,

безлюдное величие

Не надо звать меня,

чтоб умереть великой

вечной смертью,

Оставив там меня,

лишённым человеческой природы

В холодной безграничности

и широте простора духа.

Ведь каждое создание

живёт в границах

собственной природы,

И как сумел бы кто-то избежать

своей естественной судьбы?

Я — человек,

позвольте мне остаться человеком,

Till in the Inconscient I fall dumb
and sleep.

A high insanity, a chimaera is this,

To think that God lives hidden in
the clay

And that eternal Truth can dwell
in Time,

And call to her to save our self
and world.

How can man grow immortal and
divine

Transmuting the very stuff of
which he is made?

This wizard gods may dream, not
thinking men."

And Savitri heard the voice, the
warped answer heard

And turning to her being of light
she spoke:

"Madonna of light, Mother of joy
and peace,

Thou art a portion of my self put
forth

To raise the spirit to its forgotten
heights

And wake the soul by touches of
the heavens.

Because thou art, the soul draws
near to God;

Because thou art, love grows in
spite of hate

And knowledge walks unslain in
the pit of Night.

But not by showering heaven's
golden rain

Покуда в Несознание,
немым и спящим не паду.

Высокое безумие,
химера это —

Считать, что Бог живёт,
сокрытый в прахе,

Что Истина из вечности
способна жить во Времени,

И звать к ней,
чтоб спасти наш мир
и наше внутреннее "я".

Как сможет человек
стать и бессмертным
и божественным,

Преобразуя сам материал,
ткань, из которой создан?

Об этом волшебстве
мечтают боги,
а не мыслящие люди."

Савитри выслушала голос,
выслушала перекошенный ответ,

И повернувшись к собственному
внутреннему существу, сказала:

"Мадонна света,
о Мать радости и мира,

Ты — часть моя,
что вышла на передний план,

Поднять дух
до забытых им высот,

И душу пробудить
касанием небес.

Благодаря тебе
душа стремится ближе к Богу;

Благодаря тебе
любовь становится сильнее,
несмотря на ненависть,

И знание идёт по свету,
не погубленное в яме Ночи.

Но не от золотых дождей небес,
что проливаются

Upon the intellect's hard and
 rocky soil
 Can the tree of Paradise flower on
 earthly ground
 And the Bird of Paradise sit upon
 life's boughs
 And the winds of Paradise visit
 mortal air.
 Even if thou rain down intuition's
 rays,
 The mind of man will think it
 earth's own gleam,

 His spirit by spiritual ego sink,

 Or his soul dream shut in
 sainthood's brilliant cell
 Where only a bright shadow of
 God can come.
 His hunger for the eternal thou
 must nurse
 And fill his yearning heart with
 heaven's fire
 And bring God down into his
 body and life.
 One day I will return, His hand in
 mine,
 And thou shalt see the face of the
 Absolute.
 Then shall the holy marriage be
 achieved,
 Then shall the divine family be
 born.
 There shall be light and peace in
 all the worlds."

End of Canto Four

На твёрдую и неподатливую
 почву интеллекта
 Способно древо Рая расцвести
 здесь, на земле,
 И Птица Рая
 сесть на ветку жизни,
 И ветры Рая —
 стать гостями смертной атмосферы.
 И даже если ты прольёшь
 потоки света интуиции
 Ум человека будет думать —
 это просто отблески
 лучей земли,
 Его дух утонул
 в духовном эго,
 Душа его мечтает, запертая
 в яркой клетке святости,
 Куда лишь светлая тень Бога
 может проникать.
 Тебе приходится кормить
 его желанье, жажду вечного,
 И наполнять его стремящееся сердце
 пламенем небес,
 И приносить вниз Бога,
 в жизнь его и тело.
 Однажды я вернусь,
 с Его рукой в моей,
 И ты увидишь Абсолют,
 увидишь лик Его.
 Тогда и будет заключён
 священный брак,
 И будет рождена
 небесная семья.
 Тогда покой и свет
 придут во все миры."

Конец четвёртой песни

Book Seven
THE BOOK OF YOGA

Книга Седьмая
КНИГА ЙОГИ

Canto V
THE FINDING OF THE SOUL

Песня V
ОБНАРУЖЕНИЕ ДУШИ

Onward she passed seeking the
soul's mystic cave.
At first she stepped into a night of
God.

The light was quenched that helps
the labouring world,
The power that struggles and
stumbles in our life;

This inefficient mind gave up its
thoughts,
The striving heart its unavailing
hopes.
All knowledge failed and the
Idea's forms
And Wisdom screened in awe her
lowly head

Feeling a Truth too great for
thought or speech,

Formless, ineffable, for ever the
same.

An innocent and holy Ignorance
Adored like one who worships
formless God

Она¹ продолжила искать
мистическую комнату души.

И сразу же попала,
сделав первый шаг,
в ночь Бога.

Погас тот свет, что помогает
труженику миру,
Затихла сила, что
сражается и спотыкается
в нелёгкой нашей жизни;

Бесплодный ум отбросил
собственные мысли,
Стремящееся сердце —
неосуществимые надежды.

Всё знание иссякло
вместе с формами Идеи,
И Мудрость в страхе и смиренье
голову запрятала
под капюшон,

Увидев Истину,
что слишком велика
для мысли или слов,

Невыразимую, бесформенную,
вечно ту же самую.

Святое и невинное Невежество,
Как тот, кто поклоняется
бесформенному Богу,
обожало

¹ Савитри, *прим. пер.*

The unseen Light she could not
claim nor own.

In a simple purity of emptiness
Her mind knelt down before the
unknowable.

All was abolished save her naked
self

And the prostrate yearning of her
surrendered heart:

There was no strength in her, no
pride of force;

The lofty burning of desire had
sunk

Ashamed, a vanity of separate
self,

The hope of spiritual greatness
fled,

Salvation she asked not nor a
heavenly crown:

Humility seemed now too proud a
state.

Her self was nothing, God alone
was all,

Yet God she knew not but only
knew he was.

A sacred darkness brooded now
within,

The world was a deep darkness
great and nude.

This void held more than all the
teeming worlds,

This blank felt more than all that
Time has borne,

This dark knew dumbly,
immensely the Unknown.

Незримый Свет,
который не могла она¹
ни требовать, ни получить.

В простой и чистой пустоте
Её ум преклонил колени
пред непознаваемым.

Всё стало лишним,
кроме внутреннего "я",
очищенного от всего,

И распростёртого стремления
сдавшегося сердца:

Ни силы не осталось в ней,
ни гордости могущества;

Высокое горение желания
погасло, устыдившись,

И самолюбие её отдельного,
самостоятельного "я",

Надежда на духовное величье —
улетели прочь,

Она уж не просила
ни спасенья,
ни небесного венца:

Смирение, и то казалось
слишком гордым.

Её "я" стало здесь ничем,
один лишь Бог был всем,

Но Бога ей пока
не удалось познать,

Она лишь знала,
что он есть.

Святая темнота вынашивала
что-то у себя внутри,

Мир стал глубокой темнотой,
великой, неприкрытой.

Та пустота вмещала больше,
чем все многолюдные миры,

Та незаполненность была
гораздо осязательнее всего,

рождённого во Времени,
Та тьма безмолвно и неизмеримо
знала о Неведомом.

¹ Савитри, прим. пер.

But all was formless, voiceless, infinite.	Но в то же время, было всё бесформенным, беззвучным, бесконечным.
As might a shadow walk in a shadowy scene, A small nought passing through a mightier Nought,	Подобно тени, проходящей через призрачную сцену, Как малое ничто, идущее сквозь более могучее Ничто,
A night of person in a bare outline	Ночь личности в едва заметных очертаньях,
Crossing a fathomless impersonal Night,	Шагая по неизмеримости безличной Ночи,
Silent she moved, empty and absolute.	Беззвучно двигалась она, пустая, абсолютная.
In endless Time her soul reached a wide end,	Так в бесконечном Времени её душа пришла к широкому концу,
The spaceless Vast became her spirit's place.	И внепространственный Простор стал местом обитанья духа.
At last a change approached, the emptiness broke;	Но вот случилась перемена, расступилась пустота;
A wave rippled within, the world had stirred;	Внутри прошла волна и всколыхнулся мир;
Once more her inner self became her space.	И вновь её пространством стало внутреннее "я".
There was felt a blissful nearness to the goal;	Здесь ощущалась радостная близость к цели;
Heaven leaned low to kiss the sacred hill,	Склонялись небеса поцеловать священный холм,
The air trembled with passion and delight.	И воздух трепетал от страсти и восторга.
A rose of splendour on a tree of dreams,	Как роза блеска и великолепия на древе грёз,
The face of Dawn out of mooned twilight grew.	Из сумерек, подсвеченных луной поднялся лик Зари
Day came, priest of a sacrifice of joy	И день, служитель жертвоприношенья радости,
Into the worshipping silence of her world;	Вошёл в её благоговейное молчанье внутреннего мира;
He carried immortal lustre as his robe,	Он одевал бессмертное сияние как платье,

Trailed heaven like a purple scarf
and wore
As his vermilion caste-mark a red
sun.

As if an old remembered dream
come true,

She recognised in her prophetic
mind

The imperishable lustre of that
sky,

The tremulous sweetness of that
happy air

And, covered from mind's view
and life's approach,

The mystic cavern in the sacred
hill

And knew the dwelling of her
secret soul.

As if in some Elysian occult
depth,

Truth's last retreat from thought's
profaning touch,

As if in a rock-temple's solitude
hid,

God's refuge from an ignorant
worshipping world,

It lay withdrawn even from life's
inner sense,

Receding from the entangled
heart's desire.

A marvellous brooding twilight
met the eyes

And a holy stillness held that
voiceless space.

An awful dimness wrapped the
great rock-doors

Carved in the massive stone of
Matter's trance.

Как пурпурным шарфом
обматывался небесами,

И солнце красное носил
как алый символ касты.

Подобно старому запомненному сну,
что стал вдруг явью,

Она в своём провидческом уме
всё больше узнавала

Непреходящее сиянье
тех небес,

И трепетную сладость
той счастливой атмосферы,

И скрытую от виденья ума
и устремлений жизни,

Мистическую комнату
внутри священного холма

И поняла, что в этом месте
обитает тайная её душа.

И словно там,
в оккультной глубине Элизиума,

Где Истина нашла
последнее пристанище
от оскверняющих касаний мысли,

Как будто скрывшись
в скальном храме,

От поклонения и обожания
незнающего мира,

Она лежала, в одиночестве,
в укромном месте Бога,
отстраняясь

От внутреннего чувства жизни,
и запутанных желаний сердца.

Волшебные, задумчивые сумерки
встречали взор,

Святая тишина царила
в том беззвучном месте.

Внушающий благоговенье сумрак
окружал большие
каменные двери,

Что были выбиты
в массивных скалах
трансового состояния Материи.

Two golden serpents round the
 lintel curled,
Enveloping it with their pure and
 dreadful strength,
Looked out with wisdom's deep
 and luminous eyes.

An eagle covered it with wide
 conquering wings:
Flames of self-lost immobile
 reverie,
Doves crowded the grey musing
 cornices
Like sculptured postures of
 white-bosomed peace.
Across the threshold's sleep she
 entered in

And found herself amid great
 figures of gods
Conscious in stone and living
 without breath,
Watching with fixed regard the
 soul of man,
Executive figures of the cosmic
 self,
World-symbols of immutable
 potency.

On the walls covered with
 significant shapes
Looked at her the life-scene of
 man and beast
And the high meaning of the life
 of gods,
The power and necessity of these
 numberless worlds,
And faces of beings and stretches
 of world-space
Spoke the succinct and inexhaustible

Две золотых змеи вились
 вокруг дверного косяка,
Окутывая двери
 чистой и ужасной силой,
И наблюдали всё
 глубоким светлым
 взглядом мудрости.

Орёл их накрывал
 широкими победными крылами:
Огнями неподвижной
 потерявшейся мечты
Теснились голуби
 на серых созерцающих карнизах,
Как изваянья
 белогрудого покоя.
Шагнув сквозь эту дрёму,
 словно перейдя порог,
 она вошла туда

И обнаружила себя
 среди больших фигур богов,
Что жили без дыхания, в камне,
 сохраняя там сознание,
И наблюдали неподвижным взором
 душу человека,
Фигуры исполнителей
 космического "я",
И символические миры
 потенциальной,
 неизменной силы.

Со стен, покрытых важными,
 значительными образами,
Смотрели сцены жизни
 человека и зверей,
И, полная высоким смыслом,
 жизнь богов,
Необходимость и могущество
 всех тех бесчисленных миров,
И лица множества существ,
 и протяжённые пространства мира
Передавали ей неисчерпаемые,
 сжатые по форме

Hieratic message of the climbing
 planes.
 In their immensitude signing
 infinity
 They were the extension of the
 self of God
 And housed, impassively
 receiving all,
 His figures and his small and
 mighty acts
 And his passion and his birth and
 life and death
 And his return to immortality.
 To the abiding and eternal is their
 climb,
 To the pure existence everywhere
 the same,
 To the sheer consciousness and
 the absolute force
 And the unimaginable and
 formless bliss,
 To the mirth in Time and the
 timeless mystery

 Of the triune being who is all and
 one
 And yet is no one but himself
 apart.

 There was no step of breathing
 men, no sound,
 Only the living nearness of the
 soul.
 Yet all the worlds and God
 himself were there,
 For every symbol was a reality

 And brought the presence which
 had given it life.
 All this she saw and inly felt and
 knew

Священные посланья
 восходящих планов.
 Своей неизмеримостью
 отображая бесконечность,
 Они служили расширениями
 внутреннего "я" Всевышнего,
 Вмещаая и бесстрастно принимая
 всё на свете,
 И образы его, и все его
 могучие и малые дела,
 И страсть его, его рожденье,
 жизнь и смерть,
 И возвращение его к бессмертию.
 К неизменяемому, вечному
 идёт их восхождение,
 И к чистому существованию,
 которое везде одно,
 И к полному сознанию,
 и к абсолютной силе,
 И к невообразимому,
 вне форм, блаженству,
 И к радости во Времени,
 и к существующей
 вне времени мистерии
 Тройного существа, который —
 и один, и все,
 И в то же время и никто,
 лишь сам в себе,
 отдельно ото всех.
 Там не было шагов людей,
 что дышат, не было ни звука,
 И только лишь живое ощущение
 близости души.
 И всё же, все миры
 и сам Всевышний были там,
 И каждый символ
 был реальностью
 И нёс присутствие,
 которое ему давало жизнь.
 Она всё это видела,
 и ощущала в глубине, и знала

Not by some thought of mind but by the self.	Не с помощью какой-то мысли из ума, а через внутреннее "я".
A light not born of sun or moon or fire,	И свет, рождённый не от солнца, не луною, не огнём,
A light that dwelt within and saw within	Свет этот жил внутри и видел изнутри,
Shedding an intimate visibility	Распространяя сокровенный взгляд на вещи,
Made secrecy more revealing than the word:	Он делал так, что тайна раскрывала больше, чем слова:
Our sight and sense are a fallible gaze and touch	Ведь наше осязание и зрение — склонные к ошибкам касание и взгляд,
And only the spirit's vision is wholly true.	И только видение духа полностью, всецело истинно.
As thus she passed in that mysterious place	Так шла она по этому таинственному месту
Through room and room, through door and rock-hewn door,	От комнаты до комнаты, из двери, выбитой в скале, в другую дверь,
She felt herself made one with all she saw.	И ощущала, что она объединяется со всем, что видит.
A sealed identity within her woke;	Отождествление, что скрыто было под печатями, проснулось в ней;
She knew herself the Beloved of the Supreme:	Она себя узнала как Любимую Всевышнего:
These Gods and Goddesses were he and she:	Все эти Боги и Богини были и она, и он:
The Mother was she of Beauty and Delight,	Она была и Матерью Восторга, Красоты,
The Word in Brahma's vast creating clasp,	И Словом в необъятном созидающем объятии Браммы,
The World-Puissance on almighty Shiva's lap,—	И Силой Мира на коленях Шивы всемогущего, —
The Master and the Mother of all lives	Властителем и Матерью всего живого,

Watching the worlds their twin
regard had made,

And Krishna and Radha for ever
entwined in bliss,

The Adorer and Adored self-lost
and one.

In the last chamber on a golden
seat

One sat whose shape no vision
could define;

Only one felt the world's
unattainable fount,

A Power of which she was a
straying Force,

An invisible Beauty, goal of the
world's desire,

A Sun of which all knowledge is a
beam,

A Greatness without whom no life
could be.

Thence all departed into silent
self,

And all became formless and pure
and bare.

Then through a tunnel dug in the
last rock

She came out where there shone a
deathless sun.

A house was there all made of
flame and light

And crossing a wall of doorless
living fire

There suddenly she met her secret
soul.

Которые смотрели на миры,
возникшие от их

двойного взгляда,

И Кришной с Радхой,
что навеки вечные

переплелись в блаженстве,

И Обожающей и Обожаемым,
утратившими "я"

и ставшими одним.

В последней из палат,
на золотистом троне,

Был Тот, чей облик

взгляд не мог определить;

Здесь ощущался лишь
недосягаемый источник мира,

Энергия, перед которой
вся она была

скитающейся Силой,

Невидимая Красота

и цель желанья мира,

То Солнце, для которого

всё знание — лишь луч,

Величье, без которого

здесь никакая жизнь бы

не возникла.

Отсюда уходило всё

в молчанье внутреннего "я",

Всё становилось оголённым,

чистым и бесформенным.

Затем, через тоннель,

прорубленный в последней

глыбе камня,

Савитри вышла под лучи

бессмертного сияющего солнца.

Стоял там дом,

весь сотканый

из пламени и света;

Она прошла сквозь

стену без дверей

живого пламени

И здесь внезапно повстречалась
со своею тайною душой.

A being stood immortal in
transience,
Deathless dallying with
momentary things,
In whose wide eyes of tranquil
happiness
Which pity and sorrow could not
abrogate
Infinity turned its gaze on finite
shapes:

Observer of the silent steps of the
hours,
Eternity upheld the minute's acts

And the passing scenes of the
Everlasting's play.
In the mystery of its selecting will,

In the Divine Comedy a participant,
The Spirit's conscious representative,
God's delegate in our humanity,

Comrade of the universe, the
Transcendent's ray,
She had come into the mortal
body's room
To play at ball with Time and
Circumstance.
A joy in the world her master
movement here,
The passion of the game lighted
her eyes:
A smile on her lips welcomed
earth's bliss and grief,
A laugh was her return to pleasure
and pain.
All things she saw as a
masquerade of Truth
Disguised in the costumes of
Ignorance,

Пред ней стояло существо,
неувядаемое в преходящем,
Бессмертное, что развлекается
с сиюминутным,
В больших глазах
спокойствия и счастья,
Которого не отменить
ни жалости, ни горю,
Вся Бесконечность
обращала взгляд свой
на конечные тела и формы:
И Вечность, наблюдатель
тихой поступи часов,
Поддерживала
и дела мгновений,
И исполнявшиеся сцены
пьесы Вечно-существующего.
В загадке воли,
делающей выбор,
Участница Божественной Комедии,
Осознающий представитель Духа,
И делегат Божественного
в нашей человеческой природе,
Луч Трансцендентного
и друг вселенной,
Она вошла в палату
тела смертного
Чтоб в мяч играть
со Временем и Обстоятельством.
Здесь, в мире, радость —
главное её движение,
В её глазах светилась
страсть игры:
Улыбка на её губах приветствовала
и земное горе, и блаженство,
И смех — её ответ
на удовольствие и боль.
Всё виделось ей
маскарадом Истины,
Скрывающейся за
костюмами Невежества,

Crossing the years to immortality;	Идущей сквозь года
	к бессмертию;
All she could front with the strong	Она была способна встретить всё
spirit's peace.	покоем силы духа.
But since she knows the toil of	Но с той поры, когда она узнала
mind and life	труд ума и жизни,
As a mother feels and shares her	Как мать, что чувствует и разделяет
children's lives,	жизнь своих детей,
She puts forth a small portion of	Она кладёт в нас
herself,	маленькую часть самой себя,
A being no bigger than the thumb	Невидимое существо,
of man	не больше пальца человека
Into a hidden region of the heart	В запрятанную область сердца,
To face the pang and to forget the	Чтоб встретить боль
bliss,	лицом к лицу
	и позабыть блаженство,
To share the suffering and endure	Чтоб разделить с землей её страдание,
earth's wounds	терпеть её мучительные раны,
And labour mid the labour of the	Чтобы работать посреди
stars.	труда великих звёзд.
This in us laughs and weeps,	Оно в нас плачет и смеётся,
suffers the stroke,	и принимает множество ударов,
Exults in victory, struggles for the	Ликует при победе,
crown;	борется, чтоб получить корону;
Identified with the mind and body	Отождествившись
and life,	с жизнью, телом и умом,
It takes on itself their anguish and	Оно — то принимает на себя
defeat,	их муки и крушение,
Bleeds with Fate's whips and	То истекает кровью
hangs upon the cross,	под хлыстом Судьбы,
	то умирает на кресте,
Yet is the unwounded and	И всё же остаётся
immortal self	не задетым, не израненным,
	бессмертным "я",
Supporting the actor in the human	Поддерживая этого актёра,
scene.	на сцене человечества.
Through this she sends us her	Сквозь это всё она ¹ нам шлёт
glory and her powers,	своё великолепие и силы,
Pushes to wisdom's heights,	Толкает к пикам мудрости,
through misery's gulfs;	ведёт через пучину бед и мук;

¹ душа, прим. пер.

She gives us strength to do our
daily task
And sympathy that partakes of
others' grief
And the little strength we have to
help our race,
We who must fill the role of the
universe
Acting itself out in a slight human
shape
And on our shoulders carry the
struggling world.
This is in us the godhead small
and marred;
In this human portion of divinity

She seats the greatness of the Soul
in Time

To uplift from light to light, from
power to power,
Till on a heavenly peak it stands, a
king.
In body weak, in its heart an
invincible might,
It climbs stumbling, held up by an
unseen hand,
A toiling spirit in a mortal shape.

Here in this chamber of flame and
light they met;
They looked upon each other,
knew themselves,
The secret deity and its human
part,
The calm immortal and the
struggling soul.
Then with a magic
transformation's speed

Она даёт нам силу
делать повседневные дела,
Сочувствие, что разделяет
горести других,
И небольшую силу, чтоб
мы помогали нашей расе;
Мы — те, кто должен исполнять
свою роль во вселенной
И действовать самостоятельно,
в непрочной форме человека,
И на своих плечах
нести сражающийся мир.
Такое божество внутри у нас,
расстроенное, небольшое;
И в этой порции
божественного в человеке
Она¹ даёт возможность
проявить во Времени
величие Души,
Чтоб восходить от света к свету,
от могущества к могуществу,
Пока не встанет
на небесный пик как царь.
Так, слабый в теле,
но непобедимо сильный в сердце,
Он, спотыкаясь, поднимается
поддержанный невидимой рукой,
Дух-труженик,
одевший смертный облик.
И здесь, в палате пламени и света
встретились они;
Они взглянули друг на друга
и себя узнали,
Сокрытое завесой тайны божество
и человеческая часть его,
Спокойная бессмертная душа
и та душа, которая сражается.
Затем со скоростью
магического перевоплощения

¹ душа, *прим. пер.*

They rushed into each other and
grew one.

Они, в порыве,
бросились друг в друга
и слились в одно.

Once more she was human upon
earthly soil
In the muttering night amid the
rain-swept woods
And the rude cottage where she
sat in trance:

И вновь она была
обычным человеком на земле
В бормочущей ночи, среди лесов,
хлестаемых дождём
Под крышей грубой хижины,
где погрузившись в транс,
она сидела:

That subtle world withdrew
deeply within
Behind the sun-veil of the inner
sight.
But now the half-opened lotus bud
of her heart
Had bloomed and stood disclosed
to the earthly ray;
In an image shone revealed her
secret soul.

Тот тонкий мир
втянулся в глубину,
За солнечную плёнку
внутреннего взора.
Но лотос сердца,
начинавший раскрываться,
Теперь расцвёл и встал,
открывшийся земным лучам;
В сияющем обличье
тайная её душа
предстала перед нею.

There was no wall severing the
soul and mind,
No mystic fence guarding from
the claims of life.
In its deep lotus home her being
sat
As if on concentration's marble
seat,
Calling the mighty Mother of the
worlds
To make this earthly tenement her
house.
As in a flash from a supernal light,

И больше не было стены,
разъединявшей ум и душу,
Мистической ограды, охраняющей
от требований жизни.
В глубоком лотосе-жилище
внутреннее существо её
Сидело, как на мраморной скамье
для медитации
И, обращаясь
к всемогущей Матери миров,
Просила превратить в свой дом
земную оболочку.

As in a flash from a supernal light,
A living image of the original
Power,
A face, a form came down into her
heart
And made of it its temple and pure
abode.

И словно в ярком всполохе
небесного луча
Оживший образ
изначальной Силы,
Лицо и некий облик
к ней спустились в сердце
И превратили сердце
в храм и чистое жилище.

But when its feet had touched the
quivering bloom,
A mighty movement rocked the
inner space

As if a world were shaken and
found its soul:
Out of the Inconscient's soulless
mindless night
A flaming Serpent rose released
from sleep.

It rose billowing its coils and
stood erect

And climbing mightily, stormily
on its way

It touched her centres with its
flaming mouth;
As if a fiery kiss had broken their
sleep,
They bloomed and laughed
surcharged with light and
bliss.

Then at the crown it joined the
Eternal's space.

In the flower of the head, in the
flower of Matter's base,
In each divine stronghold and
Nature-knot
It held together the mystic stream
which joins
The viewless summits with the
unseen depths,
The string of forts that make the
frail defence
Safeguarding us against the
enormous world,

Но стоило стопам той Силы
прикоснуться к трепетному ореолу
Могучее движение
качнуло всё пространство
у неё внутри,
Как если б мир встряхнулся,
обнаружив собственную душу:
И из бездумной и бездушной
ночи Несознания,
Освободившись ото сна,
поднялся Змей,
объятый пламенем.

Он рос всё выше
кольцами своими,
поднимался всё прямее,
И с силою взбираясь,
словно шторм,
бушуя на пути,

Коснулся центров у неё
своей пылавшей пастью;
Как будто поцелуй огня
ворвался в их дремоту,
Они раскрылись, весело смеясь,
наполненные светом
и блаженством.

Затем, над теменем,
соединился он
с пространством Вечного.

В цветке над головой,
в цветке у основания Материи,
И в каждом том божественном оплоте
и узле Природы
Он овладел мистическим потоком,
что соединяет в нас
Невидимые пики
и незримые глубины,
Ряд крепостей,
что позволяют хрупкой обороне
Оберегать нас
от громады мира,

Our lines of self-expression in its
Vast.

An image sat of the original
Power

Wearing the mighty Mother's form
and face.

Armed, bearer of the weapon and
the sign

Whose occult might no magic can
imitate,

Manifold yet one she sat, a
guardian force:

A saviour gesture stretched her
lifted arm,

And symbol of some native
cosmic strength,

A sacred beast lay prone below
her feet,

A silent flame-eyed mass of living
force.

All underwent a high celestial
change:

Breaking the black Inconscient's
blind mute wall,

Effacing the circles of the
Ignorance,

Powers and divinities burst
flaming forth;

Each part of the being trembling
with delight

Lay overwhelmed with tides of
happiness

And saw her hand in every
circumstance

And felt her touch in every limb
and cell.

И охранять пути,
которые мы выбрали
Для самовыражения
в его Просторе.

Пред нею появился
образ изначальной Силы,

Приняв обличие и лик
могучей Матери.

В броне, вооружённая,
несущая особый знак,

С оккультною энергией,
которой никакая магия
не сможет подражать,

Многообразная,
и в то же время цельная,
она сидела, охраняющая сила:

В оберегающем, широком жесте
она простёрла поднятую руку,

И символом космической
природной силы

Священный зверь
лежал ничком у ног,

Безмолвной массой мощи жизни,
с полыхавшим взглядом.

Всё вовлеклось в высокую
божественную перемену:

Разбив глухую, чёрную,
немую стену Несознания,

Стирая бесконечные
круги Невежества,

Могущества и божества в ней
вырвались вперёд,
объятые огнём;

Все части существа её
дрожали от восторга,

Лежали, сокрушённые
валами счастья,

И руку видели её
в любом событии,

Её касанье ощущая
в каждой части тела,
в каждой клетке.

In the country of the lotus of the head	Над головою, в царстве лотоса,
Which thinking mind has made its busy space,	Которое избрало думающий ум своим пространством действия,
In the castle of the lotus twixt the brows	И в замке лотоса между бровей,
Whence it shoots the arrows of its sight and will,	Откуда он пускает стрелы виденья и воли,
In the passage of the lotus of the throat	И в переходе лотоса гортани, там, где возникает речь,
Where speech must rise and the expressing mind	И где сердечный импульс, вместе с выражающим умом
And the heart's impulse run towards word and act,	Бегут, чтоб превратиться в слово или действие,
A glad uplift and a new working came.	Возникло радостное вдохновение и новый способ действия.
The immortal's thoughts displaced our bounded view,	Так мысль бессмертного сменила ограниченный наш взгляд,
The immortal's thoughts earth's drab idea and sense;	Так мысль бессмертного сменила тусклые земные ощущения и идеи;
All things now bore a deeper heavenlier sense.	Отныне всё несло глубокое, божественное чувство.
A glad clear harmony marked their truth's outline,	Счастливая и ясная гармония царила в очертаньях истины вещей;
Reset the balance and measures of the world.	Она меняла равновесие и мерки мира.
Each shape showed its occult design, unveiled	Любая форма проявляла сокровенное предназначение,
God's meaning in it for which it was made	И раскрывала замысел Всевышнего, ради которого её создали,
And the vivid splendour of his artist thought.	И яркое великолепие его художественной мысли.
A channel of the mighty Mother's choice,	Канал, что выбрала могучая Божественная Мать,
The immortal's will took into its calm control	Намеренье бессмертного, взяло под молчаливый свой контроль
Our blind or erring government of life;	Слепое, полное ошибок, наше управленье жизнью;

A loose republic once of wants
and needs,
Then bowed to the uncertain
sovereign mind,
Life now obeyed to a diviner rule

And every act became an act of
God.

In the kingdom of the lotus of the
heart

Love chanting its pure hymeneal
hymn

Made life and body mirrors of
sacred joy

And all the emotions gave
themselves to God.

In the navel lotus' broad imperial
range

Its proud ambitions and its master
lusts

Were tamed into instruments of a
great calm sway

To do a work of God on earthly
soil.

In the narrow nether centre's petty
parts

Its childish game of daily dwarf
desires

Was changed into a sweet and
boisterous play,

A romp of little gods with life in
Time.

In the deep place where once the
Serpent slept,

There came a grip on Matter's
giant powers

For large utilities in life's little
space;

A firm ground was made for
Heaven's descending might.

Когда-то — вольная республика
желаний и потребностей,

Потом — покорная
неверному властителю-уму,
Жизнь стала подчиняться
более божественному правилу

И каждый шаг её
стал шагом Бога.

В том царстве, где у человека
лотос сердца,

Любовь звенела
чистым гимном Гименя,

И превращала тело, вместе с жизнью,
в отражение священной радости,

А все эмоции
себя дарили Богу.

В широкой царской зоне
лотоса у живота

И гордые желания,
и подчиняющие страсти

Смягчились, стали инструментами
великого спокойного правления,

Для выполнения
работы Бога на земле.

А в узком центре ниже,
в небольших его частях,

Их детская возня
обычных карликовых воль

Сменилась сладостной
и шумною игрой,

Забавой маленьких богов
с потоком жизни

протекающим во Времени.

В ту глубину,
где некогда спал Змей,

Пришла власть над огромными
энергиями, силами Материи

Чтоб широко использовать их
на маленьком пространстве жизни;

Для нисходящего могущества Небес
построили участок
твёрдой почвы.

Behind all reigned her sovereign
deathless soul:

Casting aside its veil of Ignorance,

Allied to gods and cosmic beings
and powers

It built the harmony of its human
state;

Surrendered into the great
World-Mother's hands

Only she obeyed her sole supreme
behest

In the enigma of the Inconscient's
world.

A secret soul behind supporting
all

Is master and witness of our
ignorant life,

Admits the Person's look and
Nature's role.

But once the hidden doors are
flung apart

Then the veiled king steps out in
Nature's front;

A Light comes down into the
Ignorance,

Its heavy painful knot loosens its
grasp:

The mind becomes a mastered
instrument

And life a hue and figure of the
soul.

All happily grows towards
knowledge and towards bliss.

A divine Puissance then takes
Nature's place

And pushes the movements of our
body and mind;

Possessor of our passionate hopes
and dreams,

А позади всего
царила полновластная,
бессмертная её душа:

Отбросив в сторону
покров Невежества,
Войдя в компанию богов,
космических существ и сил,
Она гармонизировала
человеческое состояние;
И сдавшись на руки
великой Матери Вселенной,
Отныне подчинялась
лишь её высоким повелениям

Среди загадки
мира Несознания.

Поддерживая всё из-за вуали,
тайная душа,

Хозяин и свидетель
невежественной нашей жизни,
Согласна с взглядом Личности
и ролью для Природы.

Но наступает день,
и тайные врата открыты настежь,
Тогда сокрытый царь выходит
на передний план Природы;

Свет опускается
в Невежество,

Его тяжёлые, болезненные узы,
разжимают хватку:

Ум превращается
в послушный инструмент,
А жизнь становится расцветкой,
образом души.

Всё радостно стремится
к знанию, к блаженству.

Затем божественная Сила занимает
место, где была Природа

И начинает направлять движенья
нашего ума и тела;

Хозяйка наших страстных
чаяний и грёз,

The beloved despot of our
thoughts and acts,
She streams into us with her
unbound force,
Into mortal limbs the Immortal's
rapture and power.
An inner law of beauty shapes our
lives;
Our words become the natural
speech of Truth,
Each thought is a ripple on a sea
of Light.
Then sin and virtue leave the
cosmic lists;
They struggle no more in our
delivered hearts:
Our acts chime with God's simple
natural good

Or serve the rule of a supernal
Right.
All moods unlovely, evil and
untrue
Forsake their stations in fierce
disarray
And hide their shame in the
subscient's dusk.
Then lifts the mind a cry of
victory:
"O soul, my soul, we have created
Heaven,
Within we have found the
kingdom here of God,
His fortress built in a loud
ignorant world.
Our life is entrenched between
two rivers of Light,
We have turned space into a gulf
of peace
And made the body a Capitol of
bliss.

Любимый деспот
наших дел и мыслей,
Она вливает в нас
свою неограниченную силу,
Вливает в тело смертного
энергию, восторг Бессмертного.
Отныне наши жизни формируются
по внутренним законам красоты,
Слова становятся
естественным звучаньем Истины,
Любая мысль подобна
ряби в море Света.
Затем порок и добродетель
убираются с космических страниц;
Они уже не борются
в освобождённом нашем сердце:
Все наши действия идут в согласии
с естественной и явной
пользой Бога
Иль служат правилу
небесной Справедливости.
Все неприятные, неверные
и злые настроения
Снимаются с насиженного места
в полном замешательстве
И прячут свой позор
в неясном мраке подсознания.
И вот, ум объявляет
о своей победе:
"Душа, моя душа,
мы сотворили Небеса,
Внутри, в себе, нашли мы
царство Бога,
И выстроили крепость Бога
в этом шумном
и невежественном мире.
Теперь жизнь наша закрепилась
между двух потоков Света,
Мы сделали пространство
бездною покоя,
А наше тело —
Капитолием блаженства.

What more, what more, if more
must still be done?"

In the slow process of the
evolving spirit,
In the brief stade between a death
and birth
A first perfection's stage is
reached at last;
Out of the wood and stone of our
nature's stuff

A temple is shaped where the high
gods could live.
Even if the struggling world is left
outside
One man's perfection still can save
the world.

There is won a new proximity to
the skies,
A first betrothal of the Earth to
Heaven,
A deep concordat between Truth
and Life:
A camp of God is pitched in
human time.

End of Canto Five

Чего же больше нам желать,
и есть ли что-либо ещё
что нужно совершить?"

В неторопливом марше эволюции,
и медленном прогрессе духа,
В коротком промежутке
между смертью и рождением,
Мы, наконец, дошли
до первого этапа совершенства;
Из дерева и камня,
из материала нашей

человеческой природы,
Построен храм, где могут жить
возвышенные боги.
И даже если этот борющийся мир
останется снаружи,
То совершенство одного
единственного человека
способно дать спасенье миру.

Мы стали ощутимо ближе
к небесам,
Мы видим первую помолвку
Неба и Земли,
Возник глубокий договор
меж Истиной и Жизнью,
И в смертном времени
разбил свой лагерь Бог.

Конец пятой песни

Book Seven
THE BOOK OF YOGA

Книга Седьмая
КНИГА ЙОГИ

Canto VI
NIRVANA AND THE
DISCOVERY OF THE
ALL-NEGATING ABSOLUTE

Песня VI
НИРВАНА И ОТКРЫТИЕ
ВСЕ-ОТРИЦАЮЩЕГО
АБСОЛЮТА

A calm slow sun looked down
from tranquil heavens.

A routed sullen rearguard of
retreat,

The last rains had fled murmuring
across the woods

Or failed, a sibilant whisper mid
the leaves,

And the great blue enchantment of
the sky

Recovered the deep rapture of its
smile.

Its mellow splendour unstressed
by storm-licked heats

Found room for a luxury of warm
mild days,

The night's gold treasure of
autumnal moons

Came floating shipped through
ripples of faery air.

And Savitri's life was glad,
fulfilled like earth's;

She had found herself, she knew
her being's aim.

Спокойное медлительное солнце
смотрело вниз

из безмятежности небес.

Разбитый наголову, хмурый
отступающий отряд,

Последний ливень улетал,
с ворчаньем, через чащу леса,

Или стихал, негромким шорохом
среди листвы,

А грандиозная чарующая
синева небес

Вновь обретала радостную
глубину своей улыбки.

Её великолепленье, зрелое,
непотревоженное гневом
штормовых ударов,

Теперь впускало роскошь
тёплых, мягких дней;

Сокровище ночного золота
осенних лун

Скользило кораблём сквозь рябь
волшебной атмосферы.

И жизнь Савитри стала
радостной, наполненной,
как жизнь земли;

Она нашла себя,
она узнала назначенье
собственного существа.

Although her kingdom of
marvellous change within
Remained unspoken in her secret
breast,
All that lived round her felt its
magic's charm:
The trees' rustling voices told it to
the winds,
Flowers spoke in ardent hues an
unknown joy,

The birds' carolling became a
canticle,
The beasts forgot their strife and
lived at ease.

Absorbed in wide communion
with the Unseen
The mild ascetics of the wood
received
A sudden greatening of their
lonely muse.
This bright perfection of her inner
state
Poured overflowing into her
outward scene,
Made beautiful dull common
natural things
And action wonderful and time
divine.
Even the smallest meanest work
became
A sweet or glad and glorious
sacrament,
An offering to the self of the great
world

Or a service to the One in each
and all.

A light invaded all from her
being's light;

Хотя то царство поразительного
изменения внутри
Так и осталось нерассказанным,
хранимым в тайнике груди,
Но всё живое рядом ощутило
те магические чары:
Деревья шелестом своим
об этом говорили ветру,
Цветы своими яркими оттенками
спешили сообщить
о незнакомой радости,
Акафистом звучал
весёлый щебет птиц,
Зверьё на время забывало
про свои сражения
и становилось тихим.
И даже поглощённые
в широкий разговор с Незримым,
Спокойные аскеты леса
встретились
С внезапным возвышением
их одиноких размышлений.
То яркое её, живое совершенство
внутреннего состояния
Переливалось через край
и наполняло внешний мир;
Оно обычное и будничное
делало прекрасным,
Дела чудесными, а время —
проявлением божественного.
С ним даже незначительная,
мелкая работа превращалась
В весёлое, наполненное славой,
сладостное таинство,
И жертвоприношеньё
внутреннему "я"
большого мира,
В служение Единому,
во всякой вещи и во всём.
Свет существа её
заполнил всё вокруг;

Her heart-beats' dance
communicated bliss:
Happiness grew happier, shared
with her, by her touch

And grief some solace found
when she drew near.
Above the cherished head of
Satyavan

She saw not now Fate's dark and
lethal orb;

A golden circle round a mystic
sun

Disclosed to her new-born
predicting sight

The cyclic rondure of a sovereign
life.

In her visions and deep-etched
veridical dreams,

In brief shiftings of the future's
heavy screen,

He lay not by a dolorous decree

A victim in the dismal antre of
death

Or borne to blissful regions far
from her

Forgetting the sweetness of earth's
warm delight,

Forgetting the passionate oneness
of love's clasp,

Absolved in the self-rapt
immortal's bliss.

Always he was with her, a living
soul

That met her eyes with close
enamoured eyes,

A living body near to her body's
joy.

Её сердечный пульс, танцую,
разговаривал с блаженством,
И счастье становилось
ещё более счастливым
вместе с ней, её касанием,

И горе находило утешение
когда она была вблизи.

Над головою нежно
обожяемого Сатъявана

Она сейчас не видела смертельного,
темнеющего обруча Судьбы:

И золотистое кольцо
вокруг мистического солнца

Для заново рождённого
её пророческого взгляда

Открыло ей циклический круговорот
высокой жизни.

В её видениях
и оставляющих глубокий след
правдивых снах,

В коротких сдвигах
плотной ширмы на грядущем,

Он не лежал, согласно
скорбному указу Бога

Безвольной жертвой
в мрачном склепе смерти,

И не рождался вновь
в счастливых землях, вдалеке,

Забыв о сладости
земного тёплого восторга,

Забыв о страстном единении
в объятиях любви,

Освободившись
в самопоглощённое блаженство,
данное бессмертным.

Он был всё время с ней,
душой живого человека,

Встречая взгляд её
своими любящими

близкими глазами,

Живым, горячим телом, рядом
со счастливым телом у неё.

But now no longer in these great
wild woods

In kinship with the days of bird
and beast

And levelled to the bareness of
earth's brown breast,

But mid the thinking high-built
lives of men

In tapestried chambers and on
crystal floors,

In armoured town or gardened
pleasure-walks,

Even in distance closer than her
thoughts,

Body to body near, soul near to
soul,

Moving as if by a common breath
and will

They were tied in the single
circling of their days

Together by love's unseen
atmosphere,

Inseparable like the earth and sky.

Thus for a while she trod the
Golden Path;

This was the sun before abysmal
Night.

Once as she sat in deep
felicitous muse,

Still quivering from her lover's
strong embrace,

And made her joy a bridge twixt
earth and heaven,

Теперь уж ненадолго,
посреди огромного и
дикого лесного царства,

То породнившись с днями
птицы или зверя,

Уравненные с ними
для коричневой нагой
груди земли,

То средь людей,
которые живут обдуманной,
высокой жизнью,

В обитых гобеленами палатах,
и на мраморных полах,

То в укрепленном городе,
а то, гуляя просто так, по парку,

На расстояньи ближе,
чем проходят собственные мысли,

Душа с душою рядом,
тело рядом с телом,

Как будто двигаясь
одним дыханием и волей,

В кружении едином
дней своих,

Они соединились той незримой
атмосферою любви,

И стали меж собой неразделимы,
как земля и небо.

Так провела она часть дней своих
на Золотом Пути;

То было солнце
перед пропастью Ночи.

И вот, когда она сидела,
погружённая в счастливое,
глубокое раздумье,

Ещё дрожа от крепкого
объятия любимого,

И собственную радость
делала мостом
между землёй и небесами,

An abyss yawned suddenly
beneath her heart.

A vast and nameless fear dragged
at her nerves

As drags a wild beast its
half-slaughtered prey;

It seemed to have no den from
which it sprang:

It was not hers, but hid its unseen
cause.

Then rushing came its vast and
fearful Fount.

A formless Dread with shapeless
endless wings

Filling the universe with its
dangerous breath,

A denser darkness than the Night
could bear,

Enveloped the heavens and
possessed the earth.

A rolling surge of silent death, it
came

Curving round the far edge of the
quaking globe;

Effacing heaven with its enormous
stride

It willed to expunge the choked
and anguished air

And end the fable of the joy of
life.

It seemed her very being to forbid,

Abolishing all by which her nature
lived,

And laboured to blot out her body
and soul,

Под сердцем у неё,
вдруг, неожиданно,
разверзлась бездна.

Неописуемый, широкий страх
струною натянул все нервы,

Так тащит дикий зверь
свою полузадушенную жертву;

Казалось, нет здесь логова,
откуда мог он прыгнуть:

Тот страх был не её,
но он таил в себе

незримую причину.

Затем стремительно накинута
его широкий ужасающий Источник.

Бесформенный Кошмар
с неясными огромными крылами,

Заполнил всю вселенную
своим опасным,

угрожающим дыханием,

Тьма более густая,
чем способна

принести нам Ночь,

Окутала собою небеса
и захватила землю.

Катящийся волной
безмолвной смерти он пришёл,

И окружил далёкие края
трясущейся земли;

Стирая небеса своим
гигантским шагом,

Хотел он вычеркнуть тоскующий,
забитый грязью воздух,

Покончить с небылицей
наслажденья жизнью.

Казалось, он стремился запретить
само её¹ существование,

Он жаждал отменить
всё, чем жила её природа,

Стереть с лица земли
и тело у неё, и душу,

¹ Савитри, прим. пер.

A clutch of some half-seen
Invisible,
An ocean of terror and of
sovereign might,
A person and a black infinity.

It seemed to cry to her without
thought or word
The message of its dark eternity

And the awful meaning of its
silences:
Out of some sullen monstrous vast
arisen,
Out of an abysmal deep of grief
and fear
Imagined by some blind
regardless self,
A consciousness of being without
its joy,
Empty of thought, incapable of
bliss,
That felt life blank and nowhere
found a soul,
A voice to the dumb anguish of
the heart
Conveyed a stark sense of
unspoken words;
In her own depths she heard the
unuttered thought
That made unreal the world and
all life meant.

"Who art thou who claimst thy
crown of separate birth,
The illusion of thy soul's reality

And personal godhead on an
ignorant globe

Он был тисками некого,
едва заметного Незримого,
И океаном ужаса
и властного могущества,
Он был и личностью,
и чёрной бесконечностью.
Казалось, он выкрикивает ей
без мысли или слов
Послание его необозримой
тёмной вечности
И жуткий смысл
своих безмолвий:
Поднявшись из какой-то
чудовищной, зловещей широты,
Глубокой бездны
страха и страдания,
Придуманных каким-то ослеплённым
и не считающимся с миром "я"
Сознанием существа
не знающего радости,
Лишённым мысли,
не способным на блаженство,
Что ощущало жизнь пустой,
не находя нигде души,
Тот голос, обращённый
к молчаливой муке сердца
Передавал жестокий смысл
невывказанных слов;
Она¹ в своих глубинах слушала
его несказанную мысль,
Что превращала в нереальность
и этот мир,
и всякий смысл жизни.
"Кто ты такая требовать
венец отдельного рождения,
Иллюзию реальности
твоей души
И собственное божество
на этой тёмной
и незнающей планете

¹ Савитри, прим. пер.

In the animal body of imperfect man?	В животном теле человека полного несовершенства?
Hope not to be happy in a world of pain	И не надейся стать счастливой в мире боли,
And dream not, listening to the unspoken Word	И не мечтай об этом, слушая безмолвно сказанное Слово,
And dazzled by the inexpressible Ray,	Ослепнув от невыразимого Луча,
Transcending the mute Superconscient's realm,	Переходя пределы области немого Сверхсознания,
To give a body to the Unknowable,	Дать тело для Непознаваемого,
Or for a sanction to thy heart's delight	Или, с согласия восторга собственного сердца,
To burden with bliss the silent still Supreme	Обременить блаженством молчаливое спокойствие Всевышнего,
Profaning its bare and formless sanctity,	И осквернить его очищенную от всего бесформенную святость,
Or call into thy chamber the Divine	Иль призывать в свой дом Божественное,
And sit with God tasting a human joy.	Сидеть в нём вместе с Богом и вкушать людские радости.
I have created all, all I devour;	Я всё здесь создаю, я всё здесь пожираю;
I am Death and the dark terrible Mother of life,	Я — Смерть, я тёмная ужасная Мать жизни,
I am Kali black and naked in the world,	Я — Кали в этом мире, чёрная и обнажённая,
I am Maya and the universe is my cheat.	Я — Майя, а вселенная — лишь мой обман.
I lay waste human happiness with my breath	Своим дыханьем я опустошаю человеческое счастье,
And slay the will to live, the joy to be	И убиваю волю жить и радость быть,
That all may pass back into nothingness	Чтоб всё могло уйти назад, в небытие,
And only abide the eternal and absolute.	И оставалось только вечное и абсолютное.
For only the blank Eternal can be true.	Ведь только незаполненная Вечность может оставаться истиной.

All else is shadow and flash in
 Mind's bright glass,
 Mind, hollow mirror in which
 Ignorance sees
 A splendid figure of its own false
 self
 And dreams it sees a glorious
 solid world.
 O soul, inventor of man's thoughts
 and hopes,
 Thyself the invention of the
 moments' stream,
 Illusion's centre or subtle apex
 point,
 At last know thyself, from vain
 existence cease."
 A shadow of the negating Absolute,

 The intolerant Darkness travelled
 surging past
 And ebbed in her the formidable
 Voice.
 It left behind her inner world laid
 waste:
 A barren silence weighed upon
 her heart,

 Her kingdom of delight was there
 no more;
 Only her soul remained, its
 emptied stage,
 Awaiting the unknown eternal
 Will.
 Then from the heights a greater
 Voice came down,
 The Word that touches the heart
 and finds the soul,
 The voice of Light after the voice
 of Night:
 The cry of the Abyss drew
 Heaven's reply,

Всё остальное —
 только тени, блики
 в ярком зеркале Ума,
 А Ум — пустое зеркало
 в которое глядит Невежество,
 Рассматривая пышную фигуру
 своего обманчивого "я"
 Воображая, что при этом видит
 замечательный и прочный мир.
 О ты, душа, изобретающая
 мысли и надежды человека,
 Ведь ты сама —
 изобретение реки мгновений,
 Ты центр иллюзии
 и хрупкая вершина,
 Познай себя же, наконец, и отойди
 от бесполезного существования."
 Тень отрицающего Абсолюта,
 не терпящая возражений Тьма
 Валами поднимаясь,
 прокатилась мимо,
 Угас в Савитри
 этот грозный Голос.
 Мир стал пустыней
 у неё внутри:
 Немая тишина
 повисла тяжестью
 на сердце,
 И царства радости, восторга
 больше не было;
 Осталось лишь её душа,
 пустеющая сцена,
 Что ожидала неизвестной
 вечной Воли.
 Затем с высот спустился
 более великий Голос,
 То Слово, что касается сердец,
 и обнаруживает душу,
 За голосом Ночи
 пришёл к ней голос Света:
 Призыв Пучины
 притянул ответ Небес,

A might of storm chased by the
might of the Sun.

"O soul, bare not thy kingdom to
the foe;

Consent to hide thy royalty of
bliss

Lest Time and Fate find out its
avenues

And beat with thunderous knock
upon thy gates.

Hide whilst thou canst thy treasure
of separate self

Behind the luminous rampart of
thy depths

Till of a vaster empire it grows
part.

But not for self alone the Self is
won:

Content abide not with one
conquered realm;

Adventure all to make the whole
world thine,

To break into greater kingdoms
turn thy force.

Fear not to be nothing that thou
mayst be all;

Assent to the emptiness of the
Supreme

That all in thee may reach its
absolute.

Accept to be small and human on
the earth,

Interrupting thy new-born
divinity,

That man may find his utter self in
God.

If for thy own sake only thou hast
come,

За силой шторма, по пятам,
шла сила Солнца.

"Душа, не открывай свою страну
перед врагом

И согласишься скрывать
своё величие блаженства

Пока Судьба и Время
не найдут свои пути

И не ударят, словно гром,
в твои врата.

Скрывай, пока ты сможешь,
своё сокровище
самостоятельного "я"

За светлой крепостью
своих глубин,

Пока оно не станет частью
более широкой
внутренней империи.

Не для тебя одной идёт борьба
за высшее Божественное "Я":

Не соглашайся жить с одною
завоёванною сферой;

Попробуй всё, чтоб сделать
весь огромный мир своим,

Направь своё могущество,
чтобы прорваться
к более высоким царствам.

Не бойся быть ничем —
ты можешь стать
всем, чем угодно,

Решись на пустоту
Всевышнего,

Чтоб всё в тебе могло дойти
до собственного абсолюта.

Пока что оставайся маленькой,
будь человеком на земле

И сдерживай свою божественность,
родившуюся заново,

Чтоб человек сумел найти себя
гораздо совершенней в Боге.

Ведь если б ты пришла
лишь для себя одной,

An immortal spirit into the
mortal's world,
To found thy luminous kingdom
in God's dark,
In the Inconscient's realm one
shining star,
One door in the Ignorance opened
upon light,
Why hadst thou any need to come
at all?
Thou hast come down into a
struggling world
To aid a blind and suffering
mortal race,
To open to Light the eyes that
could not see,

To bring down bliss into the heart
of grief,
To make thy life a bridge twixt
earth and heaven;
If thou wouldst save the toiling
universe,

The vast universal suffering feel
as thine:
Thou must bear the sorrow that
thou claimst to heal;
The day-bringer must walk in
darkest night.

He who would save the world
must share its pain.

If he knows not grief, how shall he
find grief's cure?

If far he walks above mortality's
head,
How shall the mortal reach that
too high path?

Бессмертный дух —
спустился в смертный мир,
Найти своё сияющее царство
в темноте и мраке Бога,
Найти в чертогах Несознания
единственную яркую звезду,
Одну лишь дверь в Невежестве,
которая открыта свету,
Какая бы была вообще
необходимость приходить?
Ты вниз сошла,
в сражающийся мир
Помочь слепой и терпящей мученья
расе смертных,
Открыть глаза,
которые не могут видеть,
к Свету,

И принести блаженство
в сердце горя,
И сделать жизнь свою мостом
между землёй и небесами;
И если хочешь ты спасти
всю эту тяжело
идушую вселенную,

То ощути широкое
вселенское страданье как своё:
Тебе необходимо вынести самой
то горе, что ты хочешь исцелить;
Кто день приносит,
должен сам пройти
Сквозь самый чёрный
мрак ночи.

Тот, кто намерен мир спасти,
обязан разделить
его мучения.

Ведь если он не знает горя,
как найдёт он
от него лекарство?

И если он гуляет слишком высоко
над головами смертных,
Как попадут они
на тот высокий путь?

If one of theirs they see scale heaven's peaks,	Но если же они увидят, что один из них стал высотой до неба,
Men then can hope to learn that titan climb.	То есть надежда научиться титаническому восхождению.
God must be born on earth and be as man	Бог должен здесь родиться, на земле, и быть как человек,
That man being human may grow even as God.	Чтоб человеческое существо смогло расти, и стать таким же, как и Бог.
He who would save the world must be one with the world,	Тот, кто намерен мир спасти, обязан стать единым с миром,
All suffering things contain in his heart's space	И все терзающие вещи удерживать в пространстве собственного сердца,
And bear the grief and joy of all that lives.	Переносить и горести, и радости всех, кто живёт.
His soul must be wider than the universe	Его душа должна стать шире, чем вселенная,
And feel eternity as its very stuff,	И вечность ощутить, как настоящую свою материю,
Rejecting the moment's personality	И, отвергая все мгновенья личности,
Know itself older than the birth of Time,	Познать себя древней рожденья Времени,
Creation an incident in its consciousness,	Увидеть, что творенье — только эпизод в его сознании,
Arcturus and Belphegor grains of fire	Арктур и Бельфегор — лишь искорки огня,
Circling in a corner of its boundless self,	Кружащие в каком-то уголке его неограниченного "я",
The world's destruction a small transient storm	А разрушение мира — мелкий проходящий шторм
In the calm infinity it has become.	В той тихой бесконечности, которой стала у него душа.
If thou wouldst a little loosen the vast chain,	И если хочешь ты ослабить хоть немного эти необъятные оковы,
Draw back from the world that the Idea has made,	То отступи назад от мира, сотворённого Идеей,
Thy mind's selection from the Infinite,	От выбора твоим умом кусочков Бесконечности,

Thy senses' gloss on the
 Infinitesimal's dance,
 Then shalt thou know how the
 great bondage came.
 Banish all thought from thee and
 be God's void.
 Then shalt thou uncover the
 Unknowable
 And the Superconscient conscious
 grow on thy tops;
 Infinity's vision through thy gaze
 shall pierce;
 Thou shalt look into the eyes of
 the Unknown,
 Find the hid Truth in things seen
 null and false,
 Behind things known discover
 Mystery's rear.
 Thou shalt be one with God's bare
 reality
 And the miraculous world he has
 become
 And the diviner miracle still to be
 When Nature who is now
 unconscious God
 Translucent grows to the Eternal's
 light,
 Her seeing his sight, her walk his
 steps of power
 And life is filled with a spiritual
 joy
 And Matter is the Spirit's willing
 bride.

И от сверканья чувств твоих
 на танце Бесконечно-малого,
 Тогда узнаешь ты как появляется
 великая зависимость и рабство.
 Гони все мысли от себя,
 стань пустотою Бога.
 Тогда сумеешь ты поднять покров
 с Непознаваемого,
 Тогда сознательное Сверхсознание
 поднимется и встанет
 на твоих вершинах;
 И видение Бесконечности
 начнёт сквозить
 во взгляде у тебя,
 Ты сможешь посмотреть
 в глаза Неведомому,
 Узнаешь Истину, сокрытую в вещах,
 что виделись пустыми
 или ложными,
 А позади известного увидишь лик
 обратной стороны Мистерии.
 Тогда сольёшься ты —
 и с обнажённою
 реальностью Всевышнего,
 И с тем чудесным миром,
 что он стал,
 И с чудом более божественным —
 каким он будет,
 Когда Природа, что сейчас —
 не сознающий Бог,
 Прозрачной станет
 для лучей и света Вечного,
 Её взгляд обернётся
 взглядом Вечного,
 Её прогулка —
 шагом силы Вечного
 И жизнь наполнится
 духовной радостью,
 Материя в ней превратится
 в долгожданную невесту Духа.

Consent to be nothing and none,
dissolve Time's work,

Cast off thy mind, step back from
form and name.

Annul thyself that only God may
be."

Thus spoke the mighty and
uplifting Voice,
And Savitri heard; she bowed her
head and mused

Plunging her deep regard into
herself
In her soul's privacy in the silent
Night.

Aloof and standing back detached
and calm,

A witness of the drama of herself,
A student of her own interior
scene,

She watched the passion and the
toil of life

And heard in the crowded
thoroughfares of mind

The unceasing tread and passage
of her thoughts.

All she allowed to rise that chose
to stir;

Calling, compelling nought,
forbidding nought,

She left all to the process formed
in Time

And the free initiative of Nature's
will.

Thus following the complex
human play

She heard the prompter's voice
behind the scenes,

Пойди на то, чтоб стать
ничем, никем,
и раствори работу Времени,

Отбрось свой ум, шагни назад
от имени и формы.

Сотри себя, чтоб мог быть
только Бог."

Так говорил могучий,
поднимающийся Голос,
Савитри слушала;
она склонила голову
и размышляла,

Глубоким взглядом
погружаясь внутрь себя,
В уединении души
среди безмолвной Ночи.

Встав в стороне,
спокойно, отстранённо,
Свидетелем своей трагедии,
Рассматривая собственную
внутреннюю сцену,

Она там видела и страсть,
и трудную работу жизни,

И слышала в заполненных толпою
улицах ума

Непрекращающийся топот
и хождение мыслей.

Она давала всплыть всему,
что выбирало суету;

Так ни к чему не призывая,
ничего не принуждая
и не запрещая,

Она всё предоставила
тому движению,
что родилось во Времени,

Свободным импульсам,
желаниям Природы.

И, следуя за сложной
ролью человека,

Она слышала, что говорит
суфлёр за сценой,

Perceived the original libretto's set	Постигла направление изначального либретто
And the organ theme of the composer Force.	Органное звучанье Силы-композитора.
All she beheld that surges from man's depths,	Она увидела всё то, что поднимается из человеческих глубин,
The animal instincts prowling mid life's trees,	Животные инстинкты, что ползают среди деревьев жизни,
The impulses that whisper to the heart	И побужденья, шепчущие сердцу,
And passion's thunder-chase sweeping the nerves;	Громоподобную погоню страсти, увлекающую нервы;
She saw the Powers that stare from the Abyss	Она увидела те Силы, что глядят из Бездны,
And the wordless Light that liberates the soul.	И тот беззвучный Свет, что душу делает свободной.
But most her gaze pursued the birth of thought.	Но более всего взгляд у неё исследовал рожденье мысли.
Affranchised from the look of surface mind	Освобождённая от виденья поверхностным умом,
She paused not to survey the official case,	Она смотрела безотрывно на когда-то принятый порядок,
The issue of forms from the office of the brain,	На выход форм из канцелярии ума,
Its factory of thought-sounds and soundless words	На эту фабрику по производству мысле-звуков и беззвучных слов,
And voices stored within unheard by men,	И голосов, что оседают в глубине, неслышимые человеком,
Its mint and treasury of shining coin.	Его монетный двор, его казну сияющих монет.
These were but counters in mind's symbol game,	Но это было только фишками для символической игры ума,
A gramophone's discs, a reproduction's film,	Кассетами для фильмов, граммофонными пластинками,
A list of signs, a cipher and a code.	Перечисленье знаков, шифром, кодом.
In our unseen subtle body thought is born	Мысль зарождается в незримом нашем тонком теле,

Or there it enters from the cosmic field.	Или заходит в это тело из космических пространств.
Oft from her soul stepped out a naked thought	И часто из души её выскакивала голая, открытая всему на свете мысль,
Luminous with mystiered lips and wonderful eyes;	Светясь, с загадкой на устах, с чудесными глазами;
Or from her heart emerged some burning face	Или вставал из сердца у неё пылающий какой-то лик,
And looked for life and love and passionate truth,	Искавший жизнь, любовь, наполненную страстью истину,
Aspired to heaven or embraced the world	Он поднимался к небесам, иль обнимал весь мир,
Or led the fancy like a fleeting moon	Иль вёл воображение, как луна,
Across the dull sky of man's common days,	Летящая сквозь пасмурное небо повседневной жизни,
Amidst the doubtful certitudes of earth's lore,	Среди сомнительной определённости практических земных профессий,
To the celestial beauty of faith gave form,	И наделял её небесной красотою веры,
As if at flower-prints in a dingy room	Как если б в тёмной комнате, с цветочными обоями
Laughed in a golden vase one living rose.	Смеялась бы одна живая роза в золотистой вазе.
A thaumaturgist sat in her heart's deep,	Там, в сердце, в глубине, сидел волшебник
Compelled the forward stride, the upward look,	И заставлял шагать вперёд и поднимать взгляд вверх,
Till wonder leaped into the illumined breast	Пока чудесное не прыгнет в озарённую им грудь
And life grew marvellous with transfiguring hope.	И жизнь не станет чудом от преобразующей надежды.
A seeing will pondered between the brows;	Между бровей всё взвешивала видящая воля;
Thoughts, glistening Angels, stood behind the brain	За мозгом, позади, похожие на ярких Ангелов стояли мысли,
In flashing armour, folding hands of prayer,	В сверкающей броне, сложив в молитве руки,
And poured heaven's rays into the earthly form.	И проливали свет небес в земную форму.

Imaginations flamed up from her
breast,
Unearthly beauty, touches of
surpassing joy

And plans of miracle, dreams of
delight:
Around her navel lotus clustering
close

Her large sensations of the
teeming worlds
Streamed their dumb movements
of the unformed Idea;
Invading the small sensitive
flower of the throat
They brought their mute unuttered
resonances

To kindle the figures of a
heavenly speech.
Below, desires formed their
wordless wish,

And longings of physical
sweetness and ecstasy
Translated into the accents of a
cry
Their grasp on objects and their
clasp on souls.
Her body's thoughts climbed from
her conscious limbs
And carried their yearnings to its
mystic crown
Where Nature's murmurs meet the
Ineffable.
But for the mortal prisoned in
outward mind
All must present their passports at
its door;

Как пламя, поднималось
из её груди воображение,
И неземная красота,
касание радости,
превосходящей всё на свете,
И планы чуда,
и видения восторга:
Вокруг же лотоса
под солнечным сплетением
толпились в тесноте
Её широкие, насыщенные
ощущенья множества миров,
Струясь немym движением
бесформенной Идеи;
Вторгаясь в маленький
чувствительный цветок гортани,
Они несли свои немые,
непередаваемые словом,
резонансы,
Чтоб проявить картины,
образы небесной речи.
Пониже этого, желания
выстраивали свой поток
безмолвной жажды;
Стремление к экстазу
и телесной сладости
Переводило в пульс
биение призыва
Их взгляд на вещи,
их влияние на души.
В ней¹ мысли тела поднимались
из сознательных частей,
Затем несли свои стремления
к мистической короне,
Где тихое шептание Природы
встречается с Невыразимым.
Но для обычных смертных,
заключенных внешнего ума,
Их мыслям нужно предъявлять
свой паспорт у двери;

¹ Савитри, прим. пер.

Disguised they must don the official cap and mask	Они, скрываясь, одевают маски и служебные фуражки,
Or pass as manufactures of the brain,	Или проходят как продукт работы мозга,
Unknown their secret truth and hidden source.	Не зная тайной истины своей и скрытого источника.
Only to the inner mind they speak direct,	Они способны напрямую говорить лишь с внутренним умом,
Put on a body and assume a voice,	И обретать в нём тело, получать свой голос,
Their passage seen, their message heard and known,	Их прохождение увидено, послание их — услышано и понято,
Their birthplace and their natal mark revealed,	То место, где они родились и нательный знак — открыты,
And stand confessed to an immortal's sight,	И эти вестники земной природы стоят и исповедуются
Our nature's messengers to the witness soul.	Перед душой-свидетелем виденью бессмертного.
Impenetrable, withheld from mortal sense,	Непроницаемые, скрытые от смертных чувств,
The inner chambers of the spirit's house	Те внутренние залы дома духа
Disclosed to her their happenings and their guests;	Раскрыли для неё ¹ свои события, своих гостей;
Eyes looked through crevices in the invisible wall	И через щелочки в невидимой стене
And through the secrecy of unseen doors	Через тайник невидимых дверей
There came into mind's little frontal room	Её глаза увидели, как в тесную прихожую ума
Thoughts that enlarged our limited human range,	Входили мысли, расширяющие ограниченный диапазон людей,
Lifted the ideal's half-quenched or sinking torch	И поднимали гаснущий, поникший факел идеала,
Or peered through the finite at the infinite.	Смотрели сквозь конечное и вглядывались в бесконечное.
A sight opened upon the invisible	Их взгляду открывалось ранее незримое,

¹ Савитри, прим. пер.

And sensed the shapes that mortal
 eyes see not,
 The sounds that mortal listening
 cannot hear,
 The blissful sweetness of the
 intangible's touch;
 The objects that to us are empty
 air,
 Are there the stuff of daily
 experience
 And the common pabulum of
 sense and thought.
 The beings of the subtle realms
 appeared
 And scenes concealed behind our
 earthly scene;
 She saw the life of remote
 continents
 And distance deafened not to
 voices far;
 She felt the movements crossing
 unknown minds;
 The past's events occurred before
 her eyes.
 The great world's thoughts were
 part of her own thought,
 The feelings dumb for ever and
 unshared,
 The ideas that never found an
 utterance.
 The dim subconscious's incoherent
 hints
 Laid bare a meaning twisted, deep
 and strange,
 The bizarre secret of their
 fumbling speech,
 Their links with underlying
 reality.

И ощущались формы, не доступные
 для смертных глаз,
 Воспринимались звуки,
 что не слышит ухо смертного,
 Блаженство сладости
 касания неуловимого;
 И что для нас похоже
 на пустой прозрачный воздух,
 Там было тканью
 повседневной жизни,
 Обычной пищей
 чувств и мысли.
 Являлись существа
 из тонких царств,
 И сцены, что скрываются
 за нашею земною сценой;
 Она рассматривала
 жизнь далёких континентов
 И расстояние не заглушало
 голоса вдали;
 Она могла почувствовать движенья,
 которые проходят
 по неведомым умам,
 События из прошлого
 вставали перед взглядом.
 Так мысли этого большого мира
 предстали частью
 ей принадлежащих мыслей,
 И чувств, всегда немых,
 никем не разделённых,
 Идей, что никогда
 не находили выражения.
 Бессвязные намёки
 сумрачного подсознания
 Лежали перед ней, раскрыв
 запутанный, глубокий,
 странный смысл,
 Причудливую тайну
 их непонятной речи,
 Их связи с той реальностью,
 которая лежит под ними.

The unseen grew visible and
audible:
Thoughts leaped down from a
superconscious field
Like eagles swooping from a
viewless peak,
Thoughts gleamed up from the
screened subliminal depths
Like golden fishes from a hidden
sea.
This world is a vast unbroken
totality,
A deep solidarity joins its contrary
powers;
God's summits look back on the
mute Abyss.
So man evolving to divinest
heights
Colloques still with the animal
and the Djinn;
The human godhead with
star-gazer eyes
Lives still in one house with the
primal beast.

The high meets the low, all is a
single plan.
So she beheld the many births of
thought,
If births can be of what eternal is;

For the Eternal's powers are like
himself,
Timeless in the Timeless, in Time
ever born.
This too she saw that all in outer
mind
Is made, not born, a product
perishable,
Forged in the body's factory by
earth-force.

Невидимое становилось
слышимым и зримым,
И мысли спрыгивали вниз,
из сферы сверхсознательного,
Как падают орлы
с незримых пиков гор,
Или мерцали в скрытых
подсознательных глубинах,
Как золотые рыбки
в тайном море.
Наш мир — широкая,
неразделимая тотальность,
Глубокая сплочённость соединяет
противостоящие друг другу силы;
Вершины Бога, обернувшись,
смотрят на немую Бездну.
И человек, хотя и движется
к божественным высотам,
Но до сих пор беседует
с животным или с Джином;
И человеческое божество,
со взглядом звёздного мечтателя,
Всё продолжает жить
в одном жилище
с первобытным зверем.
Высокое встречает низкое,
и это всё — единый план.
Она¹ отныне замечала
множество рождений мысли,
Конечно, если может быть
рожденье у того, что вечно;
Ведь силы Вечного
такие же, как Он,
Вневременные во Вневременье,
во Времени рождаемые постоянно.
И так же видела она, что всё,
чем занят внешний ум,
Продукт непрочный, и не рождено,
а сделано, придумано
Телесной фабрикой
могуществом земли.

¹ Савитри, прим. пер.

This mind is a dynamic small
machine
Producing ceaselessly, till it wears
out,
With raw material drawn from the
outside world,
The patterns sketched out by an
artist God.
Often our thoughts are finished
cosmic wares

Admitted by a silent office gate

And passed through the
subscient's galleries,
Then issued in Time's mart as
private make.

For now they bear the living
person's stamp;

A trick, a special hue claims them
his own.

All else is Nature's craft and this
too hers.

Our tasks are given, we are but
instruments;

Nothing is all our own that we
create:

The Power that acts in us is not
our force.

The genius too receives from
some high fount

Concealed in a supernal secrecy

The work that gives him an
immortal name.

The word, the form, the charm,
the glory and grace

Are missioned sparks from a
stupendous Fire;

A sample from the laboratory of
God

Наш ум — лишь небольшая
динамичная машина,
Которая, пока она работает,
безостановочно штампует
Из грубого материала, взятого
из окружающего мира,
Типичные модели
по наброску Бога-живописца.

И часто наши мысли —
это некие космические
завершённые изделия,

Пропущенные молчаливыми
вратами офиса,

Прошедшие по галереям
подсознания,

И выпущенные на рынок Времени —
творения ручной работы.

Теперь они несут печать
живущей личности;

И некие штрихи, особые оттенки
отмечают их как наши.

Всё остальное — мастерство Природы,
но это тоже ей принадлежит.

Нам каждому дана задача,
а мы — лишь инструменты;

И ничего нет нашего во всём,
что мы творим и создаём:

Та Сила, что в нас действует —
не наша сила.

И гений тоже получает
из какого-то высокого источника,

Сокрытого среди
небесной тайны,

Своё творенье, наделившее его
бессмертным именем.

Слова и формы, слава,
красота, очарование —

Всё искры, посылаемые
изумительным Огнём;

И образец, полученный
в лаборатории Всевышнего,

Of which he holds the patent upon earth,	И на который у него, здесь, на земле, патент,
Comes to him wrapped in golden coverings;	К нему приходит в золотой обёртке;
He listens for Inspiration's postman knock	Он слышит стук в ворота почтальона Вдохновения
And takes delivery of the priceless gift	Берёт бесценный дар в его посылке,
A little spoilt by the receiver mind	Слегка подпорченный воспринимающим умом,
Or mixed with the manufacture of his brain;	Иль смешанный с продуктами работы собственного мозга.
When least defaced, then is it most divine.	Чем меньше искажений, тем божественней послание.
Although his ego claims the world for its use,	И несмотря на то, что это хочет обладать всем миром для себя,
Man is a dynamo for the cosmic work;	Он, человек — динамо для космической работы;
Nature does most in him, God the high rest:	В нём основное — делает Природа,
	А остальное, то, что выше — Бог:
Only his soul's acceptance is his own.	И лишь согласие души ему ¹ принадлежит.
This independent, once a power supreme,	И эта независимая сила, некогда — одна из наивысших,
Self-born before the universe was made,	Само рождённая задолго до создания вселенной,
Accepting cosmos, binds himself Nature's serf	Приходит, принимая космос, и одевает узы,
	И делает себя рабынею Природы,
Till he becomes her freedman - or God's slave.	Пока не станет человек её вольноотпущенным или слугою Бога.
This is the appearance in our mortal front;	Так проявляется она на нашем плане смертных;
Our greater truth of being lies behind:	А более возвышенная истина о нашем существе лежит за нами, позади:

¹ человеку, прим. пер.

Our consciousness is cosmic and
immense,
But only when we break through
Matter's wall
In that spiritual vastness can we
stand
Where we can live the masters of
our world
And mind is only a means and
body a tool.
For above the birth of body and of
thought

Our spirit's truth lives in the naked
self
And from that height, unbound,
surveys the world.

Out of the mind she rose to escape
its law
That it might sleep in some deep
shadow of self
Or fall silent in the silence of the
Unseen.
High she attained and stood from
Nature free

And saw creation's life from far
above,
Thence upon all she laid her
sovereign will
To dedicate it to God's timeless
calm:
Then all grew tranquil in her
being's space,
Only sometimes small thoughts
arose and fell

Like quiet waves upon a silent sea

Сознание у нас —
космическое и огромное,
Но лишь когда прорвёмся мы
через барьер Материи
Мы сможем встать
в духовной этой широте,
И в ней мы сможем жить
хозяевами мира,
И ум наш будет только средством,
тело — инструментом.
Ведь над рождением тела,
над рождением мысли,
наша правда духа
Живёт, во внутреннем,
лишённом одеяний, "я",
И с этой высоты,
ничем не связанная,
изучает мир.

Она¹ поднялась из ума,
чтоб избежать его закона,
Чтоб ум мог спать в глубокой тени
внутреннего "я",
Или беззвучно опуститься
в тишину Незримого.
Она добралась до высот
и встала там,
свободной от Природы,
И стала видеть жизнь творения
с далёкой высоты,
На всё накладывая властное желанье
поднести творение
Не знающему времени
покою Бога:
Затем в пространстве существа её
всё стало неподвижным,
Лишь иногда отдельные
немногочисленные мысли
то возникали, то спадали
Как мирная волна
на тихом море,

¹ Савитри, *прим. пер.*

Or ripples passing over a lonely
pool
When a stray stone disturbs its
dreaming rest.
Yet the mind's factory had ceased
to work,
There was no sound of the
dynamo's throb,
There came no call from the still
fields of life.
Then even those stirrings rose in
her no more;
Her mind now seemed like a vast
empty room
Or like a peaceful landscape
without sound.
This men call quietude and prize
as peace.

But to her deeper sight all yet was
there,

Effervescing like a chaos under a
lid;
Feelings and thoughts cried out
for word and act
But found no response in the
silenced brain:
All was suppressed but nothing
yet expunged;
At every moment might explosion
come.
Then this too paused; the body
seemed a stone.
All now was a wide mighty
vacancy,
But still excluded from eternity's
hush;

For still was far the repose of the
Absolute
And the ocean silence of Infinity.

Иль рябь, бегущая
по одинокой заводи,
Когда случайным камнем
нарушается её дремотный отдых.
Но всё же, фабрика ума
работать прекратила,
Не стало слышно шума
от биения динамо,
Не шли призывы
от затихших регионов жизни.
А после даже эти мелкие движения
уже не поднимались;
Ум стал похожим
на просторную пустую комнату,
На сцену мирного,
беззвучного пейзажа.
Такое состоянье люди
называют тишиной
и ценят как покой.
Но более глубокий взгляд её
мог видеть, что всё же,
там осталось нечто,
Похожее на хаотично
выделяющийся газ под крышкой;
То ощущения и мысли
звали к действию и слову,
Но не встречали отклика
в замолкнувшем мозгу:
Всё было сдержано, подавлено,
но до конца не стёрто;
И мог возникнуть взрыв
в любой момент.
Затем и это стихло;
тело показалось каменным.
Всё превратилось в широту
могучей пустоты,
Но всё-таки, пока что
не сливающейся
с тишиною вечности;
Пока что были далеки —
и отдых Абсолюта
И океан молчанья Бесконечности.

Even now some thoughts could
cross her solitude;

These surged not from the depths
or from within

Cast up from formlessness to seek
a form,

Spoke not the body's need nor
voiced life's call.

These seemed not born nor made
in human Time:

Children of cosmic Nature from a
far world,

Idea's shapes in complete armour
of words

Posted like travellers in an alien
space.

Out of some far expanse they
seemed to come

As if carried on vast wings like
large white sails,

And with easy access reached the
inner ear

As though they used a natural
privileged right

To the high royal entries of the
soul.

As yet their path lay
deep-concealed in light.

Then looking to know whence the
intruders came

She saw a spiritual immensity
Pervading and encompassing the
world-space

As ether our transparent tangible
air,

И даже в этом состоянии
иная мысль могла
нарушить одиночество.

Они всплывали не из глубины,
не из пространств внутри,

К нам вброшенные ради формы
из бесформенного,

И говорили не о нуждах тела
и не о призывах жизни.

Казалось, что они
родились или созданы
не в нашем Времени:

Те отпрыски космической Природы
из далёкого к нам мира

Те воплощения Идеи,
в полной амуниции из слов,

К нам посылались,
словно путешественники,
в чуждое пространство.

Казалось, что они приходят
из какого-то далёкого простора,

И их несут широкие крыла,
похожие на белые
большие паруса,

И входят, с лёгкостью,
во внутреннее ухо,

Как будто пользуясь
естественною привилегией

На царские высокие
врата души.

Но всё же, их пути
лежали в глубине,
закрытые от света.

Затем, стремясь понять,
откуда же приходят
эти нарушители,

Она увидела духовную безмерность,
Которая охватывала,
наполняла мир-пространство,

Как осязаемый прозрачный воздух
окружён эфиром,

And through it sailing tranquilly a
thought.

As smoothly glides a ship nearing
its port,

Ignorant of embargo and blockade,
Confident of entrance and the
visa's seal,

It came to the silent city of the
brain

Towards its accustomed and
expectant quay,

But met a barring will, a blow of
Force

And sank vanishing in the
immensity.

After a long vacant pause another
appeared

And others one by one suddenly
emerged,

Mind's unexpected visitors from
the Unseen

Like far-off sails upon a lonely
sea.

But soon that commerce failed,
none reached mind's coast.

Then all grew still, nothing moved
any more:

Immobile, self-rapt, timeless,
solitary

A silent spirit pervaded silent
Space.

In that absolute stillness bare
and formidable

There was glimpsed an
all-negating Void Supreme

И сквозь неё увидела
как тихо подплывает мысль.

Как плавно, медленно
скользит корабль,
всё ближе к порту,

Не зная про эмбарго и блокаду,
Уверенный в своих правах на вход
и в подписях на визе,

Та мысль заходит
в молчаливый город мозга,

К привычной,
долгожданной пристани,

Но там встречает
заграждающую волю
и удары Силы,

И тонет, исчезая
в необъятности.

Но после долгой паузы,
ничем не наполняемой,
является ещё одна,

Затем другая, а потом ещё,
внезапно появляются

Нежданнами гостями
из Незримого,

Похожие на еле видимые паруса
в каком-то одиноком море.

Но вскоре та коммерция затихла,
никто уже не доплывал
до берега ума.

Всё успокоилось, и больше
ничего не приходило:

Безвременный, недвижимый,
одинокый, поглощённый
в самого себя,

Безмолвный дух заполнил
молчаливое Пространство.

В той абсолютной, голой,
грозной тишине

Мелькнула отрицающая всё на свете
Пустота Всевышнего

That claimed its mystic Nihil's
sovereign right

To cancel Nature and deny the
soul.

Even the nude sense of self grew
pale and thin:

Impersonal, signless, featureless,
void of forms

A blank pure consciousness had
replaced the mind.

Her spirit seemed the substance of
a name,

The world a pictured symbol
drawn on self,

A dream of images, a dream of
sounds

Built up the semblance of a
universe

Or lent to spirit the appearance of
a world.

This was self-seeing; in that
intolerant hush

No notion and no concept could
take shape,

There was no sense to frame the
figure of things,

A sheer self-sight was there, no
thought arose.

Emotion slept deep down in the
still heart

Or lay buried in a cemetery of
peace:

All feelings seemed quiescent,
calm or dead,

As if the heart-strings rent could
work no more

Что требовала для мистического
своего Ничто высоких прав

Свести на нет Природу
и отвергнуть душу.

И даже чувство внутреннего "я",
лишённое всего,

бледнело, утоньшалось:

Безличное, без признаков,
без всяких свойств,
свободное от форм,

Пустое чистое сознание
сменило ум.

Её дух виделся
субстанцией для имени,

А мир — рисунком-символом,
натянутым на внутреннее "я";

Видение из образов,
видение из звуков,

Выстраивало
очертания вселенной

Или одалживало духу
внешний облик мира.

Всё это было видением
внутреннего "я";
в той нестерпимой тишине

Понятия, идеи не могли принять
какую-либо форму,

И чувства не было,
которое выстраивало образы,

Был точный взгляд
из внутреннего "я",

и мысль не возникала.

Эмоции дремали глубоко внизу,
в затихшем сердце,

Или лежали, погребённые
на кладбище покоя:

Все ощущения казались
неподвижными, замолкшими
и омертвелыми,

И не могли уже трудиться,
словно порванные
струны сердца,

And joy and grief could never rise again.	И радость с горем никогда уже не поднялась бы снова.
The heart beat on with an unconscious rhythm	Стучало сердце в неосознающем ритме,
But no response came from it and no cry.	Но из него не шло ни отклика, ни зова.
Vain was the provocation of events;	Напрасны были провокации событий;
Nothing within answered an outside touch,	Ничто внутри не отвечало внешнему касанию,
No nerve was stirred and no reaction rose.	Не возбуждались нервы, не было реакции.
Yet still her body saw and moved and spoke;	Но тело всё же видело, и двигалось, и говорило;
It understood without the aid of thought,	Оно и понимало без поддержки мысли,
It said whatever needed to be said,	И говорило всё, что нужно было ей сказать,
It did whatever needed to be done.	И делало всё то, что нужно было сделать.
There was no person there behind the act,	Но личности за этим не было.
No mind that chose or passed the fitting word:	В ней не было ума, что отбирал бы, пропуская, подходящие слова,
All wrought like an unerring apt machine.	Но всё работало как безошибочная умная машина.
As if continuing old habitual turns,	И словно продолжая старые привычные круги,
And pushed by an old unexhausted force	И движимое прежнюю неистощимой силой,
The engine did the work for which it was made:	Устройство это делало работу, для которой было создано:
Her consciousness looked on and took no part;	Её ¹ сознание смотрело и не принимало в том участия;
All it upheld, in nothing had a share.	Оно поддерживало всё и ни во что не вовлекалось.
There was no strong initiator will;	Сейчас в ней не было какой-то сильной, начинающей всё воли;

¹ Савитри, прим. пер.

An incoherence crossing a firm
 void
 Slipped into an order of related
 chance.
 A pure perception was the only
 power
 That stood behind her action and
 her sight.
 If that retired, all objects would be
 extinct,
 Her private universe would cease
 to be,
 The house she had built with
 bricks of thought and sense
 In the beginning after the birth of
 Space.
 This seeing was identical with the
 seen;
 It knew without knowledge all
 that could be known,
 It saw impartially the world go by,

 But in the same supine unmoving
 glance
 Saw too its abysmal unreality.

 It watched the figure of the cosmic
 game,
 But the thought and inner life in
 forms seemed dead,

 Abolished by her own collapse of
 thought:
 A hollow physical shell persisted
 still.

 All seemed a brilliant shadow of
 itself,
 A cosmic film of scenes and
 images:

Бессвязность, проходя
 устойчивую пустоту,
 Соскальзывала в упорядоченность
 связанного случая.
 Лишь чистое простое восприятие —
 единственная сила
 Стояла позади,
 за действием её и взглядом.
 И если бы оно ушло,
 то всё вокруг потухло бы,
 И перестала бы существовать
 её особенная, личная вселенная,
 Тот дом, который строила она
 из блоков мысли или чувств,
 С момента давнего начала,
 после зарождения Пространства.
 Такое виденье
 отождествлялось с видимым;
 Оно без знания знало всё,
 что здесь могло быть познано,
 И беспристрастно наблюдало мир,
 что шёл своим путём,
 Но тем же неподвижным
 и бездейственным взглядом
 Оно смотрело на его
 глубокую, как пропасть,
 нереальность.
 И вглядывалось в образы
 космической игры,
 Но внутренняя жизнь
 и мысли в этих формах
 ей казались мёртвыми,
 И отменёнными
 её коллапсом мысли:
 И то, что продолжало жить,
 ей виделось пустой
 физическою оболочкой.
 Всё представлялось как
 сверкающая тень её самой,
 Космический огромный фильм
 из сцен и образов:

The enduring mass and outline of
the hills
Was a design sketched on a silent
mind
And held to a tremulous false solidity
By constant beats of visionary
sight.
The forest with its emerald
multitudes
Clothed with its show of hues
vague empty Space,
A painting's colours hiding a
surface void
That flickered upon dissolution's
edge;
The blue heavens, an illusion of
the eyes,
Roofed in the mind's illusion of a
world.
The men who walked beneath an
unreal sky
Seemed mobile puppets out of
cardboard cut
And pushed by unseen hands
across the soil
Or moving pictures upon Fancy's
film:
There was no soul within, no
power of life.
The brain's vibrations that appear
like thought,
The nerve's brief answer to each
contact's knock,
The heart's quiverings felt as joy
and grief and love
Were twitchings of the body, their
seeming self,
That body forged from atoms and
from gas
A manufactured lie of Maya's
make,

Устойчивая масса,
очертанья гор
Ей виделись наброском
молчаливого ума,
А ложная трепещущая прочность
Поддерживалась постоянным пульсом
грезящего виденья.
Леса, их изумрудное великолепье
множества деревьев,
Витриною оттенков одевали
незаполненное зыбкое Пространство,
Как краски на картине
закрывают пустоту холста,
Они мерцали
на границе растворения;
И голубые небеса,
иллюзия для глаза,
Служили крышей для
иллюзии ума о мире.
И люди, шедшие под этим
нереальным небом,
Казались лишь подвижными
картонными марионетками,
Которых водят по земле
невидимые руки,
Иль мельтешащими картинками
в кино Воображения:
Внутри же не было
ни силы жизни, ни души.
Вибрации в мозгу,
что проявляются как мысль,
И быстрый отклик нерва
на биения контактов с миром,
И трепетанье сердца,
что воспринимается
как радость, горе и любовь,
Предстали судорогой тела,
кажущимся "я",
А тело, выкованное
из атомов и газа —
Какой-то сфабрикованною ложью,
порождением Майи,

Its life a dream seen by the
sleeping Void.
The animals lone or trooping
through the glades
Fled like a passing vision of
beauty and grace
Imagined by some all-creating
Eye.
Yet something was there behind
the fading scene;
Wherever she turned, at
whatsoever she looked,
It was perceived, yet hid from
mind and sight.
The One only real shut itself from
Space
And stood aloof from the idea of
Time.
Its truth escaped from shape and
line and hue.

All else grew unsubstantial,
self-annulled,
This only everlasting seemed and
true,
Yet nowhere dwelt, it was outside
the hours.

This only could justify the labour
of sight,
But sight could not define for it a
form;

This only could appease the
unsatisfied ear
But hearing listened in vain for a
missing sound;
This answered not the sense,
called not to Mind.

Его жизнь — сном,
что видит дремлющая Пустота.
Животные, бредущие стадами
или одиноко по лугам,
Летели словно мимолётное виденье
красоты и грациозности,
Придуманное неким
созидающим всё Оком.
Но всё же было что-то позади
той расплывающейся сцены;
Куда б она¹ не повернулась,
на что б она ни посмотрела,
Оно воспринималось, только
скрытое от взгляда и ума.
Единый, кто один реален здесь,
отгородился от Пространства,
И встал поодаль
от самой идеи Времени.
Однако, истина его
стремилась избегать
И форм, и линий,
и оттенков цвета.
Всё остальное стало нематериальным,
само отменённым,
И только это виделось
непреходящим, истинным,
Хотя оно нигде конкретно
не существовало,
и было за пределами часов.
И лишь оно способно было
оправдать труд видеть,
Но зрению не удавалось
подобрать ему
какую-либо форму;
Оно могло лишь усладить,
насытить жаждущее ухо,
Но слух напрасно ждал
пропущенного звука;
Оно не отвечало чувству
и не призывало Ум.

¹ Савитри, прим. пер.

It met her as the uncaught
inaudible Voice

That speaks for ever from the
Unknowable.

It met her like an omnipresent
point

Pure of dimensions, unfixed,
invisible,

The single oneness of its
multiplied beat

Accentuating its sole eternity.

It faced her as some vast Nought's
immensity,

An endless No to all that seems to
be,

An endless Yes to things ever
unconceived

And all that is unimagined and
unthought,

An eternal zero or untotaled
Aught,

A spaceless and a placeless
Infinite.

Yet eternity and infinity seemed
but words

Vainly affixed by mind's
incompetence

To its stupendous lone reality.

The world is but a spark-burst
from its light,

All moments flashes from its
Timelessness,

All objects glimmerings of the
Bodiless

That disappear from Mind when
That is seen.

Оно её¹ встречало
как неслышимый,
неуловимый Голос,

Что говорит всё время
из Непознаваемого.

Оно её встречало, словно
существующая всюду точка,

Свободная от измерений,
неприкреплённая, незримая,

И безраздельное единство
множества его пульсаций

Подчёркивало только эту вечность,
наполненную одиночеством.

Оно предстало перед ней
как необъятность

широты Ничто,

Как нескончаемое "Нет" всему,
что кажется нам существующим,

Как нескончаемое "Да"
всегда непостижимому,

Всему что невообразимо
и немыслимо,

Как вечный нуль, как Нечто
неделимое на части,

Как Бесконечность,
что вне места и пространства.

И в то же время —
вечность, бесконечность

ей казались лишь словами,

Напрасно прикреплёнными
невежеством ума

К той одинокой и огромной,
изумительной реальности.

Весь мир — лишь искра света
из его лучей,

И все мгновения сверкают
из его Вневременья,

Все вещи — лишь
мерцанья Бестелесного,

Что исчезают из Ума,
когда мы видим Это.

¹ Савитри, прим. пер.

It held, as if a shield before its
face,
A consciousness that saw without
a seer,
The Truth where knowledge is not
nor knower nor known,

The Love enamoured of its own
delight
In which the Lover is not nor the
Beloved
Bringing their personal passion
into the Vast,
The Force omnipotent in quietude,

The Bliss that none can ever hope
to taste.
It cancelled the convincing cheat
of self;
A truth in nothingness was its
mighty clue.

If all existence could renounce to
be
And Being take refuge in
Non-being's arms
And Non-being could strike out its
ciphered round,
Some lustre of that Reality might
appear.

A formless liberation came on her.
Once sepulchred alive in brain and
flesh
She had risen up from body, mind
and life;
She was no more a Person in a
world,

She had escaped into infinity.

Оно держало,
словно щит перед лицом,
Сознание, что видело
без зрителя,
И Истину, где нет ни знания,
ни познающего,
ни познанного,
Любовь, что очарована
своим восторгом,
В которой нет
ни Любящего, ни Любимого,
Внося в ту Широту
стремление их личностей,
И Силу, всемогущую
в своём спокойствии,
Блаженство, что никто
и не надеялся вкусить.
Оно уничтожало
убедительный обман, уловку "я";
Неведомая истина среди ничто
была его могучей
путевой нитью.
И если б всё существованье
прекратилось,
И Бытие нашло бы для себя
убежище в объятиях Небытия,
И если бы Небытие могло б стереть
свой закодированный круг,
Тогда бы некий проблеск
той Реальности
мог появиться.
Освобождение без формы
опустилось на Савитри.
Ожив в мозгу и плоти
после погребения,
Она из тела, жизни и ума
поднялась вверх;
Она отныне не была
какой-то Личностью,
живущей в мире,
Она прорвалась
в бесконечность.

What once had been herself had
disappeared;
There was no frame of things, no
figure of soul.
A refugee from the domain of
sense,
Evading the necessity of thought,
Delivered from Knowledge and
from Ignorance
And rescued from the true and the
untrue,
She shared the Superconscient's
high retreat
Beyond the self-born Word, the
nude Idea,

The first bare solid ground of
consciousness;

Beings were not there, existence
had no place,

There was no temptation of the
joy to be.
Unutterably effaced, no one and
null,
A vanishing vestige like a violet
trace,
A faint record merely of a self
now past,

She was a point in the
unknowable.
Only some last annulment now
remained,
Annihilation's vague indefinable
step:

A memory of being still was there

Что было прежде ею —
растворилось и исчезло;
Не стало — ни строения вещей,
ни образа души.
Сбежав из области
владений чувств,
И обойдя необходимость мыслить,
Освобождённая от Знания
и от Невежества,
Избавленная и от верного,
и от неверного,
Она вошла в высокое уединённое
жилище Сверхсознания,
Что за границей
самовозникающего Слова
и лишённой всех одежд Идеи,
Первичное, надёжное,
ничем не приукрашенное
основание сознания;
Там не было существ,
для их существования
не было там места,
И никого не искушала
радость бытия.
Невыразимо стёртая,
ни что-то, ни ничто,
Подобно фиолетовому следу,
исчезающей черте,
Едва заметная,
простая запись о себе,
сейчас оставленная в прошлом,
Она¹ была какой-то точкой
в том непознаваемом.
Осталось отменить
последнее неведомое нечто,
И сделать смутный
неопределённый шаг
к исчезновению:
Но всё же оставалась
память бытия

¹ Савитри, прим. пер.

And kept her separate from
 nothingness:
 She was in That but still became
 not That.
 This shadow of herself so close to
 nought
 Could be again self's point d'appui
 to live,
 Return out of the Inconceivable

 And be what some mysterious
 vast might choose.

 Even as the Unknowable decreed,

 She might be nought or
 new-become the All,

 Or if the omnipotent Nihil took a
 shape
 Emerge as someone and redeem
 the world.
 Even, she might learn what the
 mystic cipher held,
 This seeming exit or closed end of
 all

 Could be a blind tenebrous
 passage screened from sight,
 Her state the eclipsing shell of a
 darkened sun

 On its secret way to the Ineffable.

 Even now her splendid being
 might flame back
 Out of the silence and the nullity,

 A gleaming portion of the
 All-Wonderful,
 A power of some all-affirming
 Absolute,

Что сохраняла разделенье
 между ею и ничто:
 Она уже попала в То,
 но Тем ещё не стала.
 И тень её была
 так близко от ничто,
 Что позволяла снова
 быть опорой внутреннего "я",
 Чтоб жить, вернуться
 из того Непостижимого
 И превратиться в то,
 что выберет какая-то
 загадочная широта.
 В зависимости от решения
 Непознаваемого
 Она могла бы стать ничем,
 иль превратиться
 в заново родившееся Всё,
 Иль, если б всемогущее Ничто
 одело форму,
 Она возникла бы как некто
 и спасла бы мир.
 Она могла бы, наконец, понять,
 что прячет тайный шифр,
 И этот кажущийся выход
 или приближавшийся
 конец всего
 Мог оказаться мрачным тупиком,
 скрываемым от взора,
 А состояние её —
 тускнеющей скорлупкой
 гаснущего солнца
 Среди тайного пути
 к Невыразимому.
 И даже в этот миг
 её блистательное существо
 Могло бы вспыхнуть вновь,
 и выйти безмолвия, небытия,
 Сверкая частью
 Все-Чудесного,
 Энергией какого-то
 всё-утверждающего Абсолюта,

A shining mirror of the eternal
Truth

To show to the One-in-all its
manifest face,

To the souls of men their deep
identity.

Or she might wake into God's
quietude

Beyond the cosmic day and
cosmic night

And rest appeased in his white
eternity.

But this was now unreal or remote

Or covered in the mystic
fathomless blank.

In infinite Nothingness was the
ultimate sign

Or else the Real was the
Unknowable.

A lonely Absolute negated all:

It effaced the ignorant world from
its solitude

And drowned the soul in its
everlasting peace.

End of Canto Six

Сияя отраженьем
вечной Истины,

Чтоб показать Единому-во-всём
его проявленный в твореньи лик,

А душам у людей —
глубокое единство.

Но может быть,
она могла проснуться
в тишине Всевышнего

Что за пределами
космического дня,
космической ночи,

И отдыхать, в покое,
в этой чистой вечности.

Сейчас, однако, это было
или нереальным,
или отдалённым,

Или закрытым от неё
в мистической бездонной пустоте.

В той бесконечности Ничто
остался окончательный,
предельный знак,

Иначе бы Реальность
стала бы Непознаваемым.

Всё отрицал
тот одинокий Абсолют:

Из своего уединения стирал
он весь невежественный мир

И душу погружал в свой
вечно-длящийся покой.

Конец шестой песни

Book Seven
THE BOOK OF YOGA

Книга Седьмая
КНИГА ЙОГИ

Canto VII
THE DISCOVERY OF THE
COSMIC SPIRIT AND
THE COSMIC
CONSCIOUSNESS

Песня VII
ОТКРЫТИЕ
КОСМИЧЕСКОГО ДУХА И
КОСМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

In the little hermitage in the
forest's heart,
In the sunlight and the moonlight
and the dark
The daily human life went
plodding on
Even as before with its small
unchanging works
And its spare outward body of
routine
And happy quiet of ascetic peace.

The old beauty smiled of the
terrestrial scene;
She too was her old gracious self
to men.
The Ancient Mother clutched her
child to her breast

Pressing her close in her
environing arms,
As if earth ever the same could for
ever keep

The living spirit and body in her
clasp,

А в скромной хижине отшельника
в глуби лесов,
При свете солнца,
под луной и в темноте,
Обычная земная жизнь
неторопливо двигалась
Как прежде, со своими
маленькими неизменными делами,
Со скромным внешним
заведённым распорядком,
В счастливой тишине
и аскетическом покое.
Земная сцена улыбалась
прежней красотой;
Она¹ по-прежнему была
любезна к людям.
То прижимала
Древняя Божественная Мать
к груди своё дитя
И крепко стискивала,
нежно обнимая,
Как если б вечно
та же самая земля
могла навеки удержать
Живое тело, дух
в своих объятиях,

¹ Савитри, *прим. пер.*

As if death were not there nor end
nor change.

Accustomed only to read outward
signs

None saw aught new in her, none
divined her state;

They saw a person where was
only God's vast,

A still being or a mighty
nothingness.

To all she was the same perfect
Savitri:

A greatness and a sweetness and a
light

Poured out from her upon her little
world.

Life showed to all the same
familiar face,

Her acts followed the old
unaltered round,

She spoke the words that she was
wont to speak

And did the things that she had
always done.

Her eyes looked out on earth's
unchanging face,

Around her soul's muteness all
moved as of old;

A vacant consciousness watched
from within,

Empty of all but bare Reality.

There was no will behind the word
and act,

No thought formed in her brain to
guide the speech:

An impersonal emptiness walked
and spoke in her,

Как если б не случилось
здесь ни смерти,

ни конца, ни перемены.

Привыкнув видеть только внешние,
заметные для глаза знаки,

Никто в ней не увидел нового,
не угадал другого состояния;

Взгляд видел личность там,
где оставалась только

необъятность Бога,

Спокойное существование
или могучее ничто.

Для всех она была всё та же,
совершенная Савитри:

И свет, и сладость,
и величие,

Потоком изливались из неё
на маленький их мир.

Жизнь всем показывала
прежнее, знакомое лицо,

Её дела шли тем же,
заведённым ранее порядком,

Она произносила те слова,
что ожидали от неё,

И делала всё то же,
что всегда.

Её глаза смотрели
на неизменяющийся лик земли,

Вокруг безмолвия её души
всё двигалось, как встарь;

Её сознание, не занятое внешним,
наблюдало изнутри,

Свободное от всех вещей,
и занятое только

обнажённую Реальностью.

Ни воли не было
за словом или действием,

Ни мысли, зреющей в её мозгу,
чтоб править речью:

Безличностная пустота
гуляла, говорила в ней,

Something perhaps unfelt, unseen, unknown	Возможно, что-то неизвестное, незримое, неощутимое
Guarded the body for its future work,	Хранило это тело ради будущей работы,
Or Nature moved in her old stream of force.	Иль может быть, Природа двигалась в ней прежнею рекою силы.
Perhaps she bore made conscious in her breast	Возможно, что она в своей груди носила ставшее сознательным
The miraculous Nihil, origin of our souls	Чудесное Ничто, источник наших душ,
And source and sum of the vast world's events,	Причину и итог событий нашего большого мира,
The womb and grave of thought, a cipher of God,	И лоно, и могилу мысли, и шифр Бога,
A zero circle of being's totality.	Исходный круг всей целостности бытия.
It used her speech and acted in her acts,	Оно звучало через речь её, работало в её делах,
It was beauty in her limbs, life in her breath;	Сквозило красотой тела, наполняло жизнь в её дыхании;
The original Mystery wore her human face.	Первоначальная Мистерия носила лик Савитри.
Thus was she lost within to separate self;	Так для самостоятельного "я" она была потеряна внутри,
Her mortal ego perished in God's night.	А эго смертной растворилось в ночи Бога.
Only a body was left, the ego's shell	Осталось только тело, оболочка эго,
Afloat mid drift and foam of the world-sea,	Плывущее средь пены и течения океана мира,
A sea of dream watched by a motionless sense	По морю грёз, под наблюдением неподвижных чувств
In a figure of unreal reality.	Фигурою несуществующей реальности.
An impersonal foresight could already see,-	И вот уже её предвидящий безличный взгляд мог наблюдать, —
In the unthinking knowledge of the spirit	Без всяких мыслей, только пониманьем духа,

Even now it seemed nigh done,
 inevitable,-
 The individual die, the cosmos
 pass;
 These gone, the transcendental
 grew a myth,

 The Holy Ghost without the
 Father and Son,
 Or, a substratum of what once had
 been,
 Being that never willed to bear a
 world
 Restored to its original loneliness,
 Impassive, sole, silent, intangible.

 Yet all was not extinct in this deep
 loss;
 The being travelled not towards
 nothingness.
 There was some high surpassing
 Secrecy,
 And when she sat alone with
 Satyavan,
 Her moveless mind with his that
 searched and strove,

 In the hush of the profound and
 intimate night
 She turned to the face of a veiled
 voiceless Truth
 Hid in the dumb recesses of the
 heart
 Or waiting beyond the last peak
 climbed by Thought,-
 Unseen itself it sees the struggling
 world
 And prompts our quest, but cares
 not to be found,-

Что ныне виделось почти что
 совершившимся и неизбежным, —
 Что индивидуальность умирает,
 а космос движется вперёд;
 Но это тоже отошло
 и трансцендентность
 превратилась в миф,
 В Святой Дух
 без Отца и Сына,
 Или в субстрат того,
 что было прежде,
 В то бытие, что не желало никогда
 нести, поддерживая, мир,
 И возвращалось к своему
 первоначальному уединению,
 Бесстрастное, безмолвное,
 неуловимое и одинокое.
 Не всё, однако, растворилось
 в том глубоком затухании;
 Существованье двигалось
 не в сторону ничто.
 Была какая-то высокая,
 превосходящая всё это Тайна,
 И в те часы, когда они
 вдвоём сидели с Сатъяваном,
 Когда её бездвижный ум
 был вместе с ищущим,
 И прилагающим усилия
 его умом,
 Средь тишины глубокой,
 сокровенной ночи,
 Она сумела повернуться к лику
 скрытой, молчаливой Истины,
 Упрятанной в немых
 альковах сердца,
 Иль ожидавшей за последним пиком,
 покорённым Мыслью —
 Сама незримая, та Истина глядит
 на наш сражающийся мир,
 И помогает нашим поискам,
 хотя и не заботится,
 чтобы её нашли —

Out of that distant Vast came a
reply.
Something unknown, unreachd,
inscrutable
Sent down the messages of its
bodiless Light,
Cast lightning flashes of a thought
not ours
Crossing the immobile silence of
her mind:
In its might of irresponsible
sovereignty
It seized on speech to give those
flamings shape,
Made beat the heart of wisdom in
a word
And spoke immortal things
through mortal lips.
Or, listening to the sages of the
woods,
In question and in answer broke
from her
High strange revealings
impossible to men,
Something or someone secret and
remote
Took hold of her body for his
mystic use,

Her mouth was seized to channel
ineffable truths,

Knowledge unthinkable found an
utterance.
Astonished by a new
enlightenment,
Invaded by a streak of the
Absolute,
They marvelled at her, for she
seemed to know
What they had only glimpsed at
times afar.

Из этого далёкого Простора
к ней пришёл ответ.
Загадочное, неизвестное,
недостижимое нечто
Вниз отправляло сообщенья
бестелесного сияющего Света,
Бросало вспышки-молнии
чужих для человека мыслей,
Пересекающие неподвижное
молчание её ума:
В своём могуществе
неподотчётной власти
Оно охватывало речь
и ей давало пламенную форму,
И заставляло в слове
биться сердце мудрости,
И говорило о бессмертном
смертными устами.
Бывало, слушая беседы
мудрецов лесов,
В вопросах и ответах
вырывались у неё
Высокие и неожиданные откровенья,
невозможные для человека,
Как будто кто-то или что-то,
тайный и далёкий,
Брал власть над телом у неё,
преследуя свою
мистическую цель,
Овладевал её устами,
чтобы передать
неописуемые истины,
Найти особенное выраженье
для немислимого знания.
И в изумлении
от новых озарений,
Захваченные этими
чертами Абсолюта,
Они дивились на неё,
она, казалось, знала
Что только мельком видели они,
когда-то, вдалеке.

These thoughts were formed not
in her listening brain,
Her vacant heart was like a
stringless harp;
Impassive the body claimed not its
own voice,
But let the luminous greatness
through it pass.
A dual Power at being's occult
poles

Still acted, nameless and invisible:

Her divine emptiness was their
instrument.
Inconscient Nature dealt with the
world it had made,
And using still the body's
instruments
Slipped through the conscious
void she had become;
The superconscient Mystery
through that Void
Missioned its word to touch the
thoughts of men.

As yet this great impersonal
speech was rare.

But now the unmoving wide
spiritual space
In which her mind survived
tranquil and bare,
Admitted a traveller from the
cosmic breadths:
A thought came through draped as
an outer voice.
It called not for the witness of the
mind,
It spoke not to the hushed
receiving heart;

Те мысли появлялись
не в её внимающем мозгу,
Её пустое сердце
было арфой без струн;
И тело, полное спокойствия,
не поднимало голоса,
А позволяло яркому величию
идти через него.
Двойная Сила
на оккультных полюсах
существования
Работала невидимо,
спокойно и невыразимо:
Её¹ божественная пустота
была их средством.
Не сознающая Природа занималась
миром, ею созданным,
И продолжая пользоваться телом
как одним из инструментов,
Скользила по осознающей пустоте,
которую Савитри стала;
Сквозь эту Пустоту
сверхсознающая Мистерия
Несла свои слова,
стремясь коснуться
мысли человека.
До этого такая высшая
безличностная речь
встречалась очень редко.
Но ныне неподвижное широкое
духовное пространство,
В котором выжил ум её,
став обнажённым и спокойным,
Впустило путешественника
из космических просторов:
К ней приходила мысль в обличье
голоса, идущего извне.
Она зывала
не к свидетелю в уме,
И говорила не для тихого
внимающего сердца;

¹ Савитри, *прим. пер.*

It came direct to the pure perception's seat, An only centre now of consciousness, If centre could be where all seemed only space;	Она шла сразу к месту чистого прямого восприятия, Единственному центру, средоточию её сознания сейчас, Конечно, если может центр быть там, где всё становится пространством;
No more shut in by body's walls and gates Her being, a circle without circumference, Already now surpassed all cosmic bounds And more and more spread into infinity. This being was its own unbounded world,	Не запертое больше стенами, вратами тела, Всё существо её, круг без окружности, Уже сейчас превосходило всякие ограничения космоса, И всё сильнее распространялось в бесконечность. Оно всё больше превращалось в свой, неограниченный, огромный мир,
A world without form or feature or circumstance; It had no ground, no wall, no roof of thought, Yet saw itself and looked on all around In a silence motionless and illimitable. There was no person there, no centred mind, No seat of feeling on which beat events Or objects wrought and shaped reaction's stress.	Мир, не имеющий ни формы, ни подробностей, ни свойств; В нём не было ни почвы, ни стены, ни кровли, образованной из мысли, Но он при этом наблюдал себя, и видел всё вокруг В безмолвной неподвижности и беспредельности. И не осталось там ни личности, ни главного, центрального ума. Ни мест для чувств, в которые стучат события, Или объектов, оформляющих и приводящих в действие давление реакции.
There was no motion in this inner world, All was a still and even infinity. In her the Unseen, the Unknown waited his hour.	Во внутреннем том мире не было движения вообще, Всё оставалось тихой, равной бесконечностью. И там, внутри неё, ждал часа своего Неведомый, Незримый.

But now she sat by sleeping
Satyavan,
Awake within, and the enormous
Night
Surrounded her with the
Unknowable's vast.
A voice began to speak from her
own heart
That was not hers, yet mastered
thought and sense.

As it spoke all changed within her
and without;
All was, all lived; she felt all
being one;

The world of unreality ceased to be:
There was no more a universe
built by mind,
Convicted as a structure or a sign;

A spirit, a being saw created
things
And cast itself into unnumbered
forms
And was what it saw and made;
all now became

An evidence of one stupendous
truth,
A Truth in which negation had no
place,
A being and a living
consciousness,
A stark and absolute Reality.

There the unreal could not find a
place,
The sense of unreality was slain:

There all was conscious, made of
the Infinite,

Сейчас она сидела рядом
со спокойно спящим Сатъяваном,
Став пробуждённой внутри,
и грандиозность Ночи
Её объяла широтой
Непознаваемого.
Из сердца начал говорить
в ней голос,
Который не был голосом её,
но пользовался мыслями её
и чувством.

Пока он говорил, всё изменялось
и снаружи, и внутри;
Всё было, всё жило;
всё бытие она воспринимала
как единое;

Мир нереальности исчез,
И больше не было вселенной,
что построена умом,
Изобличённой как
структура или символ;

Дух, бытие,
смотрело на творение,
Себя бросая в множество
неисчислимых форм,
И становилось тем,
что видело и создавало;
сейчас всё превратилось

В свидетельство одной
огромной истины,
Той Истины, в которой
отрицанию нет места,
Высокой Истины существования,
и живущего сознания,
И абсолютной,
не прикрашенной Реальности.

Здесь не нашлось бы
место нереальному,
И даже чувство нереальности
та Истина убила:

Всё стало сознающим,
созданным из Бесконечности,

All had a substance of Eternity.	Всё обладало некою субстанцией, материалом Вечности.
Yet this was the same Indecipherable;	И всё же оставалось прежним Нераспознаваемым;
It seemed to cast from it universe like a dream	Оно, казалось, сбросило с себя вселенную, как сон,
Vanishing for ever into an original Void.	Навеки исчезающий в первоначальной Пустоте.
But this was no more some vague ubiquitous point	Но ныне это больше не было неясной вездесущей точкой,
Or a cipher of vastness in unreal Nought.	Или каким-то шифром широты среди нереальности Ничто.
It was the same but now no more seemed far	Оно осталось прежним, но уже не виделось далёким
To the living clasp of her recovered soul.	Живым объятьям обретённой заново души.
It was her self, it was the self of all,	Оно, одновременно, было "я" Савитри, и глубоким "я" всего,
It was the reality of existing things,	Реальностью всего, что существует,
It was the consciousness of all that lived	Сознанием всего, что продолжает жить, и ощущать, и видеть;
And felt and saw; it was Timelessness and Time,	Оно, одновременно, было и Вневременным и Временем,
It was the Bliss of formlessness and form.	Блаженством формы и бесформенного.
It was all Love and the one Beloved's arms,	Оно, одновременно, было всей Любовью
	И радостным объятьем одного Любимого,
It was sight and thought in one all-seeing Mind,	И виденьем, и мыслями в одном всё-видящем Уме,
It was joy of Being on the peaks of God.	И радостью Существования на вершинах Бога.
She passed beyond Time into eternity,	Она ¹ прошла за рамки Времени, она попала в вечность,
Slipped out of space and became the Infinite;	И выскользнула из пространства, стала Бесконечностью;

¹ Савитри, прим. пер.

Her being rose into unreachable
heights
And found no end of its journey in
the Self.

It plunged into the unfathomable
deeps
And found no end to the silent
mystery
That held all world within one
lonely breast,
Yet harboured all creation's
multitudes.
She was all vastness and one
measureless point,
She was a height beyond heights,
a depth beyond depths,
She lived in the everlasting and
was all

That harbours death and bears the
wheeling hours.
All contraries were true in one
huge spirit

Surpassing measure, change and
circumstance.
An individual, one with cosmic
self
In the heart of the Transcendent's
miracle
And the secret of World-personality
Was the creator and the lord of all.

Mind was a single innumerable
look
Upon himself and all that he
became.
Life was his drama and the Vast a
stage,

Так существо её поднялось
до недостижимых высот,
И не нашло конца
в том путешествии
по Высшему Божественному "Я".

Оно нырнуло
в необъятные глубины,
И не нашло конца
безмолвной тайны,
Которая весь мир несла
в одной своей груди,
И всё же находила место
для многообразия всего творения.
Она была всей широтою,
и одной неизмеримой точкой,
И высотой за пределами высот,
и глубиною за пределами глубин,
Она теперь жила
в непреходящем, вечном,
и была всем тем,

Что затаило смерть,
и что несёт кружение часов.
И все противоречья
становились истиной,
входя в один огромный дух,
Превосходящий мерки,
изменения и обстоятельства.
Огромный индивидуум,
единый со вселенским "я",
В глубокой сердцевине
чуда Трансцендентного
И тайны Мира-личности,
Был и творцом всего
и господином.
Ум стал одним из
множества несметных взглядов
И на себя, и на всё то,
чем он становится.
Вся Жизнь была
его большою драмой,
а Бескрайность — сценой,

The universe was his body, God
its soul.
All was one single immense
reality,
All its innumerable phenomenon.

Вселенная — его гигантским телом,
Бог — его душой.
Всё стало необъятной
и единственной реальностью,
И всё — его бесчисленными
проявлениями.

Her spirit saw the world as
living God;
It saw the One and knew that all
was He.
She knew him as the Absolute's
self-space,
One with her self and ground of
all things here
In which the world wanders
seeking for the Truth
Guarded behind its face of
ignorance:
She followed him through the
march of endless Time.
All Nature's happenings were
events in her,

The heart-beats of the cosmos
were her own,
All beings thought and felt and
moved in her;
She inhabited the vastness of the
world,
Its distances were her nature's
boundaries,
Its closenesses her own life's
intimacies.
Her mind became familiar with its
mind,
Its body was her body's larger
frame
In which she lived and knew
herself in it

Так дух её смотрел на мир
и видел в нём живого Бога;
Он созерцал Единого
и знал, что всё есть Он.
Она его узнала
как дух-пространство Абсолюта,
Единое и с ней самою,
и с основанием всего,
Здесь, на Земле, где
мир блуждает, ищет Истину,
Скрываемую позади
его лица невежества:
Она пошла за ним,
за маршем нескончаемого Времени.
Отныне всё происходящее в Природе
случалось, как событие
внутри неё,
Сердцебиенья космоса
стучали пульсом у неё,
Все существа и думали, и двигались,
и чувствовали в ней;
Она жила в огромной широте
пространства мира,
И расстоянья мира стали
рубежами и границами её природы,
А близость в мире —
тесной связью в жизни у неё.
Ум у неё стал близким другом
для всемирного ума,
А тело мира стало
широким телом у неё,
Там, где она жила,
и видела себя внутри него

One, multitudinous in its
multitudes.

She was a single being, yet all
things;

The world was her spirit's wide
circumference,
The thoughts of others were her
intimates,
Their feelings close to her
universal heart,
Their bodies her many bodies kin
to her;

She was no more herself but all
the world.

Out of the infinitudes all came to
her,

Into the infinitudes sentient she
spread,

Infinity was her own natural
home.

Nowhere she dwelt, her spirit was
everywhere,

The distant constellations wheeled
round her;

Earth saw her born, all worlds
were her colonies,

The greater worlds of life and
mind were hers;

All Nature reproduced her in its
lines,

Its movements were large copies
of her own.

She was the single self of all these
selves,

She was in them and they were all
in her.

Единой и одновременно
многочисленной
в его многообразии.

Она была отдельным существом,
и в то же время —
всем на свете;

Мир стал её
широкой сферой духа,
И мысли у других —
её доверенными мыслями,

Их чувства — близкими
её космическому сердцу,

А их тела —
её неисчислимыми телами,
родными для неё;

Она уж не была сама собой,
она была всем миром.

Всё приходило к ней
из бесконечностей,

Она распространялась
в ощущающие бесконечности,

И Бесконечность стала для неё
родимым домом.

Она нигде конкретно не жила,
но дух её жил повсеместно,

Вокруг неё вращались
дальние созвездия;

Земля смотрела на её рождение,
и все миры её колониями были,

Великие миры ума и жизни
ей принадлежали;

Вся необъятная Природа повторяла
в линиях своих её черты,

Движения Природы были
увеличенными копиями
для её движений.

Она была единым "я"
для всех других
неисчислимых "я",

Она существовала в них,
а все они существовали в ней.

This first was an immense identity	Впервые это стало
	безмерностью отождествления
In which her own identity was	В котором потерялось
lost:	тожество её с собой:
What seemed herself was an	Что ранее казалось ею,
image of the Whole.	превратилось в образ Целого.
She was a subconscious life of tree	Она была и подсознательною жизнью
and flower,	дерева, цветка,
The outbreak of the honied buds	И появлением весенних,
of spring;	полных мёда,
	расцветающих бутонов;
She burned in the passion and	Она пылала в страсти
splendour of the rose,	и великолепии розы,
She was the red heart of the	И стала алым сердцем
passion-flower,	страстоцвета,
The dream-white of the lotus in its	И белой грёзой
pool.	лотоса в его пруду.
Out of subconscious life she	Из жизни в подсознании
climbed to mind,	она взбиралась до ума,
She was thought and the passion	Она была идеей, мыслью,
of the world's heart,	страстью сердца мира,
She was the godhead hid in the	И божеством, сокрытым
heart of man,	в сердце человека,
She was the climbing of his soul	И восхождением души его
to God.	до Бога.
The cosmos flowered in her, she	Весь космос цвёл внутри неё,
was its bed.	она ему служила ложем.
She was Time and the dreams of	Она была и Временем,
God in Time;	и грёзами о Боге,
	что во Времени;
She was Space and the wideness	Она была Пространством
of his days.	и простором дней его.
From this she rose where Time	Из этого она взошла туда,
and Space were not;	где Времени, Пространства
	больше не было,
The superconscious was her native	И сверхсознательное стало для неё
air,	родною атмосферой,
Infinity was her movement's	А Бесконечность —
natural space;	естественным пространством
	для её движений.
Eternity looked out from her on	Смотрела Вечность из неё
Time.	и наблюдала Время.

End of Canto Seven
End of Book Seven

Конец седьмой песни
Конец седьмой книги

